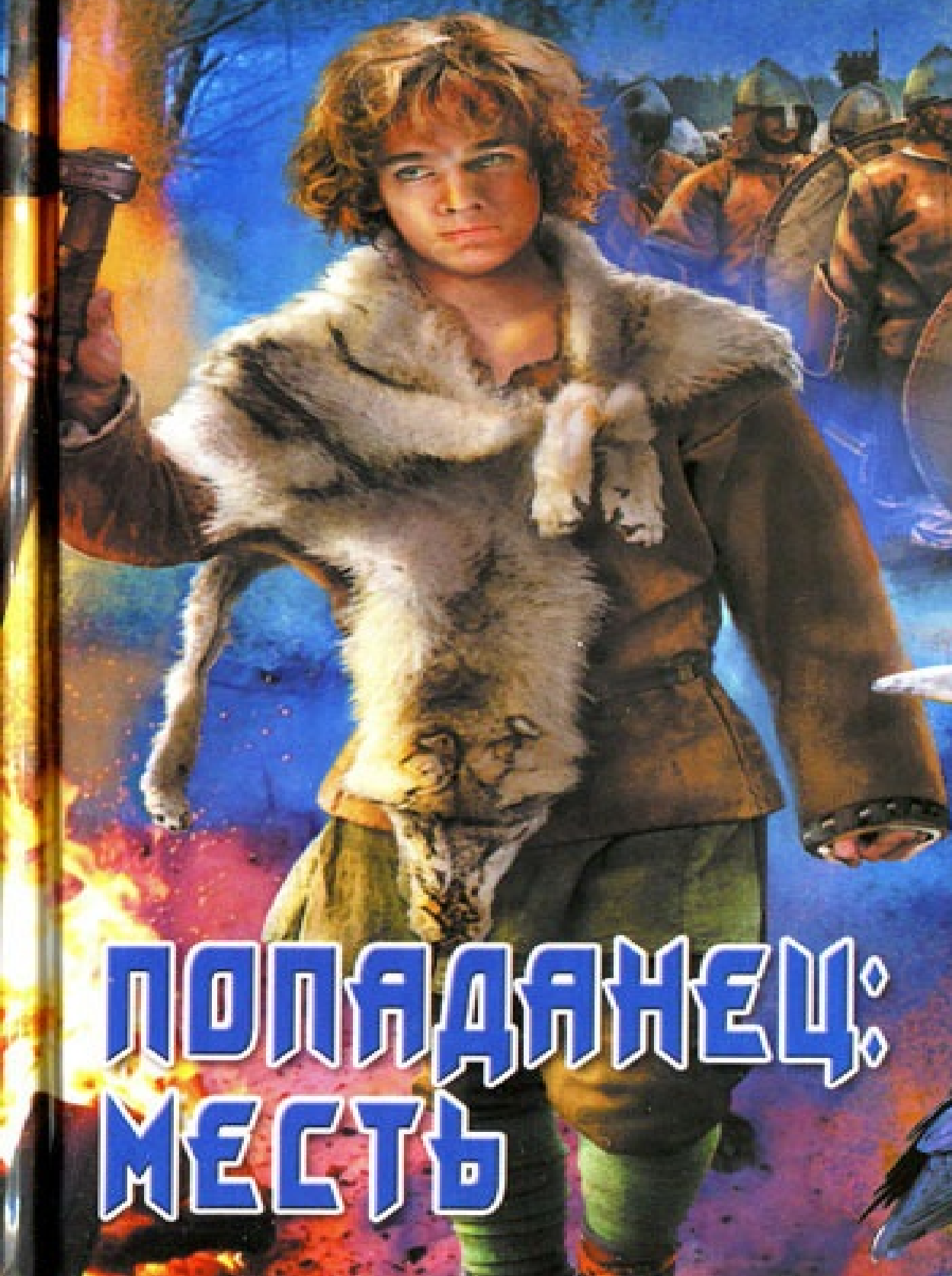

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИК

ПОПЯДАНЕЦ:
МЕСТЬ

Annotation

Он стал немного старше, жизнь научила его с опаской смотреть вперед, и новые трудности, что встают на его пути, не станут преградой. С ним верный его легион, с ним проверенная сталь, и лишь в сердце щемящая пустота от потери близких, что стали пешками в чужой и вероломной игре. Месть — это блюдо, которое подают холодным.

- [Сергей Мельник](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Часть 2](#)
-

Сергей Мельник
МЕСТЬ

Часть 1

ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Первый мороз придавил неделю назад, заставляя людей кутаться в полушубки и срочно утеплять свой гардероб. Кончилось тепло лета, кончилась мокрая разноцветная осень, но еще нет режущей глаз зимней бели, пока пришел лишь мороз. Тихий, вроде бы «некудышний», без ветра и влажности, совершенно не страшный, но меж тем предвестник и властный господин воевода Мороз, в полном своем облачении из скованной могучим градусом земли и колющей резью на щеках.

Все застыло, все остановилось и замерло в ожидании полной капитуляции перед подходом тяжелых снегов и лютых ветров. Пока ждем, пока тишина. Еще хорошо.

Вообще в это время года хорошо не только в окошко смотреть, попивая терпкую горечь чая и кутаясь в плед, дирижировать чайной ложечкой под «Времена года» господина нашего товарища Вивальди. Не только. Хотя и это занятие весьма поднимает жизненный тонус, особенно с малиновым вареньем. Но плед, варенье и чай были утром, а сейчас холодный воздух, красные щеки и пар изо рта клубами причудливо изгибается, растворяясь без следа в серости дневного предзимнего светила.

Топаю себе потихонечку не спеша, выбросив из головы все заботы и неурядицы, глупость чувств и жар страстей. К чертовой матери все это пусть идет, да гори оно все синим пламенем. Что так? Да вот так как-то, вот так...

Нервишки сдают в последнее время. Дерганный весь какой-то стал, сам себя не узнаю. Вот живи да радуйся, молод, богат, весь мир перед тобой, весь как на ладони, вот оглянись, вот оно все, возьми и радуйся. Эх...

Что же делать, раз поступила команда радоваться, значит, будем исполнять. Сегодня сам ушел из замка, чтобы насладиться тишиной и покоем. Увяз я в последнее время в делах, совсем закопался, то с вампирами по лесам лазаю, то к оборотням в гости хожу, то войной на кого нападу, а то вообще как женюсь, так мало никому не покажется.

А что поделаешь, барон я. Ульрих фон Рингмар, моя милость и мое высочество. Сам начальник и сам дурак, если что — винить больше некого, ну да я и не привык подолгу ковыряться в неприятностях, нечего кукситься, когда знаешь, что делать. Вот вы знаете? Я да, всегда иду на рыбалку, если

нужно привести себя в порядок и основательно подумать, решив одну за другой головоломки, sudoku, ребусы и сканворды, которые поставляет нам эта жизнь.

Замерло практически все, торговля по итогу года, сборка урожая, строительство. Все приостановилось, лишь частично продолжали дорабатывать привезенный по теплу материал, заводи и фабрики, ну да думаю, и они с приходом метелей встанут, разогнав всех по домам да по печкам. Хороший был год, жаль, я его практически полностью пропустил, участвуя в местном военном конфликте, который, собственно, сам и инициировал практически от и до. В ходе этого конец лета, помимо золота колосьев, добавил мне золотую россыпь трофеев, а также радости полные штаны от приобретенной так неожиданно жены.

Девочка вообще-то ладная и дельная, правда, строптивая и своевольная до безобразия. Ну да не мне на что-то другое рассчитывать. Уже на следующий день после свадьбы съехала в отдельные апартаменты, приблизив к себе лишь леди Нимноу, свою старую управляющую делами земель Когдейра.

Ну а мне головной боли добавилось с ее приданым, а именно со вторым баронством, со всеми его людьми, землями, городами, деревушками, коровами и козами. Да, теперь я формально должен именоваться как Ульрих фон Рингмар-Когдейр, так как вместе с невестой под мое крылышко отошли все ее владения. С одной стороны, вроде бы хорошо, а с другой — так лучше бы я вначале лета в лесу заблудился, только сейчас вернувшись, домой. Благодаря королю, мне теперь следить за двумя баронствами, до тех пор, пока моя жена не родит второго ребенка, который и станет новым главой дома Когдейров.

Пройдя убранный пахоту замерзшего поля, вышел напрямик через подлесок к реке, с замиранием сердца обзревая скованную ничем не замутненной чистой линзой льда водную гладь. Первый лед он всегда такой, всегда идеально ровный, просто с ювелирной точностью ложится на воду. Кристально чистый, с подхода даже не определимый, словно и нет его, словно не лед это, а стеклом речку накрыли. Это потом уже разность температур, подводные течения, тупо человеческий фактор и снежные заносы изуродуют его белесыми затягивающимися шрамами, ну а пока все идеально, все так, словно нет никого в округе, не было и не будет, словно застыло время, на лету схватив поток воды властной рукой. Вот так встанешь на берегу, закроешь глаза и слышишь, как зима заставляет звенеть морозный, чистый и такой сладкий, такой девственно-вкусный воздух. Хух, хорошо! Не спешу, неделя неделей, а такой лед опасен свой

красотой и обманчивостью. Схожу с берега, становясь на краю этой глади, скидывая с плеч нехитрый свой скарб и инвентарь. Тут спешить не нужно, можно очень сильно поплатиться. В берег забиваю колышек, на него «удавочкой» петельку, бухточку плетеной веревки сложить аккуратненько, чтобы не путалась, а вторым концом вокруг пояса обматываюсь. Дальше проще, моя «пешня», с пикой под долото, в деревянной ручке имеет размах два с копеечкой метра. Используя его, словно канатоходец свой шест, небольшими шажками выхожу к середине реки, примерно представляя, где здесь стремнина и небольшая ямка по дну.

Пискнул «зуммером» Мак, выдавая в обнаружении знакомую фигуру Тины, моей бывшей телохранительницы вампирессы, а теперь даже не знаю кого. Странная она. Впрочем, как и все женщины. Напугала меня до седых волос, прильнув ночью к окну практически в полной боевой трансформации, да не просто ночью, а первой моей брачной ночью. Благо я скучал в тот момент, а если бы суть да дело? Вот что надо было? Чего хотела? Что это за выкрутасы на уровне школьных записочек?

Думаете, она ответила? Да я с тех пор ее только вот так на зуммере со «следилки» Мака и наблюдаю. Хочу подойти — она уходит, хочу добежать — она убегает, я даже на коне за ней гонялся, не догнал. Правильно мне еще мой отец когда-то тысячу лет назад сказал: «сынок, никогда не бегай за уходящей женщиной и за уезжающим трамваем, ни то ни другое не догонишь, а вот если подождешь, обязательно и трамвай и следующая женщина подойдет». Ну, трамвай еще ни разу меня не обманул, а вот с женщинами дело темное, то ли им присказку не донесли, то ли меня в списках потеряли, в общем, жду, жду, но все что-то никак и мимо кассы.

Я даже к их вампирскому «папеньке» ходил, говорю: «Так, мол, и так, подчиненная твоя чудит, скажи ей, пусть на связь выйдет», а он мне говорит: «Не хочет она разговаривать», я ему: «Что значит не хочет? Ты страшный и ужасный, папа», а он мне: «Твои бабы, ты и разбирайся, и вообще уйди, не мешай, я тут выздороветь пытаюсь, после того как благодаря тебе мне руки-ноги поотрубали».

Ну, где-то он может быть и прав, ну насчет рук и ног точно, а по поводу остального сомнительно. Я вампирам серенады не пел и букеты роз не носил, и скажу больше, петь я теперь категорически отказываюсь, уж очень это чревато последствиями.

Лед опасно закрипел под ногами, выдав резкий росчерк ветвистых паутин трещинок. Упс. Боязно что-то, остановившись, я решил постоять, чтобы сердце успокоилось. Адреналин просто зашкаливал в крови.

Помню, как-то в детстве, на зимних каникулах был в деревне, где с

каким-то братом по какой-то линии решили выйти на лед, правда уже по весне. Хорошо тогда было, солнышко уже припекало, мы забурились удачно, сидим, размахивая руками при вываживании рыбы, как аисты крыльями, и вдруг так же. Звук такой глубинный, протяжный, «ту-у-у-у-мс-с», трещинки побежали по льду, и словно земля под ногами зашевелилась. Это где-то выше с дамбы сброс воды сделали, от чего лед подорвало, испугались, конечно, здорово, даже рундуки не стали собирать, от жадности только крупную рыбу за пазуху посовали и бежать, а за нами змеи-трещины, прямо на глазах лед колется, выпуская наружу водную стихию. Где-то, по воспоминаниям, метров под триста неслись как угорелые, добегаем уже до кромки, а льда нет. Все, сорвало нас, несет течением, где-то метров пять, может, семь до берега чистой воды. Мы как были, так и встали рты раскрыв, вот так не повезло, так не повезло. И вдруг прямо как черт из табакерки дед какой-то древний к нам по льду на велосипеде подъезжает. Как? Откуда? Кто он вообще такой? Мы понятия не имели, видимо, где-то выше нас сидел, рыбачил. «Ну чаво, сынки, спужались?» Ну, мы, естественно, как китайские болванчики дружно головами закивали. «Не трусь, сынки!» Он со своим велосипедом выглядел, как бравый офицер на танке. «Счас научит вас дед, как надо!» Мы с отвалившимися челюстями стояли и смотрели, как дед отъехал метров десять, а потом лихо, крутя педали и набирая обороты, с диким криком устремился, выпучив глаза, к берегу. Секунда, другая, а потом такой мощнейший «Бултых!» Дед ушел под воду. Вот, не поверите, столько лет прошло, а я до сих пор вспоминаю и у меня слов нет. Я тупо не знаю, зачем он это учудил. Ну вот, не знаю и все. Стоим с братаном и смотрим, как круги на воде расходятся, а вокруг тишина. Говорить просто нечего было. Я на него смотрю, он на меня, а потом оба на воду, потом, наоборот, он на меня, я на него — и опять оба на воду. Тишина — и тут у берега всплывает это чудо. «Ох ты же мать-перемать! Ну, ты же ек магарек! Парни, вы тут?» Ну, естественно, мы лишь кивнули, на большее тупо не решаясь. «Вы мне ласопед достать не поможете? А то что-то утоп, поганец, не сдюжил я при заходе, из рук ушел». Льды идут, день клонится, а мы подняться не можем, гогочем как кони, не в силах разогнуться, ну и случай, ну и смеху было. Правда, все же потом пришлось так же прыгать, а потом под десять километров до деревни перебежками скакать, чтобы не замерзнуть, уж очень нас далеко унесло из-за этого каскадера.

От воспоминаний сердце успокоилось, а по лицу расплзлась улыбка. Вот так-то лучше! Не трусь, сынки! Еще немного постояв, решил «дуркануть» и на свой страх и риск еще пройти немного вперед, а вдруг это

просто точка такая слабая, а дальше ледок покрепче будет?

— Ты что творишь?! — Из камыша выскочила всклокоченная вампиресса, да им сейчас раздолье, тучи полностью закрывают небосвод. — Жить надоело? А ну быстро поворачивай к берегу!

— Уйди, старуха, я в печали! — Ну а что я ей еще скажу? То убегает, то в мамочку начинает играть.

— Ульрих, не дури! — Она подошла к кромке, пробуя ногой на прочность лед, да уж ей тоже стоит опасаться, вопреки всем досужим вымыслам, вампиры вполне себе живые тварюшки.

— Убегать, прятаться и отказываться со мной разговаривать будешь? — Смекнул я, что это неплохой вариант для шантажа.

— Ну-ка прекрати, несносный мальчишка! — Она притопнула ножкой. — Быстро иди назад!

— Это я тут главный! — Гадливо хихикая, сделал еще пару шажков в глубь. — Покорись мне, женщина!

— Я тебе сердце зубами вырву, если ты сейчас же назад не повернешь! — Ух, злюка какая, не то чтобы я боялся, но не ссориться же по мелочам с другом, особенно если друг... э-э... вампир.

Что-либо сказать в ответ я не успел, так как лед под ногами ушел, а следом за ним и я по пояс в открывшийся водный зев. Ух! Вот тут-то и сработала пешня, не давая мне с головой уйти под воду, стопоря меня на уровне груди. Шок от мгновенно нахлынувшей ледяной воды на мгновение даже сковал дыхание.

— Стой! — С трудом выкрикнул я, видя, что Тина с места рванула в мою сторону. — Оба уйдем под воду, стой там! За веревку тащи!

Она сориентировалась не сразу, но, похоже, суть уловила, так как остановилась, на полпути осматриваясь и хватаясь руками за тянущийся за мной канат, но, увы, зашла слишком далеко, лед под ней так же вскрыл провал, вздыбив льды. Ей повезло, при падении она машинально расставила руки, не давая тем самым телу окунуться с головой.

— Не бейся, хуже будет! Я сейчас! — Негнущимися пальцами стал изо всех сил вытягивать себя из полыньи, не спеша вставать, на животе по канату преодолевая метры. Вставать нельзя, лед опять проломится, сейчас он держится за счет площади распределенного горизонтально веса тела, стоит только опять сконцентрировать вес на малой точке ступней, как ты опять уйдешь под воду. Похоже, Тине было проще бороться с холодом, так как она, не дожидаясь меня, совершенно спокойно трансформировала кисти рук в страшные когтистые лапы, которыми и стала себя вытягивать из полыньи, банально вгоняя свои когти в лед.

— Прибью! — шипела она, сверкая глазами и рывками на животе направляясь в мою сторону.

Ее когти сомкнулись у меня на загривке, пробивая одежду и царапая кожу под ней, дергаться смысла не было, так как пальцев на руках я уже почти не чувствовал от холода, а потому не мог сам подтягивать себя по веревке к берегу. Благо лед выдержал, уже на берегу, тяжело дыша, с трудом поднялся на ноги, пошатываясь. Вампиресса подхватила меня на руки.

— Отставить командира уносить с поля боя! — Все еще «хекая», попытался взбрыкнуть я.

— Тебе нужно в замок, заболеешь. — Она прижимала меня, словно котенка, к груди.

— Рядовой Тина! — приглушенно, из груди начал я свой монолог. — Установить меня вертикально! Натаскать дров, отставить меня нести в замок.

— Сердце выгрызу! — попыталась она опять начать свою песню.

— Ну ладно, ладно, не горячись. Там у берега рюкзак я оставил, в нем сухая одежда и провиант с горячительным, нужно растереться и надеть сухое. Потом уже про дела сердечные поговорим. — С трудом удалось разжать ее объятия, вновь касаясь земли ногами. — Дров насобирай, костер запалить, погреться.

Дальше суетились в тишине, лишь с интересом поглядывая друг на друга. Она достаточно быстро натаскала довольно-таки внушительный запас дров, пока я в суете обустраивал небольшую полянку, доставая из рюкзака вещи, покрывало и нехитрую еду. Страшного, по моему мнению, ничего не произойдет, главное вовремя переодеться, в таком случае подобный ледяной душ лишь на пользу пойдет организму. Этакая встрясочка для нервных окончаний, чтоб лучше и красочней дальше в жизни все краски мира передавали. Если сравнивать с чем-то, то это словно с экрана монитора пыль вытереть и удивиться, как же он, оказывается, на самом деле красиво показывает! Без ложной скромности и политесов бегали, обустраивая лагерь, голышом, сбросив мокрое, лишь только когда я разжег костер, стали делить все, что есть сухого. Мне-то, само собой, комплект белья нашелся, а вот Тине досталось лишь два покрывала, одно шерстяное и одно тряпичное, его я обычно вместо скатерти использую.

Молча она взяла фляжку со спиртом, растирая меня от ушей до пяток, заставляя кожу гореть огнем. Нужно дело, я бы и ее на всякий случай растер, но постеснялся под ее ехидным взглядом касаться голых плеч и чего там у нее еще есть. Она и сама прекрасно справилась, всячески вгоняя

меня в краску. Вампиры, а ничто человеческое им не чуждо. Сами ведь в прошлом люди, трансмутация, вызванная вирусом, хорошо поработала над их организмом, впрочем, насколько я понял, и до сих пор работает, так как процесс изменения идет у них не то что годами, а десятилетиями. Они, конечно, похолодней нас смертных будут, но не ящерицы какие хладнокровные, так, без градусника, думаю, навскидку, нормой, вместо тридцать шесть и шесть, будет градусов под тридцать с копеечкой.

— И что это было? — Она, придерживая покрывало, устанавливала у костра рогатки под котелок.

— Вода и лед, детка, вода и лед. — Клинт Иствуд бы позавидовал моей поднятой брови. Эх, какой типаж, какая фраза пропала под лучами ее злых, налитых кровью, трансформировавшихся глаз. — Спокойно! Это случайность, шел на рыбалку! Лед тонкий, не ожидал!

Быстро она что-то распаляется, раньше мне больше нравилось, когда молчаливо стояла в тени. Нет, она, конечно, девочка ладная, стройная и красивая, но как бы это сказать помягче? Монстр, мать ее за ногу!

— А у тебя что было? — Я подошел к ней, аккуратно сгружая в котелок с парящей водой пару пучков травяного сборного чая. — Не хочешь рассказать?

— Вот скажи по совести, вы все, мужики, такие идиоты, или просто прикидываетесь? — Тяжело вздохнула она, подхватывая соскальзывающее с плеч покрывало.

— Э-э, ну, это я бы... кхм... что? — Вот так вот я мастерски выкрутился из скользкой ситуации.

— Влюбилась, как девчонка. — Она сидела у костра, обхватив колени и накрывшись с головой покрывалом. Голос тихий, куколка, чудо просто, а не вампиренок.

— В куда? — Да-а. Это я мастерски решил, хлопая глазами, поддержать ее. Я вообще славлюсь своим красноречием.

— В туда! — передразнила она, невольно рассмеявшись. — В тебя, конечно, в тебя, дурня!

— Ага. — Кивнул я, присаживаясь рядышком и так же направляя взгляд в костер. — Понятненько. А в окно чего заглядывала?

— Убить тебя хотела с этой твоей баронессой. — Она подбросила веточек в костер.

— Ну-у-у... — задумчиво протянул я. — Это ты, конечно, погорячилась.

— Да видела я твою первую брачную ночь. — Рассмеялась она. — Видок у тебя был тот еще!

— На себя бы посмотрела! — поддержал я ее смехом.

— Я страшная? — Вот блин, ведь же знал про эту их любимую женскую уловку! Сейчас начнутся обиды.

— Да нет, что ты! Вампиры, они обычно белые такие и пушистые. — Ну не знаю я, как в таких случаях по-другому выкручиваться. — Конечно, жутко, когда среди ночи такая «кракозябра» к тебе в окно заглядывает!

— Сам дурак. — Ее кулачок солидненько так тюкнул меня в плечо, заставив пошатнуться. — Ну и что ты теперь мне скажешь? Прогонишь? Или предложишь полюбовницей своей стать?

— Не говори ерунды. — Я зачерпнул кружкой ароматный чай. — Тебе, девочка, сколько годков стукнуло?

Девочка недобро сощурила глаза, стиснув кулаки, отчего я поспешил продолжить:

— Уж всяко, не десять, не пятнадцать и уже наверняка не двадцать лет. — Пил маленькими глоточками, чтобы не обжечься. — А вот мне, сударыня, десять лет от роду. Даже если у нас взаимность, как ты себе это представляешь, все наши отношения?

— Вот только не надо мне этой ерунды. — Она взмахнула рукой. — Все и так видят, что ты не просто ребенок, а «се'ньер». Я сразу все поняла, увидев, как с тобой эльфы на короткой ноге общаются.

«Се'ньер»? Как-то не хотелось выдавать свое невежество незнанием подобного слова, потому срочно запустил поисковик Мака по скачанной библиотеке защитника. С ужасом бегло пролистывая первые страницы информации. Мать божья, да это просто жуть!

Оказывается, мой случай не уникален, я не единственный переселенец в чужое тело. Подобные прецеденты не единичны в истории. Не раз и не два технологически эльфы проводили подобное переселение душ, помещая уже сформировавшуюся личность человека в пустой сосуд чьего-то тела. Тысячу нюансов и заковырок, но одно остается фактом. Я идиот. Даже не удосужился за эти без малого два года прозондировать почву на эту тему!

— Что замолчал? — Из-под покрывала Тина с любопытством разглядывала меня. — Думал, для окружающих это большой секрет?

— Ты вот что, поменьше тут языком то болтай! — Я опасливо огляделся по сторонам, не забывая сверяться со сканером Мака. — И вообще глупости все это, неправда и досужие вымыслы.

— Ага. — Расплылась она в улыбке. — Вымыслы. Ну да, ну да, девятилетний пацан возвращается из мясорубки войны, меняя радикально свой характер, берясь за ум, проводя экономические реформы, собирая армию, а попутно выгрызая шаг за шагом ступень за ступенью горизонты

власти. Обычно именно так девятилетние мальчики и живут.

М-да. Конспиратор из меня еще тот, оказывается. Насупившись, попытался сделать вид, что я не я и морда не моя.

— Так, прекращаем вот это вот... — Я помахал в воздухе рукой. — Несешь ерунду всякую!

— Ага. — Она откровенно потешалась надо мной. — Так, может, на поверку ты еще древней меня будешь?

— Ладно, ладно прекращай! — Похоже, я покраснел. — Мы вообще-то о возвышенном говорим, о любви, вот!

— Ах, ну да! — Всплеснула она руками. — И как я бестолковая могла забыть?!

— Да что ты за язва-то такая? — Я встал, делая вид, что что-то ищу в мешке, на самом деле пытаюсь просто собраться с мыслями. Интересно, это она одна сложила двоечки, получив четверочку в сумме, или все вокруг ходят да помалкивают? По идее, круглых дураков в моем окружении нет, а вот сэр Дако даже в курсе моих заигрываний с защитником с эльфийской стороны. Наверняка он тоже об этом думал, только вот почему на разговор не пошел? Ну да бог с ним, все равно правды не открою, они думают, что в барона вселилась чья-то душа, но это не так, не в барона, все гораздо сложнее.

— Ну, так что, берешь в любовницы, господин барон, бедную девушку? — Ох, и тоски напустила в голос, хоть прямо сейчас садись рядом и плачь.

— Не спеши, вы, молодежь, что-то попривыкали, ни здравствуйте, ни до свидания, как кролики, встретились и сразу в постель. — Я стал неспешно развешивать возле костра промокшие вещи.

— М-да. — Покачала она задумчиво головой своим мыслям. — Значит, и вправду старый ты внутри, ворчишь не хуже деда на завалинке.

* * *

В наш импровизированный лагерь стала после обеда подтягиваться замковая детвора, так как каждый в округе знал, где меня искать, если я не в своем кабинете. Вещи к тому времени уже высохли, так что мы, соблюдая все правила приличия, просто устроили пикничок на фоне реки. С чем нам помогали постепенно подтягивающиеся ребята, которые принесли с собой нехитрую снедь. Вообще, конечно, пикничок не ахти какой, морозно, серо и уныло, но почему-то все равно как-то радостно на душе. То ли от весело

пляшущих язычков костра, то ли от шума и гама детворы, или же просто в связи с тем, что голова не забита в этот момент заботами и роем мыслей. Просто сижу, просто слушаю и смотрю по сторонам.

Тина молчаливой тенью передвинулась за спину, вновь входя в роль молчаливого телохранителя. О ее принадлежности к роду вампиров здесь не знали, а вот как про одного из разведчиков легиона, ходившего в поход со мной, исполняя роль охраны, многие уже наслышаны. Для замковых девчат она была героиня, этакое живое воплощение Жанны д'Арк. Она и смотрелась соответственно. Полевая «афганка» с эмблемой легиона придавала ей суровости и строгости во всем ее молчаливом образе.

Что с ней делать и что ей сказать, я не знал. Обманывать, играя в чувства, не хотелось, а взаимности нет. Секс он, конечно, секс, но ведь может и вправду сердце зубами вырвать, мало ли что у нее на уме. Вообще странно это, как-то просто и без затей, не привык я к такому, или может быть просто, как в том анекдоте, дожил до той стадии, когда уже не боишься отказа женщин, а опасаясь, что они согласятся?

Да уж, дело это тонкое, независимо от того, как я в дальнейшем себя поведу. Так уж получилось от природы, что толстая шкура одиночества стала моей второй натурой, и пускать кого-то в свою жизнь без оглядки не в моих правилах.

Чай, костерок, детские шалости, так и дотянули до вечера неспешно, сворачивая лагерь и разбредаясь, разбившись по группкам. Ребяшня убежала вперед, спеша на ужин, а я с Тиной немного отстал, так как тащил рюкзак и особенно не спешил погружаться в свои дела, оттягивая возвращение.

Человеческий крик, полный страха и отчаяния, услышали только мы. Где-то выше и левее из темнеющей чащи небольшой, уже голой рощицы. Там за спутанными ветвями высоких деревьев по идее проходит главная дорога, ведущая от Касприва до Лисьего замка, а уже от него до учебного корпуса легиона.

Жуткий крик шел не с дороги, а именно из рощи, говорить о чем-либо с Тиной, согласовывая действия, не пришлось, она тут же растворилась в вечернем сумраке, уходя вперед, мне же осталось только скинуть рюкзак и налегке, стараясь не шуметь, последовать за ней. Крик переходил, срываясь на рыдания. Пробежав чуть вперед, я примерно прикинул оставшееся расстояние, похоже, кричавший бежал, и бежал к нам навстречу. Уже сейчас мне был слышен треск ломающихся кустов, несчастный, кто бы он ни был, бежал не разбирая дороги, гонимый ужасом.

На небольшую чистую полянку, в неверном свете и без того мрачного

времени года, где я остановился, выскочил какой-то взлохмаченный мужик в изодранном полушубке, спотыкаясь и падая, со всех ног несясь в мою сторону.

— Стой! — Я встал на его пути, пытаюсь поймать взгляд его обезумевших глаз.

— Белая! Она идет за мной! — Он бухнулся передо мной на колени, заливаясь слезами. — Это она, она идет!

Кто такая Белая и куда она идет, спрашивать смысла не было, так как я и сам уже увидел нечто приближающееся меж деревьев, странно мигающее, словно картинка на экране, скачками исчезая и появляясь все ближе и ближе к нам.

— Не-е-ет! — завыл мужик, на коленях пытаюсь заползти за меня. — Я ни в чем не виноват!

Белесый морок приобрел отчетливый образ женщины, чей лик ужасом сковал мое сердце, так как это был зловещий оскал даже не мертвеца, а скелета, с сочащейся тьмой из пустых глазниц, словно тушь в стакане с чистой водой, оседающую причудливым узором.

Изорванное белесое, словно в черно-белом кино, платье лохмотьями тумана развевалось на несуществующем ветру, а лик смерти окаймляли длинные прямые черные волосы ниже пояса, грязными лоскутами, словно тяжелые плети, свисали безвольно вниз.

— Твою мать! — Я невольно подался назад, спотыкаясь о скулящего мужика под моими ногами. До жуткого видения оставалось метров двадцать, я растянулся на земле, падая, а в моей голове тихо так и зловеще пульсировал в ритм с моим перепуганным сердцем тонкий девичий голосок, доносившийся словно из глубины колодца: «За что? За что? За что?»

Мак абсолютно не реагировал на угрозу, не фиксируя чьего-либо приближения к моей персоне, кроме меня, скулящего мужика и «трансморфа»-вампира в полной боевой форме, оскалившейся жуткими клыками, никого на поляне не было! Но меж тем женщина с лицом смерти, мигающим потусторонним светом продолжала неспешно приближаться к нам, вытянув в нашу сторону сухие, обтянутые пергаментной кожей руки с длинными обломанными ногтями.

Кулаки Эббуза вихрем туго скрученных узлов воздуха разорвали на мгновение в дым жуткую фигуру призрачной женщины, лишь не надолго прервав ее неспешное преследование.

— Огонь! — с трудом выдавила из себя Тина, повернув ко мне свою вытянувшуюся жуткую морду с горящими глазами. — Призраки не любят

огня!

Призраки? Какого черта? Какие призраки? Но все вопросы потом, кивнув вампиру, я тут же активировал с помощью Мака аж два огненных кольца Прая, ревущих огненных столба дикого пламени, просто физически ощущая, как моя энергия утекает в поддержание этой бушующей стихии. Да уж затратный энергоконтур, как и вся линейка огненных заклинаний, благо я с ходу переключил все затраты на ресурсы и насосы компьютера. Мужик у моих ног замолчал, видимо, от страха уходя в беспамятство обморока, в то время как тонкий голосок все продолжал и продолжал свой заунывный речитатив в моей голове: «За что? За что? За что?» Вновь и вновь спрашивала девушка плаксиво и с отчаяньем, не находя ответа.

Пламя ярко осветило всю рощу, выхватив из тьмы наши фигуры и разгоняя сумрак. Мигающий контур женщины призрака изорванными клубами белого тумана уплывал в глубь деревьев, отпрянув от огня. Пришло осознание того, что я жутко взмок, и у меня постыдно дрожат колени, а во рту пересохло. Ну уж нет, так просто вы, мадемуазель, от меня не уйдете с пустыми руками! А как же презент? Пытаясь совладать с накатившим страхом путем разжигания в себе злости, недолго думая, зачерпнул в каждую из рук по горсти земли вперемешку с опавшей листвой. Это было новое для меня плетение, которое я освоил с подачи шаманов орков, что в том году вместе с пиктами напали на мой город. Шары гудящего, словно рассерженные шмели, свитого в энергокаркас пламени. Только вот в отличие от самоучек-шаманов, я изучил эту тематику по трудам мастера Прая, где он делал выкладку, по которой подобные огнешары выходили детской забавой в сравнении с шаром, в который можно поместить любой кусок материи, землю либо же тупо камень, тем самым начиняя сердцевину расплавленным куском лавы. Земля, конечно, прогорала, со временем превращаясь в пыль, но и этот малый отрезок времени давал усиление как температуры, так и уровня поражения. Два огненных шара с пульсирующей пунцово-красным начинкой сорвались с моих рук, направляясь вдогонку за ускользающим призрачным туманом. Думаете, на этом все? Ха! Да я десятка два выпустил этих огненных болидов, осветивших округу занимающимся пожаром. Один за другим черпал землю, окутывая ее структурой огненного шара и отправляя вслед уже давно исчезнувшего призрака. От страха хотелось, чтобы ночь задалась огнем, прогоняя от меня прочь даже намек на любую тень.

— Ульрих, хватит. — Рядом стояла Тина, уже сменившая свою боевую трансформацию на более приятную внешность. — Там вон люди какие-то бегут, как бы не зацепил ненароком.

Вампиресса отошла мне за спину, я деактивировал плетения Прая, гася жаркое пламя колец, от чего поляна тут же погрузилась в полутьму. Как-то сразу вновь стало страшно. Подняв с земли какой-то сук на его конце, я быстро активировал маленькую эльфийскую руну света, яркой звездочкой чистого беловато-голубого цвета, тут же осветившую поляну с двумя дымящимися круглыми проплешинами и лежащим навзничь мужичком-жертвой, возле которого мы и стали дожидаться толпу людей, продиравшуюся через густой кустарник.

— Стойте, где стоите! — крикнул я, поднимая руку с раскрытой ладонью. — Кто такие и что вы делаете на моей земле?

Из подлеска вывалили на поляну запыхавшейся толпой с два десятка чумазных, крепко сбитых мужичков простоватого вида, сжимавших в руках кто лопаты, кто кирки, а кто по-простому увесистые дубины. При их виде подумалось, не разбойнички ли завелись у меня под боком в баронстве? Уж очень их вид наводил на мысли о частых переходах, стоптанных сапогах и не одном километре пройденных дорог.

— Не извольте сердчать, господин маг! — Мужики, что-то бурча под нос, выпихали из своих рядов самого старого, но еще крепкого бородача. — Без умыслу какого непотребного, стало быть, тутова. Артель мы перехожая, строители, шли к господину барону фон Рингмару, да вот напасть лютая в дороге пристала, народец губит. Вон и Арма, он тот, что под ногами у вас валяется, гибель страшную от Белой Смерти принял.

Мужики, не сговариваясь, постыгивали с голов нахлобученные шапки из шкур, больше похожие на капюшоны, вроде как отдавая последние почести погибшему товарищу.

— Жив ваш Арма, — произнес я, слегка потыкав ногой бок находящегося в бессознательном состоянии мужчины. — Без памяти просто от страха, а Белая ваша не успела, отогнал я ее.

— Ох и радость-то какая! — затараторил старик, тут же начиная вместе со всей толпой отвешивать один за другим поклоны. — Арма хоть и дурноватый дядька, но каменщик рукатый, у нас, поди, последний «обтес» остался, нам без него хороших заказов не видать бы было. Вот вам спасибо так спасибо, господин маг! Прямо выручили нас, словами не сказать как!

Он замолчал, теребя свою шапку в руках и поглядывая то в сторону своих, то на меня, как-то нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Видимо, опасался народец простой подходить ко мне, чтобы забрать своего так нужного им камнетеса.

— Давай, давай, мужички, забирайте болезного, нечего ему тут на земле валяться, — произнес я, отходя от жертвы и давая им возможность

без опаски подойти к своему. — Молодцы, что пришли, а то я не знал, что с ним делать.

Косматики, бубня и опасливо поглядывая в мою сторону, обступили Арму, подхватывая его на руки и вновь напролом, через кусты, удаляясь, куда-то в темноту, видимо к дороге, где стоял их обоз. Уже через пару минут на поляне никого не осталось, кроме меня, Тины и старичка, все еще неуверенно мнущегося рядышком.

— А ты чего к своим не побежал? — Я жестом показал Тине, чтобы она возвращалась за сброшенным рюкзаком. — Аль не боишься, что опять Белая придет?

— Не-е, господин маг. — Мужик наконец-то опять нахлобучил свою измученную шапку на голову. — Она два раза за ночь не приходит. Раз уж в эту ночь ушла, то три, а мож четыре ночи поспим спокойно, стало быть.

— И давно эта страхолюдина за вами ходит? — Я стал обходить кругом поляну, пытаюсь рассмотреть хоть какие-то следы на земле. Тут и гадать нечего, за ними призрак идет, уж очень хорошо они его знают, да и я бы давно узнал о таком жутком непотребстве у себя под носом, была бы нежить местной.

— Да уже зим шесть, мож семь как. — Мужичок опасливо приблизился на пару шагов ко мне. — Страшно сказать, сколько народу извела лютая. Оттого и нет у нас уже давно работы постоянной, сюда в надежде перезимовать пришли. Люд разный бает, что барон тутошний строить любит, даже по зиме не сидит сиднем, рук пустых без дела не любит, да и монетой не жаден. Кто честь по чести работает, всегда будет накормлен.

— Воистину слухами земля полнится, — прошептал я себе под нос, так ничего и не найдя на земле. — В Лисий Хвост по дороге где-то за половинку от часа дойдете, там правда уже не пустят, а вот завтра поутру барон вас примет.

— А вы, ваша милость, знакомы с ним? — Мужик с надеждой заглядывал мне в лицо. — Правду люд говорит, привечает он мастеровых?

— Ну. — Я смерил его с головы до ног взглядом, вскинув бровь. — Коли и вправду мастера, да не лежебоки, то работу завсегда найду вам.

— Найду-у-у... — протянул он, вновь скидывая шапку. — Так вы, стало быть, ваше благородие, и есть барон фон Рингмар? Мы к вам, получается, идем?

— Да, я и есть тот самый Ульрих фон Рингмар, к которому вы шли. — Покивал я его словам.

— Вы уж поймите, ваша милость, не сами мы привели напасть эту в

ваши земли, она сама за нами увязалась! — Он упал передо мной на колени. — Вы уж сжальтесь, уже снега не сегодня-завтра пойдут, не гоните нас, горемык! Мы уже никак никуда не успеем, если прочь велите идти!

— Успокойся и встань. — Я кивнул появившейся с нашим рюкзаком Тине. — Гнать не буду, коль и вправду руки не из задницы растут, а даже если и оттуда, то даже таким работа всегда найдется. Вас вообще сколько в артели?

— Да пять десятков осталось, в добрые времена лучшей артели во всем королевстве не сыскать было, у самого короля во дворце строили и облагораживали покои, да вот гадость нам эта дорогу перешла. С тех пор и народ разбегается и заказов толковых все меньше да меньше. — Он поднялся с земли.

— А главный кто? Он в обозе остался? — Я растер замерзающие руки.

— Лер Фава голова у нас, он мастер от бога! — Глаза его сверкнули действительно уважением. — Он и мрамор умеет резать, и балки там всякие, распорки, да фундаментную часть посчитать может! С нами не пошел, так то из-за сына своего, Белая пожрала младшего, с тех пор и лежит, не поднимаясь, а отец в заботах всегда у его постели!

— Знаешь что, веди-ка ты меня к главе своему. — И уже обращаясь к Тине: — А ты в замок сходи, капитана предупреди, чтоб не волновался, да Уголька моего снарядил часа через два к лагерю, а то потом в ночи не хочется ножками топтать.

При посторонних ничего не сказала, но по взгляду понял — «не одобрямс» госпожа телохранитель мое решение, впрочем, все же выполнила, растворившись в темноте. А мы же с мужичком направили свой путь через рощу к дороге, где остановился основной обоз строителей.

— Тебя-то самого как зовут? — Я пропустил его вперед, пристраиваясь следом и поднимая повыше свой импровизированный посох, освещающий нам путь.

— Армус, ваше благородие, я столяр, сызмальства по дереву режу, дерево чую и не последний мастер во всем королевстве! — бросил он не оборачиваясь. — Я и картину могу собрать из дерева, и узоры какие затейливые вывести на наличники али еще куда.

— Давно в артели? — Идти по густо заросшему кустарником леску было неудобно.

— А то! — Хмыкнул он. — Родился в артели. Мой отец еще служил семье Рах. Артель-то одна из старейших, тут многие так, мы считай все одна семья, со стороны почти и не берем никого.

Другого, наверно, и ожидать не следовало, уж очень здесь все дико.

Сплошные гильдии, никаких тебе училищ или техникумов, от отца к сыну, из поколения в поколение. Если ты родился горшечником, то сапожником тебе уже никогда не стать. За деньги и по знакомству могли взять чьего-то отпрыска на обучение в мастерские. А артели так вообще не что иное, как одна большая кочующая семья, этаким аналогом гильдии ремесленников. Идут из города в город, то там беря заказ, то в другом месте, иногда, если стройка затянута, оседая на пару лет, потом по окончанию вновь снимаясь и отправляясь в путь. В такой артели, как правило, всегда был кто-то один из мелкого дворянства, чтобы на уровне можно было принимать хорошие заказы на замки или башни аристократии. Вот и в этой артели непосредственно главой являлся некий Фава Рах, получивший хоть и наследный, но ни к чему не обязывающий титул лера, не дающий ему ничего, кроме вежливой приставки. Хотя, судя по замечаниям Армуса, он здесь у них был чем-то вроде инженера на предприятии, ведя все строительные расчеты, беря на себя не только управление, но и риски по возведению и монтажу конструкций.

Миновав наконец рошу, спустились по пологому голому холму, выходя к дороге, стараниями местных правонарушителей отсыпанную битым камнем и кирпичом, из-за чего к этому времени не превратившуюся в сплошной поток грязной «муляки», раскисшей под осенними дождями. Пройдя еще немного вперед, увидели походные костры и толпившийся народ, занятый обустройством среди составленных вместе тентованных телег.

Нас, похоже, ждали, народ расступался, учтиво кланяясь мне и о чем-то тихо перешептываясь. Видимо, пришедшие наперед уже успели обрисовать случившееся в роще, а отсутствие бойкого Армуса, видимо, сказало им о возможном скором прибытии гостя. Прошли пару повозок, выходя к большому главному костру лагеря, у которого уже на поваленном бревнышке восседало с десятков степенных седоволосых и длиннородых мужичков, видимо старшие, либо же наиболее уважаемые мастера. Что меня удивило, так это наличие детворы и хорошего контингента женщин. Хотя чего я удивляюсь? Каменотес же не камнями питается или же столяр древесиной, кто-то должен и поесть приготовить, и обстирать, да и что другое, без чего жизнь не мила на белом свете, куда же без них то, барышень?

Армус быстро подбежал к одному из мужчин, на удивление гладко выбритому, подтянутому брюнету, с умным острым взглядом и сединой на висках, второпях что-то спешно ему нашептывая на ухо. Ну да понятно, мою персону необходимо представить местному хозяину, я же спокойно

стоял в сторонке, погасив руну света и бросив подобранный сук в общий костер.

— Рад приветствовать в нашем скромном лагере многоуважаемого господина барона фон Рингмар! — хорошо поставленным громким голосом провозгласил брюнет, следом поднимаясь и отвешивая мне поклон. — Мы так долго шли к вам, ища приют и спасение, и вы действительно спасли одного из наших мастеров от неминуемой гибели, за что примите нашу искреннюю благодарность.

Лагерь загомонил, все, кто сидел, повскакивали со своих мест, отвешивая мне поклоны. М-да, для этого табора я сейчас отец кормилец, лишь моя воля способна решить их ближайшую судьбу, то, как они проведут эту зиму.

— Не стоит благодарности. — Вежливо кивнул я, садясь напротив говорившего брюнета. — Вы я, так понимаю, и есть уважаемый лер Фава Рах?

Он кивнул, присаживаясь рядом, а по его жесту нам уже накрывали небольшой деревянный столик, сервируя его глиняной посудой со всевозможными блюдами и напитками, от щедрот их рациона.

— Не буду лукавить, надеялся, что наша встреча произойдет позднее и не при таких обстоятельствах. — Он налил себе немного вина, слегка пригубив его. — Но должен сказать, что рад тому, что эта встреча спасла одну из жизней моих людей. Хочу еще раз поблагодарить и нижайше прошу вас позволить моей артели отработать на вас хотя бы до весны, так как в зиму уже другого заказчика нам не найти, да и переход будет тяжелым в морозы и снега.

— Позволяю. — Я кивнул, даже толком не дослушав его до конца. — Рабочих рук мне всегда не хватает, а вот работы всегда полно и конца и края ей не видно.

По звуку было ощущение, что весь лагерь словно одно живое существо с облегчением выдохнул. Кто-то заулыбался, слышен был смех, народ с облегчением расслабился, все же в глубине души не веря в то, что я приму их, после того как стал свидетелем злого рока, преследующего их по пятам.

— Об оплате не со мной! — перебил я Раха, собирающегося, видимо, продолжить деловой тон общения. — Завтра придете в замок, испросите сквайра Энтеми, с ним и решите все по деньгам, да и получите перечень того, что, где и как нужно будет делать.

Он уныло кивнул, видимо представив себе, что теперь, когда я знаю о безвыходности их ситуации, им навряд ли стоит рассчитывать на хорошую

оплату.

— Не грусти. — Я улыбнулся, стараясь говорить громко, чтобы остальные мастера тоже слышали. — Не все так плохо, как ты думаешь.

— Неужели. — Он вскинул бровь, с недоверием смотря на меня.

— Дело в том, что у меня уже работают четыре артели и клан гномов. — Я услышал очередной дружный вздох: на этот раз удивления, еще бы, по местным реалиям это небывалый объем. — И сам понимаешь, больше, чем их мастерам, я тебе не дам, договоры уже есть, оплата идет, сам посмотришь расценки, если где-то что-то не устраивает, обижайся только на своих братьев строителей, они за эту цену подрядились. Я не торгуюсь, плачу ваше вам, но и лишний медный грошик сверх установленного сложно будет из меня вытянуть.

— Это справедливо. — Фава согласно кивнул. — Не думаю, что остальные артели попросили меньше, чем бы мне хотелось. Но как я понимаю, зима есть зима, и хочешь не хочешь, работы на всех не хватит?

— Хватит, поверь, до метелей точно, потом отделка внутри замка, внутри корпуса легионеров, по хорошему льду станут лес гнать на упряжах. — Я говорил, не забывая уплетать вкусно зажаренную птицу. — Камня полно в заготовках, есть крупные плиты, которые еще колоть и подгонять в размер. Сам лес нужно будет распускать, сушить, да и в городе есть, где руки приложить.

— Мне радостно слушать вас, господин барон. — Он отвесил поклон. — Мое сердце радуется от ваших слов, вы дарите нам надежду, что эта жизнь вновь может быть сытной и радостной.

— Эта? — Я задумчиво потягивал приятный горячий травяной чай. — Может быть, а может и нет. Я ведь еще не знаю главного. Вот поглядел я тут ненароком на вашу беду и даже не знаю, сколько вы еще поживете, и не попросят ли местные по весне все же гнать вас с земли? Эта Белая, она только ваших убивает или все, что в округе живое?

В лагере наступила полная тишина, в которой не было слышно ни единого голоса, лишь треск костра, возня лошадей и то, как я мелкими глоточками отпиваю чай.

— Ну. — Я поставил кружку на стол, отламывая себе еще кусок мясного пирога с травами. — Можете не говорить, я уже понял, что тварь убивает все живое, что пробегает рядом с вами. Вы мне другое скажите, как так получилось, что вы до сих пор живы? Похоже, вы знаете способ, как с ней обходиться? Или я не прав?

Я был прав. Жизнь, а вернее смерть родных и близких научила их быть осмотрительными и наблюдательными, подмечая различные мелочи и нюансы. Во-первых, Белая Смерть не трогала детей. Отчего, почему — неизвестно. Во-вторых, призрак никогда не нападал на группу людей, всегда его жертвами были одиночки. Люди, по той или иной причине вынужденные отойти по своим делам. Сами же нападения чередовались перерывом в три-четыре ночи. В общем, худо-бедно приспособились спать в обнимку с соседом и даже до ветру ходить толпой.

Началось все шесть лет назад, когда сын лера Фавы Рах, молодой лер Немнод, вернулся с первого своего заказа. С реставрации старинной усыпальницы графской семьи де Фарго, это довольно далеко на юг, соседи с графством Крип, откуда родом баронесса фон Каус.

Немнод Рах взял свой первый самостоятельный заказ без опеки отца, в принципе, как считали в артели, не очень и сложный. Просто наружная отделка, за исключением восточной стены, где разошлась по кладке старая стена, открывая темный зев внутрь подземного чертога с упокоенными. Лучшие инженеры и строители королевства, гномы, приглашенные за немалые деньги, никто не мог справиться с этой напастью. Восстановленная стена, через какой-то промежуток времени вновь расходилась в кладке, чуть ли не на глазах у окружающих. О старом графском склепе уже легенды ходили и анекдоты по всему королевству, мол, это покойники свежего воздуха просят. Дошло от мирского до крайностей, де Фарго вызывали к себе представителей и служителей от различных культов, не осталось в долгу и местное жречество. Поговаривали даже, что дед нынешнего графа вызывал даже некроманта, чтобы обуздать непотребства покойных, но, увы и ах, трещина как зияла тьмой, так и поныне бы так и стояла.

Да, это было чудо, никто даже и подумать не мог, но именно молодой Рах выполнил заказ так, как надо, утерев нос сотне артелей в этом мире! Это была гордость семьи и ее поражение, ровно через четыре недели впервые строители узнали, что такое Белая Смерть. Призрак в ночь унес свою первую жертву.

Понятно, что сразу-то никто и не понял, что случилось, с Немнодом в южной провинции на работах было тридцать два человека, сам молодой лер со своими людьми был уже в пути, когда стал жертвой первый из его людей. Это пугало и обескураживало, люди банально не знали, что делать и

как спасти себя. Каждая ночь была кошмаром, мастеровые ночами не спали, одного за другим хороня своих товарищей. С наступлением ночи, с ужасом ожидая, кто же следующий станет жертвой этой ужасной призрачной женщины. За что? За что? За что? Только и слышали они из белесого тумана, накрывающего их ночные стоянки. Ужас охватил их сердца, заставляя чуть ли не со слезами на глазах обращаться за помощью ко всем встреченным на пути. От них бежали как от чумных, единственной небольшой передышкой стала встреча с одним из магов, а именно защитником одного из баронств. Старый маг ничего не смог сделать, лишь подсказал им эти простые правила выживания. К тому времени, когда они дошли до защитника, в живых оставалось двенадцать человек. Призрак не смел подойти к людям под защитой мага, но и вечно оставаться под его защитой они не могли.

Сам Рах принял решение выдвигаться дальше, чтобы дойти до отца, а там уже с помощью его связей и денег нанять защиту либо же купить избавление от этого ужасного проклятия. Долго ли коротко, но в живых до ближайшего городка добрались двое, это сам Немнод и уже знакомый мне Армус. Город был столицей графства Крип, некий Пастур. Судя по описанию, раза в три больше моего Касприва. Измученные, трясущиеся от страха, они не расставались друг с другом, стараясь даже ночью примкнуть к какой-либо группе людей, что в городе им удавалось в принципе легко, но они были в отчаянии, их осталось двое, а до старшего Раха было еще минимум три недели пути. Отец еще даже не знал о той беде, что обрушилась на его семью. Отмечу лишь, что молодой Рах был не лишен мужества, он посадил за немалые деньги Армуса в идущий многолюдный караван, а сам был вынужден за неимением денег отправиться в местную тюрьму за устроенную драку. В принципе вариант был просчитан неплохо. В яме, куда его бросили к преступникам, всегда должно было быть многолюдно, и пусть и отбросами, но их иногда кормили. Расчет был на то, что Армус все же благополучно доберется до отца, а уже потом тот сможет выкупить сына и защитить его.

Армус добрался, за все время пути призрак ни разу не появился в пределах лагеря караванщиков. Сам Фава, бледнея и не веря услышанному, рванул в Пастур, не жалея денег на перекладных коней, он не стал вдаваться в подробности, четко для себя уяснив лишь то, что сын в беде. Но как бы он ни спешил, он не успел, что там и как доподлинно случилось выяснить не удалось, вроде бы среди заключенных случилась драка, вследствие которой молодого лера из общей свалки поместили в подземную камеру местной тюрьмы. Одного. Он остался наедине с тем

страхом, от которого бежал прочь, и уже никто не мог ему помочь и спасти, местные власти просто не верили обезумевшему юнцу, несущему бред про призрака, ему никто не поверил. Когда Фава добрался до сына, все, что он смог, это выкупить совершенно седой полутруп, безумными немигающими глазами пялящийся во тьму, с искривленным гримасой ужаса лицом.

Я сидел, просто физически ощущая боль отца, этот стройный властный мужчина по-настоящему, без тени наигранности переживал этот удар судьбы, всем сердцем отдаваясь горькой боли, сковавшей его душу.

По моей просьбе лер Фава проводил меня к телу своего сына, мне всего одного взгляда было достаточно, чтобы понять: юноша в коме. Тело еще дышит, в теле еще можно поддерживать жизнь заботой любящих людей, но вот надежды на исцеление практически нет. По крайней мере, я ее не видел. Да, всем известны случаи, когда неожиданно люди по тем или иным причинам вновь возвращались в этот мир, но, к сожалению, мой опыт говорил, что это те исключения, которые лишь подтверждают общее правило. Он не жилец.

— А призрак так со всеми поступает? — спросил я крутящегося рядом Армуса.

— Нет. — Он потупил голову. — Всех остальных находили поутру мертвыми, лишь господин Немнод еще каким-то чудом продолжает жить.

Ну, я бы это жизнью не назвал. С артелью я попрощался уже через полчаса, дождавшись, когда в лагерь подъедут мои гвардейцы, ведя в поводу моего Уголька. Неспешным ходом где-то за полчаса добрались до замка, где меня уже ждал теплый прием.

— Ульрих! — с порога на меня насел сэр Дако. — Чтоб тебя! Это что за боевые действия вблизи замка? Ну-ка пошли в кабинет, чует мое сердце, опять ввязался в какую-то историю.

— Ульрих, надеюсь, ты не наделал никаких глупостей? — Графиня Шель де Красс стояла под ручку с пожилой графиней де Кервье, бабушкой нашего короля, а рядышком тут же нарисовалась прелестница южанка баронесса фон Каус.

— Ульрих, только не говори, что опять война! — В голосе моего учителя фехтования и танцев проскользнули угрожающие нотки.

— Кого воюем? — Из дверей выскочил молодой Герман де Мирт. — То-то я смотрю, зарево в ночи как от пожара!

Оп-па! А ведь и вправду горит! Ну, с горечью должен признать, что я не я буду, если, как говорится, не «отчебучу». Вот нужно было мне сердцевиной наполнять огненные шары? Ведь к бабке не ходи, благодаря этой импровизированной лаве отсыревший лес смог разгореться,

окрашивая в багровые тона ночное небо. Хотя красиво.

— Там был призрак... — вставила свои пять копеек появившаяся из-за спины Тина, но ей договорить уже не дали.

— Там призрак!

— Война!

— На нас напали призраки, идет война!

— Ульрих, призрак!

Выскочили девчата, голося шумной толпой, все дружно принялись просвещать друг дружку в вопросе, кто же на самом деле призрак. Я даже слова не мог вставить, да меня собственно уже никто и не слушал.

— Ну-ка цыц! — громыхнул усиленным магически голосом сэр Дако, перекрикивая всех и сразу. — Отставить панику! Всем разойтись, Ульрих — ко мне в кабинет!

Я с благодарностью глянул в его сторону, тут же прячась за его спину и направляясь в глубину замка. Для полноты картины и чтобы по сто раз ничего не повторять с молчаливого согласия своего учителя послал слуг за капитаном Гаричем и своим управляющим сквайром Энтеми. Ожидая их, успели приложиться к подносу с поздним ужином, к приходу как раз разливая горячий чай.

— Ну что ж, господа, — на правах хозяина кабинета начал Дако. — Собрались мы в сей поздний час, как вы уже поняли, не просто так, а вновь благодаря кипучей деятельности нашего молодого барона.

— Я не я! — Для весомости помахал в воздухе печенюшкой. — Не виноватая я, он сам ко мне пришел!

Легкий каламбурчик был понятен без пояснений, анекдотов и крылатых высказываний про женские отмазки всегда и во все времена хватает.

— Капитан легиона уже поднял своих, замковые гвардейцы также в готовности. — Гарич сидел с прямой спиной, вояка явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Да куда же еще?! — Энтеми заливал в себя вторую кружку чая подряд, он явно не выспался. — Мы еще не все поделили и посчитали с той войны, а вы уже новую? Помилуйте, барон!

— Сразу предупрежу, вторую жену не разрешат! — Тут же не смог промолчать Дако, расплываясь в улыбке.

— Да идите вы! — Я отбросил недоеденную печенюшку, просто мелкими глоточками ополовинивая свою кружку. — Нет никакой войны!

— Но почему-то мне от твоих слов не стало легче, — тихо пробурчал старик под одобрительные кивки присутствующих.

Рассказывал обстоятельно, со всеми подробностями, стараясь не упускать мелочей, так как, возможно, это сыграет свою роль в будущем и поможет избежать, упаси бог, жертв. Меня не перебивали, временами лишь вскидывая вверх удивленно брови и сочувственно кивая горю лера Фавы Рах. Молчали долго, каждый думая о своем, то так, то эдак проигрывая в голове ситуацию.

— Защитник, у которого прятался какое-то время Немнод, был из баронств графства Фарго? — нарушил первым молчание старый маг, дожидаясь моего кивка. — Я попробую с ним связаться, разузнав детали, а также порасспрашиваю о старом склепе. Честно признаюсь, я краем уха зацепил историю этого склепа. Когда-то очень давно, еще во времена моего обучения, в столицу приезжал кто-то из тогдашних графов, для найма некроманта. Сами понимаете, чародеев, перенявших это искусство от темных эльфов, единицы, да и под запретом эта магия, так что в те времена графу Фарго пришлось с личной просьбой выходить на короля, отчего вся столица тогда бурлила разными слухами и небылицами.

— Я могу сослать их в Дальнюю, поменяв их местами с артелью лера Ревье, — высказался сквайр. — Это довольно далеко, к тому же без дела не останутся, там столько леса, до конца жизни им хватит и еще останется.

— Я признаюсь честно, понятия не имею, как бороться с призраками. — Развел руками капитан. — Как их убивать не обучен. Разве что могу через свои связи вызвать сюда кого-то из ордена рыцарей бестиаров, но и тут не уверен, что будет толк. Как убить того, кто уже мертв?

— М-да уж. Негусто. — Покивал я, еще доливая кипятку в кружечку. — Бестиара вызывай, пусть пришлют кого, может, и сыщется в их практике такой тонкий специалист. По поводу замены артелей, думаю, не стоит проводить такую замену, посылайте их к легиону, там не хватает рабочих рук, как по внутренней отделке помещений, так и по заготовке материалов на весну. С легионом провести инструктаж, пусть душегубчики не расслабляются. Ну и, наверно, вся надежда на вас будет, сэр Дако, так как только вы сможете дать всю исчерпывающую информацию.

— Не совсем так. — Дако как-то смущенно заерзал в кресле. — Тут не помешала бы помощь кое-кого. Посидите пока тут, я скоро.

Старик вышел из-за своего стола, покидая кабинет и оставляя нас недоуменно переглядываться. Впрочем, недоумевали мы недолго, вскакивая с кресел и кланяясь, когда в кабинет вошла седоволосая графиня Кервье, живенькая старушка с пронзительным умным взглядом.

— Что, мальчики, помощь нужна? — Она села в одно из кресел,

извлекая из небольшой поясной сумочки спицы с клубком ниток. Тут же принимаясь за кропотливый труд вязания чего-то, что она обязательно подарит внукам или детям, что они примут в дар, улыбаясь и пряча по приходу домой куда поглубже в шкаф. — Давайте, сорванцы, рассказывайте, что там уже набедокурили.

Сорванцы молчали, тут же устремив взгляды на меня. Мне же ничего не оставалось делать, как признать правоту мага, так как через королевскую семью можно гораздо больше узнать о тех делах минувших, и я по новой принялся рассказывать всю историю от начала и до конца.

Графиня была небольшого роста сухонькой старушкой с аккуратно уложенной прической густых седых волос. Для солидности ей не хватало только пенсне, а так своим авторитетом она быстро взяла бразды правления замка в свои руки. Тут ей низкий поклон и благодарность, девчонки явно меньше стали баловаться, слуги стали проявлять большую расторопность, а в интерьере стали появляться салфеточки, различные покрывальца, а также неизвестно откуда взявшиеся рюшечки, в спешке нашитые на полы тяжелых портьер. Женщин и раньше в замке было с избытком, но вот хозяйской руки женщины с большой буквы явно не хватало. Порядок, степенность и размеренность насаждались бабушкой Вальери повсеместно с упорством и безжалостностью настоящего диктатора.

— Девочки, нельзя бегать по коридорам, это не пристало молодым леди!

— Девочки, нельзя садиться за стол, не вымыв руки, это не пристало молодым леди!

— Барон, почему у вас стражники не выбриты? Это совершенно недопустимо в доме, где растут молодые леди!

— Барон, подойдите, я вас причешу, а то вас еще увидят в таком виде девочки...

Графиня Вальери де Кервье жесткой рукой наводила порядок, сметая любые возражения на своем пути одним лишь благом и мотивацией: «Какой пример вы показываете молодым леди?» Можно было бы послать бабушку к чертовой бабушке, но, увы, бабушка крута, как Эверест. Была бы это хотя бы теща короля, я бы еще пофыркал темной ночью в темном уголке под одеялом в ее сторону, но госпожа Вальери была не тещей. Она самая что ни на есть бывшая королева Финора и мама ныне действующего короля. Бабулька божий одуванчик в свое время была регентом королевства по малолетству своего сына. Так уж вышло, что ее муж был рубакой парнем, что собственно и стало причиной того, что его зарубили в одной из войн, случившихся много лет назад с соседней империей.

— И? — Повисла тишина, после моего рассказа лишь ее спицы продолжали мелодично постукивать друг о друга. — От меня-то что вам, мальчики, нужно?

— Графиня. — Дако отбил дробь пальцами по столу. — Если я еще что-то помню и не выжил окончательно из ума, то это был то ли третий, то ли четвертый год правления королевы Вальери Первой на престоле Финора.

— Пятый год. — Она тяжело вздохнула. — Это был пятый год моего правления, и да, покойный граф Геральд де Фарго пришел ко мне на аудиенцию, прося разрешения на найм одного из некромантов на службе короны.

Вообще я немного не понимал современных политесов по поводу разделения магии на какие-либо школы или веяния. Ладно, еще можно обозвать человека, манипулирующего силами природы, стихийником, хотя и неразумно, ладно, я еще могу понять даже детское разделение, вообще являющееся чуть ли не обзывательством: маг воздуха, маг огня или маг земли. Хотя в вопросе менталистов, тут поднимаю руки и сдаюсь, их наука и искусство действительно отдельный элемент. Но вот в чем разница между общей магией, пришедшей от льесальфов, то бишь светлых эльфов, и дьесальфов, темных эльфов, я не понимаю. Насколько я могу судить, общий принцип управления энергией через формулы структуры одинаковый, разнятся лишь моральные принципы управления. Да, темные эльфы не страдают гуманизмом, чему яркие свидетельства наводнившие мир трансморфы, но отчего удар по горлу лапой монстра запрещен, а огненный смерч, испепеляющий противника, нет, непонятно. Все делают круглые глаза и шепотом говорят о страшном некроманте, способном своими структурами управлять отмершей плотью, и совершенно всем наплевать на то, что так называемые маги земли в состоянии создавать големов, чья изначальная суть вообще не является даже с историческим допущением живой материей. Парадокс: люди сами себя пугают, не видя разницы, почему-то заведомо говоря, что этот убийца он-де наш убийца, светлый воин, а вот тот убийца какой-то мутный, он какаха и вообще здесь не стоял. Хотя, что мы в сумме имеем? Правильно, что там, что там — убийец. Вот как по мне — так это даже интересно. Помню, у нас был патологоанатом, который знал, где и за что подергать или уколоть свежеепокоенного, чтобы он начал дрыгаться или шевелиться, от чего весь курс студентов обычно падал в обморок. Я, конечно, не разделял его маленькие шалости и не очень одобрял его юмор, но бывало полбольницы сбегалось посмотреть на его шоу, делая ставки, сколько и каких студентов

останется после его концерта на ногах. Милейшей души был человек, в возрасте уже мужичок, всегда с юмором и шутками, он, по-моему, еще таксидермистом подрабатывал в свободное время.

— Ты знаешь, Дако, что официально на службе у Финора подобных специалистов нет. — Графиня сделала старому магу пальчиком «но-но». — И, как и тебе сейчас, я об этом сообщила графу де Фарго.

— Но? — подтолкнул к дальнейшему диалогу ее старый маг.

— Но неофициально я дала ему адрес одной любопытной особы, кстати, небезызвестной тебе, старый пройдоха. — Хмыкнула она. — Мне назвать ее?

— Мила? — Голос его дрогнул.

— Она, родимая. Что, старый, не думал на излете лет вновь о ней услышать? — Или я ничего не понимаю в жизни, или она откровенно потешается над моим старым грозным учителем?

— Ладно, то дела не касается. — Он хлопнул по столу ладонью. — Что удалось узнать про склеп, в конце концов?

Старушка долго молчала, собираясь с мыслями, либо же просто погрузившись в воспоминания, прежде чем заговорила, поведав нам о делах давно минувших дней. Было это так давно, что уже и не вспомнить тех времен. Так уж случилось, что, как и все в этой жизни, кажущееся простым, на поверку выходит сложнее, чем совершить полет на Луну.

Ну, сами судите, молодой мужчина — одна штука, плюс молодая женщина — одна штука, в сумме получаем счастливую семейную пару. Нет? М-да уж, математика тут бессильна. В те далекие времена де Фарго были еще не графством, а одним из маленьких баронств, уже гораздо позже путем войн и интриг заполучивших свой титул. Главой рода только-только заступил молодой барон Арчибальд фон Фарго, юноша перспективный, не лишенный амбиций и не обделенный в какой-то мере интеллектом. Дела вел вполне успешно. Что-то даже, по сохранившимся сведениям, в те времена прикупал, что-то продавал, раз или два размахивал мечом, сидя в доспехах на коне, причем так удачно, что по хроникам выходило, попал кому-то из врагов своей железякой по голове, от чего прослыл неимоверно крутым воителем и вообще мужчиной хоть куда.

Как и положено старым добрым опусам старины, пришло время молодому барону жениться. Есть такая старая добрая традиция среди баронов, после того как помахал саблей-бляблей над головой, надо обязательно кого-нибудь поймать и жениться на нем. Так уж нам баронам предки завещали. Ну и наш Арчибальд, не будь дурак, вы не поверите, поймал в своем лесу самую настоящую эльфийку, удумав на ней жениться!

Тут надо сделать небольшое отступление, уточнив, что вроде бы в те далекие времена подобные мезальянсы были в порядке вещей, причем документально были зафиксированы даже случаи потомства среди таких пар. Ну и считалось это вроде как престижно, иметь в своем роду хотя бы унцию крови самой первой цивилизации мира. Хотя за эльфов я говорить не берусь, так как их отношение к подобным проявлениям братской любви, насколько можно было судить по архивам, сохранившимся до наших дней, было очень неблагоприятным. Что иногда приводило к тому, что первоначальные хозяева мира, гневаясь, нет-нет да и выводили из своих запретных городов стройные ряды своих воителей, дабы, так сказать, засвидетельствовать свое почтение знатным мордобоем в местном колхозе.

За прошествием тучи лет, не сохранилось информации о том, под каким именно предлогом барон оформил этот брак, удалось лишь узнать, что наша пани эльфийка, мягко говоря, не совсем была положительно расположена к своему венценосному мужу. Из хроник следовало, что доблестный муж постепенно превратился из славного воителя и мудрого правителя в рогатое животное, от ветвистости и высоты чьего головного убора могли помереть от зависти местные олени и лоси. Муженек не находил себе места, а также места своей жене, каждый раз отлавливая гулящую жену в очередном из притонов. Он ловил ее и ее кавалеров, бил ее и ее мужиков, запирали за семью замками и десятью дверями. Но, увы, свет красоты этой эльфийки уж слишком ярко манил мотыльков-мужчин, летящих к ней в объятия, невзирая на опасность, препятствия, преодолевая на своем пути все заслоны и каменные стены.

Вот тут то и начинается история. Арчибальд фон Фарго замуровал в семейном склепе свою жену, соорудив нечто вроде колодца, по которому спускал к ней по веревке еду, пообещав ей, что если она не прекратит, то навсегда останется в этом каменном мешке с мертвецами. А если еще хоть один мужчина притронется к ней, то заложит камнем все выходы и входы, обрекая ее тем самым на погибель.

Она не прекратила. Что там да как случилось, уже никто не скажет, но факт остается фактом. По словам одного из свидетелей той истории, вышло, что в один из солнечных дней перепуганные каменщики из-под палки замуровывали последний вход, наблюдая, как по лицу фон Фарго бегут дорожки слез, а из тьмы колодца доносится смех женщины. Она смеялась над ним, пообещав ему, что даже смерть и эти камни не смогут остановить ее. Так ли это, мы уже никогда не узнаем. Но с тех пор поколение за поколением той семьи безрезультатно пытались чуть ли не три столетия крыду заделывать стену в колодец, которую возвел их

покойный предок, но она раз за разом расходилась в кладке, открывая неизменно проход внутрь, то ли отпуская красавицу наружу, то ли зазывая очередного гостя к себе в объятия.

— Вот такое вот начало у этой истории, мальчики. — Спицы бывшей королевы продолжали монотонно отбивать дробь, кидая петлю за петлей на творимое таинство создания самого настоящего бабушкиного шарфика, либо же носка или шапочки, что иной раз можно принять за одно и то же. — Именно это мне и поведал один специалист, которого все же сумел нанять граф. И что самое смешное, тому специалисту даже не понадобилось прибегать к своему искусству, достаточно было просто посидеть пару часов за хрониками в библиотечном архиве.

— Но специалист все же взялся за дело? — Сэр Дако явно нервничал.

— Нет. — Она покачала головой. — Специалист, как ты хорошо, наверно, знаешь, все же женщина, а подобные истории в наших душах всегда находят благородную пищу для себя.

— Но как-то удалось же молодому Раху законопатить ту дырку! — высказался Гарич. — Не мог же простой ремесленник переплюнуть столько мастеров, часть из которых, бьюсь об заклад, на голову превосходили его!

— Согласен. — Кивнул Энтеми. — Ту барышню не могли столетиями остановить, а тут какой-то мальчишка пришел и прикрыл ей дверку. Что-то здесь не сходится, как бы и в самом деле не обошлось без чьей-то помощи.

— Вообще, и сама эльфийка не очень вписывается в образ Белой Смерти, как-то не подпадает она под образ мстительницы. — Графиня отложила в сторону свой труд, поднявшись и заботливо разливая нам в опустевшие кружки чай. — Все это время эта история была одной из местных легенд. Ладельерра, как звали ее, стала своего рода защитницей местных девчат, к ней туда бегали постоянно, словно к мощам святого, прося то помощи, то защиты, то совета. Многие верили, что она даже помогает. Думаю, соглашусь с капитаном, что-то случилось страшное, кто-то перешел границу дальше, чем это позволено живущим в этом мире, и не удивлюсь, что столь мощный призрак это дело чьих-то рук, а не просто ожившая и раздосадованная женщина.

— Некромант? — произнес я то, что они упорно обходили стороной.

— Похоже. — Сэр Дако вновь принялся нервно стучать пальцами по столу. — Не думаю, что нужно искать возвышенные мотивы, все, наверно, как всегда до одури просто, как удар топором. Рах нанял кого-то, а уж этот кто-то, то ли по причине неуплаты, либо же из других каких-то побуждений своей души, решил, что ему не нужны свидетели его труда. Возможно, Рах сболтнул лишнего, что ни говори, но подобные люди стараются оставаться

в тени, по причине своей специфики.

— Если вы решили влезть в эту историю, — графиня уселась в кресло, аккуратно придерживая кружку чая, — то считаю просто первейшей необходимостью привлечение к этому вопросу схожего по аналогии специалиста.

— Да. — Дако опустил голову. — Я поговорю с небезызвестной знакомой и попрошу у нее помощи.

— Ну а нам как быть? — Гарич любил четкость во всем.

— Как уже говорил, основную массу предлагаю разместить на работах в корпусе легионеров. — Я потер усталые глаза. — Самого Фаву с сыном предлагаю все же разместить здесь в Лисьем. Парень, на мой взгляд, едва-едва небо коптит, и зимой в телеге или палатке он не протянет долго. Еще раз потерять то, чего, по моему мнению, он и не находил, для отца будет во сто крат тяжелее.

— Это опасно, Ульрих, поверь моему опыту. — Сэр Дако поджал губы. — Я считаю, что призрак привязан все же не к артели в общем, а именно к роду Рах. Мы такой добротой ставим под удар себя и всех жителей замка.

— Понимаю. — Я согласно кивнул. — Но парню нужен постоянный уход, иначе до весны, по моему мнению, он не доживет.

— Ульрих, эта доброта к тому, кто уже не с нами, пустая трата сил. — Взгляд бывшей королевы пригвоздил меня к месту, сканируя с головы до ног не хуже рентгена. — Возможно, исход юноши будет лишь избавлением, как для него, так и для окружающих. Все твои старания будут впустую.

— Впустую? — Я невольно улыбнулся. — В одном колесе тридцать спиц, но пользуются колесницей не из-за них, а из-за пустоты между ними. Кувшины делают из глины, но пользуются не глиной, а пустотой между ней. Так и дом строят, возводя стены, ставя двери и окна, используя в пользу лишь пустоту меж них. Это польза пустоты. Мы не видим ее, мы не можем ее познать, но без этой пустоты нет жизни.

Все недоуменно и обескураженно уставились на меня. Ну да, до Лао-Цзы еще дорасти надо, да и вообще, заладили одно и то же. Бросить на улице помирать того, кто даже моргать самостоятельно не может, это, ребята, выше моих сил.

— Вы мне тут про принципы меньшего зла не рассказывайте. — Я ответил графине вскинутой бровью на ее взгляд. — Знаю, проходили уже ваши международные принципы, где из двух зол выбирать нужно меньшее. Я другой человек, если есть два зла, считаю своим долгом надавать по мусалам обоим, а не сидеть и моргать по сторонам, решая, куда пойти, куда

податься.

— Это, конечно, делает тебе честь. — Взгляд у Дако был неласковый. — Но как же риск, как же быть людям в замке? Они-то за какие принципы пострадать должны?

— За принципы всеобщей любви и братства. — Фыркнул я. — И вообще, мелочь и женщин вполне можно перевезти в здание администрации Касприва. Кто боится, милости прошу с вещами на выход.

— Я думаю, тебе все же не стоит проявлять мягкость, — вновь подала голос графиня.

— Человек входит в жизнь мягким и слабым, а умирает жестким и крепким. Жесткость и сила — спутники смерти! — тут же выпалил я.

— Сынок, послушай мудрых людей, что старше тебя. — Дако попытался воздеть многозначительно палец.

— Мудрый человек не выставляет себя на свет, поэтому блесит; он не говорит о себе, поэтому он славен; он не прославляет себя, поэтому он заслужен; он не возвышает себя, поэтому он является старшим среди других. — Он что, думает, что мой колодец уже пуст? Да у меня в свое время на кухне три года подряд висели отрывные календари с высказываниями мудрецов!

— Молодой человек, это в конце концов неприлично. — Нахмурила брови графиня.

— Когда потеряна истинная добродетель, является добродушие; когда потеряно добродушие, является справедливость; когда же потеряна справедливость, является приличие. Правила приличия — это только подобие правды и начало всякого беспорядка. — Да я их одним Лао-Цзы размажу по стенкам!

— Он что, так и будет всю эту хренотень сидеть и нести нам до утра? — Графиня осуждающе уставилась на красного как вареный рак сэра Дако, являющегося фактически моим наставником. М-да, а бабуля-то какова?

— Боюсь, что так. — Старый маг устало подпер рукой голову. — Похоже, слову разума он следовать отказывается, целиком и полностью беря все на сердце.

Тот, кто следует разуму, доит быка.

Умник будет в убытке наверняка!

В наше время доходней валять дурака,
ибо Разум весь ваш, по цене чеснока.

А вот вам на, Омарушку нашего Хаямушку, чтоб жизнь медом не казалась.

— Пороть не пробовали? — Вновь обернулась ко мне добродушная бабушка.

— Пробовали, — хором ответили мужчины. — Не помогает.

* * *

Не знаю, кто именно, но кто-то подходил к Фаве, пытаясь давить на него, чтобы он отказался от моего гостеприимства. Мне без разницы кто, все равно вышло по-моему. Он только открыл рот, краснея и смущаясь, да отводя взгляд, чтобы отказаться, как я прямо в лоб ему дал: «Не доживет до весны, если будешь слушать чужие слова».

Он знал, я знал и все в округе знали, каждый, оставаясь при своем мнении. Вышло так, как решил я, парня расположили в соседних апартаментах вместе с отцом и престарелым Армусом в услужении, а также приставленной для массовки стражей из моих гвардейцев.

Тогда старики-разбойники решили давить на жалость, не отправив ни одного ребенка прочь из замка, ну да даже этот их финт ушами не возымел на меня действия. Называйте меня как хотите, слабаком, нюней, размазней, но этот парень не издохнет, как собака, выброшенный на улицу под моими окнами, в то время как я, кутаясь в плед и попивая чай с ватрушками, буду прикрываться мыслями о неоправданном риске, глобальном потеплении и ценах на нефть. Вот такое вот я говно выросло, видимо, плохо меня в детстве воспитали родители, да мало жизнь потеряла в жерновах. Пороху сопляк не нюхал, да не знаю, как оно что по жизни.

Ребятню загнал в свои комнаты, всех и скопом, потихоньку обалдевая от шума, девчата не замолкали ни на секундочку! Некоторые умудрялись во сне вполне четко произносить некоторые предложения из недосказанных за день слов! А те, что помладше, ногами перебирали в постели, даже во сне оставаясь юла юлой. Дети есть дети, они всю эту историю восприняли как одно сплошное загадочное приключение, чуть ли не каждый раз заставляя меня рассказывать всю эту трагедию театральным шепотом, с добавлением душещипательных отступлений и прочей брехни. Хорошо хоть перед рассказом на стульчик не просили забраться.

Весь Лисий превратился в одно большое дружное общежитие. Вы не поверите, но умирать не хотел никто! Народ сбивался в комнаты, на зубок усвоив правило: призрак нападает только на одиночек.

Вообще не завидую призраку, вот уже была на исходе вторая неделя, что путем простой математики примерно трижды или даже четырежды он должен был собрать свою жатву, но, увы, народ вел себя осмотрительно. Правда чуть бабушку на днях не пришлось отпевать, так уж получилось, что девчонкам полюбилась забава напяливать на себя простыни по вечерам и блукать, хихикая и зловеще подвывая по коридорам замка. Этакие Касперы-хохотушки, да уж детям все нипочем. Вот в один из таких вечеров они и набрали на графиню в сопровождении баронессы и неизменной спутницы Шель де Красс, выводя из большой игры бабулю, добавляя и в без того ее седую голову белых прядей. Ничего страшного с ней не случилось, старушка была словно из кремня, уже следующим утром вставляя всем пистон направо и налево, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. Вследствие чего я чуть не ринулся расцеловывать ее увядшие уста, когда она волевым решением приставила к моей гоп-компании надзор в лице баронессы фон Каус и пышечки графини де Красс, не говоря уже о том, что рядом были всегда дети леса, красавицы Пенка и Молочко, близняшки, с довольно еще хорошо сохранившейся маман фон Пиксвар. Да уж, лесная волчица преображалась на глазах, превращаясь из измученной жизнью и бытом бедной женщины в довольно привлекательную и пышногрудую красотку. Да у меня в этой компании по вечерам глаза на лоб лезли и начинался нервный тик от всех тех прелестей и форм, которые открывались моему юношескому неокрепшему разуму.

Хех, а Герман-то наш уже не брыкается! Мол, фи, девчонки! Вот, тоже по вечерам сидит тихо рядышком, сглатывая слюну, видимо, просыпается в нем хищник, ворочается с боку на бок самец, набирая обороты, заставляя беспокойно шевелиться хвостик в штанах. Ну да куда от природы денешься? Рано или поздно всех накроет, правда не всех отпустит. Вон некоторых накрывает уже по прошествии чертовой прорвы лет. Вампиресса не отступала от меня ни на шаг, то и дело пытаюсь завязать разговор на интересующую ее тему. Но к ее сожалению, эта тема интересовала лишь ее, не находя отклика в моем лице. Хотя стоит отдать ей должное, бесовка знала и умела давить подобно многотонной скале, рухнувшей с вершин. Быстро войдя в дружеские отношения со всем наличествующим женколлективом, она решительно и кардинально преобразилась, просто и до одури, банально надев платье. Да, просто стянула с себя униформу, не надела штанов или куртки, она просто надела платье, сверкнув пару раз таинственно своими темными очами.

Вот тут-то я и признал ее не как боевую машину смерти, не как молчаливого телохранителя, а как живую, горячую, красивую и способную

быть желанной женщину! В платье, этом извечном доспехе всего ее племени, где каждая складочка, каждый изгиб многовековой наступательный контур их чар, она действительно держала себя на уровне рядом с остальными, эффектно подчеркивая свою неординарность среди подобных.

Да, я, кстати сказать, неожиданно открыл новый патент на старое доброе изобретение. Насисьник обыкновенный! Или как он там правильно называется? Лифчик? Не суть важно, главное, что я его быстро вроде как придумал. Местные, как я уже говорил, до моего пришествия даже трусов не знали, мотая на бедра тряпочки, а тут я просто белке в глаз на излете за сто метров попал, так актуальна, оказывается, эта часть гардероба. Одно только жаль, придумать-то я его придумал, а вот мерки на колпачки мне снять не дозволили, а я бы, между прочим, старался! С одной только госпожой Шель можно возиться часа три, пытаюсь то так, то эдак обхватить необъятное.

Но не будем теребить... в общем теребить не будем, а вернемся к делам. Моя жена, с постной надменной физиономией, в сопровождении своей управляющей, также была загнана в мой вертеп, чем несказанно омрачила мне праздник жизни. С ее приходом наступила и настоящая зима. Первое утро как на землю бархатным ковром кристаллической белизны лег снег, скрывая все углы и неровности, а также пухлыми шапками укрывая ветви деревьев и крыши построек.

— Мой муж, — серым, бесцветным голосом отстраненно произнесла Нона, присаживаясь как-то вечером рядом со мной.

— Мой жена, — попытался таким же бесцветным голосом передразнить ее я.

— Правильно говорить — «моя жена». — Из-за ее плеча высунула свой нос ее управляющая леди Нимноу.

— Когда мне нужен будет совет, как разговаривать со своей женой, я обязательно про вас вспомню, сударыня. — Окинул я ее холодным взглядом. — А пока попрошу вас отойти на десять шагов назад и не лезть, куда вас не просят.

В лице поменялась не только она, но и сама Нона, видимо, они решили, что пришло время для серьезного разговора, а для этого баронессе Когдейр, видимо, необходима помощь.

— Простите, барон, но... — начала была леди Нимноу.

— Прощаю, но по-прежнему настоятельно рекомендую вам отойти подальше, во избежание осложнений при переговорах, которые вы тут удумали на пару вести со мной. — Постановившая, ко мне на руки взобрался

енот Профессор, его мордочка была выбелена румянами, а шерсть вокруг ушей пестрела несколькими десятками маленьких, но аккуратных косичек, что делало его похожим на печального клоуна и Боба Марли одновременно. Мохнатым доставалось от детворы по полной, и если Профессор, в силу своей интеллектуальной состоятельности, еще нет-нет да и сбегал от них, то второму еноту Прапору, в силу его толстого зада, это удавалось гораздо реже.

— Итак, баронесса, вы созрели для обстоятельного разговора со своим мужем, — решил я помочь ей завязать разговор.

— Да! — Она собралась, поблескивая взглядом и сжимая кулаки. — Я бы хотела покинуть ваш замок со своей управляющей, вернувшись к себе в земли!

— Нет. — Я успокаивающе поглаживал енота, платочком оттирая с его фыркающей мордочки румяна.

— Вы не понимаете! — Она, волнуясь, немного покраснелась. Вообще преобразование из барона в баронессу явно шло ей на пользу, в этом виде она гораздо милее мне. — Я буду помогать вам управлять землями, вы же не сможете управлять сразу стольким, у вас и здесь полно дел, а я обязуюсь часть годового бюджета перечислять вам, так сказать, как добропорядочная жена своему мужу!

— Нет. — На одних передних лапах, наконец, до меня добрался Прапор, так как на его толстую заднюю часть кто-то умудрился натянуть кружевные с рюшечками трусы.

— Вы не понимаете! — вновь попыталась она.

— Отнюдь, сударыня. — Прапора пришлось спасать, освобождая его филейку из кружевного плена. — Я прекрасно вас понимаю.

— А по-моему нет! — Губы поджаты в сплошную белую полосу.

— Ну отчего же? — Порывшись в карманах, извлек горсть орешков, разделив их между мохнатыми братьями по несчастью. — Ваш муж вам не мил, более того, в какой-то мере противен. Вы льете слезы по ночам, так как вы не только проиграли какому-то малолетнему сопляку войну, но и еще и все свои земли, а также свою свободу, свою жизнь, всю себя. Все то, что у вас было, пока вы скрывались под личиной своего покойного брата.

Она молчала, на лице была смесь испуга и какой-то детской бесшабашности, что-то вроде: «Да, это я разбил бабушкину вазу! А не фиг ее ставить где ни попадя!»

— Все я прекрасно понимаю, Нона, но, увы, как и вы, я заложник ситуации. — Я погрозил пальцем Пестику, которая со своей рыжей товаркой-одногодкой пыталась под прикрытием одеяла добраться до

наблюдающего за ними с ужасом в глазах Прапора. — Мы можем с вами как любить друг друга, так и ненавидеть. Мы можем с вами разговаривать часами напролет или же молчать до конца наших жизней. Но вот одно, чего мы не можем, так это теперь расстаться без особой воли на то короля.

— Но ведь формально-то мы будем вместе! — растерянно произнесла она. — Да и управлять там нужно кому-то.

— Все так, да не так. — Повозившись на столе, я налил баронессе кружечку чая, вручая ей в руки. — Вы ведь не слепая и, наверно, обратили внимание на небольшую седоволосую женщину, что поселилась в моем замке?

— Э-э... Это вы про графиню де Кервье? — Нона захлопала удивленно ресницами.

— Да-да, именно про нее. — Я также налил себе чашечку, вроде как ненароком столкнув со стола пару печенек своим мохнатиком. — Вы с леди Нимноу не думали на досуге, почему после свадьбы эта леди все еще находится здесь?

— Ну-у-у... Не знаю. — Во взгляде просматривался интерес, похоже, все же я где-то как-то, но располагал эту особу к себе. По крайней мере, ей интересно беседовать со мной.

— Ну, раз вы не знаете, то я возьму на себя смелость и просвещу вас, в силу своих скудных предположений и познаний нашей внутренней политики земель. — Откинувшись на спинку кресла, поймал на себе сердитый взгляд Тины, делающей вид, что с интересом выслушивает истории сидящей рядом де Красс. — Эта милая старушка находится здесь для того, чтобы ваш покорный слуга барон Ульрих фон Рингмар одной из темных ночей не отправил на тот свет свою молодую жену Нону фон Когдейр, тем самым навсегда присоединив к себе все ее земли.

Нона побледнела, а за ней и я, так как из-за плеча в это время спокойненько так выплыла Вальери де Кервье, совершенно невозмутимо присаживаясь рядом и позвякивая чайничком на столе.

— Вполне себе разумное предположение, дочка. — Старушка кивнула баронессе, махнув на меня ладошкой. — Сей муж не по годам трезвые мысли иной раз высказывает. Даже любопытно мне, старой, стало послушать, что же дальше он осмелится тебе, милая, поведать.

— Дальше? — Можно было, конечно, начать паниковать и выкручиваться, но не поверите, мне было тупо лень. — Дальше-то и начинается политика. Кто такой этот Рингмар? Да никто, по сути пока, а вот кто такой будет Рингмар после смерти жены? Не морщите лоб, милая, этот Рингмар после вашей смерти станет без пяти минут графом. — Я отпил

чая, наблюдая за носящимися по комнате детьми. — Де Миртов еще лет пять не будет на политической арене, да и сам наследник, непонятно по каким причинам находится в руках барона. Его заядлый враг и один из самых богатейших баронов в графстве повержен, а вследствие последних событий и присоединен к его землям. По непонятным причинам поддерживается Кемгербальдами и наследниками Гердскольдов, а по некоторым данным, еще и сестрой ныне властвующего барона Пиксквара. Все это неожиданно толсто и жирно подчеркивает статус молодого барона, указывая королю на него перстом, на котором недвусмысленно можно прочесть лишь одно слово.

— К-какое? — запнулась баронесса.

— Опасайся. — Улыбнулся я, отвесив поклон старой королеве.

— Ну-у-у... — протянула графиня, возвращая мне улыбку. — Не то чтобы «опасайся», но по крайней мере «не проморгай» — точно.

— Так что, дорогая моя жена, быть нам с тобой вместе. — Я пристально взгляделся в прямую и серьезную старушку, ожидая ее реакции. — По крайней мере еще год, до главного бала в столице, где со мной наверняка пожелают познакомиться несколько влиятельных персон, чтобы оценить, что же это за птица такая новый барон фон Рингмар. И если что, с чем его едят, а то мало ли, может, полусладкое будет гораздо уместней сухого вина к этому блюду.

— Я бы порекомендовала повару побольше перца насыпать на язык этой птичке, — рассмеялась де Кервье.

— Лишь бы яблочко не всунули, куда поглубже, — так же рассмеялся я.

— Но это лишь одна сторона. — Графиня вновь посерьезнела. — Мы ведь не забываем о молодой жене барона? Ей-то что делать, к чему готовиться?

— Пожалуй, эта часть будет для меня интересней, — фыркнула Нона, отставляя пустую чашку.

— А ей предстоит готовиться управлять двумя баронствами сразу. — Я тоже поставил на стол свою чашку. — Рингмар не всегда будет здесь, он уже не принадлежит сам себе, скоро он уйдет на обучение в академию, а потом вообще неизвестно куда, а кому-то, без сомнения, придется за всем этим присматривать.

— Что?! — Нона удивленно вскрикнула, широко раскрыв глаза.

— Тише, девочка, на тебя люди смотрят. — Графиня кивала своим мыслям. — Думаешь, она справится?

— Посмотрим. — Я пожал плечами. — Время еще есть, подтяну ее,

поучу, что-то расскажу. В конце концов, ее всегда можно сплавить в какой-нибудь уединенный монастырь с глаз долой.

— Как в монастырь?! — У баронессы задрожали губы.

— Ну да, ну да. — Задумчиво покивала головой де Кервье. — Значит, так, девочка, собирайся с мыслями и берись за ум, слушай, что тебе будет говорить твой муж. О своих планах вернуться в Когдейр забудь навсегда, твой дом теперь здесь. Твоей жизни ничего не угрожает, а вот как ты ее проживешь, уже будет зависеть от того, правильно ли ты все поняла и сделала.

Мы сидели, каждый размышляя о своем, а я еще и распутывая косички у енотов. Все не просто, все не просто так.

* * *

Призрак все же убил. Один из слуг самостоятельно решил спуститься вечером в подвал за провиантом, где его и нашли поутру. А потом призрак убил одного из конюхов, задолго до рассвета решившего покормить лошадей. Потом одну из кухарок. Люди, расслабившись от двух недель мнимой безопасности, давали слабинку и по привычке считали, что смерть это то, что бывает с другими.

Мы с сэром Дако, каждый по отдельности, перелопачивали его библиотеку, по крупницам собирая сведения по этому вопросу, то так, то эдак прокручивая возможные варианты противодействия, в ожидании, когда к нам наконец-то приедут специалисты, что с трудом продирались через снежные заносы необычайно пышного снега для начала зимы.

Этот труд принес нам лишь поверхностные знания, совершенно не проливая свет на решение вопроса, впрочем, скучать не приходилось. Моя супруга взялась за учебу рьяно и с каким-то внутренним остервенением, подолгу проводя со мной время за рабочим столом, где я учил ее самостоятельно, хотя бы тупо подбивать расход-приход или же в моем сопровождении присутствовать при судебных тяжбах. Надо все-таки похвалить ее, девушка уже через пару дней бегло называла номера указов и статей из моего кодекса и даже, к моему стыду, указала пальчиком на одну из моих огрешностей. Я банально в разных сводах противоречил сам себе, от чего могла возникнуть путаница, но пока благодаря либо случаю, либо банальному стечению обстоятельств, этого не произошло.

Она словно рыба в воде чувствовала себя в юриспруденции, подолгу вынося мне мозг моим же писанием, выдавая тут же на память общие

указы по королевству. Одно радовало, в общем и целом, она оказалась продвинутым человеком, с ходу уловившим все выгоды и плюсы моих реформ, поэтому стала не обузой, а тем импульсом, что, наоборот, подстегнул меня к работе, так как эту сферу я забросил, уходя больше в экономические дебри финансовой стороны.

Зима располагала к труду за столом, а наш союз нашел отклик в реформах, указах, общем стратегическом планировании, а также расчетах, выкладках и приблизительных прогнозах на основе собираемой информации за прошедшие года.

Со скрипом и с большой натяжкой можно было бы даже сказать, что мы в какой-то мере сдружились. М-да уж, смешно, наверно, звучит, сдружились с женой? Ну да, я считаю это лучше того, что было бы, продолжайся все по-старому, и мы бы жизнь прожили, не обмолвившись друг с другом словом.

Засев за давно откладываемый труд по созданию полиции, а также написания уголовного кодекса, не то что с облегчением, а с радостью принял ее помощь. Она даже кинула в меня чернильницей, вот как близко мы сошлись! Просто я человек такой, любого доведу до белого каления. Зато в споре у нас получался вполне приемлемый труд, причем достойный, как с моей точки зрения, так и со стороны, так сказать, местных аборигенов. Вообще даже подумать страшно, как бы я пытался связать три свода законов с четвертым, при этом выстраивая шкалу взаимодействия служб. Внутренняя стража, та, что выполняет функции охраны города, полностью реконструировалась мной. Это даже смешно, но по ночам стража тут спит. Нет ни графиков дежурств, нет какого-то централизованного управления, не говоря уже о базах данных и следственных группах. Здесь если не поймали на месте преступления, то уже скорей всего не поймают никогда. Тут мировым судом по-прежнему считают суд чести, кто кого заколот на дуэли, тот, стало быть, и прав.

Денежка, благодаря моему браку с госпожой Когдейр, теперь у меня была на руках солидная. Ну, в самом деле, не возвращать же мне честно награбленное жене? Оно теперь без всяких условностей и так мое.

Итак, помимо униформы, табели о рангах, окладов и комплектации вооружения и прочего инвентаря, полиция делилась на службу безопасности, отделение, отвечающее за охрану тех или иных объектов, а также сопровождение, конвой и надзор тюремного заключения. Далее патрульно-постовую службу, в чьем ведении был надзор правопорядка на улицах, постоянный круглосуточный надзор и обход территории, а также выход, оцепление на месте преступления. Ну и третья служба, естественно,

следственно-розыскной отдел. Здесь у меня будут группы следователей, дознавателей, усиленные оперативниками. Все это прекрасно, но сами понимаете, все эти люди по странному стечению обстоятельств хотят кушать, а некоторые даже имеют наглость заявлять о том, что неплохо бы за их труд еще и платить.

Помучившись как-то день и ночь до рассвета за расчетами, отдали это сквайру Энтеми с его помощницей леди Нимноу. Эти люди-калькуляторы за полдня на переменных и статистике подбили нам бюджет всей структуры. Вот и думай после этого, кто тут варвар. Я первое время вообще-то хотел рассчитать леди Нимноу и отправить на покой, но понаблюдав за слаженным трудом и вполне адекватными решениями в паре со сквайром, решил, что подобными кадрами не стоит просто так разбрасываться.

С Ноной я шаг за шагом проходилась по всем аспектам устройства моего управления, не знаю, нужно ли все это будет мне в будущем, но уж точно все бросать на самотек я не собираюсь. Тут ведь будущее у меня размыто и туманно, сколько мне до академии осталось? Года четыре, может пять, а потом что? Дадут ли мне откупиться от ярма пожизненной службы короне? Или, как в том мультике, скажут: «такая скотина нужна самому?» Вот у меня перед глазами яркий пример жизни рядового мага, а именно сэра Дако. Отучился, отвоевал, а потом в почетном чине защитника был отправлен на тогдашнюю границу, в никому не известный замок приглядывать за никому не нужным местечковым баронством.

Хочу ли я такого будущего? Не знаю, с одной стороны, вроде и при делах, а на практике можешь послать всех к черту, занимаясь чем угодно, лишь время от времени отсылая отчеты и одним глазом приглядывая за нерадивыми, чтобы уж совсем не поубивали друг друга. А с другой стороны, вроде как шаг влево шаг вправо — попытка к бегству. Жесткая привязка, жесткая граница между нельзя и можно. Это я без разрешения ни в Турцию, ни в Египет на отдых не слетаю. Да и понравилось мне что-то быть в должности власть держащего, тут не буду кривить душой, отнекиваясь, я радуюсь каждому дню, проведенному в заботах о своей земле и своих людях. Ну и надеюсь, что мои труды не напрасны, кто-то когда-то, может, помянет меня добрым словом.

О своем будущем решил не загадывать наперед, лишь для верности, как говорится, подложить соломки в то место, куда возможно упаду. Деньги, деньги, все они проклятые, без них никуда, стану ли я магом при короне или беглецом от короны, буду ли я защитником в какой-нибудь Тмутаракани. Или же буду нежиться на песчаном Лазурном берегу под

лучами южного солнца в панаме из пальмовых листьев, именно деньги не дадут мне чувствовать себя потерянным и зависимым от чьих-то решений. Я могу легко отказаться от власти, у меня есть интерес в жизни куда больший, это магия, но вот даже с ней ты не будешь чувствовать себя комфортно, не имея за душой и гроша.

Как один из вариантов, я, естественно, рассматривал и банальный побег со сменой в очередной раз имени. Уж где-где, а в этом мире отсутствия паспортов, не думаю, что это станет совсем уж тяжелой проблемой. Нет, искать, конечно, будут, и если найдут, мало не покажется, но для начала найдите. Эх, хорошо бы было перевести часть капитала на Каймановы острова, но, к сожалению, в этом мире ни Каймановых островов, ни банков нет.

Может, банк создать да в ростовщики податься?

— Нона! — заорал я, сидя в одиночестве за своим столом и тут же прикрывая испуганно рот, так как час был поздний, а кругом спали дети.

А ведь действительно, почему не создать банк? Идея-то простая, как щелчок пальцев по лбу. Капитал начальный у меня ого-го, а к должникам всегда в дверь может постучаться первый пехотный полк легиона! Аккуратненько так в дверку «поскребстись» и спросить: «Вы там случайно про пеню не забыли?»

Словно пантера в клетке, я заметался по комнате, бесшумно натываясь в полутьме на табуретки и углы мебели. Ну, привычка у меня такая, когда думаю и обсасываю идею, бегаю туда-сюда по кабинету.

— Улич, иди, спи, бесноватый! — на диванчике сонно заворчал Герман. — Достал уже со своими ночными посиделками, вали в коридор или каминную, там свои конные бега устраивай!

Варвары, у меня тут идеи бурлят, я тут гениальными мыслями брызжу, а они спать удумали. В сопровождении братьев меньших, так же, как и я, страдающих ночными бдениями, и сграбастав за пазуху с чайного столика всевозможные плюшки, выдвинулся к выходу из покоев, перешагивая по пути спящих людей. Ну, или стараясь, по крайней мере, сильно их не топтать.

— Ой!

— Ай!

— Улич, чтобы тебя разорвало!

Да сколько вас тут, елки-моталки?! С горем пополам добрался до выхода, открывая дверь и выходя прочь, прямо в объятия стоящего там привидения. Да-да, опять, видимо, девчонки балуются, в этот раз хоть дырки в простынях не вырезали, так даже в белом платье они пострашней

будут.

«За что?» — тихо так начал стонать доморощенный полтергейст, протягивая ко мне руки.

— Не за просто так, видимо, — буркнул я, всунув в руку призраку творожную ватрушку. — Ты бы со своими подружками спать шла, пока опять на графиню не наравались.

Обойдя этого сборщика ватрушек, недоуменно разглядывающего свой презент, неспешно проследовал вниз, в зал, где на столе раскидал свои припасы, с наслаждением предвкушая ночь под сенью музыки, со сладким остервенением раскрывая приложения Мака для работы с документами и принимаясь за работу.

Так, стоп. Что-то не так, что-то меня тревожит, словно я упустил какую-то деталь или о чем-то забыл. Еноты на месте, пирожки, пирожные взял, что я хотел еще? Нону позвать? Нет, пусть спит, и так девочка полтонны знаний за раз переваривает, пусть отдохнет. Что же тогда? Призрак... Что с ним не так? Ешкин кот! А кому я сейчас вручил ватрушку, пробегая по верхнему этажу?! Для рыжuleк и Пестика слишком высокая, Деметра тоньше будет, Нона бы не стала подобным баловаться, не говоря уже о прочих баронессах и графинях, что остается? Пенка с Молочком? Так они блондиночки, а у этой черные волосы развевались. Стоп, как это волосы могли развеваться, словно на ветру, в закрытом помещении? Или это и в самом деле была она?! Белая Смерть стояла у меня под дверью в покои?! Да ну, не может быть, я бы сразу ее узнал... наверно. Не, не может быть.

Меня пробил холодный пот с головы до ног. Мать честная! Да зная себя, я не то что призрака, Деда Мороза бы прошел, не узнал! Опрокинув стул, вихрем подорвался на ноги, с бешено колотящимся сердцем перепрыгивая через ступеньки и несясь по лестнице назад в комнаты. Лишь бы успеть, шептал я, запыхавшись и с трудом сглатывая воздух, лишь бы беды не случилось! Вот же дурак, она убивать пришла, а я ей пирожок всунул!

Влетев на этаж, стал дико пялиться по сторонам в полумраке перед дверями. Масляных ламп на этаже было не много, так что они не столько рассеивали мрак, сколько подчеркивали его густоту. Неужели не успел и она уже внутри?!

Краем глаза уловил в конце коридора какое-то смутное размытое движение, едва уловимую игру теней. Кто-то крался, там скрываясь и стараясь не попадать на свет. Мак услужливо вывел параметры притаившейся фигуры в тени, обрисовывая тонкую фигуру, явно

принадлежащую даме.

— Honde hoch! — взревел я трубным голосом, в конце неожиданно давая «петуха». Проклятое взросление, весь эффект насмарку.

Эльфийскую руну света я залепил на стену в считанную секунду, явно переборщив с энергоканалом, от чего свет ударил с такой силой, что, наверно, ослепил даже тех, кто спал за стенкой. Благо у меня еще в наличии есть глаза Мака, показавшего, что фигура вместо попытки к бегству неожиданно ринулась ко мне! Ну, товарищ призрак, это вы зря! По коридору устремились один за другим с гулом от пожираемого кислорода три огнешара, обдавая стены жаром. Но Мак показал, что фигура обладает параметрами настоящего акробата, с грацией, которой бы позавидовали кошки, она ушла от опасности, продолжив свое приближение в мою сторону. Эх, мать, раззудись, рука, размахнись, плечо! Выручай меня, мастер Эббуз, не зря же я столько времени изучал твои труды? В дело пошли кулаки-тараны, а следом смертельные лезвия, выбивающие крошку из каменных стен коридора и гулко бухая в стену, в самом конце. Фигура заметалась из стороны в сторону, с завидной грацией уходя от каждого из моих заклинаний! Это даже пугало! Нас разделяли считанные метры, в каком-то диком прыжке росчерком черной молнии таинственная фигура врезалась в меня, правда тут же отброшенная защитным коконом, но и меня сбивая с ног инерцией удара. Мы кубарем полетели по коридору, немного привыкнув к свету, взглядом выхватил два кинжала в руках у своего оппонента. Длинные обоюдоострые клинки тусклой стали, каждый размером не меньше локтя длиной. Это мне повезло, что Мак на автомате выставил щит, с этой безумной скоростью я бы просто физически не успел среагировать адекватно. Торчали бы сейчас эти клыки из моей бездыханной тушки.

Молодая, подтянутая девушка с иссиня-черными волосами, туго сплетенными в толстую косу, тяжело дыша, поднималась с пола, с опасной грацией занимая какую-то низкую бойцовую стойку, вновь направляя на меня свое смертоносное оружие. От ее фигуры и прищура темных глаз веяло профессионализмом тренированного бойца, минимум движений, максимум эффективности. Подобную стремительность показывала фон Каус, гоняя меня с мечом на тренировках.

Я не успел сказать даже: «Какого черта?», как она вновь бросилась на меня, в прыжке ударяя по щиту ногами, от чего я опять распластался на полу. Потом еще и еще, она, всем телом ударяясь о щит, теснила меня из узкого коридора, тупо выталкивая к лестничному балкону. Проклятую фурию смогло остановить лишь кольцо Прая, бешеной стихией, огненным

столбом разделив нас по разные стороны.

— Что здесь происходит?! — По лестнице взбирался сэр Дако в сопровождении чуть ли не всей замковой стражи. — Барон, что вы не поделили с леди Шернье?

— А? — Захлопал я ресницами, сбивая пламя заклинания. — Кто такая?

— Что значит кто такая? — В свою очередь удивленно на меня воззрился маг. — Тебе же леди должны были представить ее!

— А мы и представили! — Из-за двери выглядывали головки чуть ли не всех леди, что обитали в моих покоях. — Но он в бумажки закопался и, когда мы ее представляли, сказал: «Хорошо, положите на стол, я потом посмотрю!»

— Что?! — взревел Дако.

— Не может быть! — тут же попытался отмазаться я. Сто раз же говорил, когда я занят, я занят целиком и не могу отвлекаться! — И вообще я тут, между прочим, призрака отгонял!

— Ты его плюшками кормил, а не отгонял! — подала голос таинственная и стремительно опасная леди. — Я все видела!

В зале повисла тишина, я просто физически ощутил, как глаза всех присутствующих грузом осуждения повисли на моих хрупких плечах.

— Ой, да ладно! — Я попытался сделать хорошую мину при плохой игре. — С кем не бывает? Вы что, никогда призраков не путали и не угощали их ватрушками?

После этой фразы я понял, что как минимум до конца жизни, а то и на долгие века прославил себя многочисленными анекдотами и героическими балладами, не говоря уж о других разных досужих домыслах, чем на самом деле занимался рассеянный барон с давно умершей женщиной. Ну задумался человек, немного уйдя в свои мысли, ну перепутал немного, что же вы все так удивленно смотрите на меня? Хотя самому стало стыдно, да и на эту непонятную леди, получается, непонятно зачем напал.

— Э-э, — вновь подал голос я. — Раз уж все собрались, может, представите таинственную незнакомку?

— Леди Альва Шернье. — Девушка сама вышла вперед, учтиво приседая в легком поклоне. — Маршал ордена бестиаров, прибыла к вам в замок по просьбе сэра Гарича Ол'Рока, чтобы оказать вам посильную помощь в избавлении от призрака.

— Слава богам, ты хоть на некроманта не успел напасть! — прошипел на меня Дако, нелицеприятно отвешивая подзатыльник.

— О! — удивился я. — И он уже здесь в замке?

— Тудыть тебя растудыть! — Поджал губы старик.

* * *

Следующим утром в кабинете у Дако собрались все, обсуждая ночные приключения, знакомясь и обговаривая планы на перспективу, ну и как уже водится, то и дело поглядывая на меня то ли с осуждением, то ли, проверяя, не удумал ли я очередную какую проказу.

Леди Альва при свете дня в пышном платье выглядела очень даже женственно, впрочем, побьюсь об заклад, от этого она не перестала быть менее опасна. Это надо же, она меня в моем коконе защитном чуть до лестницы не допинала. Тоже мне футболистка выискалась.

Но наиболее интересной фигурой была вторая бабушка, та, что уже не экс-королева, а седоволосый маленький сухонький комочек в сером невзрачном платице. Пройди на улице мимо такой и не заметишь, не поймешь, что это могущественный и ужасный, тайно сокрытый и вообще до одурения зашифрованный некромант. О чьей профессии тут принято говорить лишь шепотом и с оглядкой по сторонам.

Вообще бабушки вроде как и не участвовали в разговоре, они сидели в сторонке у окна, подслеповато разглядывая по вязаному шедевру у себя в руках, то и дело давая друг другу какие-то непонятные советы по вопросу, какую петельку как лучше накинуть. Что тут скажешь? Бабушки, они, как и дедушки, только бабушки и со спицами. Запутанно? Зато по существу. Это мой Дако дед не дед, а конь с... м-м-м... в общем коник такой живенький. А бабульки, они степенней, монументальней, если хотите, не ходят, не шкандыбают, а словно плывут. Солидные мне достались бабушки, одна бывшая королева, а вторая не бывшая некромант. Милана Хенгельман, собственной персоной, помимо своей непритязательной внешности, еще и обладала тихим, убаюкивающим голосом, при всем при этом имея мимические морщинки в углу глаз, свидетельствующие о том, что она человек улыбчивый и смешливый.

— Ты можешь еще раз по-человечески объяснить, что именно ты делал ночью с призраком? — Сэр Дако сидел, обхватив голову руками.

— Я же говорю вам, шел в общий зал, так как меня из моего рабочего кабинета выгнали, — опять начал я. — Выхожу в коридор, там стоит эта, что-то гундосит. Я подумал, девочки опять балуются, всунул ей ватрушку и дальше по делам пошел.

— И она на тебя не напала и ничего не пыталась сделать? —

удивленно спросил Дако.

— Да она, наверно, до сих пор в шоке, — рассмеялась леди Шернье, поддержанная Хенгельман. — Призрачные проявления питаются страхом, преобразуя эмоциональный всплеск в энергетическую основу, за счет этого и происходит построение всех их проявлений. А тут мало того, что она материализовалась, выйдя на затраты, так вместо страха ей булку с творогом всунули, мол, дуй давай отседова, мне некогда. Она не то что пищи не получила, он ее своим проявлением отбросил в такие глубины голода и энергозатрат, что, боюсь, ей не одна неделя понадобится на восстановление.

— То есть вы хотите сказать, если не бояться, то призрак сам рассеется? — С интересом слушал я ее ликбез.

— Ну, это в идеале, — подала голос бабушка-некромант. — А на практике обычно даже самые бесстрашные не в состоянии контролировать свой эмоциональный фон, и дело тут даже не в выдержке и силе воли, тут банальная химия, в кровь поступают элементы, вызывающие то или иное состояние, независимо от пожеланий разума.

Короче, адреналина полные штаны, подытожил я для себя их краткий экскурс. Ничто не ново под луной, все, что мы чувствуем, любовь, ненависть, все наши страхи и переживания не более чем химические процессы, вызванные реакцией в крови. Только люди разные. Помню, даже одно время анекдот был популярный в сети, когда двое разговаривают: «Физик, изучающий атомы — это просто кучка атомов, которые пытаются осознать самих себя. — Постой, но биологи же утверждают, что мы состоим из клеток! — Биологи состоят из клеток, а физики из атомов, боже мой, это же элементарно, чему вас только в школе теперь учат?!»

— Подведя итог, можно охарактеризовать это проявление как своего рода энергетического вампира? — спросил я Хенгельман.

— Можно, сынок, можно. — Бабуля выбивала спицами чечетку под недремлющим оком своей старой товарки.

— Что мы можем сделать, чтобы развоплотить ее? — по существу спросил старый маг.

— Ну, перво-наперво я изготовлю и развешу по замку уловители и блокаторы тонких энергетических структур, что не полностью, но изрядно затруднит сбор пищи для призрака. — Она отвлеклась, задумчиво разглядывая то нас, то свое детище. — Госпоже маршалу предстоят дежурства с пресечением всевозможных потуг призрака материализоваться, о деструктивных свойствах элементов, таких как железо хладное и каменная соль, думаю, все наслышаны, а уж в ордене бестиаров так еще и

обучены.

Они кивнули друг дружке, каждая не без тени некоторого превосходства, вроде бы и одно дело делают, но по идее на разных фронтах и по разную сторону.

— Но это все лишь детский лепет, — хмыкнула она. — Я вам официально, с высоты всего своего опыта заявляю: эту вашу Белую Смерть истощением не остановить. И дело тут вот в чем...

Призраки бывают двух типов, с ее слов. Каждое проявление и материализация энергии оформляется и подчиняется той или иной заданной программой. То есть на самом деле это не думающая и не реальная когда-то личность, это не умерший человек, это его эмоция, оформленная программой действия с компонентом энергетических узлов, в которых, естественно, есть подпитка, материально-визуальная часть, ряд физических проявлений, допустим, толчок или понижение температуры, либо же какой-то звуковой эффект. Некромант вылавливает эмоцию, и здесь, как правило, самой сильной является предсмертная, и по своему вкусу свивает вокруг нее каркас, наделяя то самое последнее чувство ногами, руками, глазами и всем, что только его душе будет угодно. Почему эмоция? Да потому, что здесь не умеют еще писать заданные команды, процессором и катализатором призрака, его функцией будет жажда. Допустим, если человек умирал от обезвоживания, голод, ненависть, страх, боль, все то, что заставит выполнять каркас определенные команды. Из которых под подобными эмоциями проще всего выполнять команду «иди — убей», высоси его досуха, сожри его, заставь в страхе остановиться сердце. Вся эта структура из жгутов тонкой материи питается и привязывается, к определенному субъекту, которого необходимо убить, либо же к определенному месту, дабы его оградить от постороннего доступа, в общем, в зависимости от необходимости специалист делает либо убийцу, либо стража, ну или при определенных условиях и пойманных эмоциях ушедших людей возможен вариант создания слуги.

Подобные призраки именуются искусственными, в них есть даже какой-то минимальный объем знаний, оставленных давно умершим человеком, все это хоть и относится к высшей некромантии, вполне практикуется и по сей день, но вот к нашему случаю это не относится.

Бабуля тяжело вздохнула и поведала нам о высших материях, находящихся за пределами человеческих сил. Мы, маги, можем оперировать бесконечным движением материи вселенной, черпая из нее свои силы, мы можем по своему желанию вызывать жар или холод, даже сдвигать горы и управлять небесным океаном аэра. Те же некроманты

способны улавливать тонкие токи, считывая эмоции тех, кого уже в помине нет, заглядывая за грань бытия, но есть еще что-то, о чем нам могут поведать лишь жрецы, есть что-то в этом мире, какая-то крупница, маленькая частичка от божественного. Не бозон Хиггса, а именно Частичка Бога, проявления чистого чуда, то, что невозможно объяснить, и элементом этого чуда как раз является Белая Смерть. Прямо чем не повод для радости?

— Дело в том что, этот призрак не привязка и не слуга некроманта. — Покряхтывая, Милана Хенгельман встала, наливая себе в чашечку порцию чая. — Это чистая эманация смерти, это настолько сильная эмоция, это настолько сильная боль, что она сама свила вокруг себя жгуты энергии, она сама себя вскормила и вернула в мир живых. Подобные случаи за тысячелетия можно на пальцах одной руки сосчитать. Это не магия, это расплата за грехи наши тяжкие, возмездие высших сил. Некромантам не подвластны подобные силы, когда-то давно, говорят, было направление малефиков, чистого учения, науки, которой не могли понять даже дъесальфы — отцы тонких структур, но, увы, к нашим дням трудов по этой практике почти не сохранилось. Это призрак естественного происхождения, я даже не берусь утверждать, эмоция ли это, я не знаю.

— То есть, вы хотите сказать, что наш призрак самый что ни на есть призрак, а не чьих-то рук дело? — Я поддержал ее, так же встав и налив себе чая. — Но ведь есть способ борьбы с ним? Не можем же мы просто опустить руки?

— Нужен первоисточник. — Хенгельман села на место. — Первопричина, любые структуры подобных материй не могут жить без привязки, это может быть все что угодно, человек, может предмет, избавившись от которого, вы избавитесь от призрака.

— Я думаю, это юноша, он привязка для этого чудовища в этом мире. — Бывшая королева не любила ходить вокруг да около. — Только он остался жив из тех мастеров, что заделывали склеп!

— Не факт! — встал неожиданно на мою сторону Дако. — Там еще столяр был, что сейчас при них в комнатах слугой, он-то тоже живой.

— Он живой, потому что призраку наплевать на него! — фыркнула де Кервье. — Белая Смерть не последовала за ним, она осталась ждать, когда юноша останется один, чего собственно в итоге и дождалась.

— Думаю, графиня права, но не в том, что все закончится на юноше, а в том, что все началось с него, — подала голос леди Альва. — Он что-то сделал, и если мы первоначально все думали, что банально нанял какого-то специалиста, то теперь выясняется, что делал он это сам без чьей-либо помощи.

— Мог ли человек, не прошедший инициализации в маги, что-то сотворить, что бы смогло связать энергию? — адресовал я вопрос сразу Дако и Хенгельман.

— С моей стороны нет. — Покачал головой Дако.

— В некромантии также нет, — поддержала его старушка. — Но как я уже говорила, к некромантии данный случай не относится. Нужно расспрашивать его отца и того, кто остался в живых из тех работников. Вы знаете, как много среди разных родов есть наследственных семейных проклятий, считалочек-выручалочек, заветов и правил, а иногда тупых примет, что передаются из поколения в поколение? Да почти у каждого аристократического рода, с горем пополам переваливших за двести-триста лет истории. Не берусь утверждать, но возможно и в роду Рах было что-то? Может, от друидов или жрецов, может, амулет какой, любая мелочь могла склонить ту чашу весов, что стала ключом и дверью для призрака.

— Меня еще один вопрос беспокоит. — Альва Шернье поерзала в своем кресле. — Все ли здесь уверены, что Белая Смерть это та самая эльфийка Ладельерра?

— А что не так? — спросил я удивленно.

— Да в этой истории все не так, — недовольно выступила Вальери де Кервье. — Я уже говорила, и повторяюсь еще раз, покойная Ладельерра в тех местах чуть ли не святая, а Белая Смерть мало того что убивает, так еще, судя по описанию, имеет ужасный лик.

— Ну, при первой нашей встрече так и было. — Я попытался припомнить детали. — А вот при второй не было никакой худобы и черепов, просто бледная и изможденная, вроде бы так.

— Возможно, это стадии. — Кивнули на пару бестиар и некромант. — Видимо, есть лик предсмертный и образ посмертный.

— О чем это может говорить? — Я погладил одного из спящих енотов.

— Похоже, смерть этой женщины была от истощения. — Пожала плечами Альва.

— Так же погибла и ваша святая, судя по историческому экскурсу. — Пришлось встать, чтоб долить еще чая. — Но оспаривать ваши сомнения не берусь, так как и сам прекрасно вижу, что не все в этой истории на виду, слишком много сокрыто, и единственный свидетель тех событий сейчас сам больше мертв, чем жив.

— Ему действительно невозможно помочь? — Сквайр Энтеми явно чувствовал себя не в своей тарелке. — Может, нам нанять лекаря или, может, мага-менталиста? Я слышал, что подобные специалисты могут вытаскивать нужные знания из самых упрямых голов.

Все присутствующие с недоумением уставились на него, каждый находя отклик понимания в его словах, но заставляя смущаться от такого внимания этого скромного мужчину. Я сам должен был его осмотреть, да я уже видел его, но ведь мельком, лишь взглянул бегло, а может быть, и вправду есть шанс? Да и Дако должен был догадаться о менталисте, впрочем, нам, возможно, и вызывать никого не надо. Граф Десмос — папочка вампиров, с его же слов сам вполне может неплохо прочитать открытый разум. Он, конечно, не высокого ранга специалист в этой области магии, но в эмпатии я его не раз уличал, да и много ли надо, чтобы проникнуть в спящий разум совершенно безвольного человека?

— Господин Энтеми! — Я подскочил на кресле. — Вы гений чистой воды, если бы не ваша борода, я бы расцеловал вас!

В комнате раздались смешки, от чего сквайр еще больше засмущался, наливаясь краской. Больше обсуждений в тот день не было. Да мне и некогда было, оставшийся день я провел в комнате Рахов, отгоняя путающегося под ногами отца, всячески пытаюсь прощупать, прослушать, а иной раз чего отковырнуть или резануть по телу его сына. Было печально, во-первых, то, что я не мог выполнить простейшие анализы, а во-вторых, общая запущенность больного.

Промучившись еще какое-то время, пришлось несолоно хлебавши покинуть покои, так сказать, пациента, направляя свой путь в замковое подземелье, что стало вотчиной и апартаментами, а также домом для моего старого знакомого графа Десмоса. Граф он или нет на самом деле, мне без разницы, сейчас для меня главное, что этот морф является самым старым вампиром в моем клане. И пусть он не в лучшей своей форме после проведения боевых действий, но меж тем вполне разумная личность, не обделенная рядом так нужных мне в данный момент свойств.

— Вечер добрый, граф! — поприветствовал я его с порога.

— Надеюсь, господин барон, надеюсь! — Он был в сознании, лишь изредка впадая в сон, пищей же ему служила свиная кровь, доставляемая в избытке. Культи рук и ног белели свежими бинтами, медленно, но верно его организм восстанавливал отсеченные в битве конечности, от чего можно было впасть в протрацию. Это было потрясающе, росла не только мышечная, но и костная ткань! Вообще интересные они тварюшки, эти вампиры, их бы по уму разложить по косточкам да разобрать по пробирочкам, им же цены бы не было. Ну да все еще впереди, может, я еще поработаю с их материалом, мне бы только оборудования для работы побольше, а то стыдно признать, до сих пор не то что микроскопа, подзорной трубы не имею.

— Зная вас, могу предположить, что вам вновь понадобился ваш преданный слуга, ну или то, что от него осталось. — По красивому лицу этого брюнета расплылась улыбка. — Надеюсь, того, что осталось, вам хватит?

— Ах бросьте, граф, останься от вас одна голова, и того было бы достаточно, зная вас и ваш проницательный ум. — Рассмеялся я.

— Вроде как и приятно, но с другой стороны, внушает опасения, рядом с вами и вправду можно превратиться в кочан капусты, навсегда распрощавшись со всем остальным телом. — Он вновь улыбнулся. — Где будем воевать, мой друг?

— Здесь. — Я постучал пальцем себя по голове. — Нам предстоит залезть в голову к одному юноше.

— Это непросто. — Он стал серьезен. — Очень непросто переломить чужую волю, проникая в сокровенное и потаенное человека.

— Воли нет. — Печально вздохнул я. — Есть только тело, но вот человека в нем, боюсь, уже нет.

— Но он жив? А то с мертвым материалом я не работаю. — Граф вскинул бровь.

— Он жив. — За меня ответила, входя в подвал, Альва Шернье, маршал бестиаров, в своем темном облегающем костюме с двумя маленькими пистолетными арбалетами в взведенном состоянии. — А вот вы под большим вопросом, вам ведь известно, господин барон, что любые отношения с вампирами чреваты незамедлительной карой? Закон недвусмысленно говорит о подобном.

— Что там такое, девочка? — Из-за ее спины показалась щупленькая фигурка Хенгельман. — А-а! Ты застала нашего юношу за общением с разными бьяками вторично? М-да уж, господин Рингмар не по годам у нас прыток.

Тьфу ты черт! Вроде же Мак пробивал следилкой мои тылы, однако все равно выследили, и ладно бы некромантка, она сама вне закона, но бестиар это уже серьезно, это оплот местного фронта по борьбе с нечистью.

— Ладно, прекращай их пужать. — Бабка фривольно и звонко отвесила шлепок по аппетитному заду Шернье. — А то сейчас начнут брыкаться, в окна выпрыгивать и прочими глупостями заниматься. Не ровен час, сама кого сгоряча пристрелишь.

Граф, видимо, и без меня прекрасно просчитал все последствия от встречи с бестиаром, нервно покрывшись испариной, я же не только побледнеть успел, мне в доли секунды пришлось придумать минимум пять

способов избавиться от трупа этой воинствующей девы.

— Ладно уж, сегодня так и быть я вампиров опять в замке не увидела, — проворчала Альва, потирая зад и снимая с взвода арбалеты. — И оборотней, и некромантов, и черт его знает кого еще.

— А у него еще и оборотни тут? — Бабулька шаркала по подвалу, расставляя по углам какие-то конструкции, напоминающие витиеватые круги ловцов снов североамериканских индейцев.

— Ага. — Шернье скучающе провожала бабушку взглядом.

— Слышь, малец, рот закрой. — Проходя мимо меня, поддразнила Хенгельман. — Так-с, а тут у нас что?

Она, совершенно не обращая на меня внимания, стала ощупывать испуганно глядящего на нас вампира.

— Вампирчик. — Она, не поверите, задрала верхнюю губу ему, пощелкав пальцами по зубам! — Немолод, видать, уже кланом обзавелся, железа на заразу уже рабочая сформированная. Такс-с, модификат из последних, те, что растут и развиваются, ага-ага, косточки, значит, усиленные, глазки похуже, это да, глазки у последних похуже будут...

— В миску глянь, — скучающе произнесла Альва.

— Свининка. — Бабка натурально облизала палец, который макнула в тарелку, из которой кормили графа! — Это правильно, молодец, единственно что, пудру меловую ему добавляйте да яичную скорлупу дробленную, так кости у них быстрее расти начинают. А перевертыши не побиты у тебя, часом?

— Не. — Я замотал головой. — Это в бою раны получены, он солдат.

— Солдат-молдат. — Фыркнула она, вновь возвращаясь к графу. — Ну что, душегубчик, допрыгался? Ты вообще чьих будешь? Только без брехни, я ваши все семьи наизусть знаю, как к мальцу в услужение попал?

— От герцога Тид ушел, — уже собравшись, спокойно стал отвечать Десмос. — Был заказ на Рингмара, но сами понимаете, не вышло, не возвращаться же назад?

— Давно по этому герцогу петля плачет. — Насупила брови бестиар.

— Да уж, мужик он крутого нрава. — Покивала старушка. — У него и папенька был с прибабахом на всю голову, и сынок не далеко ушел от него. Сколько в клане осталось?

— Пятеро, — за графа ответил я.

— А кормишь чем? — Ох и злющие глазки у мадам маршала.

— Коровки, свинки, овечки там разные, барашки. — Пожал я плечами.

— Уверен? — Шернье улыбнулась, как этакая строгая учительница.

— Ну, во время боевых действий всяко бывает. — Пожал я плечами. —

Не с коровами ведь воюем.

— И то верно, — подытожила Хенгельман, производя какие-то манипуляции над испуганно лежащим вампиром. — Я тут немного поправила его, быстрее немного на ноги встанет, а по поводу перевертышей что скажешь? Тоже клан приютил?

— Не, просто беглецы, клан в свое время вроде как отказался от них. — Я с интересом наблюдал за ее работой, в энергетическом плане отмечая блеск тоненьких ниточек, едва заметным плетением лежащих на тело вампира.

— Рожденные есть? — Альва с интересом меня рассматривала.

— Да. — Киваю ей.

— Тогда жди, за ними придут, ни одна семья еще от своих щенков не отказывалась, а если самочки, так еще и соседние кланы прибежать могут, у них этот товар в чести. — Шернье была вполне серьезна. — Могут силой увести.

— Найду, шкуры спущу, — вполне спокойно констатировал я.

— Ну-ну. — Покивала она. — К вампиру не зря зашел ведь?

— Да, хочу, чтоб у парня в мозгах поковырялся. — Любо-дорого было посмотреть за тонкими нитями некроманта.

— Это тогда мы вовремя зашли! — всполошилась Хенгельман. — Ну-ка, дочка, подсоби парню дотащить этого супчика до покоев.

— Тиночка! — тут же выдал я притаившуюся вампиршу. — Ты бы не могла помочь?

Тина была в подвале, скрываясь за ящиками, впрочем, пару раз попавшись Маку на локатор, но, похоже, вполне успешно скрываясь от посетителей, так как бестиар дернулась при ее появлении, а на лице некроманта проявилось удивление. Я, может, и промолчал бы, но мне тяжести таскать нельзя, надо будет на будущее справку себе выписать, где строго-настрого запретить поднимать тяжести больше трех килограммов.

— Тиночка, дорогая. — Она стреляла в меня не очень добрым взглядом. — Помоги, пожалуйста, госпоже Шернье, нашего дорогого графа поднять вверх.

— Хех! — Бабка натурально кулачком засадила мне в плечо. — А ты, мушкетер, неплохо устроился, девчата, значит, вкалывают, а ты ходишь ресничками машешь?

— Я еще маленький, жалеите меня. — Растер я плечо.

Используя одно из одеял как носилки, с трудом, но Десмоса все же доставили в занимаемые Рахом покои. Перепуганного папочку взяла на себя Хенгельман, под локоток уводя из комнат, так же неожиданно с

неохотой уходил и прислужник Армус.

— Ваше благородие, а вы что делать думаете? — Седоволосый всклокоченный мужичок с испугом разглядывал нашу компанию.

— Лечить твоего господина будем, Армус. — Отмахнулся от него я.

— Лечить, стало быть. — Он выглядел каким-то потерянным и перепуганным. — Эт хорошо, ваше благородие, и что, может даже, господин поправится?

— Может, и поправится. — Покивал я ему. — Тут дело темное, уж слишком он тяжело болен. Ты иди, дорогой, побудь пока со старшим Рахом, если что нужно будет, кликну.

— Как скажете, ваше благородие. — Ежесекундно оглядываясь, он все же вышел прочь.

Я, как дверь закрылась за ним, присел в кресло, обдумывая его поведение. Очень он был похож на человека, который знает больше, чем говорит, весь дерганый какой-то, можно даже на минутку предположить, что он не очень будет рад выздоровлению своего господина. Значит, мы правильно предположили о том, что он скорее всего в курсе того, что же произошло в том склепе, но по какой-то причине не рассказал об этом никому, даже отцу Немнода. Ох, засранец, чуёт мое сердце, плохая совсем история скоро выплывет наружу. Очень плохая. Нужно как-то его разговорить.

— Граф, вам что-нибудь нужно будет? — обратился я к уложенному рядом с юношей вампиру.

— Даже не знаю. — Он разглядывал Немнода, склонив голову. — Такое впечатление, что я подобное где-то раньше видел. Или, может, чувствовал.

— Что-то не так? — Поднявшись с кресла, я подошел к нему.

— Запах. — Вампир кивком подозвал Тину. — Чувствуешь?

— Что-то знакомое. — Она сморщила носик. — Вроде как несет от него, как от каторжников с рудных шахт.

— Не понял. — Я благодарно кивнул Шернье, подавшей мне кружку с заваренным чаем, с которым она возилась все это время у столика. — Можно поподробней?

— Это было давно, — начал граф. — Мы тогда не находились под защитой герцога, да и было нас всего трое: я, Тина и леди Рисп. Все время перебегали с места на место, нигде подолгу не задерживаясь, боясь собственной тени.

— Наше гнездо тогда выбили бестиары под Волнерскейпом, — подхватила рассказ вампирша. — Не знаю, кому и чем не угодило то

гнездо, но пришли рыцари, вырезав всех подчистую.

— Тогда пропала дочь местного барона, — внесла свою лепту Альва, так же как и я, попивая чай. — Ее папочка и оплатил бестиаров, он думал, что дочурку ваши к себе забрали, а оказалось, девка все это время с каким-то молодцом в гостинном дворе, в номерах пробыла.

— Демоны с теми причинами. — Граф, как и я, наблюдал за сжимающимися кулаками Тины. — Мы долго перемещались, в одном из восточных графств встав на зимовку в горах, там было полно пещер, а неподалеку рудная шахта, куда сгоняли каторжников со всей округи. Там-то мы и ощутили этот запах. Те каторжники, которых мы брали себе по ночам, выбирая самых плохих, которые и так бы зиму не пережили, точно так же пахли. Такое впечатление, что они провоняли насквозь землей и железом.

— Поганая кровь. — Поморщилась Тина. — Больные люди, некоторых бросали прямо в ямах помирать, они, как и этот юноша, безвольными изломанными куклами лежали, ни на что не реагируя.

— Идиот, — просто констатировал я, обхватывая голову руками. — Какой же я идиот, что сразу не диагностировал отравление!

* * *

Зима взяла замок на осадное положение. Мощный, не на шутку разыгравшийся ветер чуть ли не до земли пригибал голые деревья, срывая снежные шапки с белых барханов наметенного снега. Дикая смесь лютого мороза и снежной взвеси под напором мощных струй обжигающего ветра заставила народ попрятаться по домам, кутаясь потеплей кто во что горазд.

Но мне было как-то не до буйства стихии. Я носился, как курица-наседка с яйцами, вокруг своего пациента. Немнод Рах был отравлен. Взяв кровь у юноши, я заставил обоих вампиров снять пробу, после чего опытным путем каждому в рот засовывал пластинку с тем или иным металлом, словно повар, заставляя их определять послевкусие. А что делать, других приборов-анализаторов у меня под рукой не было?! Медные пластинки они повыплевывали сразу, сказав, что не должно быть кислинки. Серебро вообще в рот отказались брать, сказав, что такой горечи они не перенесут. Олово, бронза, золото, даже сталь с чугуном я заставлял обсасывать своих ассистентов, чтобы выявить, что за металл добывали в руднике и чем же отравлен Рах. Как и водится, ларчик открывался просто, оба однозначно и безапелляционно признали, что в крови юноши присутствует сладость, схожая по послевкусию, оставляемому свинцом.

Тяжелый, я бы даже сказал, тяжелейший из металлов! Плюмбум, мать его етить, ядовит как тысяча чертей, неудивительно, что на его добыче люди мрут как мухи, если не ошибаюсь, он вообще чуть ли не всегда идет в соединении с какой-нибудь дополнительной бякой, в природе, например, с цинком, или в урановых породах имея радиогенную природу.

В медицине для отравления этой гадостью даже специальное название придумано. Сатурнизм, свинец и его соединения являются ничем иным, как политропным ядом, то есть действуют на разные органы и системы организма, хочешь, печень откажет, а хочешь, почки, если мало, то на тебе отказ иммунной системы или сердечно-сосудистую недостаточность.

Видимо, здесь так и произошло, кома второй степени, если опять чего-то не упускаю. Глубокий сон, сопор, практически никакой реакции на боль (да-да, колот ему пятки иголками), отсутствие реакции зрачков на свет, слов отца иногда судороги. Где-то в его организме вышли из строя какие-то винтики и механизмы, которые мне предстоит еще определить. Жаль, проклятые вампиры отказываются пить мочу пациента, чем несказанно затрудняют мне диагностирование, не говоря уже про анализ кала. Ну да придумаем, что-нибудь, может, в чай им подливать? Так гаденыши чай не пьют.

Ювелир довольно филигранно по моему заказу сделал пару золотых игл для катетера, естественно, не одноразовых, а для кипячения, сам пакет пришлось лепить из кожи, как и трубку. Уже трижды используя папу, делал переливание крови, из парня нужно вывести токсин или хотя бы немного понизить его уровень. Для промывки почек, а также для усиления иммунитета постоянно давали отвар шиповника, он не только мочегонное, но и богат витамином С, если не ошибаюсь, по дозировке на уровне с лимоном. Вообще, конечно, хренотень это полная, но за неимением других медикаментов приходилось довольствоваться тем, что есть. Сами по себе тяжелые металлы не выводятся из организма, способствовать этому могут лишь выжимки и взвары из растений, богатых пектином, который связывает их соединения. Хелирование, или выведение тяжелых металлов из организма, это способ, при котором вещество хелирующего агента соединяется с ионами металла, координатной связью с одним или двумя атомами органического соединения. Если мне память не изменяет, в фармацевтику пектин попадает в основном из выжимок яблок и цитрусов. Помимо пектина можно применить винную кислоту, которой в местных реалиях было хоть отбавляй. На большее парню рассчитывать не приходилось, уж слишком все дико, да и я не в состоянии большего сделать. Нет у меня таких глобальных знаний, да и толком еще ничего не

понятно. Диагноз поверхностный, парня травили свинцом, но доза не вызвала явных симптомов, что скорее всего произошло из-за того, что у него и раньше были проблемы с каким-то из органов, который отказал почти сразу при поступлении яда.

— Лер Фава. — Мы сидели при его сыне вечером, с моей подачи отец разминал и делал гимнастику сыну. — Скажите, а вы хорошо знаете Армуса?

— Армуса? — Похоже, у него впервые за эти годы появилась надежда, так как он охотно откликался на мои требования. — Конечно, он еще при моем отце в артели был.

— А что он за человек? — Да, меня беспокоила его слишком явная заинтересованность и какой-то страх, что он пытался скрыть, наблюдая за лечением юноши. — По характеру, да и вообще, что он рассказывал вам по возвращении?

— Нрав у него склочный. — Старший Рах задумался. — Но то не от паскудности, он просто очень требовательный, как к себе, так и к окружающим. Он родился в артели, и это вся семья, что у него есть. Очень аккуратен, может по сто раз что-то переделывать, если ему это не по душе, даже если все вокруг будут говорить, что и так сойдет. Иногда мне кажется, что он даже больше печется о репутации артели, чем я сам, это, конечно, негоже, но он одергивает даже меня, своего господина, ну да я не в претензии, руки у него и впрямь золотые, а худого своей семье никогда не удумает.

— Я и посылал его с сыном специально для пригляду, чтобы глупостей не наделал, — после непродолжительного молчания вновь начал он. — Армус всегда подскажет, как надо вести дела, чтобы не упасть в грязь лицом, держать репутацию артели на уровне, да за ценой постоять.

— Но кто-то же отравил вашего сына? — Я помог ему перевернуть на живот Немнода, чтобы он продолжил массаж. — Вы же в курсе про свинец.

— Свинец. — Отец задумался, погружаясь в воспоминания. — Видимо, это и есть тот секрет, которым мой сын сковал ту проклятую трещину. Это старинная практика в строительстве, дело в том, что свинец один из самых легкоплавких металлов, его можно даже свечой расплавить, как сургуч. Задолго до железа, меди и бронзы люди научились его переплавлять, говорят, раньше его использовали повсеместно, правда даже в те далекие времена было поверье, что если его много в доме, то у людей там голова будет часто болеть. Мы как-то его использовали с сыном, в одном из замков нужно было подпорную арку усилить, камень там был хороший, а вот раствор заложить не получалось, его выдавливало, вот мы

вместо раствора и залили тогда свинец. Видимо, во вред пошла моему сыну та наука.

— Даже если он и заливал свинцом кладку склепа, это не объясняет то, как он попал внутрь парня. — Покачал я головой. — У вас есть какие-нибудь личные предметы сына?

— Конечно, вон в том сундуке. — Он махнул в угол покоев. — Я храню их, они дороги мне, как и последнее его письмо, присланное с королевским вестовым.

— Я могу взглянуть? — Дождавшись его кивка, открыл сундук, пододвинув к нему стул и бережно извлекая разную мелочевку из него.

Дорогой отец, мы взяли заказ! Дело совершенно плевое, старая кладка с плохой привязкой между курсами, погода солнечная, раствор будет крепок, мы все делаем правильно, даже полив организовали. Правда тут как-то со смехом к нам относятся, говорят, уже не первые беремся, да не последние, кто уйдет с пустыми карманами. Старина Армус грозит им всем кулаком, не ту артель они выбрали для шуточек, мы не посраим, папа, сделаем на совесть. И да, хочу тебя порадовать, я все же сделаю тебя дедом! Здесь на юге я нашел себе красавицу жену, когда мы приедем к тебе, я хотел бы попросить тебя о благословении...

— Лер Фава! Вы не говорили, что вас сын собирался жениться на ком-то из местных! — Я недоуменно уставился на него.

— Да разве же это теперь важно? — Он тяжело вздохнул. — Я даже не знаю ее имени, а мой сын теперь и не поведет ее за руку в свой дом.

— Кликните Армуса, — попросил я, дожидаясь, пока в покои войдет этот взлохмаченный мужичок. — Кто она?

Он недоуменно заморгал глазами, явно не находя место своим рукам, дикий испуг отразился на его лице.

— О ком вы, господин барон? — тихо произнес он, опустив взгляд.

— Не изображай из себя дурака, я хочу знать все о той, на ком собирался жениться молодой лер! — Он откровенно начинал меня злить.

— Дочь одного из местных сквайров. — Он не смотрел на нас, полностью опустив голову. — Я не знал о том, что они собираются жениться, думал, просто на сеновал бегают. Молодые, думал, просто повстречаются и разбегутся.

— Что случилось с ней? — Я подошел к нему почти вплотную.

— Не знаю, она просто не пришла в один из дней. — Он пожал плечами. — Молодой лер очень переживал, он искал ее, ходил сам не свой. Почти две недели искал ее, все без толку. Очень горевал, ну да срок заказа вышел, а с ним и мы покинули те земли.

— Пил? — Я продолжал стоять перед ним.

— Пил. — Он кивнул. — Я же говорю, переживал очень.

Я принялся расхаживать по комнате, заложив за спину руки, так мне было проще «переваривать» полученную информацию. Сейчас мне открылась еще одна непонятно куда ведущая дверца в этой истории. Да уж, куда же в подобных драмах без дел сердечных? Стоило бы догадаться, еще когда мы строили гипотезы о проклятии некроманта. Какие могут быть деньги за такую работу, если они, уже добравшись до ближайшего города, спали чуть ли не на улицах, а на последние барыши все, что получилось, это купить место в караване этому хитрецу? Тут явно что-то личное, обиды обидные, мести страшные, а тут вот еще подсказка Хенгельман по двум образам призрака, ее предположение, что призрачная женщина погибла, увядая...

Стоп!

— Армус! — Я схватил его за плечи. — Демоны вас раздери, в склепе, в склепе искали ее?!

— Эм-м-м... — Он испуганно попытался отстраниться. — Конечно, с дозволения господина графа в склеп спускалась семья девушки, да и сам молодой лер тайком не раз его осматривал. Не было там ее, мертвяки одни, да и только.

Эх, а хорошая бы была догадка, я разочарованно вернулся на стульчик перед открытым сундуком, где хранились заботливо собранные вещи молодого Раха. Хоть что-то бы, хоть малую зацепку еще! Жаль, графу Десмосу плохо удавалась ментальная связь с юношей, сознание парня, с его слов, представляло полный хаос, нет там чувств или эмоций, лишь какие-то туманные образы обрывков снов, слабые сполохи непонятных воспоминаний. Вещи, к сожалению, тоже ничем не могли помочь. Ношенные сапоги с остатками раствора на них, несколько свитков с чертежами, какие-то схемы, набор непонятных инструментов, больше напоминающий увеличенную в масштабе готовальню, несколько колец и перстней явно с отцовских рук... Браслет...

— Чей это? — Я вертел в руках замысловато свитый из золотых и серебряных нитей тонкий браслетик, напоминавший своей формой замысловатые изгибы побега какого-то растения. — Вам знаком этот предмет?

— Нет. — Отец отрицательно помотал головой.

— Да. — Взгляд Армуса сверкнул чем-то злым, чем-то, что я бы идентифицировал как злость. — Это ее подарок.

— Замечательно, — буркнул я, засовывая беспардонно браслетик за пазуху, надо будет показать его старшим по званию и возрасту магам. — Как ее звали?

— Адель, — странно сказал. Как-то весомо. И страх ушел и злость, не могу понять, то ли я придумываю себе лишнее и вижу его чувства один, и все лишь плод моего воображения, то ли... черт его разберешь что.

— Это что? — В руках я держал извлеченную со дна сундука деревянную бутыль, искусно изукрашенную причудливой резьбой, и пусть у меня глаза полопаются, если узор не повторял лозу, застывшую в форме браслета!

— Похоже, тоже подарок. — Ко мне подошел старший Рах. — Внутри было вино, судя по запаху, это было в вещах вместе с браслетом, что я выкупил у тюремщиков.

— Хорошая резьба? — Я вручил бутыль леру, внимательно и цепко ловя взгляд Армуса.

— Да. — Он задумчиво вертел ее в руках. — Хороший мастер резал.

Неожиданно Армус сорвался на бег, просто с места бросаясь от нас прочь, на полном ходу плечом сшибая дверь.

— Что с ним? — Фава Рах застыл с открытым ртом.

— Мастер просто хороший, — произнес я, вновь забирая из его рук бутыль. — Вы вес чувствуете? Не показалась тяжеловатой?

— Не пойму ничего. — Он переводил взгляд с меня на распахнутую дверь, в которую вылетел его работник.

Вытащив из-за пояса нож, совершенно бесцеремонно и по-варварски стал колоть деревянную бутыль, вернее ее видимую часть, с каждым сколом открывая взгляду внутреннюю его часть, состоящую из потемневшего и порядком окислившегося трухой темно-серого металла. Прекрасное решение, от винной кислоты металл практически мгновенно стал окисляться, местами показывая бело-зеленые хлопья.

— Это... — Фава Рах чуть ли не рухнул на стул, на котором до этого восседал я.

— Свинец. — Мягкий, он местами прогнулся под моими пальцами, точно повторяя внутри сосуд некогда деревянной бутылки.

— Но как? Почему? — Он был растерян, не находя слов. — Я не могу поверить. Его, наверно, нужно остановить...

— Остановят, не переживайте. — За это я не беспокоился, всецело

доверяя в этом вопросе Тине. Пусть лучше делом займется, чем ходит да тяжело вздыхает под дверями, совращая всяких мальцов, не знающих жизни, на разные глупости. — Вам, наверно, лучше здесь побыть с сыном.

— Но... — Он оторопело провожал меня взглядом. — Как же так, мы же столько лет?! Он же на своих руках нянчил и растил его!

— Не знаю, лер, не знаю. — Оставив ошеломленного новостью лера, неспешным ходом, погрузившись в свои мысли, спустился в подвалы замка, туда, где меня уже наверняка ждала Тина.

— Быстро бегают. — На бочках восседала Тина, а у ее ног с разбитым в кровь лицом валялся Армус, тяжело дыша и пуская кровавые пузыри.

— Значит, это и есть отравитель? — Рядом с вампиршей восседала сухонькая Хенгельман, подслеповато щурясь в лучах нескольких свечей и факела на стене. — Прямо все интересней и интересней день ото дня жить становится.

— Ну что, любезный, сам будешь говорить или помочь нужно будет? — Я присоединился к заседающим, примостившись ровненько между некромантом и вампиром.

Мужчина с трудом стал подниматься на ноги, сплевывая кровавые ошметки, товарищ телохранитель, видно, хорошенько прошлась по нему, он покряхтывал, держась за отбитые бока.

— Вам никогда этого не понять, — тихо, едва слышно начал он. — Не дайте боги, хоть кому-нибудь меня понять.

— О чем он? — скучающим тоном спросила вампирша.

— О чувствах, милочка, о чувствах, — со вздохом пояснила бабушка. — Любовь, не иначе.

— Очень похоже на то. — Медленно качнул я головой в знак согласия.

— Я знаю, что такое любовь! — Сверкнула вампирша взглядом, с вызовом посмотрев на меня.

— Тогда ты должна меня понять! — Армус рассмеялся, словно безумец, захлебываясь кровью.

Мы даже понять не успели его намерений, как мужчина выхватил из голенища сапога длинный блеснувший нож, не вонзая, а просто падая на него всем телом, с премерзким хрустом прошившим его насквозь. Стальной клюв клинка торчал из-под лопатки, взрезав как плоть, так и одежду на нем.

— Понять... — С последним вздохом выплюнул он слово, прежде чем его голова безвольно стукнула об пол.

Мы сидели в полной тишине, наблюдая, как черная в тусклом свете лужа крови расплзается из-под тела самоубийцы. Можно было сказать

многое, можно было кричать и бегать, можно было даже просто потыкать в него палочкой, но мы сидели, тупо уставившись на остывающий труп и не находя в себе сил нарушить молчание. Это был полный «абзац». Шок и трепет.

— На будущее, — наконец-то разлепил я губы. — Все колюще-режущие предметы, а также ременной пояс у взятого под стражу лучше забирать.

— Угу. — Кивнула Тина.

— И что теперь? — Покачала головой Хенгельман, тяжело вздохнув. — Вряд ли мне разрешат его поднять.

— М-да уж... — поддержал я ее вздох. — На ледник я его все же прикажу снести, мало ли...

— Это да. — Бабушка погладила меня по голове. — Пусть на ледничок отнесут, чтобы мозги не протухли, он и при жизни не шибко умен был, а уж в посмертии и подавно ничего путного не выйдет.

* * *

Снежная кутерьма улеглась. Так же неожиданно, как и началась, пурга так же неожиданно и ушла, полным штилем, мерным покоем окутывая промерзшую и укрытую снегом землю. Вот такую зиму я люблю. Мороз, снег и ярко-яркое, прямо до слез из глаз солнце.

Не поскупился я и в этом году, звонкой монетой оплатив гномам ледяные фигуры и замки, а также заливку горок для забав. Детвора ждала, помня предыдущую зиму, когда я устраивал им нечто подобное. Ох и радости им было, ох и счастья. Крики, смех, гурьба, гульба, все смешалось, кутерьма. Гномы — умельцы от бога, как здесь, так и в Касприве они постарались на славу, заставляя иной раз не то что детей, стариков стоять разинув рот перед шедеврами ледяных причудливых фигур.

А еще народ гонцов с Речной засылал, приглашали на местный праздник, первый зимний завод невода, даже приятно стало от того, что люди вспомнили, приняли и вполне успешно применяют эту мою науку, отметив ее праздничным днем. Конечно, съездил, конечно, не с пустыми руками, да и потом со свежей рыбкой назад возвращался. Люди ждали. Чего? Ярмарки и салюта, люди ждали Новый год! Это было удивительно, но жизнь не встала, как в предыдущие года. На зимнюю ярмарку и забавы съезжались в город как деревенские, так и пришлые из соседних земель. Чтобы не разочаровывать своих подданных, я, как добрый правитель и

вообще душка, был вынужден почти за месяц до праздника устраивать базарную площадь, вывозя из закровов товары, чтобы практически за себестоимость распродавать ее людям. Почему так? А почему бы и нет? То, что уже имеет покупателя, оплачено и ждет лишь вывоза, а излишек жмотить не в моих правилах, пусть берет народ, пусть жиреет и богатеет, вот вы думаете, почему Робин Гуд грабил богатых? Все правильно, потому что у бедных брать нечего. Вот и я так считаю, прежде чем забирать, надо найти что. Фабрики и заводцы пока еще пыхтят, за лето успели хорошо материалом запастись, денежка у людей на руках есть, пусть радуют себя и близких подарками. Разбирай, налетай, все равно этими же деньгами потом вам зарплату вашу выплачу, внакладе не останусь.

Денечки полетели легкие и веселые, детвора с первыми лучами солнца уматывала из замка, лишь с закатом возвращаясь назад и валясь без ног спать. Повеселел народ, хоть и продолжал существовать в замке, как в общежитии. Ну само собой, как и предполагалось, легенда о встрече барона и призрака пошла в массы, отчего иной раз, подслушав сплетни, у меня краснели уши. Вообще-то последнее время краснеть мне приходилось часто. Вы не поверите, мой старый добрый ехидень, сэр Дако под ручку прогуливался с госпожой Хенгельман, о чем-то перешептываясь и то и дело посмеиваясь. Эти седые голубки заставляли всех недоуменно качать головами. Но если бы они одни! Я застукал своего капитана гвардии целующимся в скверике, с кем бы вы думали? Да чтоб меня разорвало, с баронессой фон Пиксвар! Даже не знаю, возможно, это эпидемия и какой-то вирус ходит по моим землям, но когда в том же скверике я поймал сквайра Энтеми в обнимочку с леди Нимноу, то еле сдержался, чтобы не объявить карантин и ввести изоляцию.

— Капитан, баронесса, прошу, присаживайтесь. — Я пригласил смущающуюся парочку для беседы тет-а-тет, так как считал себя в немалой степени в ответе за их внезапный союз, да и банально не безразличны они были мне.

— Барон! — Капитан, дюжий детина, шел пятнами, то краснея, то бледнея. — Я с самыми серьезными намерениями, вы не подумайте чего!

— Прекрасно. — Я поерзал в кресле, переведя взгляд на баронессу.

— Барон! — Фон Пиксвар расцвела в последнее время, явно прибавив в привлекательности. — Я свободная женщина и не вижу ничего предосудительного в наших отношениях!

— Прекрасно. — Черт, что же мне мешает? Скопив взгляд, обнаружил второго заседателя рядышком в своем же кресле. Седомордый енот Профессор с интересом следил за нашей беседой.

— Мы любим друг друга! — хором выпалили они, тут же стушевавшись под моим взглядом.

— Прекрасно. — Я ссадил на пол Профессора, тут же ощутив с другого бока взбирающегося толстозадого Прапора.

Наступила неловкая пауза, Гарич стоял, не зная куда деть руки, а баронесса нервно теребила платочек, ожидая, когда же я наконец разгоню енотов и перейду к делу.

— Итак, мои дорогие, — спихнув Прапора, начал я. — Я позвал вас сюда не только и не столько из-за ваших отношений, а по большей части именно из-за каждой из ваших персон в отдельности. Дорогая моя баронесса, без сомнения, вы свободная женщина, причем с каждым днем становитесь все прекрасней и прекрасней, и о том, с кем вам встречаться, а с кем нет, речи не идет.

Все еще смущаясь, она кивала моим словам.

— Но вы, во-первых, мать двоих детей, чье мнение нужно бы уточнить, хотя бы для порядка, а во-вторых, обладаете рядом... э-э... свойств организма, о которых, прежде чем все зайдет слишком далеко, нужно бы сообщить господину Гаричу. — Я примирительно поднял руки, видя блеск слез в уголках ее глаз и озабоченную мину капитана. — Давайте без обмана относиться друг к другу, потому что вы дороги мне, и, видя ваш союз, я хочу предотвратить страшную драму, которая может назреть, если вовремя не поговорить, что называется, по душам. Прошу вас отнестись обоим серьезно к моим словам, так как вижу и, даже больше, знаю, чем это может все закончиться, если между вами не будет правды.

— Барон, если вы о девочках, то я полюбил их всем сердцем и готов заботиться о них до самой смерти! — Гарич кулаком стукнул себя в грудь, сверкая, так сказать, праведным взором.

— Понимаете ли, капитан, тут дело ведь не только в том, что вам чуть попозже сообщит баронесса. — Я, уподобившись своему учителю, выбил дробь пальцами по столу. — Вы так же должны будете на откровенность баронессы ответить честно по одному интересному вопросу ей.

— Я всегда честен с леди! — Он гордо вскинул голову.

— Надеюсь. И еще больше я надеюсь на взаимопонимание между вами. А также прошу вас здесь и сейчас клятвенно пообещать мне, что, что бы вы ни услышали друг от друга, страшного или неприятного, может статься, неприемлемого для вашей натуры, вы не будете в претензии в будущем друг к дружке. — Я поднял палец, видя, что оба хотят что-то сказать. — Я серьезно! Сначала клятва, потом я оставлю вас, баронесса расскажет свою историю, а потом капитан расскажет кое-что о себе.

Никакой лжи, даже если правда покажется вам смертельным ядом! Так надо, поверьте мне, я не шучу, если кто-то из вас что-то попытается утаить от другого, чтобы спасти отношения или по какой другой причине, я узнаю и молчать не буду. Либо же, на выбор, вы здесь и сейчас замолчите и разойдетесь в разные стороны, навсегда отказавшись от своих чувств!

Ох, как я не люблю такие тягостные томительные паузы, наполненные звенящей тишиной! М-да уж, влюбиться они успели, похоже, даже до постели добрались, а вот поговорить некогда им, видите ли, было!

— Итак? — Я повернулся к баронессе. — Ваше слово.

— Клянусь. — Слеза все же сорвалась и покатилась по ее щеке. — Никаких претензий к капитану, невзирая на любую даже горькую правду!

Да уж, тяжело ей, после стольких лет отчаянья и боли, тупого, всепожирающего, мерзкого одиночества и забвения, вот так вот кинуться в омут сладких чувств, понимая, что она уже никогда не сможет стать прежней. Я вполне могу понять ее нежелание говорить капитану о своей природе и преклоняюсь перед смелостью сегодняшнего решения.

— Капитан? — Повернулся к нему я.

— Клянусь! — Ну-у-у, тут слез не дожدهшься, тут скорей в морду лица можно получить, вон как недобро зыркает. Надо бы держать на всякий случай между нами какой-нибудь предмет мебели.

— Замечательно, теперь я вас оставлю. — Поднявшись и дойдя до двери, поманил пальчиком двух местных жителей, пожелавших остаться в кабинете. — Прошу вас с уважением отнестись друг к другу. Помните, вы взрослые люди, связанные клятвой и, надеюсь, искренностью своих чувств.

В коридоре, закрыв дверь, пару раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Терпеть не могу подобные ситуации, вот, казалось бы, ну любовь-морковь и все дела, а как начнут дальше узнавать каждый другого получше, тут и полетит шерсть в разные стороны. Сцепятся как бешеные псы, а я потом буду еще и виноватым, что вроде как свел их вместе под одной крышей. Нет уж, пусть лучше сейчас рвут сердца и души свои, пока раны не слишком глубоки, чем потом их латать, собирая по частям то, чего уже нет.

Может быть, в другом месте и другом времени я бы и не влез в их отношения, но, увы, это то место и то время, где сын может ответить за то, что его отец убил мужа баронессы, и так же сдуру может пойти мстить женщине, чей муж убил его отца. Не говоря уже о двух дочках-волчицах, которые могут, невзирая на волю матушки, разорвать бравого капитана на куски за своего погибшего папочку.

Побродив по коридорам и комнатам, мучаясь от безделья, забрел в

подземное царство тьмы, где томился в одиночестве товарищ наш убиенный граф Десмос Вампирович Дракуленко.

— Что-то вы рано сегодня, барон. — Он лежал, тупо пялясь в потолок.

— Да вот захотелось что-то вас увидеть. — Я присел рядом с ним, так же уставившись на каменный свод подвала. — Как там ваш труд праведный с разумом юноши нашего болезного?

Десмос уже неделю вырывал бессвязные картинки из затуманенного сознания молодого Раха, иногда пересылая мне его сны, ментально транслируя картинки в моем мозгу. Увы и ах, не было там ответа, по крайней мере, я его не видел. Дако и госпожа Кервье категорически воспротивились тому, чтобы некромант подняла покойного ныне отравителя Армуса, а меж тем призрак все еще здесь. Здесь он, родименький, то в одном конце замка, то в другом, люди периодически замечали его, а госпожа Альва Шернье самолично пресекла уже около четырех ее воплощений под дверями чьей-нибудь комнаты. Леди бестиар каждую ночь обходила патрулем замок, что давало свои плоды, больше жертв Белая Смерть себе не находила в стенах этого замка.

— Сегодня ночью удалось вырвать более или менее четкую картинку. — Десмос перевел взгляд на меня. — В цвете, что необычно, видимо, это было значимое событие для паренька, раз оно до сих пор так живо.

— Что-то важное? — Я почувствовал интерес.

— Не знаю, возможно. — Он замолчал на некоторое время. — Там есть девушка, судя по описанию, возможно, она. Даже чувства уловить получилось!

— Давай! — Я с жадностью наклонился к нему, строя энергетический канал, как учил Дако, для приема ментальных образов. Тут у меня пока получалось плохо, без помощи Мака я разрывал нить связи слишком мощным импульсом, так что общая структура была пока на нем, да и вампир слегка придерживал меня, подправляя структуры.

Солнечно, чувствуется, как жар тяжелыми мягкими лапами давит на плечи, стягивая кожу на оголенной натруженной спине. Камни, тяжелые и такие объемные, они создают контраст солнцу покатой темнью своих боков и прохладной структурой. Камни ложатся аккуратной чередой, выстраивая один за другим шеренгу непреодолимой преграды, эх, хорошо получается. Я горд своей работой, пахнет свежеспиленным деревом строительных лесов, скрипят досочки под ногами настилов, а рядом родные и понятные люди. Идет работа, мы кладем камни, скрипят доски,

устают руки, жжет спину солнце. Тень.

Тень?

Ах, это родной Армус, ворчит, вечно чем-то недовольный, идем обедать. Грубое покрывало на земле, запах травы, крона раскидистого дерева над головой и смех людей. Моих людей. Я горд ими.

Тень.

Тень?

Это она! Она опять пришла, мягко нежно обхватывая сзади плечи, обдавая дурманящей теплотой какой-то сладости, на ветру в тон листьям на ветках дерева, под метроном накатывающего ветерка развиваются ее искрящиеся черной смолой волосы, с какой-то непонятной глубиной цвета, нежные руки.

Тень.

Тень?

Армус недоволен, нужно работать. Нужно касаться прохлады камней, ощущая гордость за свой труд, мне нужно гордиться! Мешают ее руки, уйди! Мне нужно идти. Поворачиваюсь, видя, как старина Армус вытирает слезы на глазах черноволосой девушки. Мне нужно идти.

— Ну что? — Граф с интересом наблюдал за мной.

— Она. — Я кивнул. — Точно она.

— Выходит, ее убили, и это ее призрак мстит, права была де Кервье, когда сомневалась в том, что это дело рук эльфийки. — Десмос вернулся вновь к разглядыванию потолка. — Только непонятно, что же призрак до сих пор тут делает, после смерти отравителя? По всему должна была развеяться, как дым на ветру.

— Значит, на предмет привязка. — К нам присоединилась, шаркая ногами Хенгельман. Старушка неожиданно нашла общий язык с графом, все свободное время от прогулок с Дако проводя у графа, меняя ему бинты и ухаживая за ним. — Ты вроде бы в вещах юноши нашел принадлежавший ей браслетик?

— Да, предположительно это ее подарок. — Браслет лежал у меня в рабочем кабинете.

— Нужно попробовать его уничтожить, не уверена, но возможно, это решение. — Она принялась обхаживать своего пациента. — Хотя думаю, что все гораздо сложнее. Это призрак естественного происхождения, подобные субстанции должны идти за живой сущностью.

— Тогда все же есть в случившемся толика вины Раха? — Граф с благодарностью кивнул ухаживающей женщине.

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Он мог даже не знать о своей вине, мог действительно бегать и искать ее, ведь обиделся не он, а она, а вот на что она затаила обиду, кто теперь скажет?

— А может это быть самоубийством? — Я подал ей свежие перевязки.

— Все что угодно могло быть. — Она смерила меня взглядом. — Думаешь, неразделенная любовь? Не знаю, не знаю, призраки из самоубийц получаются неважные. Нет в них искры, что ли, нет лютой жажды к жизни. Плохой боец, он уже заведомо проиграл, при жизни переломив себе хребет. Так повыть да поплакать где в ночи, куда ни шло, а вот устраивать охоту день за днем, год за годом идя по следу, тут другой склад нужен. Ярость нужна.

— Да уж, остается лишь гадать. — Развел я руками.

— Не спеши сдаваться, Дако ждет отзыв от защитника, у которого они укрывались какое-то время, может быть, там будет еще одна подсказка?

Оставив подвал, вновь поднялся в свой кабинет, с замиранием сердца входя внутрь. Все же где-то в глубине души была изрядная толика сомнений в благоразумности капитана и баронессы. Ну да, где-то я в чем-то, может, был и прав. Капитан стоял, отвернувшись у окна, бездумно глядя вдаль, а баронесса со странной смесью чувств разглядывала противоположную стену. Благо ни слез, ни криков и истерик не наблюдалось.

— Знаю, вам нелегко. — Я сел за стол, сложив перед собой руки. — Но иначе нельзя было. Ложь до добра не доводит, сегодня бы промолчали, завтра промолчали, а послезавтра, послезавтра, возможно, кто-то бы из вас не увидел. Тут ведь дело даже не в том, что было. То, что твой отец, капитан, убил мужа баронессы, погибнув вместе с ним, это все ерунда.

— Ерунда?! — взорвалась Пиксвар, вскакивая с места. — Да что ты понимаешь?! Ты представить хоть можешь, через что я прошла?!

— Конечно, ерунда! — фыркнул я. — Это ошибка всех живых людей, вы думаете, что только ваша боль настоящая, а вот если вон того прохожего стукнуть палкой по горбу, то он корчится так, от нечего делать, притворяется, стало быть. Имейте совесть и разум, баронесса! В этом замке уже двое, кто может предъявить счет вам за вашего горячего мужа! Или вы забыли про свою нареченную? Вы можете представить, через что она прошла? Или думаете, Гарич со своей матерью не оплакивали свою потерю?

— Но... — От моих слов по ее щекам побежали дорожки слез, она вновь упала в кресло.

— Вы не думайте. — Я подошел к ней, выйдя из-за стола и обнимая за

плечи. — Вас никто не обвиняет, ваша боль, ваша потеря — все это не менее настоящее, чем у других. Сейчас вам двоим нужно понять главное, вы, капитан, это не ваш отец, а вы, баронесса, не Патрик. Их больше нет, а то, что случилось, ужасно, но осталось далеко в прошлом. Содеянного уже не вернуть, но жизнь от этого не прекращается. Вы живы, вы чувствуете, и это здесь и сейчас, именно здесь и сейчас, без боли, без обид и всей этой ерунды, вы можете создать что-то новое, что-то настоящее.

— Это невозможно, — припечатал, поджав губы, Гарич.

— Гарич, нет ничего невозможного. — С ним обниматься не хотелось. — Вам вообще как мужчине и воину стыдно должно быть, женщина, которую вы обнимали, сидит в слезах, а вы стоите, будто у вас кол в заднице, и рассказываете мне, мальчишке, о том, что возможно, а что нет. Так нужно поступать рыцарю? Зная вашего папеньку только из рассказов, думаю, он бы по-другому объяснил вам вашу ошибку.

— Вы не понимаете, барон! — Он дернулся, но остался стоять на месте.

— Ну конечно. — Я невесело рассмеялся. — Что я могу понимать? Куча мужиков оприходовали толпой беззащитную женщину, это нормально, а вот когда ее муж выпустил им кишки наружу за содеянное, то как это назвать, как это прикажете понимать? Что бы вы сделали, Гарич? Так же бы стояли и смотрели?

— Но отец... — Он размяк так же, как я, присаживаясь, видимо, больше не в силах сдержать хладнокровие.

— Что — отец? — Я все же подошел к нему, кладя руку на плечо. — Он солдат, как и вы, он выполнял свой долг, он погиб как мужчина. Вы тоже солдат и, думаю, достойный сын, которым стоит гордиться, я не вправе не тебе, не баронессе что-либо советовать, но я требую от вас отнестись с пониманием и уважением друг к другу. Вы встретились на жизненном пути, и не стоит вам ставить между собой тех, кого уже давно нет.

Я вернулся к себе за стол, оставляя дальнейшее за ними. Что еще можно им сказать? Ничего, дальше уж пусть решают сами, не маленькие уже, своя голова, в конце концов, уже должна была вырасти на плечах.

* * *

Она меня отлупила. Кто? Ну, если не считать жизни, судьбы, удачи и прочих стерв женского рода, то, естественно, остается урожденная

баронесса фон Каус, мой тренер бальных танцев. Ага, по совместительству еще и учитель фехтования, на тренировке сузив презрительно глаза, стояла практически вся шайка-лейка, весь женский контингент замка, с осуждением качая головами и наблюдая, как этот смертельный южный ветер разносит меня в пух и прах. Конечно же барышни узнали о том, что после моей продолжительной беседы с капитаном и фон Пиксвар эта чудная и такая красивая пара распалась, в чем, естественно, обвинили меня. Ну а Лесса это возмездие, так сказать, Немезида пронырливому юнцу, сующему свой нос в дела амурные, кои его конечно же не касаются. Баронесса работала четко, мощно и без прикрас, раз за разом вбивая мне свой тренировочный меч в корпус с такой силой, что я не без оснований стал переживать за свои ребра и за ряд органов, которые, возможно, она отбила.

— Итак, барон, вижу, вы давно забросили тренировки! — с улыбкой молвила фурия. — Может, вы еще хотите сказать, что и с танцами у вас проблемы?

— Нет-нет, что вы! С танцами все прекрасно! — Мне еще не хватало после этой взбучки коленца выписывать!

— Вопрос, барон, о чем вы разговаривали со своим капитаном и баронессой? — Думаете, праздная болтовня? Нет, все это под гул рубящих ударов ее меча! С меня уже семь потов сошло, а она, похоже, только разогрелась.

— Это, увы, секрет. — Уйдя в глухую оборону, я стал пятиться под ее напором.

— Так, значит? — Ой как больно-то по голени своим дрыном звезданула! — Вас, барон, смотрю, еще учить и учить, вы юноша способный, талант есть, только вот прикладываете вы его не по назначению.

Вновь стойка и вновь стремительный град ударов без переходов и послаблений. Руки у меня гудели от усталости, ноги уже начинали заплетаться, но, как говорится, назло врагам, на радость маме, я все еще сражался, снова и снова пытаюсь ускользнуть от ее удара. Если первое время я довольно прилично мог сдерживать ее, временами даже пытаюсь огрызаться, то за какие-то полчаса был уже выжат как лимон. Ну мегера, ну дожدهшься ты у меня, дай только срок, я подрасту! Мне бы еще мясца нарастить на тельце, я бы показал тебе, где раки зимуют. Продолжая, пятиться, с ужасом понял, что меня теснят в угол, где в скором времени без сомнений получу очередной удар по тем или иным так горячо любимым мною частям этого молодого организма. Ну... есть у меня одна тактика

проверенная... Дождавшись, когда баронесса вновь встанет в стойку, развернувшись, бросился сломя голову через весь зал, по пути перескакивая так удачно расположенные в ней предметы мебели.

— А ну стой! — закричала она. — Опять?!

Это не «опять», этот тактический прием великие полководцы издревле применяли в практике, называя его «тактическим отступлением». Я не убегал! Я менял диспозицию для последующей корректировки и внесения изменений в план битвы.

Предполагаемый противник взревел разъяренной львицей, бросаясь за мной следом, явно заблаговременно подготовившись к моим стратегическим перестановкам, так как в этот раз она была в костюме, а не в платье, которое бы хоть немного, но тормозило ее движение.

— Стой!

— Лови!

— Держи!

К общему плану наступления тут же присоединились остальные части противника, огромной разъяренной массой разгневанной бахромы и шелестящих юбок устремляясь за мной следом. Мда уж, в этот момент я чувствовал себя маленьким, но гордым, хитрозадым вьетконговцем, удирающим по джунглям от кипучего напалма страстей и разгоряченной плоти всепожирающей любви мамы Америки. Ядрена мощь визжала, улюлюкала и бросала мне вслед туфлями, в то время как я пытался отрастить на спине глаза, чтобы вычленить из общей массы страшный сверхзвуковой истребитель под кодовым индексом Лесса, несущий в своих крыльях оружие моей гибели.

— А ну всем стоять! — На нашем пути монументально, весомо и угрожающе нарисовалась Вальери де Кервье собственной персоной, строгим взглядом смерившая всю компанию и заставившая всех опустить виновато головы вниз. — Это что за ипподром бравых армейских кобылиц?! Что вы себе позволяете, леди?!

Заскочив за спину железной леди, я изобразил кульминационное завершение танца короля поп-сцены Майкла Джексона, то есть крутанул себя вокруг оси, после чего одну руку вверх, другую на свое достоинство, при всем при этом нежась в лучах безнаказанности и сладкой победы над злобным, но теперь поверженным противником. Чем, естественно, разозлил кипящих негодованием дам, добавив, что называется, масла в огонь.

— А почему он...

— А вы знаете, что он...

— Да он такое сделал...

— Ты все равно от нас не уйдешь!

Хором, в унисон загудели барышни, переходя с угроз на жалобы. Моя скала, за которой я прятался, была непробиваема и непоколебима, как Великая Китайская стена.

— А ну прекратить! — Де Кервье топнула ножкой. — Вы посмотрите, на что вы похожи? Разве это образ истинной леди? Бегаєте за каким-то худосочным кобельком, словно кошки при весеннем гоне!

Эм-м-м?!.

— Разве так поступают леди? — Это кто тут худосочный кобелек?! — Это за истинной леди должны бегать вот такие кобели, а не наоборот! Бардак! Сегодня же каждая десять раз пройдет у меня из одного конца зала в другой с томиком стихов на голове! Плюс реверансы и манеры! Совсем у меня распустились!

Во-во! Так их, так! Только томиком я бы советовал по заднице их, по заднице, а еще лучше ремнем!

— А теперь вы, барон! — Бабушка Вальери смерила меня тяжелым взглядом, медленно окинув с головы до ног. — С вами у нас будет отдельный разговор! Немедленно подойдите, я вас причешу, выбросьте свою палку, заправьте рубашку... И сколько раз я вам буду говорить, чтобы вы не смели расстегивать воротничок?!

— Да, госпожа Вальери, да, конечно! — Спорить с этим тяжеловесом противопоказано здоровью, чего доброго, еще и мне стихи на голову напялит. Что я с ними потом делать буду?

— Все разошлись. — Бабуля еще пальцами не успела щелкнуть, как девчата разлетелись кто куда, скрываясь с глаз долой. — Ульрих, идем ко мне.

Ее апартаменты были самыми большими в замке, так сказать, президентский номер, который я держал на всякий случай для вип-персон. В кабинете расторопные слуги уже накрывали чайный столик, а я рассказывал всю подноготную этой истории, даже не думая что-то утаивать. Секреты тут ни к чему, потому что бабушка и так до всего докопается, ну и как буфер от последующих нападков со стороны дам. Всем не всем, но уж королеве, пусть и бывшей, думаю, и не такие приходилось выслушивать повествования за свою жизнь.

— Вообще, конечно, молодец, — после завершения моего рассказа заключила Кервье. — Но, как и все, в тебе слишком прямо и резко. Я даже не знаю, юноша, нравится мне это в тебе или тоже, как и всех, раздражает.

— Простите, не понял. — Я долил себе чаю, предварительно жестом

получив отказ на еще одну порцию для нее.

— Ты очень похож на лекаря в своих действиях. — Ну, вообще-то так оно на самом деле и есть, я даже мысленно усмехнулся. — Все знают, что надо менять бинт, вскрывая рану, и я еще не знала ни одного лекаря, который бы не срывал бинт резким мощным рывком вместе с запекшейся кровью.

Ну а как по-другому? Все верно, так и надо, резко и сразу, без предупреждения. Зачем же мучить пациента? Медленно, что ли, с издевкой глядя в глаза, тянуть за тряпочку, прикипевшую к ране, так, что ли?

— Все лекари так поступают, — задумчиво произнесла она. — Нет чтобы отмотать бинт, взять и подождать, успокоить там или поговорить. Нет, они приходят, срывают, делают недовольную мину, что больной орет, после чего уже обрабатывают рану.

— Так надо, иначе можно до скончания веков выслушивать про то, как ему плохо, а он так и не решится на в принципе безобидное, хоть и болезненное действие. — Пожал я плечами.

— Вот и я про то же. — Покачала она головой. — Все сделал правильно, но так резко и больно, что аж обосраться, как неприятно!

Кружечка вместе с чаем и блюдечком, жалобно звякнув, покатилась по полу, выскочив из моих рук. От такого речевого оборота я не то что кружку, я челюсть уронил на пол. И это борец за нравственность и культуру?!

— Ой, я тебя умоляю, только не надо выкатывать глаза, мол, первый раз в жизни бранное слово услышал, я хоть и леди, но, между прочим, живой человек. — Она задорно рассмеялась. — Клянусь, глядя на девочек, чуть сама за тобой с криками не побежала! Ну ты силен, Ульрих, умеешь раззадорить, я даже боюсь представить, что случится со столичным обществом, когда ты там появишься, а уж подрастешь, так вообще знатный сердцеед из тебя получится.

— Полноте вам. — Она реально смутила меня.

— Ладно, действительно, не о том сейчас. — Она посерьезнела. — Теперь давай о серьезном, о политике. Не знаю, что ты будешь делать, выдумывай что хочешь, но чтобы они сошлись опять, причем как можно быстрее.

— Зачем? — Признаюсь, был удивлен.

— Пиксвары вырождаются, у брата баронессы дочь и, к сожалению, по имеющимся у меня данным, детей у них больше не будет. — Она подалась вперед. — Дочки баронессой рождены вне брака, так что их вообще никто считать не будет, а вот сама баронесса еще вполне сильная женщина, которая может принести роду наследника. Про волчью кровь не

напоминай, баронесса не рожденная, а обращенная волчица, так что от нормального мужика у нее будут нормальные дети. Твой Гарич прекрасная партия, он, конечно, не из богатой семьи, но зато род его очень знаменит и в определенных кругах имеет, как и вес, так и определенную славу.

— Э-м-м... — Слов нет, по крайней мере цензурных.

— Понимаю, дельце грязное, но поверь мне, достойное. — Она подняла перст, предупреждая мои слова. — Даже не думай вывернуться, все эти свои моральные устои и принципы засунь куда поглубже. И да, это я тебе не как де Кервье говорю, чтобы ты понимал.

— Ясно. — Что тут сказать? Королевская семья решила так, значит быть посему. Естественно, я даже пальцем не пошевелю, но вот в сторонку отойду впредь, не влезая со своими советами. — Что-то еще?

— Да. — Она поджала губы, явно испытывая какое-то внутреннее затруднение. — Деметру береги как зеницу ока, без вопросов, а также без сования носа не в свои дела, узнаю, что копаешься не там, где нужно, с землей сровняю.

— Мне и копать не нужно. — Хмыкнул я. — Без слов понятно, раз герцог Тид за столько времени ни разу даже не посмотрел в эту сторону, значит, и мне не стоит.

— Совершенно не стоит. — Взгляд колюч. — Ты даже не представляешь почему.

— Да это же элементарно... — Чуть не брякнул «Ватсон», понимая, что уже сболтнул лишнего по ее побелевшим поджатым губам. — Ну, то есть, конечно, непонятно, запутано... в общем не мое дело.

— И что же вам, молодой человек, известно? — Ох, ну надо было мне ляпнуть?

— Да ровным счетом ничего! — Я поднял успокаивающе руки.

— Нет уж, извольте! Хочу выслушать ваши предположения!

— Ну. — Да гори оно все. — В папеньке все дело, естественно, в том, который настоящий, а не де Тид, ясно, что персона пошире в плечах будет, чем герцог. Иначе бы я день в день ловил наемных убийц, присланных по ее душу.

— Похвальная проницательность. — Она подалась вперед. — И кто же он по-вашему, этот господин?

— Да черт его знает. — Я пожал плечами. — Мне оно как-то безразлично. Девочка спокойная, дружелюбная, немного, конечно, мрачновата, ну да, думаю, время вылечит и это. Так что пусть живет себе, горя не знает, гнать я ее не собираюсь, а забота о ней мне не в тягость.

— Ну и ладно. — Она замолчала на какое-то время. — Надеюсь,

между нами нет недопонимания?

— Нисколечко. — Я поднялся, вежливо откланиваясь, так как без слов понятно — время мое вышло.

К себе возвращаться не хотелось, наверняка дамы там меня караулили. А в подвале сидит Тина, тоже не самый удобный вариант, скорей всего опять начнет разговоры разговаривать или будет сидеть, прожигать мне спину взглядом. Покружив немного по замку, заглянул к Дако, старикана не было, видимо, опять гульки гулял, старый бес, еще пару раз нарезав круги, выдвинулся к сквайру, откуда пришлось в скором времени уйти, также из-за леди Нимноу. Нона с утра уехала в Касприв, главенствуя там в верховном суде, у нее прямо страсть к этому. Что за жизнь настала? Герман и тот прогуливался с Деметрой по замковой стене, лишь я один бродил, неприкаянный. Сделав еще круг по замку, осел в главном зале, выведя рабочий стол Мака и запуская пару проектов, с которыми можно провозиться достаточно долго.

Итак, что я там хотел? Банк? Ну вроде бы простое дело, способное по выслуге лет поспорить с проституцией. Если я ничего не путаю, еще в древнем Вавилоне полно было этих мерзавцев, у них вроде бы даже банковские билеты выпускались по цене золота. Ну да в исторических экскурсах я не силен. Что это по сути? Ростовщики и менялы, на чужом капитале строящие свой доход, в той или иной мере взимающие процент от сделки. Само слово «банк» это не подходящее по корню русское «банка», где хранят огурцы и прочие маринады, это слово обозначало стол, который выставляли менялы и на котором когда-то эти древние... банкиры производили свои операции.

Главное в этом деле — первоначальный капитал и гарантия того, что этот капитал вернется, плюс проценты. В моем старом мире гарантом выступает государство, законодательной базой возведя данный вид услуг в рамки, четко прописывая все нюансы от и до. Здесь же мне скорей всего придется действовать на уровне бандитской вольницы. Старый добрый рэкет. Я тебе бабосы, чувак, давал? Так давай, родненький, назад с процентиком, ибо вот раскаленная кочерга, которая сейчас войдет в твою задницу по самую рукоятку. Ну а что делать? Люди деньги берут, а мотив для того, чтобы вернули, должен быть весьма веским и доходчивым для любой головы или задницы, это уж зависит от того, кто чем думал, беря у банка. Это не благотворительность, это нужно вернуть.

С разбойниками более или менее понятно, вон у меня их уже под две сотни, день ото дня матереют в учебном корпусе легионеров. С капиталом начальным тоже нет напряга, теперь бы определиться с клиентурой, а

также конкретикой по предоставляемым услугам.

Что я могу? Могу брать на хранение, обеспечив гарантию сохранности? Могу. За это могу взять энешку? А то! Что еще? Кредит? Пожалуйста. С этим ясно, трудности могут быть и будут с переводами и филиалами. Тут ведь какая штука, чем их больше, тем больше урожай, респектабельность, а также сам смысл вообще им пользоваться. Ну, скажите, кому в радость тащить на себе сундуки с железом? Это в нашем мире энешки бумажные, а тут, если распахать мелочь по карманам, штаны упадут от веса. Местный купец помимо риска потерять от разбойничьего налета весь товар, рискует так же потерять пару пудов сторгованного серебра и злата. Девать-то его некуда. А я могу гарантированно со страховкой доставить определенную сумму наличных из одного филиала в другой. И это, заметьте, я даже процентов никому не даю, только беру. Хотя для сладости, наверно, нужно выставить годовую плюшку, не слишком большую, но как говорится, мелочь, а приятно. Процентов пять, не больше, все равно конкурентов у меня нет, и скорей всего в ближайшее время не предвидится. Вообще удобная вещь, можно пенсионный фонд мутить, какие-то льготы учреждать, ввести, в конце концов, цивилизованную систему налогообложения, а не это мздоимство, что сейчас существует. Хорошо хоть шкурами и зерном уже не беру, а то вообще и смех и грех был бы.

На общие блок-схемы ушло не больше двух часов, далее структуры должностей, а также бланки отчетно-приходной документации, здесь уже побуксовал порядочно, во-первых, ордера прихода, картотеку надо ввести, нечто вроде базы данных клиентов, а во-вторых, нужно же закрыть лазейки для оттока капитала из моего кармана. Каких бы верных и надежных людей я ни ставил, а система должна работать даже не то что без меня, но даже без их строгого надзора.

Удовлетворение от работы и по завершению черновиков испытал огромное, в этом деле я не силен, но по крайней мере за кредитами в свое время успел походить на поклон порядочно. Уже затемно понял, что пока я сидел, работая с Маком, люди успели в этом же зале не только отобедать, но и отужинать. Опять будет разговоров, барон-шизик вновь в мечтах где-то плавает, всех игнорируя. Ну да ладно, мне не привыкать. К тому же у меня в запасе еще есть целая ночь! А проектов у меня хоть отбавляй.

Сегодня я наконец-то смог добраться до макетной схемы, составленной ранее следящей системы Большой Брат. Это мой шедевр, правда, пока лишь в образе, слияние магии и моего понимания глобальной систематизации по сбору данных. За чем мне следить? Помилуйте, ребята,

да я готов сам за собой иной раз последить, а уж за остальными и подавно.

Значит Большой Брат. Системно координатной сеткой я собирался выставить по всем своим землям вроде как вестовые столбы, на практике же являющиеся ничем иным, как камерой слежения, температурным датчиком, локатором, короче, засланным казачком, по сбору любой маломальски интересной информации. Естественно, это не просто. Первый вопрос это энергопотребление. Можно собрать действующую систему в таком ключе, чтобы потом периодически объезжать эти столбы, подзаряжая их. Но сами понимаете, это не наш метод, идея возникла, когда я играл с эльфийской руной, которую мне показал Леофоль. Вроде бы простейшая замкнутая система, но ведь гениальность ее не в этой простоте, а в невообразимой сложности. Это же не что иное, как *perpetuum mobile*, без балды, ребята! Пока жива и движется материя, данный энергокаркас вечен в своей функции света. Вы представляете? Я когда дотумкал до этого, чуть не задохнулся от восторга. Правда, вот функция никчемная — свет. Ну, это я от недосыпа сначала так подумал, а потом, почесав темечко, понял, что эту каляку-малюку из света можно же преобразовать в тепло или вообще попытаться как-то купировать физическую составляющую, получив в результате чистую формулу этого энергетического двигателя. Но все равно пришлось возвращаться к преобразованию, так как что голая система, что обычная, как я уже говорил, замкнута, стоило мне только протянуть тоненький щуп канала к ней — и она распадалась. От этого двигателя невозможно было получить энергии! Он обслуживал лишь себя и функцию, больше с него мне поиметь ничего не удалось, как я ни бился над формулой. Поэтому стал пытаться изменить функцию либо же внедрить в нее свой узел. Здесь уже худо-бедно, но вроде пошло. Руна с горем пополам стала отвечать моим нуждам.

Вот тогда только, после батарейки, начал пихать начинку. Глаз прилепить на столб я не придумал как, потому спокойно взял как отработанную систему эхолокатор Мака с преобразованием отраженного сигнала уже в образ. Схема уже отработанная, так что сплести ее было не сложно, по срокам я завяз с подслушивающим устройством. Сам узел прослушки был не сложным, сделал мембраны из тоненьких пластин различного металла, привязал к ним структуру, улавливающую колебания, а потом просто стал наговаривать слова, набирая базу звуков, для того чтобы впоследствии интерпретировать их по смыслу. В этом-то и задержка, тембры и тональности у людей разные, поэтому для увеличения звуковой вариации пластины-мембраны уже больше месяца набираются опыта в людных местах. Так же пришлось калибровать и температурные датчики, я

даже придумал сейсмологические датчики, правда на кой черт они мне нужны, так и не понял. Но пусть будут.

Все это у меня было в наработках, но вот именно сейчас осталась самая дрянь, финансовая сторона проекта и мозги братюне. Деньги нужны были немаленькие, во-первых, изготовление. Взялся бы я за деревянные столбы, было бы дешевле, но опять же дерево, да еще и ошкуренное, долго не простоит, посему гномы взялись за камень. Первые двадцать столбов уже на подходе, за каждый из которых придется отдать не только за материал, но и за работу. Но их еще надо установить, подсыпать щебня плюс залить раствором, да доставить на место установки. Тут ведь какая еще штука, устанавливать нужно на определенном выверенном расстоянии, чтобы узлы энергоструктур могли передавать информацию друг другу, а в конечной точке сюда, в замок, в центр управления. Ну и не забыть про проклятый сопромат, в каждом из столбов для закрепления заклинаний нужно вложить амулеты. Дорогие. Одной золотой проволоки уходит на амулет под триста граммов, не говоря уже о серебре, бронзе, латуни, а что делать? Иначе контуры заклинаний проплавят и камень, и все прочее, разрушаясь на глазах. Все это надо композитно свить в расчетную фигуру, заплатив ювелиру. Вмонтировать в столб и замуровать от посторонних глаз, а то народ чего доброго будет ходить и выковыривать из моих столбиков драгметаллы. Хорошо хоть по расчетам на столбы не нужны драгоценные камни, а то сто раз бы подумал, прежде чем браться за подобный план. Цифирки, нолики, из них складывается вопрос суммы, который я обсчитывал, закончив далеко за полночь. Вымотавшись неимоверно, да и проголодавшись порядочно.

В зал, громко хлопнув дверьми, вбежал Фава Рах, считая все на своем пути и устремляясь прямо ко мне.

— Барон, спасибо! Барон, вы гений! — Что? Кто? Я гений? Да, спасибо — знаю. — Заголосил он, бросаясь мне в ноги. — Я вечный ваш должник, просите что угодно, сам костями лягу, но выполняю!

Я был просто обескуражен его эмоциональным взрывом, взрослый мужчина заливался слезами, при этом улыбался и, ползая на коленях, пытался целовать мне руки. Такого буйства страстей мне еще никогда не приходилось видеть.

— Что случилось? Что с вами, уважаемый? — Я попытался отстраниться.

— Он очнулся! Он очнулся! — Слезы бежали по его лицу. — Мой сын, он очнулся!

Честно скажу, это и в правду было чудом, то, что молодой человек после стольких лет вновь смог открыть глаза и с трудом ломающимся голосом позвать отца, сидящего бессменным постовым у его постели.

Я не верил в эту возможность, но это случилось. Совершенно обессиленный, он с трудом разлеплял веки, не в состоянии самостоятельно повернуть головы, но он вернулся, он вновь вошел в мир реальности, покинув пределы серого забытья. И уж тут, мне и Дако пришлось приложить максимум усилий, чтобы он не ушел обратно.

Старый маг выбирал свой энергетический потенциал подчистую, под конец плетения заклинаний был не в состоянии самостоятельно иной раз дойти до постели. Я же в свою очередь вместе с Хенгельман занимался более мирским и знакомым. Промывка не прекращалась, мы повторно еще раз произвели переливание крови, немного увеличили интенсивность массажа, чтобы хоть как-то привести его мышечный тонус в норму.

— Ульрих, родненький, а ты почему старому разбойнику не помогаешь? — Бабушка некромант явно переживала за Дако, впрочем, как и я, непривычно видеть его изнуренным и еле волочащим ноги.

— Я не знаю целительных заклинаний. — Пришлось виновато опустить голову. — Все как-то не доходил в своем обучении до этих контуров.

— Понятно. — Она поджала губы. — Очередной пострелятель молний, разверзатель небес и потрясатель недр.

— Ну, зато я теорию хорошо знаю, могу уже сам узлы стыковать. — Было немножко стыдно. — Амулетную магию неплохо освоил. А вы, госпожа Хенгельман, знаете целительские контуры?

— Конечно. — Она буднично кивнула. — Я целитель первой категории. Не зная, как работает жизнь, нельзя постичь основ того, как управлять смертью.

— Э-м-м... — удивленно протянул я. — Тогда почему вы не...

— Не лечу? — Она улыбнулась. — Мне запрещено, по закону тот, кто перешел в некроманты, не имеет права марать своей силой живых.

— Как это марать? — Похоже, очередной заскок власть имущих, а также жителей этого мира, с предубеждением относящихся к этим мастерам.

— Не знаю. — Она передернула в раздражении плечами. — Я словно сама нежитью стала по всем канонам, нормам и моральям общества.

— Госпожа... — Я воровато оглянулся, не столько чего-то опасаясь, сколько играя. — А вы бы не могли заняться моим образованием, ввиду сильной занятости моего учителя? Исключительно в образовательных целях?

Она смерила меня с головы до ног взглядом, в котором проскользнули озорные бесята.

— Наверное, могла бы. — Улыбка тронула черты ее лица. — Так сказать, заполнить некоторые пробелы в образовании.

А заполнять было что. Без преувеличений скажу, что это был врач по своему опыту, возможностям, а кое-где и знаниям, на целую голову выше меня. Бабушка-некромант, это была мощная с оттягом со всего размаху пощечина по моей профессиональной гордости. Что я раньше видел от Дако? Легкое купирование боли, небольшие заживления порезов и снятие, рассасывание гематом. Старик частенько врачевал разбитые коленки и носы детворе, пару раз заставлял срастись некоторые порезы, которые, по моему мнению, уже требовали сшивания, но ничего более. Даже сейчас, выматываясь, он лишь поднимал общий тонус организма, своими контурами стимулируя, похоже, иммунную систему. А вот Хенгельман, это уже другой уровень.

Она могла регулировать сердечный ритм, могла вести контроль за артериальным давлением крови. Видела не хуже рентгена, могла диагностировать и диагностировала, именно она указала на почечную недостаточность, что, естественно, в разы облегчило мне жизнь, так как теперь я знал, что именно сломалось в организме парня.

— Смотри, Ульрих. — Мы склонились над спящим юношей. — Как ты уже, наверно, знаешь, любой живой организм наделен в той или иной степени энергетической основой, так называемой аурой. Что-то конкретное по ней я тебе не скажу, так как досконально об этом и сама не знаю, но могу подтвердить, что аура это совокупность энергетических процессов, протекающих в теле. Вот тут чехардой пробегают искры, это мозг отдает команды через позвоночник телу. Вот этот сгусток рассредоточенного сияния — сердечная мышца, вот этот узел угадай что?

— Легкие! — Я следил за ее мыслью и тренировал новое умение, перенятое от бабули, способность видеть энергетику тел. Мы и раньше с Дако уже рассматривали ауры, но вот навести резкость, да еще и знать точно, на что ты смотришь, это уже наука. — Вот они сжались, вот разошлись, свечение меняет интенсивность.

— Правильно. — Я быстро перенимал ее науку, еще ни разу не ошибившись, лишь местами слегка поправляемый своим новым

учителем. — Ты молодец, даже удивительно, что в столь юном возрасте у тебя такие обширные познания в анатомии! Не говоря об остальном. Ты прекрасный врачеватель, Ульрих, я бы заочно тебе уже сейчас дала третью категорию, не каждый лекарь знает, видит и умеет то, на что ты способен, даже отучившись весь положенный срок в академии! Правда, скальпель я бы тебе не доверила...

Ну да, есть у меня такой грешок, нет ювелирной тонкости пока в энергетическом конструировании. Моя магия это не скальпель, это удаление аппендикса с помощью топора или, допустим, садово-огородной тяпки. Мне легче ампутировать руку, чем свести с нее пару бородавок. Конечно, я хитрил, у меня есть Мак, благодаря ему я все же мог создавать жгуты оперирования тонкими нитями, а не черт знает чем. Но гордость требовала тренировок, уж очень захватывающие перспективы рисовались передо мной. Вы только представьте себе врача, который сам себе рентгенолог и лаборатория анализов. Вы только входите к нему в кабинет, а он уже знает, где и что у вас болит, причем рецепт выписал, еще когда вы шли к нему по коридору. Даже не так, он вылечил вас, пока вы шли к нему по коридору!

В который раз убеждаюсь в том, что технология, доставшаяся в наследство этим людям, в разы превосходит всю историю нашей механической цивилизации. Правда, вот это грустное серое невежество убивает весь прогресс на корню.

— Ульрих это неприлично, когда врач засыпает над пациентом. — Она то и дело одергивала меня, выводя из задумчивости.

Через пару недель мы на пару с госпожой некромантом отогнали от постели больного сэра Дако, отправив его на отдых, так как весь процесс восстановления уже целиком нами контролировался. Вернее мной. Старушке Хенгельман категорически воспрещалось каким-либо образом воздействовать на паренька, благо она могла контролировать и давать советы мне, от чего дело пошло на лад, причем семимильными шагами.

Нет, конечно, он не вскочил с постели, отплясывая джигу, сей момент же, но по крайней мере и на привидение бледное перестал походить. Вполне осознанно стал принимать пищу, появился румянец, постепенно уходила худоба и страшные синяки под глазами от истощения. Еще неуверенно, но стал поднимать с трудом руку, говорил плохо, но по крайней мере слово-другое иной раз можно было разобрать.

Но как всегда и бывает, радость не приходит одна. Мы непозволительно расслабились, вновь предоставив пищу для страшного проклятия, что так и висит до сих пор острым мечом над нашей шеей.

Белая Смерть, словно обезумев, стала бросаться не только на одиночек, теперь по замку стало небезопасно передвигаться даже парами. Госпожа бестиар говорит, что в последнее время не было ни одной ночи, чтобы она не засекала умертвие. Белый призрак не только участил свои нападения, но стал перерастать в нечто большее, так как физически стал вытворять различные подлости. Это уже не призрак, это прямо poltergeist, со всеми вытекающими последствиями. Жуткие завывания, разбитые стекла, перевернутая мебель. А к концу недели трагедия с летальным исходом.

Прямо посередине дня, в предобеденное время, на глазах у всех кухонных работников. Одного из поваров словно толкнул кто-то в спину, от чего крепкий мужик влетел в печь с жутким криком, в мгновение ока объятый пламенем. Кинувшиеся на помощь люди с ужасом увидели, как затвор печи сам собой закрылся, что только люди ни делали, пытаясь отжать чугунную дверь, но, увы, ту словно заклинило, а после того как смолк последний крик умирающего, она сама распахнулась настежь, словно приглашая очередную жертву.

Без разговоров, даже не пытаясь выслушивать чьи-либо возражения, я приказал гвардейцам вывозить народ из замка. Детвору и женщин в этот же день отправил в Касприв, где их должны будут разместить в здании магистрата, остальных разбил на группы, часть расквартировав в казармах городской стражи города, а часть переселил в корпус легиона. На данный момент в Лисьем оставались я и Хенгельман с Альвой Шернье на постоянной основе, не считая обоих Рахов. Сэр Дако был за старшего в легионе, так сказать для подстраховки, потому что сам корпус к замку был ближе, чем город, да и артель строителей работала там. Мы решили, если призрак вдруг и уйдет из замка, то первый его выход старый маг уж как-нибудь засечет и отразит, защитив людей.

— Давай-давай, белоручка, работай! — Да, белоручка это я. И теперь господину барону, то бишь мне, приходится вот этими руками колоть себе дрова, а после таскать их в каминную, где мы расположились всей бандой на постой. — Нужно побольше наколоть сегодня, а то ты вчера почти весь запас спалил, пока мы спали.

Я недобро зыркнул на разглагольствующую Альву, она вместе с Фавой пилила ствол на поленья, которые уже я колол топором. Сплошная маята с этими дровами, это в кино только — вышел во двор к поленнице топором помахать, удаль молодецкую потешить, а в жизни все гораздо хуже. В жизни, чтобы получить дрова, сначала нужно срубить, мать его, дерево, а потом, тудыть его в коромысло, поотрубать ко всем чертям сучки и веточки. После чего припереть это чудо во двор, взвалить на козлы, чтоб попилить

на чурбаки, и лишь только после этого топором пораскалывать эти заготовки на дрова.

Слуг ведь тоже пришлось эвакуировать. Перешли в этой связи на самообслуживание, колем, пилим, еду готовим — и все сами. Скатились ниже некуда. Правда, я то и дело отлынивал, эксплуатируя Тину или других вампиров, сбившихся вокруг нетранспортабельного Десмоса, по причине не столько увечия, сколько банального вопроса, а куда его еще можно засунуть, дабы не шокировать народ? Но сегодня не повезло, вампиры ушли за свежими продуктами, а госпожа рыцарь тут же меня направила на общественные работы, то и дело посмеиваясь надо мной. Вообще не представляю, откуда в ней столько сил, мало того что ночами дежурит, так еще и днем нет-нет да и схватится за какую-нибудь работу. Иногда, наблюдая за ее кипучей деятельностью, начинал сомневаться в ее рассудке. Ей бы топлес где-нибудь на песчаном берегу моря полежать, позагорать, цены бы ей не было, а не, обвешавшись железяками, строить из себя тут не пойми что.

— Ты чего там опять замечтался? — вновь влезла она под руку, от чего я, крикнув, не только расколол чурбак, но и вогнал лезвие колуна в колоду. Вот блин, когда вгоняешь топор в колоду, это лишние телодвижения по его извлечению оттуда. Нет, надо что-то срочно придумать, не для того я столько в институте учился, чтобы дрова потом колоть. Говорила мама: учись, сынок...

Мысленно стал перебирать в голове различные схемы отопления, известные или, по крайней мере, те, о которых я слышал хотя бы краем уха. Все требовало в той или иной мере приложения рук и физической силы, а хотелось так, щелкнул пальцами — тепло. Под шуточки и подколки со стороны Шернье наколол дров, принявшись сносить все к нашему очагу. Замок с уходом людей остыл, местами стены промерзли до такого состояния, что внутри помещения белели инеем. Ночами мы даже у камина испытывали холод, правда в этой ситуации был и свой плюс. Ложась спать, я с одной стороны неплохо так присосеживался к упругому телу госпожи рыцаря, ощущая ее крепость, а с другого бока меня постоянно согревал мой телохранитель, не без ревности поглядывавшая, чтобы я не слишком жался к бестиару.

Бегаю по лестнице со двора в замок, с сожалением топтал ногами многочисленные осколки выбитых буйным призраком стекол, что жалобно похрустывали под сапогом. Денежки и труд. Обидно и жалко, столько сил ушло на ремонт замка, чтобы все это превратилось в груды мусора из-за какой-то девицы, да еще и представившейся черт знает сколько лет назад.

Вот с ними, женщинами, всегда так. Все, вроде бы ушла, назвала козлом, побила тарелки, а потом нет-нет да и опять начинает звонить и обзывать, или вообще, если под мухой, так такую фигню в трубку телефонную нести начинает, что на голову не наденешь. Барышни, уходя — уходите, а не вот это вот черт знает что вытворяете.

Запыхавшись, встал передохнуть перед одним из окон, разглядывая причудливо разбросанные осколки на полу и радужно переливающиеся при не слишком ярком и радостном зимнем свете. Битые линзочки с трудом улавливали свет, точками искрясь в разных спектрах цветового диапазона. Красиво. Подобрал один из осколков, поигрался бликом, ловя солнечных зайчиков.

— Ульрих! — со двора послышался голос Альвы. — Ты опять где-то на ходу уснул?

Тьфу на тебя! Что за женщина! Из таких, наверно, те самые тещи из анекдотов получают, ни секунды покоя, сама вон, кобыла здоровенная, могла бы и потаскать дровишки, не вспотела бы. Тяжело вздохнув, отбросил в сторону осколок, крутанувшийся в воздухе и упавший чуть в отдалении. Напоследок он уловил радиус отражения, резанув мне лучом света по глазам, превратившись на секундочку в яркий маячок. Ух как сильно бликнул...

Стоп. Что-то шевельнулось у меня внутри. Точно! Нет не то, нужно, соблюдая традицию, выкрикнуть: эврика! Особенно если учесть околоисторическую и околонуучную околесицу, что неожиданно всплыла у меня в мозгу. Конечно же, я вспомнил легендарного старца из Сиракуз, математика, физика, инженера и еще бог знает кого, господина и товарища нашего Архимеда. Думаете, про то вспомнил, как он голый по городу бегал, выскочив из ванны? Нет, я вспомнил легенду о том, как при осаде его города римлянами, якобы этот великий инженер сконструировал из зеркал и начищенных до блеска щитов мощную линзу, проектором которой стал световой луч достаточно мощной силы, что позволил сжечь часть вражеских кораблей. Правда это или нет, не знаю, слышал лишь, что где-то в семидесятых годах прошлого столетия некий грек, ученый по происхождению, смог спроецировать луч света из семидесяти медных зеркал, который был в состоянии на расстоянии аж пятьдесят метров поджечь фанерный макет римского корабля. Хотя так же слышал, что другие экспериментаторы крутили пальцем у виска, говоря, что все это полная околесица. Ну да мне что на первых что на вторых плевать с высокой колокольни, мне пока корабли римлян под стенами своего замка жечь не нужно. Не приведи господь. Думал я о другом, сами понимаете,

холод не тетка, или как там говорится? У меня из головы по-прежнему не шли способы обогрева для лентяев, из категории сделай на коленке и не заморачивайся. Сейчас слабонервных попрошу пролистать пару-тройку предложений. Все в детстве жгли муравьев увеличительным стеклом? Как не все? Немедленно вставляйте и идите, устраните этот пробел в своем воспитании. Как сейчас помню, конец апреля, я сижу на заднем дворе школы в пионерском галстуке и линзой жарю муравьев и вертких, таких красно-оранжевых жучков в черную крапинку, которых мы, детвора, называли солдатики. Мурашки быстро изжариваются, а вот жучка сначала нужно отловить и ножки оторвать, чтобы, значит, не мешали они чистоте эксперимента и широкой душе первоиспытателя. Пионер, по-моему, даже как-то так и переводится, первооткрыватель или первопроходец? Уже не помню.

— Ульрих! Демоны тебя раздери, где ты пропал?!

«За что?»

Так, значит, мураши жарятся от света, а свет может фокусировать даже вот такой огрызок битого стекла. Постоянный свет равняется постоянное тепло, улавливаете? Конечно же эльфийская руна! Упав на колени, стал ползать по полу, собирая самые большие стеклянные осколки. Мне бы тубус какой или трубки, в одной части поставлю сборным рядом вот эти стекляшечки, через которые и пойдет в преломлении свет от руны, а в другом конце ни фиги не будет. Другой конец должен быть тупо металлической болванкой, которая должна нагреваться от падающего на нее луча.

— Ульрих, имей совесть, за тебя дрова никто не будет носить!

«За что?»

Но между стекляшками со светом и болванкой нужно какое-то расстояние соблюсти, мало ли вдруг нагрев и вправду выйдет приличным, тогда чего доброго от температуры все мои линзочки полопаются и раскрошатся.

— Да где же этот несносный мальчишка?!

«За что?»

Собрав целую кучу осколков, скорой рысью ринулся вниз, по лестнице оббежав какую-то бледную девицу по пути.

— Извините, леди!

«За что?»

— Ты куда это намылился? — На моем пути выросла фигура Шернье. — А это еще кто тут с тобой?

Бестиар тут же выдернула из-за пояса длинные тусклые клинки своих

кинжалов, бросаясь куда-то мне за спину.

«За что?»

Понятия не имею, что там у них опять начинается, и кто там, что и за что, но я, сбежав наконец по лестнице, выбежал во двор, минуя пристройки конюшни, корпус столовой и ряд столярно-слесарных мастерских, уже через внутренний сад добираясь до небольшой местной кузни. Гадство, дверь в кузню оказалась закрыта на здоровенный висячий замок.

«За что?»

— Ульрих, она за тобой идет следом! — Где-то в начале моего забега мелькнула фигура Шернье, бегом направляющаяся в мою сторону.

Вот настырная женщина, да принесу я попозже тебе дрова и твоей бледной подружке, занят я сейчас. Махнув им рукой, обошел здание кузни, с радостью отмечая, что заднюю дверь хоть не додумались закрыть. Внутри, продираясь через металлические полосы и прочие заготовки, стал лазить по металлу, выискивая возможные остатки трубы, что мы когда-то отливали из чугуна, но потом перешли на керамику из-за дешевизны и долговечности оной. Мне повезло, нужный кусок вскоре нашелся, примерно метра под полтора, диаметром под двести миллиметров, хорошенький такой огрызок, то что надо для установочной трубки под стекло. Только вот беда, пришлось его катить по полу, так как я с трудом отрывал его от земли.

— О боги! Ты цел? — В кузницу влетела Шернье, тупо выбив входную дверь вместе с замком. — Тут железо, ей не войти.

Наступила неловкая минутная пауза, я не понимал ее, а она собиралась с мыслями, чтобы, наконец, озвучить тот самый вопрос, что ее мучил.

— Ты вообще какого демона тут забыл? И вообще в курсе того, что за тобой шел призрак?

— Э-э, насчет призрака не уверен, но раз уж вы здесь, не окажете любезность?

— Какую? — Она с недоверием огляделась по сторонам.

— Да так, пару труб перенести.

* * *

— Это какое-то проклятие, а не ребенок! — распиналась Альва, бурно жестикулируя и рассказывая Хенгельман о наших похождениях. — Вы представляете, только что был здесь, как — хоп! Пропал, ну думаю, опять выпал из реальности, стоит где-то, мечтает, поднимаюсь навверх, смотрю,

ползает по полу и что-то бормочет, а за ним по пятам призрак парит, ручки свои тянет, чуть ли не по головке его поглаживает.

— Ничего себе. — Бабуля хлопотала у камина, варганя нам что-то горячее, не забывая подливать периодически чай в кружки. — И что?

— А он вдруг как подскочит и кричит: «Извините, леди, мне надо идти!» И как деранет куда-то по коридорам, я в ножи и на призрака!

Я слушал ее краем уха, взясь в своем уголке с трубами и стеклами, что мне притащили чуть ли не со всего замка вернувшиеся наконец вампиры. Дело оказалось муторным и до безобразия сложным, увы, ничего в этом мире не дается просто так. Стекло слишком мягко преломляло свет, причем каждый из осколков по-своему, из-за чего все кусочки приходилось выставлять по лучу, собирая этот сложный мозгодробительный пазл.

— Призрак сразу пошел на развоплощение, видимо, уже приучена гадость, что со мной шутки плохи. — Шернье покачала головой. — Хорошо, я сразу за этим (печальная мина в мою сторону) побежала, смотрю, уже в парке, призрак опять над ним висит, а он на нее ноль внимания! Даже не представляю, как такое может быть, что он до сих пор жив! Будь он хоть трижды маг, никто не может выдержать прикосновения призрачной материи! Это неслыханно, он уже сто раз должен был погибнуть из-за своей небрежности!

— Тысячу. — Тут же покивала некромант. — О таком даже я не слышала.

— Как же тогда это понимать? — Шернье задумчиво окинула меня взглядом. — Могу поспорить, она его касалась, и не раз. Причем, возможно, и в первый раз, когда он ее плюшками подкармливал.

— Такое бывает, если призрак пытается войти в контакт с живым. — Бабуля заботливо погладила меня по голове, приложив ладонь ко лбу, вроде как проверяя температуру. — Как если бы она пыталась что-то сказать ему или передать образ какой. Хотя с нашим бароном вообще ни в чем нельзя быть уверенной. Он хоть как-то прокомментировал все эти железки, что припер сюда в комнату?

Хенгельман поочередно оглядела всех присутствующих, от каждого получая отрицательное покачивание головой. Ну некогда мне было все им рассказывать, в конце концов, я у себя дома и могу тут хоть без трусов ходить, кому какое дело?

— Дорогой, ты вообще как? — Она наклонилось надо мной, возящимся со стеклами. Подсвечивая руной, спроектированной на небольшом медном пятаке, я пока смог выставить под углами четыре стекла, более или менее ровно передающих пошагово луч дальше, а не

рассеивая его мутным облаком. — Ничего не болит? Не хочешь бабушке рассказать, чем ты тут занимаешься?

Сначала думал промолчать по традиции, но потом все же решил рассказать, ну просто человек милый, как-то и вправду неудобно, что она, что Дако, люди грамотные и любопытные, даже если не поймут, по крайней мере выслушают достойно. Старик, тот, конечно, порезче будет, а бабуля ничего так, заботой и мягкостью берет.

Послушать мои идеи собрались все, я как мог рассказывал про солнечные зайчики, на пальцах пытался пояснить про преломление света, но в конце повествования внезапно получил отклик со стороны доброй души некроманта.

— Это как в увеличительных стеклах! — Она покивала своим мыслям, а я подхватил отвалившуюся челюсть, как-то так привык уже, что здесь сплошь и рядом двигатель прогресса и генератор идей это я.

— Вы знаете про увеличительные стекла? — Я изумленно оглядел старушку.

— Конечно, — улыбнулась она. — На востоке прекрасные мастера-стеклодувы, они много чудес преподносят миру, или ты думал, что до тебя никто не додумался изготавливать стекло?

— Ну-у-у... — Вот тебе и ну, как такое вообще возможно? Полконтинента и слыхом не слыхивали о стекле, а на второй половине живут прекрасные мастера-стеклодувы? Хотя надо все же признать, в истории старушки Земли тоже были подобные парадоксы. Китайцы за столетия до огнестрельного оружия умели изготавливать порох, те же шелка или фарфор, а в восточных странах задолго до старушки Европы придумавших стекло, парфюм и прочие изыски, об этом даже говорить не стоит.

— Погоди. — Старушка поднялась с кресла, направляясь к своим баулам, где хранились ее вещи. — У меня где-то набор был даже. Я в последнее время вижу плоховато, а по работе иногда нужно осмотреть некоторые детали.

Вскоре у меня на руках, красиво завернутые в бархатные тряпочки, лежали с десяток идеально ровных выпуклых кругляшей линз различного диаметра.

— Пользуйся, дорогой. — Старушка подмигнула мне.

Шикарно! То, что нужно, с этим набором, растянув его и чередуя попеременно со стеклом, к концу дня я кое-как смог сфокусировать довольно приличный лучик, первоиспытания которого производил на собственной ладони. Не без гордости могу сказать, руку приходилось

отдергивать уже через пару секунд, так как нагрев был хорош.

Игнорируя призывы окружающих ко сну, полночи еще провел с молотком, которым тарабанил по трубам, чем, естественно, вызывал не только раздраженные взгляды окружающих, но и заработал пару нелицеприятных эпитетов. Хотя это, впрочем, не помешало мне собрать свой адский агрегат.

— Ну и? — Позевывая, Альва попинала мою трубу носком сапога. — Работать-то будет? Или ты просто из злопаконости над людьми издевался?

Я пожал плечами, по идее уже должно было заработать, только вот железный литник на конце сооружения упорно оставался ледяным, хотя, по всем прикидкам, должен был по крайней мере нагреться хоть чуть-чуть.

— Ладно, я на дежурство, пойду по замку прошвырнусь. — Она вроде как приятельски мне подмигнула. — Подружку твою погоняю.

Печально вздохнув, завалился на свой матрас, уставившись в потолок. Ну что же тут поделаешь, не каждый же раз у меня должно все получаться, хоть и очень мне хотелось сегодня получить действующий образец своего чудо-агрегата. Может, руну подкачать, увеличив объем излучаемого света? Нырнув в энергоконтур заклинания, увеличил площадь и общий оборот каналов, может, и вправду будет толк.

Покрутившись с боку на бок, вспомнил, что нечто отдаленное уже где-то читал. Порывшись в памяти, а также в своей библиотеке, услужливо открытой Маком, естественно, искомый вопрос обнаружил у своего любимого мага-воздушника, мастера Эббуза. В одном из своих дневников он экспериментировал с воздушными потоками, меняя концентрацию и их насыщения, заинтересованный таким простым и всем знакомым явлением, как марево или миражи. Хороший был маг, любопытный, наблюдательный, он в своих экспериментах дошел до того, что смог спроецировать из воздуха увеличительную линзу, правда, использовал ее по-другому. Он оформил ее как бинокль или подзорную трубу, назвав Воздушным Оком Эббуза. Там получалось и вправду бешеное приближение, ну да и сама линза у него получалась под два метра диаметром. О том, чтобы дальше валяться в постели теперь даже мысли не было, раскрыв виртуально нужные страницы, стал загружать расчетами Мака, так как приведенные формулы преломления света и вся эта оптика была из разряда ну ее на фиг. Тут ведь не только сам расчет сложен, тут уже и сама структура заклинания у мага была зубодробительной. Никакой тебе линейности, в сумме это походило на то, как если бы с глобуса сняли меридианы и параллели, все это приплюснули, а потом обкрутили новогодними гирляндами. Как

вообще эта хрень работает, даже приблизительно не представляю, вижу только «запитку» да пару контуров управления, благо пояснения в дневнике подробные, да и мой комп вполне лихо щелкал расчеты, хоть и приходилось подолгу ему разжевывать, что, куда и для чего.

Но, как и раньше, «нетерпячка» взяла верх, плюнув на расчеты, решил экспериментальным путем немного по ходу дела подправить ситуацию. Мак быстро скопировал структуру, которую я уже собственноручно, так сказать, запитал, от чего под потолком образовалась громадная воздушная сфера, мерцающая, словно вода, и улавливающая в свои обводы отблески пламени от камина и пары подсвечников. Тайком оглянувшись по сторонам, пригляделся к спящему народу, лишь бестиара не было, она все еще обходила владения, воюя с призраком, остальные вроде бы мирно посапывали, не ведая о моих грязных инсинуациях.

Шикарная штукавина, хочу я вам сказать, эта линза, захотелось вскочить и из ближайшего окна рассмотреть ее кратность приближения, но, увы, во-первых, ночь, и не видно ничего, а во-вторых, наверняка всех разбужу, опять начнут ворчать. Устроившись поудобней в постели, стал работать с линзой то так, то эдак, крутя ее поверхность, воздействуя на ее энергетику и структуру нитей. Громадина под потолком меняла свою прозрачность, то приобретая цвет живой ртути, то становясь легкой мерцающей дымкой. В принципе, как говорится, тяжело в ученье — легко в бою, со временем, хоть структура была и громоздка и тяжела в построении, но оказалась легкой в управлении, поддающейся простой регулировке, как по плотности, так и по размеру. Такую линзу не «залапаешь» пальцами, чистота кристальная, просто идеальна для моих нужд. Поерзав и еще раз оглядев спящих, я, прикинувшись шлангом, решил немного продвинуться дальше на пути прогресса и становления благ цивилизации. То есть, скрутив ладошками закрытую лодочку, активировал маленькую руну, пытаюсь ее лучиком попасть в линзу. К моему шоку, я все же попал, причем по полной. Линза, словно стоваттный прожектор, вспыхнула на всю комнату белейшим диском солнца, ослепив меня аж до зеленых плавающих кругов перед глазами. В срочном порядке, пытаюсь проморгаться, развеял все структуры, закрыв глаза и прислушиваясь к окружающим. Ничего себе шуточки, так и ослепнуть можно!

Судя по звукам, народ продолжал тихо-мирно спать. Это обнадеживало, значит, как только вернется зрение, можно продолжать дальнейшие изыскания. Только вот что же произошло? Почему свет проецируется в комнату? Стоп. Линзу, наверно, нужно развернуть задом наперед, иначе я опять попаду с этой иллюминацией, проекция, видать,

направлена не на потолок, а на пол. Вновь задействовав Мака, перевернул линзу под потолком в обратную сторону, народ спокойно посапывал. В этот раз решил засветить руна на подвесной люстре, руками на всякий случай прикрыл глаза. Нет, я, конечно, в этот раз был уверен в чистоте эксперимента, но как говорится... мало ли что.

Но миновало, линза пошла волнами, руна светила в потолок в легком полумраке, решил немного поддать света в руна...

Вж-ж-ж-ж...

Хм... Это «ж-ж-ж» неспроста, похоже, я добился какого-то результата! С обратной стороны в потолок упирался довольно мощный лучик, примерно под полметра диаметром, в комнате резко подскочила температура, я на полу стал ощущать жар, которым стала наполняться комната, а с потолка меж тем что-то интенсивно закапало на пол, каким-то пунцово-красным цветом отдавая в ночи.

Плюсик от моего эксперимента налицо, я за считанные секунды прогрел комнату до состояния бани! А вот минусики, должны быть и они, вон хотя бы, к примеру, что же это там капает? Что там могло быть под потолком, что так интенсивно теперь стекает на пол? Что я там прожег?

Стоп!

Прожег?!

С дичайшим ужасом в сердце, покрывшись ледяным потом с ног до головы, осознал, что же это такое красное может стекать сверху! Это, мать его, сам потолок и стекает вниз расплавленным камнем!

Мгновенно свернув оба заклинания, на карачках тихо подполз к здоровенной дыре в потолке. Задрал голову, я с восторгом и страхом рассматривал ее ровные пунцовые края, пульсирующие в ночной тиши обжигающим жаром. Это что же получается? Это я, джедай недоделанный, сейчас мощнейшую лазерную пушку сварганил на коленке? Да уж, дела... Еще же взял, вместо стандартных двух метров линзы, растянул ее на весь потолок, а тут, наверно, метров под десять свод каменный. Был. Ну, вроде бы еще и есть, только с дырочкой. Черт, может, не заметят?

* * *

— Ты, наверно, сынок, думал, не заметят? — после продолжительной паузы за всех собравшихся произнесла Хенгельман. Они стояли, рассматривая то наметенный с улицы через дырку снег, то сам голубой небосвод, чередующийся легкими проплывающими облаками.

При свете дня дырочка выглядела более чем внушительно, особенно если учесть, что луч прошел не только наш свод, но и комнату выше, потом выходя на чердак, а уже с него сквозь черепичную крышу дальше в небо. Но есть и позитивный момент, старый чердак не сгорел. А мог.

— Ульрих, родненький, всего два вопроса: как и на кой хрен? — Шернье стояла раскрыв рот. — И главное, ночью и вправду не видно, я, когда вернулась, мне даже показалось, что тепло в зале.

— А я вроде бы какую-то вспышку видел. — Фава Рах задумчиво почесал в затылке. — Хотя со сна подумал: привиделось.

— Может, его на ночь связывать? — высказалась Тина, с опаской на меня косясь. — А то, боюсь, кто-то может в следующий раз не увидеть рассвета.

Вот оно женское коварство! То в любви признается, то связать предлагает, а дальше что? Штамп в паспорт, зарплату на стол, заначку в носок и не подходи ко мне, у меня голова болит?

— А что, вполне здравая мысль. — Альва смерила меня взглядом. — Думаю, нужно его и днем контролировать, чтобы кто-то постоянно при нем дежурил.

— А в комнате меж тем не холодно. — Бабушка задумчиво оглядела окружающих. — Хотя должно было выстудить здесь все капитально. У кого какие идеи?

Ура! Мой адронный коллайдер на линзах, соплях и куче надежд работал вовсю, обдавая все вокруг жаром. Видимо, процесс нагрева не быстрый, все же такую болванку прогреть, с учетом того, как быстро металл отдает тепло.

— Отец! — Из дальнего угла послышался голос пришедшего в себя молодого Раха. — Где мы?

Он периодически звал его слабым голосом, когда приходил в себя, хотя по-прежнему был очень слаб и лишь временами мог связать пару слов. Мы с Хенгельман снова и снова работали, на пару взаимодействуя через его ауру на организм, что с трудом, но давало пусть и минимально свой результат. Сама целительница тире вредительница некромант обладала неоценимыми знаниями, но вот нюансами не владела. Все же медицина моего мира, даже не располагая такими возможностями, ушла на порядок вперед, так что здесь мне, как говорится, все карты в руки.

— Как ты, сынок? — Отец пулей оказался у его постели, заботливо поглаживая его по голове. — Чего-то хочется? Есть? Может, пить?

— Нет. — Он мутным взглядом окинул всех собравшихся у постели. — Армус, где этот подлец? Отец, мне кажется, это он меня отравил.

— Я знаю, сынок. — Фава покачал головой. — Его больше нет в живых.

— Это он виноват, он и та ведьма, они были заодно! — Немнод прикрыл устало веки. — Нам надо было выполнить заказ, ты должен был гордиться мной, я не мог тебя подвести... любой ценой... прости, отец...

Юноша вновь уснул, вымотанный диалогом, правда и это уже был огромный прогресс для него, с учетом его слабости и состояния. Но как говорится, чем дальше в лес, тем толще партизаны, все эти его реплики иной раз вызывали противоречивые чувства и мысли. Вроде бы все встало на свои места, но каждый раз парень, приходя в себя, начинает просить прощения, словно и в правду за ним был какой-то грех, что несколько не вязалось с общей картиной и той информацией, которой мы располагали.

— Демоны преисподней! — В зал вошел Дако, в сопровождении двух гвардейцев и Гарича. — Что у вас здесь произошло?! Мы всю ночь не спали, после того как над замком заметили столб света! Вот с утра сразу к вам приехали, все живы-здоровы?

— Это он!

— Это Ульрих!

— Ульрих, фьють...

— Совсем не слушается.

— Вон какую дырищу ночью проковырял!

Ябеды. Нет чтобы подготовить старика, усадить там, не знаю, чаем с дороги угостить, так нет же, сразу кляузничать с порога начали. Изверги, дедушка старенький, ему не нужно нервничать.

— А ну сюда иди! — По отработанной схеме опускаю голову, делаю виноватый вид, еле ноги волочу, всем своим видом олицетворяя вселенское раскаяние. — Будь проклят тот день, когда я дал тебе в руки труды мастера Эббуза! Говори сразу, опять его заклинания бесконтрольно воспроизводил?!

— Угу. — Главное, головы не поднимать, не провоцировать, пусть покричит, так сказать, пар выпустит.

— Мила! — Он покачал головой, обращаясь к Хенгельман. — Я же предупреждал, что за ним глаз да глаз нужен, особенно по ночам, когда остается наедине с собой!

— Да он и днем может отчебучить! — встряла Альва. Вот еще ее мне не хватало!

Старик с задором и горячностью принялся честить меня на чем свет стоит, то так, то эдак изгаляясь над бедным естествоиспытателем.

— Как тебе не стыдно! Мы же с тобой уже сто раз говорили, что нельзя на людях баловаться магией, это не игрушки, это опасно! — Он

заложил руки за спину, покачиваясь на носках. — О чем ты только думал?!

— Я аккуратно... — я попробовал оправдаться немного неловко.

— Аккуратно?! — У старика глаза полезли на лоб, он стал тыкать рукой в зияющую дыру в потолке. — Это, по-твоему, аккуратно?! Ты что, издеваешься? Ульрих, едрить тебя за ногу, а если бы там были люди?!

В общем, полдня насмарку. Только до обеда я выслушивал обвинения и крики, после чего еще час ушел на извинения и клятвенные уверения, что больше ни-ни. Честное слово, прямо хоть уходи в отшельники, чуть что — сразу: а если бы там люди были? Какого лешего они шляются где ни попадя, эти люди? Сил моих уже нет.

Обед был запоздалым и проходил в полной тишине, все буравили меня осуждающими взглядами, в надежде на мое исправление и что из-за угрызений совести мне кусок в горло не полезет. Наивные, я не только умял свою порцию, но еще и добавки попросил. А что? У меня молодой, растущий организм, мне надо.

— Ладно. — Старик хлопнул ладонью по столу. — Все равно, чувствует мое сердце, все без толку, сколько тебя ни ругай. Будем надеяться, что тебе и дальше будет везти, и никто не пострадает. У меня есть новости от защитника, у которого гостили строители, и боюсь, они не принесут ни нам ни достопочтимому Фаве Раху облегчения.

Некед Рассольдер был, как и Дако, мужчиной далеко за... Причем очень далеко. Место у него было тихим, на отшибе, причем проживал не как все защитники в одном из каких-нибудь замков, а тихо-мирно оккупировал чей-то старый охотничий домик, где преспокойно доживал свой немалый век. По специфике своей относился к магам земли, от чего был монолитно непробиваем в своем гигантском, всеобъемлющем спокойствии и своем жизнерадостном пофигизме.

С его слов, это не артельцы вышли на него, ища помощи, а он поймал их идущих окраиной леса, явно скрывающихся от людских глаз да промышляющих браконьерством в его лесах. Старый маг не любил долгих разговоров, потому просто и тупо согнал их в подвал своего пристанища до прибытия баронской дружины, даже не удосужившись спросить их, кто есть кто, а уже на следующую ночь столкнулся нос к носу с Белой Смертью, ошивающейся под дверями его дома.

Странной деталью было то, что господа строители вели с собой пленника, связанного по рукам, уже потрепанного временем мужичка, чье имя Некед хорошо запомнил, звали они его Армус. Незванная ночная гостья, странные люди, прячущиеся от всех, плюс пленник явно навевали мысли о противоправных действиях со стороны этих людей. Сложив два и два,

старый защитник быстро связал призрака и своих невольных гостей, дальнейшие же действия его были исключительно из интереса, что смог зародиться в его душе.

Разослав письма по округам, он вылавливал малейшую информацию, так как сами горе-строители говорили все что угодно, кроме правды, до которой старику так хотелось докопаться. Ну и, естественно, в скором времени он наткнулся на прелюбопытную историю со старинным склепом, который не далее как пару месяцев назад закончила ремонтировать нанятая бригада каменщиков.

Как и мы, он шел по цепочке, постепенно распутывая всю подноготную этой загадки, с единственным отличием: у него под рукой была целая куча еще живых участников тех событий. Да и по сроку еще находились свидетели, которые могли пусть и в малой степени, но пролить свет на эту историю.

Вроде бы с виду все спокойно и гладко, да вот только незадача, в тех краях, откуда они держат путь, одни родители не досчитались в своей семье одной дочери. Как? Что? Неизвестно, лишь отец того семейства сжимает кулаки до хруста, обвиняя в ее пропаже проклятую артель. Сам граф участвовал в поисках девушки, вместе с ее родными спускался в старинный склеп, осматривал леса и даже давал наказ на всякий случай прошерстить местную речушку баграми — на предмет утопленников. Мало ли какая оказия случилась, да вот все без толку, все впустую, она словно растворилась, не оставив и следа. Может быть, и наш защитник в конце концов бы плюнул на все, забыв об этих странниках, но тут заговорил тот самый пленник, выплевывая слова сквозь зубы и с ненавистью рассматривая своих бывших товарищей. Он обвинял их в убийстве, он снова и снова как заведенный говорил о той девушке, по его щекам катились слезы, но опять никакой конкретики, все лишь на словах. Вот только старик поверил ему, поверил без оглядки и фактов, ибо невозможно сыграть такую боль и ярость от утраты, ибо он увидел в душе этого косматого мужичка настоящую любовь и незаживающую рану от утраты. От потери того, что может стать чем-то большим, чем даже своя драгоценная и так горячо любимая жизнь.

Адель, юная прелестница, была влюблена в лера Раха, сына главы их артели. Дело понятное, молодежи свойственны подобные душевные порывы, но вот как это частенько и бывает, был третий, тот самый, что всегда в подобных делах лишний. Этот лишний не обладал ни титулом, ни красотой, да и годков ему было уже порядочно. Хорошо известный нам Армус стал тенью в их отношениях. Этаким негласный наблюдатель,

сжигаемый изнутри страстью, чье сердце глодала жестокая и неумная ревность. Плохое чувство, совсем нехорошее, оно туманит разум, заставляя переходить черту приличия, зачастую превращая даже самых лучших в монстров со звериным оскалом. Что тут скажешь? Да ничего, кто знает, тот знает, а кто не знает, дайте вам боги счастье никогда не коснуться этой острой грани. Ни к чему это.

Благо Армус был человеком, повидавшим многое на своем веку, от чего ума ему хватило не то чтобы не афишировать свою страсть, но, по крайней мере, не влезать в дела амурные, куда его не звали. Так как молодой лер также отвечал взаимностью девушке. Было в этом мужичке и уважение и понимание, была даже толика мазохизма, он вполне осознанно попытался самоустраниться с пути молодых. Юная прелестница, красивый статный юноша, восхитительная природа и дурман сладких ночей, проведенных на терпком матрасе сочных высоких летних трав. Это было красиво, это было. Да, это было. Кто не умилится? Кто тут бесчувственный чурбан, не знающий, каково это — обнявшись встречать рассвет, или как сладки губы любимого тобой человека?

Жаркий день юноша проводил со своими, выполняя заказ на работу, полученную от графа, а вечера и ночь в объятиях любимой. Барышня частенько прибегала к нему на работу, принося ему с любовью приготовленный обед, она была одурманена этим сладким чувством, причем первым в ее жизни, в чем ее винить? Сам бы отдал полжизни, чтобы лишь хоть на секундочку разворошить нечто подобное в душе, но, увы, годы прибавляют не только разума, но и рубцов на сердце, от чего оно черствеет, уже не ощущая полной гаммы прежних красок жизни.

В общем, все понятно, в частности в отношении чувств и чаяний девчонки, но что же наши мужчинки? Неужто не пободаются лбами за право узнать, кто тут реально вожак стаи и кто тут директор в этой пещере? Честно говоря, я даже ломаного гроша бы не поставил на мирное разрешение конфликта, и был бы прав. Акела, то есть старый вожак стаи, обвинил молодого самца в том, что он недостаточно сильно любит. Вот так вот, смотрел, смотрел, терпел, молчал, а потом: как вам не стыдно, юноша? Давай как-то посерьезней отнесись к данной ситуации и девушке. На что, естественно, получил вполне резонный ответ: «А твое какое дело? Иди раствор меси и не мешай барину обедать».

Стало обидно. Потом пришла злость. А потом нашелся повод. Такой хорошенький повод, прямо как пальцем в глаз тыкнуть. Немнод Рах пользовался популярностью среди местных дам и извлекал, как оказалось, выгоду, ну и дам пользовал направо и налево, что, собственно, позволяло

здоровое молодое тело, а также, видимо, не совсем незыблемые морально-нравственные принципы, что должны были ему прививаться с детства. Не буду презрительно кривить губы, обвиняя его в этом, или же аплодировать его бравым похождениям, это уже нас не касается, а интересно то, что Армус привел Адель в одну из ночей туда, где забавлялся ее любимым, да вот только с другой. Поступок, конечно, так себе, прямо скажем, не очень, собственно из-за чего и произошла драка, где само собой опыт проиграл молодости. Потому что у молодости кулаки быстрее машут, да и дури побольше. Ну, мужиков я понял, сам, было дело, и по мусалам получал и выдавал, бывало, а вот загадочную женскую душу мне понять не дано. Простила, пожалела, не ушла. Раненный не только в морду лица, но и в сердце, от подобных раскладов, Армус вновь затаился, выжидая удобного случая для укуса. Но это был его последний выход, через неделю все так же в дозоре он проводил свой объект воздыхания взглядом к стройке, куда она бежала на свидание с лером, а уже назад она не вернулась. К тому времени Армуса бригада уже не подпускала к себе, всецело уйдя под контроль юноши, посему точно обсказать произошедшее он не мог, но вот последние шаги девушки видел и знал, в какой стороне ее искать. Правда, знание это ему и остальным не помогло. Сколько девушку ни искали, сколько ни лазили по стройке и ни спускались в склеп, ее так и не нашли. Горе Армуса было чуть ли не больше, чем у родителей Адель, он не ел и не пил, словно пес в весенний гон, рыскал неумно меж строительных лесов, пытаясь отыскать следы пропавшей бесследно любви. Среди когда-то родных ему людей он стал чужаком и чуть ли не врагом, его пытались образумить, мол, успокойся, что есть, то уже и будет, не твоего это ума дело, успокойся. Да куда там, даже вновь избили, в надежде, что поможет, но лекарство не действовало. А Армус не зря свой хлеб годами ел в артели, видимо, где-то, как-то, но зацепил он виновников произошедшего, так как его хоть и не прибили, побоявшись огласки, но уж связать до поры до времени по рукам и ногам додумались. В таком собственно виде и тащили за собой по завершении заказа, когда их в лесу изловил господин Рассольдер.

— Это какой-то бред! — Фава Рах, не веря словам, мотал головой. — Я слушаю и не узнаю своих людей! Это не может быть правдой, это не могло происходить с моим сыном!

Все присутствующие молчали, не находя слов, их просто нет и не придумали еще для подобных ситуаций. Что ему можно сказать? Извините, папа, но это правда? Или забей, чувак, не воспринимай все так близко к сердцу?

Пусть истины нет, пусть даже как в моей реальности говорят, раз нет

тела, нет и дела, но все в этой истории имеет отвратительный душок премомерзопакостного характера. И даже не имея семи пядей во лбу, любой, оперируя имеющимися данными, нисколько не покривив душой, сможет ткнуть пальцем в виновника пропажи той девушки.

— Может, это был несчастный случай? Может, на голову камень упал, а они, испугавшись, прикопали ее где-то, и в общем нет вины на них в ее гибели? — Вот как я попытался успокоить папочку, аж самому стало стыдно под осуждающими взглядами окружающих.

— Это все неправда! — Старший Рах вскочил с места, сжимая кулаки. — Я не знаю, кто и зачем, но это все наговоры на моего сына! Я никогда не поверю в его вину! Он честный и порядочный юноша!

— Ну... — Сэр Дако оглядел всех присутствующих. — Думаю, мы тоже не будем делать поспешных выводов, скоро все само встанет на свои места, ваш сын постепенно выздоравливает, и думаю, в его интересах нам сообщить правду, в противном случае ему, боюсь, никто не поможет, и Белая Смерть рано или поздно доберется до него.

— Это неслыханно, но ее сила растет по мере выздоровления юноши. — Хенгельман печально вздохнула. — Они связаны, и, боюсь, эта связь не того характера, что возникла когда-то изначально между ними.

— В любом случае нам остается лишь ждать да надеяться на скорое прояснение ситуации и верить в скорое полное избавление от этой напасти, — Альва Шернье подвела итог, устало пожав плечами.

* * *

Люблю Новый год, приятный праздник, такой емкий и обволакивающий какой-то внутренней теплотой и легкой грустью после внутреннего подведения итогов уходящего безвозвратно времени. Домашний и, невзирая на холод зимы, какой-то согревающий, что ли, по своей сути. Маленькая такая отдушинка среди промерзшей белой пустоты, наполненной холодом и метелями.

Жаль, здесь нет мандарин, нет, может, они и растут где-то, ведь яблони есть, но пока не набрали популярности у нас на севере, зато елок у нас хоть одним местом жуй. В этом году из леса привезли настоящую красавицу метров под семь, для того чтобы установить в центре города.

Ярмарка все играла и гудела, впрочем, не без моей помощи. Редко, но метко я выдавал остатки своих товаров, устраивал конкурсы, привечал различных музыкантов и прочих лоботрясов от деятелей культуры, не

забыв в ночь устроить хороший такой фейерверк, чем, без сомнения, порадовал разгоряченный выкаченным на халяву по площадям вином народец. Ну и подарочки своей детворе приготовил, каждую пришлось обойти лично, каждой вручить и почмокать щечки, чтобы ни одна не обиделась невзначай. Другу Герману соответственно мужской подарок, комплект: меч и дага, выкованные подгорными мастерами. В довершение праздничный ужин с прибывшими гостями, четой Кемгербальд, что приехали навестить свою банду, и бравыми пропойцами от Гердскольдов, периодически наведывающихся в мою сауну, опустошить пивные запасы да побалагурить вдали от старших своей семьи. Два братца зависли у меня надолго, так как, похоже, им дико понравилось охотиться по ночам на призрака вместе с Шернье. Но как я подозреваю, об охоте там и речи не шло, а вот чем они по ночам занимаются, то уже тайна, покрытая мраком и, надеюсь, покрывалом, чтобы, когда случайно набредешь на эту тайну, не углядеть какого-нибудь «непотребства». Засранцы вывели мне из строя целого маршала бестиаров, что теперь ходит счастливая, как кошка, и совершенно мышей не ловит.

Вообще все эти дела амурные порядком поднадоели. Старина Энтеми пришел ко мне просить руки и сердца госпожи Нимноу, словно я папочка этим великовозрастным людям-калькуляторам. Пришлось изображать радость на лице. Ну и Гарич...

— Барон, вы позволите? — Он подошел ко мне, немного смущаясь, выждав, когда рядом не было лишних ушей. — Я хотел бы низко поклониться вам и попросить прощения за то, что вел себя как дурак в той ситуации с баронессой Пиксквар.

Я даже рта не стал открывать, лишь многозначительно покивав и повторно изобразив радость на лице. Он опоздал, причем на целую вечность, пока ходил вокруг да около, пока выбирал удобный момент для разговора со мной, баронесса уже десять раз успела меня отловить и прополоскать голову на момент устройства свадебной церемонии для этих голубков-кровников.

Вот теперь сижу, жду, содрогаясь от ужаса, не придут ли пенсионеры разбойники ко мне с зубодробительной вестью? Шутка. Хотя кто их знает, с них еще станется тряхнуть стариной, вот только бы старина у Дако от этого не отпал.

А вообще, конечно, забот было невпроворот. Нона за дело взялась лихо, иной раз мы расходились уже далеко за полночь, то просиживая в администрации, то в судах, либо же выводя очередные проекты законодательной или экономической базы. Правда, идею с банком я

зажал, так сказать, оставлю себе кое-что на черный день. Сквайр пока по моей просьбе подбирает толковых счетоводцев и управленцев, да и капитан «Семьдесят третий», мой начальник корпуса легионеров, уже получил указание готовить два летучих конных отряда, укомплектовывая народ лошадьми, доставшимися нам как трофеи из нашей летней войнушки. Легион я решил с лета пускать в оборот, так как товарищи душегубы не убавлялись, а лишь шли в плюс, что хорошо мне влетало в копеечку. Нечего им без дела сидеть, пусть с лета начинают патрулировать дороги. Ну и на север в Когдейр думаю дежурный гарнизон отправить, там пора начинать дружить потихонечку с пиктами, чтобы не расслаблялись, да знали, что хозяин новый не забывает про них. Навскидочку их к лету уже будет за три сотни, в пехотном корпусе, а ведь по весне наконец-то начнем набирать рейнджеров в форт, что достраивается сейчас на старом месте деревни Дальняя, так что пора им выплачивать долг перед обществом. Вообще, конечно, опасная это игра, под боком у властей создавать подобную силу, но плюсом стало то, что я мог предварительно уже сейчас передать на верха ряд грамот и согласительных документов. Де Кервье с интересом ухватилась за мою идею, впрочем, чего еще ожидать? Государство получало армию, государство избавлялось от неугодных и при этом не тратило ровным счетом на это ни копейки. Да, я рисковал, ведь меч этот обоюдоострый, единоправным начальником над своим детищем я даже не мечтал стать. Документально все это щелчком пальцев перейдет генеральному штабу короны, но пока... пока можно и поиграться в командира. Единственным неохраняемым подразделением легиона останется «Летучая мышь». Ну, во-первых, потому что это запрещено законом иметь какие-либо отношения с измененными, а во-вторых, надо же и мне что-то со всего этого поиметь? К тому же в нашем полку прибыло. Граф расширил свой клан, приняв под свою опеку целый десяток разобщенных персон, теми или иными путями прослышавших о его нынешнем статусе, причем, насколько я понял, это только первые ласточки, ну или летучие мыши, если вдаваться в нюансы. Но загадывать пока не стану, ни к чему, будет пополнение, ради бога, не будет — тоже сильно расстраиваться не стану.

Одно только печалило, полный провал в Лисьем. Товарищ призрак разошелся не на шутку, уже даже к стенам замка среди белого дня стало небезопасно подходить. С каждым днем юноша креп, а вместе с ним и набирал силы наш полтергейст, который к настоящему моменту расколотил уже все окна в моем замке, не давая покоя ни днем ни ночью. Это было что-то с чем-то. Призрак обрушивал на нас черепицу с крыши, выбивал с

верхотур камни, летящие опять же в голову, единственным островком безопасности оставалась каминная, в которую мы притащили почти все железо из кузни, и которую обошла Хенгельман, выставя защитные контуры заклинаний из арсенала своего темного искусства.

— Ульрих, родненький. — Старушка-некромант любила вечерами, когда уже все улеглись, поболтать о разном со мной, не забывая преподавание целительского мастерства, да и просто, как говорится, за жизнь перетереть. — Все стесняюсь тебя спросить, ты в курсе, что ты с головы до ног покрыт узором эльфийского плетения?

М-да уж, вопрос был на миллион, о своих экспериментах в этой области и неудачном плагиате я даже Дако не рассказывал, коснувшись лишь в общих чертах и вскользь.

— К-хм. — Я опустил голову. — Да было тут у меня как-то...

— О нет! — Она хлопнула в ладошки и с улыбкой на лице покачала головой. — Неужели ты опять тупо всунул нос не в свое дело?

— Ну, как бы, я бы, в общем...

— Старик в курсе? — Она пристально оглядела меня.

— Ну-у-у... — Пришлось разводить руками.

— И не говори. — Она кивнула, погружаясь в свои мысли. — Вязь тонкая, ее даже мне тяжело рассмотреть, а уж он в своей гордыне и подавно не узрит. Только крику будет, если узнает. Ты вообще где подобное узреть-то умудрился?

— В лесу летом наткнулся на защитника эльфийского, он этим плетением Тиночку сковал. — Вообще мне стало даже интересно, старушка-то в душе бунтарь и разбойница, может, поможет сдвинуться с мертвой точки в этом глухом деле? — Ну, я и подсмотрел, да вот до ума никак не смог довести это заклинание.

— А на себя зачем налепил? — Она под села ко мне поближе, изучающе меня разглядывая, и пододвинула табуреточку.

— Так больше не на кого было. — Развожу руками, попутно посылая команду енотам вернуться с прогулки под мой бочок. — Вообще, конечно, хотел изначально на животинках поэкспериментировать, да вот контур оказался обратным, с привязкой на меня.

— Ах вот оно что. — Старушка проводила взглядом мохнатые бока лесных братьев, пришедших на мой зов. — Теперь мне понятно то, как ты ими управляешь.

— Угу. — Я достал из карманов горсть орешков, вручая ее своим братанам по несчастью. — Повторить смог, а вот обратно уже никак, да и толком не разберу, что на что тут завязано.

— Это да, мастерство тут филигранное. — Она лихо сплела несколько своих непонятных заклинаний, словно паутинкой окутав и меня и енотов. — Так-с, что мы тут имеем? Ага, вот здесь и здесь, а потом сюда, понятненько, хм-м... Это что-то новенькое, это я вообще не знаю, что за хренотень, а тут уже стандарты пошли.

Я сидел ни жив ни мертв, с восхищением наблюдая за работой профессионала. Бабуля плела свои нити, потом развеивала их и уже по новой воспроизводила другие заклинания. Работа шла буквально по миллиметрам, она зондировала не просто узлы, но и каналы, подбивая сумму. Тщательно, аккуратно, очень внимательно.

Но не это даже было главным, главным сейчас был Мак, копирующий все шаги некроманта. Каюсь, по старинке следил и копировал, занимаясь, так сказать, преемственностью поколений, пусть даже запрещенного искусства. Впервой, что ли? За эти месяцы, что бабушка провела в стенах замка, я очень многое от нее почерпнул, и могу сказать, что не только в медицине. Старушка, в отличие от Дако, любила сыпать заклинаниями чуть ли не на каждом шагу, от чего я пополнял свою библиотеку новыми разделами этого искусства. Причем, потирая руки и гаденько хихикая, могу вас уверить, совершенно небезопасного толка. Как-то один из моих поваров пересолил курочку бабушке, от чего пару дней потом не вылезал из одного места, или кто-то из слуг недостаточно рьяно исполнял наказ, а потом покрывался сыпью и страшным зудом. Госпожа Хенгельман была по натуре бабушкой тихой и вроде бы безобидной, но вот зачастую с ней выходило, как в том анекдоте: «Извините, пожалуйста! — Да ничего, родненький, иди с богом, я все равно тебе уже на спину плюнул».

— В общем, Ульрих, дело дрянь, поздравляю. — Она кивнула мне, одарив улыбкой. — К своим прегрешениям можешь добавить еще и запрет эльфов на свою магию, о чем, если они узнают, немедленно сделают тебе козью морду.

— Ну, это я сразу понял. — Я вернул улыбку. — Мне бы суть понять, а то как-то несолидно, украсть украл, а что именно, так и не ясно.

— О-о-о! — Она погрозила пальчиком. — Далеко копаешь, ну да не мне тебя судить, заклинание это чуть ли не основа их современного искусства. Как ты знаешь, льесальфы господ, любящие живую природу, этакая смесь друидов с не пойми чем. Вот этот конкретный контур это почти что полное управление живым. Тебе наверняка известны сказки и легенды о том, что эльфам служат животные, подсматривая и подслушивая для них, вот собственно эту легенду ты и украл. Слияние необходимо для управления зрением и слухом, ну а контроль, естественно, сам понимаешь,

для чего. Не шпионить же белкам в лесу за барсуками, объект, попавший под заклинание, необходимо вывести к цели, указать эту самую цель, причем тут даже больше напрямую действовать можно, косматыми лапами убирая неугодных.

— Ух ты! — Я быстро проверил Мака на предмет, все ли он успел записать. — А как же с разумными? Он-то на Тину кинул его.

— Вполне в их стиле. — Она скривила губы. — Он бы сидел и в ус не дул, а тебе бы пришлось отбиваться от тех, кого еще вчера считал друзьями. Причем последним хуже всего, они действуют наперекор своей воле, оставаясь в полном сознании, но уже не отвечая за свое тело. Тут контуры ментальной магии, вперемешку с лекарскими узорами, ответственными за контроль тех или иных органов. Неужто сам не заметил? Я же с горем пополам кое-что тебе уже объясняла.

— Да я, признаюсь, уже давненько в нем не ковырялся, все как-то руки не доходили.

— Напрасно. — Она встала, подвесив над камином чайник. — В нем просто колоссальная мощь и потенциал для мысли. Видишь ли, это универсальная компоновка управления. Нечто схожее даже мы, некроманты, используем, подчиняя, в отличие от старшей расы, неживых. Тут прямо диаметральные грани, что и неудивительно, некромантия пришла от дъесальфов, которые всегда прагматичней были в отношении матушки природы.

— Это да, легче работать с тем, кто не думает, а выполняет, чем разжевывать свою волю кому-то с тобой не согласному. — Я помог ей расставить чашечки и блюдца, готовя небольшой заварник под ароматные травы. — Но я все равно не вижу то, что видите вы.

— Пытаешься подобрать слова, чтобы выведать у меня секрет? — Она растрепала волосы у меня на голове. — Молодец, не переживай, научу. Ты только сразу сознайся, много уже у меня успел украсть?

— Порядочно. — Я даже попытался исполнить смущение, потупив взор.

— Вот и умница. — Она рассмеялась. — Учиться нужно всегда, юноша, не взирая на чьи-то запреты. Да, это опасно, да, это, может быть, не подпадает под принципы морали некоторых индивидуумов, но это знание, а знание можно всегда применить по-разному. Суть ведь не в порочности разума, а в его носителе, злому человеку ни мозгов, ни магии не надо, он с земли палку подберет, чтобы треснуть тебя по спине. А вот доброта, она суть не только сердце, нельзя любить ради любви за просто так, надо иметь разум, чтобы понимание было, что не всяк достоин под этим небом твоей

помощи.

— Наверно, я согласен с этим. — Я снял закипевший чайник, заливая тут же пахнувшие свежестью травки. — Только вот слова это все пустые.

— Слова? — Она внимательно оглядела меня, возвращаясь на свой стульчик.

— Сердце ведь такая штука, что ему не прикажешь. — Я тоже вернулся на свое место, заварник пока стоял не тронутым, ему нужно время, чтобы раскрыть весь аромат распаренных трав. — Сидит вот, к примеру, изверг какой, насильник в тюрьме, на счету которого душ загубленных не перечесть, а к нему мать старушка бегаёт, слезами умываясь, мол, дитяtko мое ненаглядное. Разве безумна она? Не думаю. Или вон история с той замурованной эльфийкой, ведь жуть жуткая, прямо не муж у нее, а изувер проклятый, но ведь не просто так грех взял на душу?

— Разве? — Бабуля сложила ладошки на коленях.

— Любил он ее. Любил и прощал, любил и ждал, потому, собственно, и прибил. — Я погладил посапывающих енотов. — Не думаю, как все, что ревность это эгоизм, что любя нужно отпускать. Как можно отпустить то, что важнее, чем вся твоя жизнь? Нет, он не был эгоистом, он просто сильно любил. Любовь бывает страшной, нет, как вы говорите, под этим небом верных вещей. Все имеет обратную сторону, знание, что можно повернуть в безумство, любовь, что легко переворачивается в ненависть, привязанности, что нередко становятся зависимостью. Все, что мы знаем, тлен перед поступью времени и эмоций.

— Се'ньер. — Бабуля хмыкнула, вновь поднимаясь. — Ты бы меньше рот раскрывал, а то от твоих слов уж очень несет пылью и копотью прожитых лет.

— Неправда, это все злые языки. — Делаем простоватое личико, хлопаем ресничками, в общем, ангел, а не ребенок.

— Угу. — Она размешала взвар, дав осесть травкам, после чего разлила его по кружкам. — Если не секрет, сколько годков стукнуло в той жизни?

— Секрет. — Я благодарно кивнул, принимая из ее рук чашечку чая. — Я барон Ульрих фон Рингмар, все остальное обратная сторона медали, о которой не стоит знать.

— Пусть так. — Она улыбнулась. — Как думаешь, многие знают?

— Вампиры и некромант. — Я отсалютовал ей чаем. — Остальные если о чем и догадываются, то держат язык за зубами.

— М-да уж. Вечно мы, темные, лезем вперед всех, нет чтобы, как силы света, сидеть и помалкивать. — Она отпила из своей кружечки. — Ну что,

господин барон, будем грабить эльфов?

* * *

Мохнатые лапки гребли снег, маленькими коготочками фиксируя тельце и отматывая километры по легкому насту поверх сугробов. Потрясающая прыть, мое сознание несло, словно на крутом спортивном байке, такой мощью обладали эти вроде бы неказистые меховые бочонки.

Хорошее ночное зрение дополняли неожиданно насыщенные запахи, азартные зверушки с полуслова откликались мыслеформам моих команд, с теплотой приняв мою абстрактную сущность в свои головные коробочки. Это было приятно, я мог бы и насильно заставить их откликаться на посылы моих команд, но этого не понадобилось, так как лесные братья сразу же зачислили меня в какой-то разряд, если не друга, то уж точно дальнего родственника, с охотой воспринимая все происходящее как одну большую веселую игру.

А то, что я собирался повеселиться, это они уловили сразу. Еще бы, такой простор для моих шалостей! В лице этих двух безобразников я мог в реальном времени смотреть, нюхать, грызть и царапать все, что под лапу попадется, причем без каких-либо для себя последствий.

С Хенгельман мы практически три дня и три ночи разбирали эльфийское плетение, в конце концов, дойдя до уровня если и не всестороннего понимания, то, по крайней мере, уже более или менее удобных решений и предположений, которые в дальнейшем я собирался проверить на практике. Что, собственно, этой ночью и собирался претворить в жизнь. Оставил свое тельце лежащим на постели в общей каминной, под надзором бабушки, а сам, скользнув сознанием в головы своих подопечных, целеустремленно направил их путь, в сторону Касприва, где, как я знал, в здании администрации был расквартирован весь женский экипаж моего замка. Зачем я туда прусь? Ну... Соскучился.

Еле заметными стремительными тенями мои разведчики быстро достигли города, растворяясь на его узких лабиринтах-улочках, совершенно незаметные, не столько со стороны, сколько в связи с полным отсутствием желающих зимой, да еще и ночью блуждать по практически не освещенным улицам.

Очень неудобно, вернее пока непривычно, было смотреть на мир не двумя, а сразу четырьмя глазками, причем связывая и интерпретируя мир не только визуально, но и осязательно, посредством чутких носиков

локаторов.

— А вы что тут, крысопесы, делаете? — Проскользнув в дом с черного входа, столкнулся в темном зале с де Кервье, старушка сидела у камина, постукивая спицами. — Или и хозяин ваш где-то тут?

Вот же глазастая мадам, мало того что вполоборота сидит к двери, так еще и зрение как у кошки. Притворившись истинно арийским енотом, проигнорировал ворчание недостойной двуногой, скорым галопом проскочил зал и направился к лестнице на верхние этажи. Старики и малышня меня не интересуют, мне нужно найти графинюшку и воинствующего учителя танцев. Зачем? Ну... Соскучился, я же говорил...

Дело оказалось плевым, еноты прекрасно распознавали барышень по запаху, причем сердобольная графиня даже, оказывается, любила шкодников тискать и прижимать к своему сокровищу. От чего два мохнатых брата хорошо ее знали и могли найти глухой ночью с закрытыми глазами. А вот баронесса, оказалось, побаивалась их, стараясь откупиться от назойливых лесных террористов чем-нибудь вкусненьким, из-за чего, естественно, в мозгах животных также отложилась как потенциальный объект для клянчинья и выпрашивания провианта.

Дальше пришлось уйти немного на второй план из сознания животных, чтобы не травмировать свою психику, так как моя банда разделилась. Прапор, как более внушительная фигура, ломанулся к двери графини, а Профессор, как интеллигент в четвертом поколении, к утонченному знатоку танцев. Ну что поделать, хотелось оборзеть... ой, то есть обозреть, сразу все достопримечательности отходящих ко сну дам. Мой Прапор действовал целеустремленно и с напором, достойным бравого гусара, прямо с размаху бухнув толстым задом в закрытую дверь, после чего через какой-то промежуток времени тут же был впущен внутрь и потискан за щечки, в которые тут же запихнул бессовестно стянутую с чайного столика плюшку.

Госпожа Шель еще не спала, прогуливаясь по комнате, заполненной различными бумагами и свитками карт, похоже, милый учитель географии готовила на завтра тему для занятий, отчего и засиделась допоздна.

Профессор же, добравшись до двери, будучи мужчиной тактичным, аккуратно поскреб ее и, после того как она открылась, вполне культурно поздоровался.

— Крики-ки! — Он даже поднялся на задние лапки, передними разведя в стороны.

— И-и-и-и! — взвизгнула баронесса, отпрянув в сторону и подхватив руками ночную рубашку, от чего мое сердце учащенной забилося в

груди. — Кыш!

Барышня замахала на него рукой, Впрочем, не решаясь подойти ближе, что Профессор воспринял как вполне обоснованное жестами предложение войти внутрь.

«Помогите!»

Я вздрогнул от неожиданно звонкого девичьего голоса, прозвучавшего у меня в сознании. Это еще что за фокусы? Оглядевшись взором лесных братьев, ничего подозрительного не заметил, не могло же мне это показаться? Такое ощущение, что кто-то прямо в ухо это крикнул.

«Хоть кто-нибудь, отзовитесь!»

Я опять вздрогнул, с непониманием оглядываясь. Прапор уже мирно похрюкивал в руках графини, почесывающей ему бока, а Профессор нюхал взятку, предлагаемую баронессой взамен того, что он выйдет обратно в коридор. Определенно я не находил третью барышню, так звонко голосащую в мое сознании.

«Мне страшно! Помогите!»

Да что такое?! Что это за игра такая: угадай, в каком ухе звенит. Как вообще кто-то может так кричать, оставаясь при этом не услышанным окружающими?

«За что?»

Я просто физически ощутил, как пот пробил мое тело после этой фразы. Это что получается, здесь в Касприве, в покоях девчат сейчас находится Белая Смерть?! Или нет? Скорей всего это мое оставленное тело! Именно им я сейчас слышу голос призрака! Но как такое возможно? Или это одна из граней заклинания?

Медленно стал сворачивать процессы контроля над животными, распутывая замысловатые энергетические ниточки эльфийского плетения, постепенно возвращаясь в свою брентную обитель, оставленную в замке. Возврат в тело был хоть и отработанным, но меж тем трудоемким процессом, в котором поэтапно необходимо было с учетом энергоподкачки и векторов направления, не забывая про ментальный клубок, свернуть всю сеть, при этом не разрушив все плетение. Потому как при разрушении подобной ментальной связи ряд респондентов мог и погибнуть, вернее лишиться разума, что меня по ряду объективных причин совершенно не радовало, так как одним из тех самых респондентов непосредственно выступает мой мозг.

«За что?»

Подожди, милая, не так быстро. С горем пополам стал ощущать свое тело, медленно пошевелив пальцами рук и пытаюсь унять бешено

колотящееся сердце. Открыв веки, чуть с ужасом не заорал в голос от страха из-за представшей моему взору шокирующей картины. Призрак умершей девушки парил прямо надо мной, буквально в считанных сантиметрах от моего лица, я столкнулся с пустой бездной черных глаз. Правильные черты лица, смоль развевающихся на незримом и неосязаемом ветру волос, словно громадный клочок водорослей в темной воде омуты. И боль. Бесконечная мука, застывшая в мертвом взгляде, некогда юной и живой прелестницы.

«Помоги мне!» — прочитал я по едва видимому шевелению губ.

Странно, ведь минуту назад я ясно и четко слышал ее голос, а теперь словно звук у телевизора отключили, немая картинка идет. Не зря бабуля говорила, что плетение, используемое некромантами, очень похоже на эльфийский управляющий контур для живых, видимо, где-то на каких-то частотах и диапазонах оба соприкасаются, из-за чего я могу попробовать войти в контакт с умершей.

Оглядевшись по сторонам, увидел спящий, безмятежный в неведении происходящего народ, Хенгельман не было, видимо, ушла в подвалы врачевать вампира, ну а о том, чем сейчас занимается маршал бестиаров, даже думать не хочется. Завидно.

Ну что ж, значит, придется работать самому, раз клиент пожаловал. Вновь сконцентрировавшись, стал накачивать эльфийскую вязь своей внутренней энергией, по цепочке активируя один контур за другим, каждый раз пытаясь уловить отголосок призрачной речи, что удалось сделать практически сразу же после активации ментального узла.

«Прошу, помощи!» — Чисто, четко, словно и впрямь она здесь и сейчас.

«Адель?» — Я попробовал спроецировать свой голос.

«Я здесь! Помогите мне, прошу вас, спасите, я не пойму ничего, за что вы так со мной!» — она взорвалась словами, перемежая их всхлипами, такой живой и, кажется, близкой девчонки.

«Адель, успокойся, чтобы я смог тебе помочь, ты должна успокоиться и рассказать мне, что произошло». — Нет, ну в самом деле, не говорить же ей, чтобы лежала в могиле спокойненько и не брыкалась? Похоже, она даже не подозревает о том, что как бы немножечко, вроде как самую малость... тью-тью. Померла, в общем.

«Я принесла Ему обед, а его люди схватили меня! — Призрак мигнул на мгновение, скрываясь из виду, вновь уже трансформируясь из безвольной куклы в заламывающую руки девушку с бегущими по щекам дорожками невесомых слез. — За что? За что они так со мной?».

«Адель, прошу тебя, вспомни, что именно произошло, может быть, ты что-то слышала или увидела, любая мелочь может помочь». — Я, наверно, первый во вселенной некропсихолог, сижу, успокаиваю покойника, ну или что там от него осталось?

Призрак, словно плохая голограмма, пошел рябью, то пропадая, то вновь появляясь в разных ипостасях. Одно мгновение — она цветущая и улыбчивая, следующий миг — и предо мной ревущая, растрепанная, вся перепачканная пылью девушка, еще секунда — и бледное подобие человека с впалыми щеками и темными кругами-обводами бессмысленно глядящих глаз, а уже в конце я узрел лик смерти, зияющий темнотой в провалах, череп в обрамлении спутанных змей-волос.

«За что?»

Она твердила эти слова то ярко и звонко, то словно едва разлепляя губы, в голосе слышны были то слезы, то отчаяние, а то и откровенная истерика, перевитая жуткими нотками паники. Череп наклонился надо мной, обвивая меня кошмарной вязью призрачных волос, мертвые руки, покрытые пергаментно-желтой кожей, с обломанными ногтями, больше похожие на когтистые лапы птицы, уперлись в грудь, и я ощутил через одеяло и одежду их ледяной фон.

«За что?»

Это уже был не крик, не шепот, не мольба или ярость, это было что-то мощное, что взорвало меня, адреналиновой дрожью выбивая чуть ли не все живое, что еще оставалось в перепуганном теле. Сила, я просто физически ощутил ее, где-то подспудно понимая, вот оно, вот то, что не даст ей уйти неотомщенной. Вот оно, мелочь по смыслу, но меж тем quinta essentia, выжимка, пятый элемент, стихия, небесная сущность, то необъяснимое, что противопоставлялось античными философами мирским элементам, таким как: огонь, вода, земля. Все это выросло из всех ее чувств и мыслей, вырвавшись на свободу болью последних ее слов, упавших из уст, за миг до вечности, ждущей где-то там за гранью небытия.

Все.

Она исчезла без следа, оставив меня в покое, перепуганного чуть ли не до седых волос с выскакивающим из груди панически бьющимся сердцем. Все, она ушла, так и не приоткрыв завесы тайны. Что? Как? Зачем? Черт ее разберет, эту мертвую бабу, они живые такого наделать могут, век не разберешь, а тут вообще с того света приперлась на разборки.

С горем пополам и не унимающейся дрожью в руках кое-как водрузил остывший чайник на крюк в камине, чтоб сделать успокаивающего взвара. М-да уж, в такие моменты не грех и грамм по двести, может даже триста,

на грудь чего горячительного принять. В жизни бы не подумал, что такого страху могу натерпеться.

— Ульрих, ты чего бледный такой? — В комнату неспешно вернулась бабуля, видимо закончив возиться с Десмосом. Немного покрутившись в своем углу, она под села ко мне рядышком, внимательно оглядывая с головы до ног.

— Она была здесь. — Я грел у огня озябшие руки. — Прямо надо мной, когда я открыл глаза.

— И? — Хенгельман развернула ряд заклинаний, часть из которых я определил как лекарские щупы, чьей работой было снятие показателей состояния пациента.

— Мы немного поболтали. — Дрожь от воспоминания пробежала по моему телу мурашками по позвоночнику.

— И? — Она банально приложила ладонь к моему лбу, встревоженно оглядываясь по сторонам.

— А потом ушла. — Я снял кочергой с огня пышущий паром чайник, перехватывая его тряпицей и заливая кипятком в заварник, куда предварительно побросал набор травок. — Я уже глянул, все целы и здоровы, больше никого не тронула.

— Да что это за гадство! — Она в сердцах стукнула рукой по коленке. — Эта девица не могла проскочить мои заклинания! Я оплела здесь, словно паучиха гнездо, все силовыми линиями!

— Похоже, она нашла путь по эльфийской вязи. — Я покачал задумчиво головой. — Она услышала меня, пусть и не приняла, но вполне осознала мои слова.

— Что за вздор? — Бабуля недоуменно заморгала. — Призрак это не личность, это сумбур эмоций и страстей, откуда в ней может быть разум? Ты, наверно, неправильно что-то понял.

— Я все понял правильно. — Мой взгляд уперся в ту часть комнаты, где свои сны рассматривали отец и сын из принятой мной артели. — Боюсь, я слишком хорошо ее понял...

— О чем ты? — В ее голосе проскользнула тревога.

— Он все знает. — Я кивнул на лежащего молодого Раха. — И он должен нам все рассказать.

— Я не думаю, что этот юноша сможет что-то рассказать нам в ближайшее время. — Покачав головой, бабуля приняла из моих рук кружку чая. — Как ты себе это мыслишь?

— Граф. — Я отпил терпкого взвара. — Он покажет мне путь в его сознание, я хочу лично посмотреть глазами парня то, что он сотворил.

— Но он не смог прочитать там ничего. — Хенгельман также пригубила глоток. — Слишком тяжело работать в затуманенном сознании, плюс сейчас его «я», сознание и личность немного окрепли, и, боюсь, он может просто не пустить тебя внутрь, тут тебе не то что вампир, опытный менталист вряд ли сможет что-то подсказать.

— В любом случае я попробую. — Накатила усталость, тяжестью опустив мои плечи. — Больше ждать нельзя, призрака не остановить, от него не убежать и не спрятаться. Хватит уже смертей.

— Ты можешь наделать беды. — Она поджала губы. — После твоего неумелого нахрапа и напора, он, а может и ты сам, или вы вообще оба лишитесь разума.

— К демонам этот разум. — Обжигаясь, я вновь пригубил чай. — Сила призрака растет, и, похоже, когда юноша выздоровеет, вокруг него может уже не остаться никого в живых. Это его вина, он выпустил в этот мир монстра, он создал его своими руками.

Больше мы в ту ночь не разговаривали, каждый думая о своем. Слишком это дело деликатное и сложное, в каждой из сторон ринга стоит своя правда и свой смысл. Можно, конечно, было бы пустить все на самотек, просто ожидая того времени и того часа, когда проблема, наконец, наберет силы, взорвется гнойной сукровицей наподобие загноившейся раны. Но это не мое, нет, будем срывать пластырь резко и сразу, хватит этих игр, уже погибли люди, погибли глупо и по чужой вине, мои люди. Надо было сразу послушать тогда де Кервье, не беря на себя такой ответственности, попробовать как-то изолировать Рахов, жаль лишь, что понимание приходит только зачастую с горьким опытом в обнимку.

На следующий день мы спустили в подвал к графу всех заинтересованных лиц. А я солгал, солгал любящему отцу, что так надо и ничего не грозит его сыну. А потом солгал сэру Дако, что никаких глупостей не наделаю. Не пришлось лгать лишь Хенгельман, бабуля была недовольна, но держала язык за зубами, храня мой секрет в тайне. Вообще она должна была помочь, не знаю тонкостей и нюансов дела, но это должно выглядеть как спуск во тьму пещеры вслепую по канату. Десмос опускает в нужную точку канат, Хенгельман поддерживает меня, чтобы я не ушел влево-право, ну а мне остается лишь надеяться на крепость рук, вернее, на полноту энергетических резервуаров и подкачку Мака, они должны мне дать силы преодолеть весь этот путь от начала и до конца. Причем еще бы желательно с последующим возвратом. Желательно.

— Барон, я мало что понимаю в том, что происходит и как все это будет выглядеть. — Фава Рах был бледен и напряжен. — Но есть ли

возможность мне тоже посмотреть его память?

Я перевел взгляд на Хенгельман, отрицательно качающую головой, потом на Десмоса, также не согласного с предложением.

— Можно попробовать. — Я кивнул ему. — Но тогда появится небольшой риск.

— Это не смертельно? — Он с надеждой воззрился на меня.

— Нет, не смертельно, но неприятно. — Вот и снова ложь. — Ложимся на лавки, закройте глаза и постарайтесь хоть немного расслабиться.

Мы улеглись на лавки рядом с безвольным парнем, причем из стоящих осталась одна лишь бабуля, пребольно ущипнувшая меня за ляжку и злобно прошипевшая в ухо: «Мы еще с тобой потом поговорим...» Была еще Тина, но она вроде как пряталась в дальнем конце подвала, на что я не стал заострять внимание.

— Готовы? — Старушка еще раз оглядела всю команду, суетливо проведя руками по расставленным на небольшом столике скляночкам и колбам с различными настоями на случай срочной реанимации. — Ну, тогда, господин Десмос, начинайте. Ульрих, разворачивай ментальную сеть, только не спеши, умоляю, тебе еще лера Раха ей накрыть нужно. Не спеши, говорю.

Для весомости слов она вновь ущипнула меня за ногу. Вот же неугомонная, не спешу я, не спешу. Ментальную сеть вязать меня учил еще Дако, когда я с горем пополам пытался осваивать нелегкий труд левитирования мелких предметов, чтобы, с его слов, нормализовать процесс инициализации, ну или, как я думаю, заставить правильно работать приобретенную мной опухоль. Трудность здесь для меня была в том, чтобы нащупать разум лера, а также присоседиться к построенному графом каналу в разум юноши. Для меня это пока сложно, нет, можно было бы прописать весь путь через Мака, но прописывать должен человек знающий, а не как я, наугад да наобум.

Заклинание, постепенно набирая обороты, раскрывало свои объятия, в конце концов, захватив разум отца Немнода. Лер был напуган, эмоционально чувствовалось и легко читалось его смятение и страх, впрочем, волновался не он один, мы на пару неплохо потрясали эмоциональный фон своими сердечными ритмами. Единственное, что смущало, это вроде бы как присутствие, помимо графа, еще одного стороннего наблюдателя. Это было неожиданно, госпожа некромант должна была закрыться, а до Тины я бы при всем желании не дотянулся, легкая полутень присутствия не давала мне соскользнуть дальше в глубину по канату, выстроенному вампиром, так как я тупо не знал, кто это, ведь

нагрузка и так более чем приличная. А тащить на себе еще одного пассажира мне совершенно не улыбалось.

«Помоги мне!»

Господи Иисусе! Опять она?! Как на этот раз умудрилась проскочить, я же не трогал эльфийскую вязь, или она привязку на меня каким-то образом кинула? Нет, так не пойдет, я попытался свернуть сеть, выходя обратно в привычный мир из ментальной проекции, но неожиданно понял, что уже не властен над структурой! Призрак не просто так бездействовала, она все это время окружала нас своей сущностью, подчиняя наше сознание.

«Адель! Отпусти нас, мы можем пострадать!» — Паника охватила меня, я забился, словно рыба в сетях, лишь еще больше увязая с перепугу в энергетике заклинания, теряя смысл происходящего и поддаваясь истерии.

«Я должна! — Голос умершей девушки был наполнен печалью. — За что?»

Ее мощь темным вихрем подхватила нас, увлекая вниз в глубину разума бессознательного юноши, каруселью закручивая в неконтролируемый «не полет», а нечто больше схожее с падением. Мак вывел сто и одно предупреждение на колоссальный расход энергетических ресурсов, уходящих из моих бережно собранных запасов, словно песок сквозь пальцы.

* * *

Ночь принесла прохладу после жаркого летнего дня, но не как не избавление от хлопот. Лер Немнод сидел у костра, задумчиво разглядывая игру теней и языки танцующего пламени. Болели натруженные за день руки, немного ныла спина и все еще ныла ушибленная завалившейся кладкой ступня, хоть уже прошло больше недели с той поры. Старший мастер каменщик, дородный мужик с всклокоченной бородой, принес ему нехитрой походной стряпни, оставив деревянную дымящуюся миску рядом с сидящим в задумчивости господином.

— Ростик, — позвал он мастера. — Созывай народ.

— И этого? — Мужчина кивнул в сторону виднеющегося в отдалении отдельного костерка, где едва различима была фигура человека.

— Нет. — Немнод скривился, как от горькой пилюли. — Армуса не звать, совсем спятил старик, сдает он что-то в последнее время.

— Ну, знамо дело... — Здоровяк безуспешно попытался скрыть ухмылку в бороде. — С бабами завсегда так...

— Иди отседова! — Юноша запустил в спину мужику принесенной только что миской с едой. — Тоже мне выискался знаток!

Злость всколыхнулась в груди, бурля и вновь поднимая муть бешеной ярости из-за случившейся пару недель назад оказии. Старый пень решил поиграть в папочку, указывая своему господину, как он должен вести себя с девушками. Ему, видите ли, совестно, что он, молодой лер, ведет себя, как кобель, не пропуская ни одной юбки в округе. Этот идиот привел Адель на сенокос как раз в тот момент, когда он собирался влезть на дочку местного кузнеца, которую он столько времени обхаживал, теряя время и нервы на выслушивание всей той ахинеи, что она несла. Какого демона он это сделал? Его какое собачье дело?

Молодой Рах с остервенением принялся ломать сухие ветки для костра, со злостью поглядывая в сторону одинокой фигуры. Ну зачем, ну зачем, спрашивается, он это сделал? Адель... она ведь другая, Адель — для души, другие так, потехи ради, он что, не понимает? Мы даже пожениться собирались, уже и отцу письмо отослал, обрадовав его, а теперь все по новой, опять все ухаживания сначала. Радует, правда, что простила, сразу видно, искренне любит, искренне душа болит, и все из-за этого старого козла! Нужно будет по возвращению в артель обязательно сказать отцу, чтобы выпорол еще для порядка мерзавца, мало я ему морду помял тогда в поле, Адель не дала хорошенько разойтись...

Эх, Адель... Милая, кроткая и такая ласковая по ночам, не то что все эти дурехи, которым хоть подол на голову натягивай, чтоб не видеть их тупые морды. Умничка, и улыбнется, и повернется, а то и сама не постесняется на лопатки завалить! Нет, что ни говори, хорошая будет жена, бойкая.

— Господин. — К костру подсели двое братьев Аппарель, молодые парни, старшие у подсобников. — Сейчас остальные подойдут.

Постепенно к костру стал стягиваться народ, старшие по бригадам, каменщики, столяры, подсобники. Мастера, уважаемые в артели, люди проверенные и надежные, не один год топчущие пыль дорог и грязь строек. Тот же Армус еще его отца пацаном безусым учил ремеслу, эх, жаль, такая несуразица с ним вышла, все же мужичок он ушлый, знает свое дело хорошо.

— Ну что, мастера, снова кладка пошла в расход? — Немнод еще подкинул веточек в костер, осветив мрачные лица присутствующих. — Третий раз, уже третий раз проклятая кладка расходится.

— Бесовство, чистой воды бесовство! — Старик Бартель, старший плотников, сплюнул на землю. — Надурили нас местные с тутошним

графом, знали, поганцы, что не будет дела!

— Столько времени потеряли, столько времени... — Парса, один из камнетесов, сокрушенно покачал головой. — Теперича до дождей и не сыщем толкового заказа. Не видать нам этих денежек.

— Ну-ка прекратили сопли на кулак наматывать! — Немнод стукнул сжатым кулаком по коленке. — Давайте решение искать! Лучшие мастера, да наша артель самому королю дворцы строила, а тут срань какую-то для самоучек справить не можем?

— Так ведь заговоренное то место, с проклятием, не иначе, — подал голос здоровяк Ростик. — Поди, не колдунцы мы какие, люд обычный, мастеровой.

— Это другие пусть так балакают! — Рах злобно зыркнул на каменщика. — А у нас репутация и имя! Или сараи для крестьян будем строить? Коровьи домики из говна и соломы до конца жизни лепить станем? Самим не стыдно?

Мужики замолчали, опустив косматые головы. Верно, все верно, раз дашь маху, потом слухи пойдут, те же собратья по ремеслу и распустят, мол, неумехи, плевый заказ завалили.

— «Закламу» надо делать. — Тихие слова старика Бартеля упали в полной тишине. — Бесовство иначе не вывести.

— Совсем сдурел, пердило старое? — Ростик ткнул в того своей здоровенной ручищей, от чего щуплый старичок плюхнулся с бревнышка на пятую точку.

— Отстань от него, громада! — Молодые братья-подсобники вновь помогли старичку водрузиться на место. — Сам до неба вымахал, а ума не набрал, так дай другим что по делу сказать!

— Ростик, не тронь люд! — прикрикнул на сжимающего кулаки каменщика лер, предупреждающе подняв руку. — Мало нам ссор, что ли? Итак, вон Армус морду от нас воротит, теперь остальные решили переругаться? Говори, Барт!

— Ну дык. — Старичок повел плечами, опасливо скосившись на великана. — Знамо дело, испокон веков да закаждая артель «закламу» по серьезному делу давала. Проклятия, али демоны, иль друга яка погань, они же завсегда люду честному гадость какую норовят сделать. То мост через реку порушат, по крышу завалят, то печную трубу чем забьют, чтобы жильцы угорели. Вот и делали отцы наши в стародавние времена «заклому», жертву, стало быть, да охранителя заодно новому построю.

— Я чавой-то не понял, шо за «заклама»? — Парса нахмурил брови. — Это шо, барашку там или петуха черного в стену засунуть?

— Козла одного старого туда надо бы засунуть. — Ростик гневно фыркнул.

— Да замолчи ты, башка твоя каменная! — Немнод притопнул ногой. — Мы уже все перепробовали, коли ничего сам измыслить не можешь, так сиди и помалкивай!

Старый плотник, сухим скрипучим голосом стал разворачивать перед внимательной и перепуганной публикой таинства старинных мастеров строителей, больше схожие с легендами и сказками былых дней.

Графство Чепях, еще в старой империи, где в замковые стены граф приказал замуровать три десятка своих рыцарей в полном облачении, для того, чтобы их духи и после смерти защищали стены дома своего господина. Мост через бурную Эльду, полноводную реку, связывавший два государства, но по причине зловредных водных бесов постоянно обрушивавшийся, в центральную опору которого заживо замуровали чистую девицу, сковавшую своей душой намертво кладку камней. Все это ночной байкой у костра завораживало дух, бередя воображение и заставляя по сторонам оглядываться взрослых мужиков, вздрагивая при малейшем шорохе в темноте.

— Ну а про столицу нашу и говорить не стоит, там град вообще древний. — Плотник прокашлялся, вновь продолжая. — Мне еще мой дед рассказывал, что когда возводили первый дворец, тогдашние все никак не могли сладить с выводом первого надземного этажа. Все рушилось, что ни возведи, колонну али арку, какими лесами ни разопри стены, все складывалось, не давая камень на камень положить. Вот тогда-то впервые и сделали «закламу», как это теперича называется. Маленька така ниша, схрон от всех и каждого, потаенка. Старшой артелевский, тогда в той комнате накрыл стол и разложил игрушки всякие забавные. В те времена по улицам много детворы беспризорной голодной бегало, ну и заскочила какая-то девчушка внутрь, пока она пузо набивала да игрушки по полу катала, мужички успели лаз заложить. Ну а потом музыкантов созвали да наказали три дня и три ночи музыку играть, чтобы, значит, криков той голопузки не услышал кто сторонний. Как все затихло, то работа мигом задалась, камень сам чуть ли не из рук выпрыгивал, ложась на свои места.

— Да не слушайте вы его! — вновь попытался взять слово здоровяк Ростик.

— Да тихо ты!

— Не лезь, камнетес!

— Да что ты, как заноза в...

Народ зашикал на смутившегося большого мужика. Каждый

задумчиво пялился в ночь, осмысливая услышанное и тихонечко переговариваясь между собой. Байки то старые, такие сызмальства друг дружке в артелях рассказывают, ну да кое-кто и практикует. Это каждый уважающий себя строитель знать должен, что если ворота ставить на восток, то обязательно петуха надо в фундамент закладывать, ну а женские покои, когда в замке отстраивают, обязательно бисер либо другие какие бусины в раствор сыплют, чтобы девки тучней рожали, а не по одному выплевывали. Много поверий и традиций было, ну да некоторые даже из поколения в поколение под большим секретом передавали. Тот же Бартель, он ведь, как и Армус, в артели рожден, потомственный, стало быть, и секрет про действия того старшего в столице, это история про одного из предков Раха.

Немнод покачал головой, когда-то давно отец то ли в шутку, то ли всерьез пугал его этой историей, мол, смотри, сынок, не бегай сам по чужим покойам, да на пиры таинственные незванным гостем не ходи. Он тогда думал, что отец просто так его пугает, чтобы к незнакомым людям не подходил по детской простоте, а оно, оказывается, и взаправду было.

— Жуть-то какая. — Парса оглядел народ. — Что, думаете, и взаправду может помочь?

— Я дык сразу молвил, нечисть эту только так сдержать можно. — Бартель демонстративно сплюнул в сторону склепа. — Иначе не видать нам здесь удачи, ни словом добрым ни монетой звонкой награждены не будем, посмешищем уйдем на весь честной мир.

— Но кого нам заманивать? — Один из братьев огляделся, вроде как в поисках добровольцев. — Даже если пойдем на это поганое дело, как решать будем?

— Я так думаю, раз там баба с того света чудит, то бабу и будем закладывать. — Плотник упер руки в бока. — Не будем брать у судьбы займы, пусть сама жизнь рассудит, первая деваха, которая завтра после восхода солнца придет к нам в лагерь, и пойдет в стену, так верно будет. У многих тут подруги, там ниже у ручья и женушки кой-кого с нами пришли, все рискуют и никто не знает, как выйдет. Случай решит, пусть будет первая, что придет. Если сейчас в ночь поработать, можно будет нишу как раз к зорьке окончить.

Народ в нерешительности заозирался друг на друга, всем было боязно, и в то же время какой-то дикий задор играл в крови, заставляя глаза азартно блестеть. Это было неслыханно, дико и от того так притягательно своей жуткой тайной.

— Значит, так. — Немнод оглядел присутствующих. — Раз случай,

значит, случай. Сымай, кто при шапке, по монете каждый туда сложит. Кто против достает монету, а кто за, вложит в шапку, когда все пройдут, если в шапке что останется, значит, делаем «закламу», ну а раз не будет ничего, так и решать нечего.

Тут же по кругу пошел чей-то вязаный капюшон, народ совал внутрь руки, демонстративно сжимая кулаки, чтобы никто не догадался и не увидел, кто о чем думает. Рах с сомнением поглядел на Парса, мужичок он был вороватый, мог думать об одном, а вот рука цапнет без команды со стороны головы, такова уж природа у него. Сам же для себя юноша решил положить монету, уж очень ему хотелось пусть и наобум, на удачу, но попробовать выполнить заказ. Ведь это не просто заказ, это вызов, даже не столько ему, первый раз взявшему в свои руки самостоятельную работу без пригляда отца, а всей их семье, всей их репутации.

Пройдя круг, шапка попала к нему, с замиранием сердца он опустил внутрь руку, чуть не выругавшись в полный голос. Там не было ни одной монеты! Это же что получается, разожми он сейчас руку — и решение принято? Его монета будет последней! Признаться, он рассчитывал на старика плотника, ну да может, и не зря рассчитывал, какая-то сволочь вытащила медяк. Собравшись с духом, он, зажмурившись, разжал свою ладонь, а затем быстро перевернул шапку чтобы все увидели, как из нее наземь падает маленькая круглая монетка.

— Все. — Он оглядел всех тяжелым взглядом. — Решение принято, все знают, что делать, до рассвета чтобы было все готово.

— Мож не надо? — тихо подал голос один из братьев, напяливая на голову вернувшийся к нему капюшон.

— Поздно. — Зло сверкнул глазами Рах. — Ростик, ты не на работах. Будешь по лагерю обходчиком, чтобы ни один от тебя не ускользнул предупредить кого ниже.

Здоровяк расправил плечи, усмехнувшись, ему-то терять было совершенно нечего, жена осталась с детьми на севере, а подругу здесь он себе так и не сподобился завести.

— Сделаем, господин. — Он впечатал свой здоровенный кулак в раскрытую ладонь. — Уж я прослежу теперь, чтоб говоруны все по-честному сделали.

Народ расходился в полном молчании, все, как-то потупив взоры, старались не смотреть друг дружке в глаза. Это было неслыханно, это было страшно. Но все молчали, кто знает, о чем думая? Может быть, с надеждой, что кто-то другой вдруг скажет: «Нет»? А может, не веря до конца, что все будет на самом деле?

Юноша вновь остался один у костра, вытирая о штаны взмокшие ладони, которые вдруг пробила нервная дрожь. Нет уж, он не испугается, не дождутся! Сами сказали — судьба, и плевать, что именно его монетка была последней! Наверняка Бартель тоже кидал! Мысли чехардой скакали в голове, перескакивая с одной на другую и вновь соскакивая в какой-то сумбур страстей. Сосредоточиться совершенно не получалось, блуждающим взглядом он зацепился за все еще горящий в отдалении от них одинокий костерок со сгорбленной сиротливой фигуркой у него.

Армус. Юноша вновь скривился, вспомнив своего бывшего работника, неожиданно четко вдруг осознав, что завтра к нему должна в лагерь прибежать Адель. Сердце заколотилось с удвоенной силой. А что если слепой случай укажет на нее? Нет, это вряд ли, он попытался себя успокоить, не может этого быть, девушка прибежит уже за полдень, а к тому времени уже кто-то будет. Просто обязан быть! Парень вскочил с места, словно зверь в клетке расхаживая из стороны в сторону. «Нет, нет! — думал он. — Не должна прийти раньше, может быть вообще не придет до вечера, все же сейчас между ними не самый лучший период отношений. Вчера вечером лишь прогулялись немного за ручку, она все еще дуется и молчалива».

Ну а вдруг придет?

Он вновь сел, обхватив голову руками. Надо что-то придумать, как-то послать ей весточку, что-то передать. Он вновь поднялся, направляясь в сторону одинокого костерка.

— Господин. — Из темноты громадой, с премерзкой ухмылочкой выдвинулся Ростик. — Все должно быть по-честному.

— Вот и следи за этим! — Немнод пихнул здоровяка в грудь. — Я от своих слов не отказываюсь, мне просто нужно с Армусом переговорить.

— Ну да, ну да. — Вслед ему как-то зло рассмеялся гигант. — Поговори, так-то оно всяко лучше будет.

Рах скрипнул зубами, продолжая идти и не обращая внимания на каменщика. Он давно его уже знает, мужик он только с виду здоровенный и глупый, а по делу когда касается, иные старики слушают его раскрыв рот. Понятно, что Ростик обо всем догадался, но не говорить же ему спасибо? Надо ведь и лицо сохранить, да и перед другими, если что, стыда не оберешься.

— Чего тебе? — буркнул отщепенец, когда Немнод молча присел рядом с Армусом, чей вид был жалок и подавлен. Левая часть лица превратилась в один большой оплывший синяк, губы разбиты и местами на них еще видна была свежая кровь. — Ты теперь сам там старший, не будет

тебе от меня ни помощи, ни совета!

— Заткнись и слушай. — Юноша поджал губы и сжал кулаки. — От тебя мне ничего не нужно, а наши дела отец порешает, как возвратимся, пусть рассудит, кто из нас прав. Сейчас я о другом говорю, немедленно беги в деревню и всеми правдами и неправдами увидься с Адель.

— За чегой-то ради? — Армус отвернулся от лера. — Раз сам умом своим решил жить, не проси теперь моей помощи! Не стану я тебе помогать свидания назначать!

— Дурак. — Немнод сверкнул глазами, заметив, как с холма к ним приближается мощная фигура Ростика. — Сейчас же, как Рост уйдет, беги и дай наказ Адель ни под каким предлогом три дня здесь не появляться, иначе беды не миновать! При каменщике ни слова! Мы с тобой миримся, ежели спросит, и запомни, чтобы ноги ее здесь три дня не было, что хочешь говори, брешь или говори правду, но чтобы ни ногой!

— Ну что, господин? — В свет костра вышел гигант, кивнув Армусу. — Время поджигает, ночь быстро пролетит, а нам еще дел полно до рассвета.

— Да, Ростик, пойдем. — Немнод еще раз оглядел ошеломленного его просьбой мужичка. — Дел и вправду невпроворот.

Он больше ничего не сказал ни Армусу ни тем более каменщику. Просто шел, просто влился в работу, иногда помогал подсобникам, иногда поддерживал сколачиваемые опоры и леса вместе со столярами, а то и просто бил камень в размер или подносил уже готовые блоки. Да уж, они и вправду были мастера, «заклама» получалась прямо загляденье, небольшая ростовая ниша, точно по месту, где обычно расходится камень в старинном склепе. Клади камень умело с прослоем из песка, чтобы со стороны глушил звук, да снаружи, кто искать будет, не простучит полость пустую. Да и сверху по швам прослой песчаный, если пролить водой, он запах даже глушить будет. По уму делали, все просчитали, да и хитрость была немалая, по пословице: коли хочешь спрятать дерево, прячь его в лесу. Камень брали старый, от предыдущих мастеров, а уже в сторонке свежий выгоняли вверх, чтобы, значит, ежели бить заставят, в пустое место уткнулись. В старой-то кладке кто искать станет?

Минутка за минуткой, час за часом, но вскорости над горизонтом стал алеть рассвет, пока неверный, то ли да то ли нет, едва различимой полоской, но степенно набирающий силу, все разрастаясь и разрастаясь в, казалось бы, бескрайней тьме, щедро усыпанной горстью звезд.

— Все, будя! — Немнод дал отмашку усталым людям. — Давайте кашеварить, да бедовую ждать, сделано хорошо, остальное уже лишним

будет.

Остальное будет лишним. Он невесело усмехнулся своим словам, оглядывая усталых людей. Все уже, страх ушел, труд внес усталость и какую-то толику отрешенности в сердца людей. Похоже, среди толпы даже об заклад биться стали, что же за птичка попадет к ним в руки, снося скромные барыши в руки гиганта Ростика, который за ночь дважды стесал свои кулаки об физиономии пытавшихся улизнуть к своим подружкам мужиков. Все по-честному, как решено, так и будет. Немнод со злостью на самого себя сплюнул на землю, сердце предательски не хотело униматься, стуча на все лады тревогу. Хоть разум и твердил, что опасаться нечего, даже если злокозненный мужичок не предупредит девушку, раньше обеда она никак с домашними делами не совладает, чтобы мать отпустила ее из дому. Чай, не графьевых кровей, ей и прибраться надо и состряпать чего по кухне, может, еще и воды натаскать, живность какую покормить домашнюю. Да и сама девка не из ленивых, самой совестно будет бросить дела.

— Идет! Идет кто-то! — загомонил народ, вскакивая со своих мест. Юноша тоже подскочил на ноги, сглатывая тревожный ком, подкативший к горлу.

— Тьфу ты, принесла его нелегкая! — сплюнул кто-то, когда разглядели неспешно подходящего к стройке и прихрамывающего Армуса. — Его-то что сюда несет?

— Дело, видать, какое. — Ростик встал за плечом юноши, расплзаясь в улыбке. — Что скажешь, господин, будем пускать?

Тот лишь кивнул, не произнеся ни слова и наблюдая за приближающимся мужичком. Не пустым шел тот, в руках нес флягу резную, да непростой резьбы, Немнод сразу угадал причудливую вязь, схожую с носимым на руке браслетиком Адель. Что же он хочет? Весть несет какую? Ох, лишь бы не опозорил при людях, выдав их ночной разговор.

— Утра вам доброго, мастера. — Армус кивнул присутствующим. — Не за ради пустого трепа пришел, а замириться хочу, по совести. Прими в дар дружбы, лер Немнод Рах, сей мой подарок.

Юноша принял из его рук флягу, оценивая филигранную вязь, мастерски вырезанную по дереву, что ни говори, а Армус в этом лучший, таких рук во всем свете вторых не сыскать.

— Не держу зла иль обиды какой. — Парень кивнул, принимая дар. — Только пока заказ не сделаем этот, не подходи к нашей семье. Ну а как срок выйдет, так милости прошу назад.

Армус долго и пронзительно зацепился взглядом за лицо своего молодого господина, задумавшись о чем-то и не решаясь сказать ни слова.

— Так, значит, так. — Наконец кивнул он. После чего, как-то замысловато склонив голову еще раз кивнул. — Все сделаю по твоему слову, как говорил, говоришь и будешь говорить, негоже, коли между нами вражда встанет.

Предупредил! Ну шельмец, ух! Немнод сам от себя не ожидал подобной радости, словно груз пудовый с плеч сняли. Он чуть не кинулся обнимать этого избитого им же самим мастера. Но сдержался и, кивнув тому на прощание, развернувшись, ушел к костру, где его ожидал припозднившийся ужин за минувший день с ночью.

Потянулось время, уставшие, издерганные и нервные, они каждый раз вздрагивали, заведя где-нибудь в отдалении чью-то фигуру. Солнышко уже поднялось, лучисто улыбаясь угрюмым и что-то совсем не радостным людям, в напряжении ждущих чью-то большую беду. Час-другой, вот уже и растаяли совсем утренние тени, час, еще один, и не осталось утренней свежести, а воздух стал наполняться звенящей в этот погожий день жарой небесного светила приближающегося полдня.

— Идет!

— Кто-то идет!

— Смотрите, и впрямь к нам!

— Боги, помилуйте!

По рядам побежал шепот, народ подобрался, а Ростик и ряд мужиков сместились чуть в сторону, беря в руки веревку и плотный мешок. Лер, пряча пробившие дрожью руки, за спину, так же со всеми поднялся встречать гостя, с трудом сглатывая неожиданно ставший тяжелым воздух. Уже можно было различить легкую женскую фигурку, спешащую напрямик через поле к холму, на котором и возвышался старый приземистый склеп. Быстро идет, взметая подола юбок, тонкая станом, но еще не разглядеть. Кто же ты? Выбило сердце вопрос, не в одной груди щемящей болью сжимая душу.

— Не моя! — Один из стоящих неподалеку мужичков упал на колени, судорожно глотая воздух.

— Не моя! — Другой вытер по лицу бегущие слезы.

— Боги миловали! — Кто-то стал истово молиться, осеня себя святыми знаками и с благодарностью поднимая взор к небесам.

— Дура! — одними губами произнес Рах, затуманенным взором встречая радостно бегущую девушку прямо к нему в объятия. Ну почему? Почему ты нарушила мое слово?! Почему так рано? Неужели дел по дому

не нашлось? В глазах поплыло, туманя взор, как если бы смотрел сквозь воду. Зачем ты бежишь сюда, я же велел не приходить? Или проклятый Армус не донес весть? Наперерез фигурке вышел помянутый им мужичок, перехватывая девчонку на полпути. «Держи ее! — захотел он крикнуть, что было сил. — Держи эту дуру, нельзя сюда! Схвати ее, ударь ее, сбей с ног, но не пускай! Скажи ей, что я подлец и вокруг меня сотня голых баб пляшет, скажи ей, что я ненавижу ее и не желаю видеть! Боги пусть она уйдет!»

«Как же я ненавижу тебя! — подумал он, смотря глаза в глаза улыбающемуся Росту. — Ты знал! Знал, каменная башка, что так будет! Теперь и я это вижу, по-другому и не могло выйти, такова женская натура. Уже обманывали, уже предавали, теперь бежит прямо на запрет, вроде как с благими намерениями, а на самом деле проверить, не изменяет ли с любовницей опять? И что тут сказать? Что тут поделать? Ох ты же, глупое, глупое и дурное женское сердце! И что теперь прикажешь делать? Как тебе объяснить, что есть вещи страшнее тисканья чужих сисек? Ну почему, почему ты послушалась меня и теперь бежишь сюда со своими проклятыми отварными яичками и прочей дрянью, что теперь в горло не полезет?»

Неужели слезы? Рах с болью и какой-то ненавистью «теранул» мозолистыми ладонями по щекам. Вот еще напасть, предательское сердце болит и бьет по груди пудовыми кулаками. Надо было догадаться, надо было просчитать ее! Впрочем, еще есть надежда, Армус должен остановить! Он должен что-то придумать, иначе и быть не должно, не зря перехватил ее в пути и беседу завел. Демоны преисподней! Он же тоже дурак, может назло сделать, сам ведь ни о чем не догадывается, а ну как решит, что я опять тут с бабами? А ну как опять подтолкнет ее не в ту сторону? Как же быть? Как теперь поступить правильно? Повернуть все вспять и отказаться от своих слов и дел? Сказать, мужики, мол, так и так, дело такое, по сердцу мне эта девушка, потому трогать не будем, а ваших, мол, можно? Ваших можно, значит, а мою нельзя, и наплевать на уговор. Наплевать на то, как вы тут слезами умывались, гадая и заламывая руки, придет али нет. Как потом им в глаза смотреть? Как потом моему слову верить будут? Вон уже оглядываются, вон уже кто-то брови хмурит, а кто-то улыбается, не веря в то, что смогу пойти дальше наперекор всему. Ну уж нет! Нет, не бывать моему позору! Сам хотел по судьбе, по случаю и по справедливости, так значит быть посему, ни за что на свете я не откажусь от своих слов. Пусть больно! Пусть в кровь и с мясом кусок из груди вырву, но слов своих не нарушу! Не смогу! Ведь знаю, что другую точно бы без

зазрения совести отдал, невзирая на слезы ползающего на коленях мужика, так неужто себя пожалею, коли судьба ставит на колени? Ни за что! Не дождетесь!

Немнод Рах увидел, как девушка оттолкнула вставшего на ее пути Армуса, обходя его стороной и вновь продолжая свой путь, от чего предательские слезы вновь ручьями побежали по щекам. Нет, теперь уже точно нет надежды. Судьба или злой рок все решили за него, теперь уже точно и бесповоротно. Быть тому, что должно, и никак иначе.

— Ну что, лер? — В гробовой тишине упали камнем слова улыбающегося здоровья.

Сказать он не смог, просто не смог из-за перехватившей горло обиды и боли, он и так задышался, не в силах по-нормальному вздохнуть.

Лишь кивнул.

Да.

Все, как говорили.

Все в силе.

Двое мужичков обступили его, тесня в сторону, прочь от страшной картины. Сердобольные. Незачем смотреть на то, что будет дальше. Не в силах совладать с собой, он поддался им, уходя в сторону, от чего совсем было не легче, их тяжелые руки подталкивали его прочь, заставляя отвернуться и не видеть того, что будет дальше. Не видеть, не слышать, но знать, знать все наперед и помнить вечно, какова бывает цена решений и глупых слов. Глупых решений и не менее глупых слов.

— Нем! — Какой же звонкий у нее голосок! Боги, какой звонкий и живой у нее голос! — Ой! Рост, ты чего? Вы чего, дядьки? Что вы делаете?!

— Не-м.

— Нем!

— Не-е-е-ем!!!

Не зови! Молю тебя, не зови! Замолчи! Что же ты так кричишь-то жалобно?! Боги, как же больно! Ну почему все так глупо и так отвратительно тошно выходит? Почему я, дурак, сидел и слушал эти бредни, соглашаясь на эти глупости? Почему я разжал тогда ладонь, выпуская монету? Как же больно! Он зажал уши ладонями, закрыв глаза и падая на колени. Не зови, молю, не зови, не надо, прошу, только не зови! Замолчи! Пусть она замолчит! Уже ничего не изменить, уже нельзя повернуть назад, кто он будет после этого? Трус? Человек без чести, чьему слову нельзя верить!

Из груди вырвался то ли стон, то ли рык, юноша больше не мог сдерживаться, падая всем телом наземь и заливаясь слезами. Не зови,

пожалуйста, молю тебя, не зови! Как же больно, как противно и тяжело. Словно обезумев, он рвал землю с травой, посыпая ею голову. Хотелось точно так же рвать себя, истязая глупое тело, что так предательски подвело его в решительный момент.

Ловцы во главе с гигантом каменщиком в мгновение ока скрутили хрупкое создание, стянув веревками руки и ноги да набрасывая глухой мешок на голову. Такая тоненькая, утонченно красивая и совершенно беззащитная, она вбежала в лагерь словно по воздуху, широко улыбаясь и кивая хмурым и каким-то отчужденным людям.

— Доброе утро. — Ага, именно так и сказала приближающейся гибели. — Доброе утро. Доброе.

Ростик сам взвалил пленницу на плечо, скорым шагом чуть ли не подбежав к приготовленной нише. Тут уже даже у него стали сдавать нервы, уж слишком жалобно она кричала, слишком.

— Стой! — Немнод, пошатываясь, словно пьяный поднялся с земли. — Подожди!

Все стояли, не в силах что-либо сказать или сделать, кто-то отворачивался, кто-то вообще закрывал глаза и уши. Молодой лер, шатаясь, подошел к висевшей на плече у каменщика живой ноше, трясущимися руками сдергивая с ее запястья тонкий с затейливым узором браслетик.

— Нем? Нем, это ты? — Девушка попыталась взбрыкнуть, впрочем, без особого результата, в могучих объятиях. — Нем, я не пойму ничего, что происходит? Нем, только не молчи! Что происходит?

Он стоял и молчал в считанных миллиметрах от нее, ощущая ее сладкий запах и видя, как вздымается от учащенного дыхания ее грудь.

— Нем, я ничего не пойму! — вновь закричала она впустую, вертя головой, на которую был накинута мешок. — За что? За что вы так со мной?!

— Давай. — Наконец-то после целой вечности томительной тишины произнес он, разворачиваясь и уже с каменным лицом и мертвым сердцем уходя прочь, совершенно не обращая внимания на крики глупой и непослушной девчонки, что не приучена была слушать голос разума, а верила глупому и бессмысленному сердцу. Своему глупому сердцу.

* * *

Я получил мощнейший откат и боль от истощения и перенапряжения организма, в связи с невообразимой нагрузкой, что легла на меня в тот

злополучный день, когда мы пытались прочесть разум Немнода, получив в довесок Адель.

Как там, что там в реальности произошло и как меня откачивали, пока я переживал день из жизни этого юноши, я не знаю. Знаю лишь, что чуть не умер. М-да уж. Чуть. По словам бабулечки-некроманта, я все же пережил клиническую смерть, и это чудо из чудес, что такой болван, неуч и самонадеянный тип все еще по-прежнему коптит это небо слабым выхлопом из своих легких. Очень уж слабым выхлопом. Дело в том, что я настолько истощен, что с трудом могу поднимать пудовые, налитые свинцовой тяжестью веки. Ох, как же мне хреново! Все тело болело, словно пропущенное через гигантскую мясорубку, я даже спал через боль, лишь кратковременные потери сознания не надолго способны были избавить меня от этих мук. Мук телесных, внутри же я был пуст. Да сейчас я, предоставленный сам себе и не отвлекаемый делами мирскими, мог вдоволь полежать и порассуждать о перипетиях и поворотах судьбы, но я этого не делал. К чему? Уж лучше пустота. То, что было не вернуть, это было и этого уже не изменить. Да, где-то когда-то жила была девочка Адель. Да, где-то когда-то жил был некий юноша Немнод. Да, что-то было.

Было.

Фава Рах, переживший погружение в разум без физических последствий, в скором времени, а если быть точнее на пятый день после этого, покончил жизнь самоубийством. Он повесился у нас в саду на любимом вишневом дереве сэра Дако. Печально. Вот кого-кого, а его было искренне жаль. Совершенно непричастная жертва чувств и эмоций, причем вызванных не своими делами и не своим грехом. Жаль. Действительно жаль. Ну да небеса ему теперь в судьях, раз так решил, значит, думал чем-то? Может, головой, а может, чем другим, поди теперь узнай.

А меня опять тошнит, все, что в меня питательного заливают, не задерживается во мне дольше получаса, зловонным потоком вперемешку с желчью вырываясь из искривленного от боли рта.

Мерзко, самому противно от своего бессилия. А еще я потерял Мака. Это была моя самая страшная потеря, от перегруза затрачиваемой энергетики погорели проводники-ниточки из драгметаллов в моих браслетах, считай до мяса прожигая кожу на моем теле. Только вот демоны с тем мясом, сгорели все мои труды, мои библиотеки и все мои еще не родившиеся проекты. Ох, как же мне плохо! Хорошо хоть не один, хватает заботливых и любящих рук, иначе бы не выжить. Да, мой Лисий, хоть он формально все же Пестика, вновь обрел своих жителей, так как со смертью Немнода призрак ушел. Я не сказал, что молодой Рах умер? Ну так он умер,

не пережил он того погружения, сгорая без следа, наподобие меня сейчас. Легкая смерть. Незаслуженно легкая, по моему мнению, ну да я промолчу, не мое это дело. А вот Белой Смерти больше нет. Все, закончилась ее история, вольно или невольно, но я помог ей получить ответ на ее сокровенный вопрос: «За что?» Да, теперь, где бы она ни была, она знает, она своими глазами увидела все, что хотела, все, к чему стремилась все эти годы, все то, что помогло ей перейти границу смерти, чтобы добиться ответа на простой и может даже где-то глупый вопрос. Только вот боюсь, это не конец, если, конечно, я не сошел с ума. Говорить об этом никому не стал, но я ее иногда вижу, по ночам, когда мое измученное тело не в состоянии уснуть. Не Белую Смерть. Нет, не ее. Я вижу Адель, кроткую, тонкую, как тростиночка, молодую и хорошенькую девчонку, с копной иссиня-черных, разметававшихся волос, с полной грусти и печали, непередаваемой красоты, бездной глаз.

Может, и вправду рехнулся, а может... Не знаю. Потом, все потом. Устал я. Устал неимоверно. А может, сломался. Ну то, что сломался, в большей степени это точно, полчеловека осталось от прежнего. Даже магичить в прежнем пределе не могу, мало сил, погорел я капитально, любая, даже самая незначительная операция с энергетикой тут же вырубала меня похлеще доброго удара бейсбольной битой по голове, которая потом непрекращающимся гулом еще долго гудела, словно церковный колокол.

Долгие месяцы я валялся безвольной куклой на постели, изучая потолок и не находя себе занятия. Впрочем, не думаю, что занимался бы чем-то другим, сложись все более благоприятно. Как-то не хотелось никого видеть и даже разговаривать с людьми. Правда, от Хенгельман не удалось избавиться, ну да я такой насадке даже рад. Старушка нетребовательна к собеседнику, если и болтала, то не столько со мной, сколько веселя саму себя своим скрипучим голоском.

— Ты давай, Ульрих, не раскисай. — Она крутила и вертела меня в своих сильных руках, ловко обмывая очередной неприятный казус из выделений ослабленного организма. — Пусть структуры вязать не можешь, зато астральные проекции видишь, да токи в организме, если что, куда надо поможешь тельцу своему направить.

Хм. А что? И вправду, ведь не зря же мы с ней столько времени потратили на учебу? Я ведь не только врач, я еще и лекарь теперь, благодаря ее уму и стараниям. Спасибо тебе, добрая бабушка-некромант. Помогла мне не раскиснуть совсем, давая так нужную мне в этот момент пищу для ума и кропотливую и увлекательную работенку по латанию громадных дыр и ран своего организма. Хорошее дело ковыряться в

болячках. Милое моему сердцу, особенно коли свои ранки пальчиком тыкать. Хотя и сказано — токи, да только мои жизненные силы изнутри больше походили на едва ползущие капельки дождя по мутному стеклу. Пришлось повозиться, возвращая все на круги своя, причем не мне одному, старик Дако прямо на глазах сдавал, сжигая себя в беспощадной перекачке энергии в мой ослабленный организм. Больше седины, меньше огня в глазах, устал он, устал сильно. Мы с Хенгельман пробовали образумить, да куда там, наорал на обоих, крепко, видать, перепугался за меня. Прости, Дако, прости своего нерадивого ученика. Вижу, что переживаешь и волнуешься, прости.

— Ты давай поправляйся, Ульрих. — Бабуля сидела как всегда рядышком, мешая в скляночках очередной отвар. — Дед уже еле ходит, меня совсем не слушает, как бы плохо ему не стало.

Да я то что? Стараюсь, что могу, делаю, ночами сам заснуть не могу, правда, хоть смог частично купировать боль, что уже целое дело, благодаря чему теперь хоть сидеть мог, не заваливаясь на бок, без посторонней помощи. Скоро весна, скоро. Уже не сегодня, завтра точно побегут капелью сосульки под крышами домов. День-то уже заметно на прибыль пошел, забирая минуты и часы у тихушницы ночи. Вон даже в руки перо смог взять, чтобы нарисовать на листке бумаги первую в этом мире инвалидную коляску. А что? Надоело до жути в четырех стенах сидеть. Девчата теперь по очереди, а иногда и дружной гомонящей толпой по часу катают меня по двору, нет-нет да втюхивая бедного инвалида в тот или иной сугроб. Эх, на речку хочу. Посидеть, на водичку бегущую подивиться, вот где душе и измученному телу будет покой и благодать. Так приятно иной раз, когда пусть еще и кусачий, но уже не злой ветерок холодит лицо. Днем солнышко так красиво играет радугой в кусочках льда, что невольно замираешь, подолгу забывая обо всем вокруг.

Но по-настоящему меня вернула к жизни злость. Да-да, она родимая, и кто бы вы думали, ее мне принес? Хех, жена, конечно, кто еще? Не то чтобы она меня сильно драконила, но вот разозлила порядочно. Эта хитрюга попыталась, мило хлопая ресничками, протащить парочку вроде бы невзрачных приказов и постановлений, хотя доподлинно знала о моем прошлом несогласии, мы ведь не раз уже их обсуждали. Скорей всего рассчитывала, что я не в себе и не читаю, что мне подсовывают.

Наивная.

Я из тех, кто в деревенских туалетах подшивки пятнадцатилетней давности от корки до корки прочитывает, прежде чем использовать по назначению, не то что документы за своей подписью. Привилегий ей,

видите ли, больше захотелось. Ну да другого от нее и не ожидал, властная особа, такой палец в рот не клади, пополам туловище перекусит. Вот и пришлось в ускоренном темпе оживать, посверкивая глазами по сторонам, что бы кто чего ненароком не уволок. Ну, это я, конечно, утрирую. Хотя кто его знает.

И вот, наконец, долгожданная весна. Эх, сейчас бы песиком по парку побегать да беспардонно на спине прямо на земле поваляться, предаваясь глупому счастью, но, увы, пока лишь инвалидное кресло и шарф потеплей на горло. Мне даже винца не предложили лизнуть на свадьбе калькуляторов. Шутка. Сквайр Энтеми и леди Нимноу скрепили официально свои отношения в первый день весны, и, вы не поверите, похоже, их чувства были искренни. Я не верил. Какое-то время, но должен признать, так не играют, так и вправду чувствуют симпатию друг к другу, такой взгляд невозможно подделать. Ну да, наверно, это ожидаемо, они немолоды и им сложно действительно не только по телу, но и что, наверно, главней, по уму, подобрать себе пару. Встречаются на свете такие винтики и шпунтики, с хитрой резьбой, что могут только друг с другом состыковаться, по другой резьбе не пойдет дело, и видимо, это как раз тот случай.

А через неделю после свадьбы стали разъезжаться гости. Замок покинула Альва, на прощание, говорят, с криками и другими сопутствующими звуками на пару с братюками Гердскольдами изрядно повеселившись в моей сауне. Покинула меня и моя милая бабушка насадка Хенгельман, возвращаясь в столицу. Мы довольно тепло попрощались, впрочем, обошлись без слез и лишних лобызаний. Жизни моей уже ничего не грозило, хоть я, похоже, надолго еще буду прикован к креслу. Уехала и бабушка де Кервье, на прощание шепнув мне на ушко: «Через год, милоч, на главном балу, живой или мертвый, но что бы был!» Хм, как будто кто-то собирался с ней спорить, разве можно отказать такой милой женщине? Я бы настоятельно не рекомендовал.

Капитан с баронессой Пиксвар пока отложили свадьбу до лета. Ну да это «ихние хотелки», которые меня не касались. Мне заботой стал старик Дако. Заболел он, истощившись в заботах обо мне, болезном. Видать, надорвался. Теперь уже я сидел у его постели, блюдя его покой и отпаивая травками. Вредный старикашка ни на секундочку не умолкал, постоянно пеняя меня за дела мои тяжкие. Ну да поделом, будет мне впредь наука не совать свой нос не в свой вопрос. Вот только пациент строптивый до жути, то лежит, помирает, то вскочит и умотает куда по делам своим. Здоровья совсем нет, а бегаёт иным молодым на зависть. Мне так точно, я, к

сожалению, на своих колесах далеко не умоваю, сил по-прежнему нет, только если просить кого. Благо Тиночка мне помощницей стала, но лишь по вечерам, солнышко-то уже для их породы опять кусачим стало. Тучки реденькие, лучи яркие, все, кончилась лафа у вампиров, опять вечера ждут, чтобы выйти куда по делам своим. Граф, их папенька, теперь был с ручками, отрастил благодаря бабушке-некроманту себе новенькие, мы теперь с ним в чем-то похожи. Голова и руки, а вот ножек пока не предвидится, ждем, когда подвезут в магазин, а то старые все разобрали.

Как в прежние времена стал марасть руки и бумагу чернилами, по новой берясь за формулы и старые свои бумажные записи по созданию компьютера. Не могу я без него. Это просто незаменимая вещь при моей занятости, иначе или совсем рехнусь, или плюну на все, уйдя от дел. Вру, конечно, ничего я не брошу и никуда не уйду, жаба задушит после стольких стараний и сил наплевать на свои мечты и чаяния, но все равно тяжело.

Мои ночные бдения за бумажной работой помогала скрасить моя галлюцинация, а именно Адель в своем первозданном виде. Призрак или видение видел только я, о чем не спешил сообщать остальным. Мало ли, то, что я сошел с ума, еще не повод меня списывать со счетов. Милая девушка прозрачным контуром часто являлась по ночам ко мне, как-то смущенно, что ли, и застенчиво маяча где-нибудь за плечом. Хотелось бы проверить ее, войдя в эльфийское плетение, но сил у меня на это не было. Как я уже говорил, любое магическое действие вырубало меня похлеще хорошей дубины по голове. Неприятное состояние, эта беспомощность просто угнетала. Особенно по поговорке, око видит да зуб неймет. Астральные проекции, тонкие щупы, в общем, ювелирная работа, то, что я не то что не люблю, а просто не понимаю, о своем любимом Эббузе уже и мечтать не приходится. Хотя в этом и был плюс, я научился экономности, точности, а также аккуратности. Моя магия приобрела огранку, я стал более внимателен к деталям, от чего передо мной открылись новые горизонты, ранее не замечаемые мной. А уж о прорыве в области целительства и говорить не буду, здесь я уже был как рыба в воде, жаль только, не научился по щелчку пальцев исцелять, а то бы уже бегал пританцовывая.

Ну да не буду плакаться, оживаю потихонечку, и то ладно. Вон как природа торжествует, оживая после зимы, безжалостно круша лед на реке, слизывая белые снежные языки с земли и наполняя землю звоном ручейков талой воды. Кончилась зима, пройден еще год в этой новой истории моей жизни. М-да уж, наваристым выходит суп, все что хочешь можно найти в нем. Правда перченый сильно, ну да не маленькие уже, поморщившись, проглотим, лишь бы добавки не налили. Спасибо, что-то не хочется

больше.

— Барон! Дурные вести. — В кабинет вошел Гариш, опуская голову.

— Ну да, ну да. — Я печально покачал головой, тяжело вздыхая. — Куда же без них? Говори, капитан, не тяни.

— Сэр Дако. — Он замялся, явно не находя слов.

— Что с ним? — Сердце кольнула тревога, старик в последнее время значительно сдал.

— Он погиб. — Гариш по-прежнему не поднимал головы. — Сэр Дако погиб. Но боюсь, ваше благородие, это еще не все вести, люди бегут с дамбы, что на нижней стройке Касприва. Кто-то раскрыл створки, пуская в котлован воду, именно там, в котловане, и остался старый маг.

Часть 2

«МОКРОЕ ДЕЛО»

До чего же погожий и по-теплому прекрасный день выдался на улице. Весна в этом году теплая до безобразия, и скороспелая. Ветерок пробежался пятерней по моим волосам, нежно прошептал на ушко: «Не грусти». А ласковое кошачье солнце мягким бархатом своей лучистой лапы зажмурило мне веки, не давая досужим прохожим взглянуть в глаза, полные печали.

Его больше нет. Моего учителя, наставника и просто человека, ставшего немного больше, чем друг, для меня, что в принципе и немудрено. Я не скажу, что успел полюбить его всей душой, этого старого ворчуна, но я уважал его, уважал и принимал, за что он в ответ давал мне так необходимые слова поддержки и наставления в трудные минуты жизни.

А что теперь? Теперь ниже Касприва, городка, подпадавшего под мою руку, там, где я начал возводить новый город, там, где были надежды не только мои, но и гномов на то, чтобы обрести свой дом. Там теперь сплошной, цельной и бескрайне прекрасной гладью ширился гигантский водный разлив, наводивший на мысли о пенном море.

Как? Что? Почему? Это мне еще предстоит выяснить, пока лишь известно, что старший от строительной артели вызвал Дако из-за какой-то непонятной возни, со стороны водных жителей у дамбы. Кто такие? Да есть тут... Русалы и русалки. Сам бы не поверил, если бы не видел своими глазами.

Впрочем, чему мне удивляться? Я и так окружен со всех сторон в этом мире вампирами, оборотнями, даже призраки нет-нет да и пробегутся по моей спальне, чуть ли не по голове топчась.

Как такое возможно? Не знаю, не буду гадать. В этом мире есть понятие Се'ньер, это когда душа одного человека занимает тело другого. В принципе мой случай, лишь с некоторыми нюансами, я невольно, по странному стечению обстоятельств оказался в теле совсем еще юного паренька, начиная практически с нуля свою новую и насыщенную не всегда радостными событиями жизнь.

Позвольте представиться, барон Ульрих фон Рингмар, ну или то, что от него осталось. Тяжело вздохнув, с грустью осмотрел свое инвалидное кресло. По моему наказу, с трудом и скрипя зубами, кресло с укутанным

одеялами тельцем доставили чуть ли не на руках к внезапно образовавшемуся заливу, что похоронил в своих водах столько моих трудов и мечтаний. В один миг, в один не самый паскудный, по идее, из дней весны, когда солнышко греет и радует душу, глупый рок или бессовестная вертихвостка-судьба выворачивают все наизнанку, окрашивая этот мир в серые тона сжимающей стальными тисками нутро печали.

Мой друг и наставник, старый ворчливый маг, вечно отчитывающий меня за мои промахи... Он где-то там. На дне этой гигантской водной толщи, что погребла все мигом, в одночасье лишая меня чуть ли не всего, что я делал на протяжении всех этих лет, все, во что я вкладывал свою душу и финансы. Впрочем, черт с ней с этой стройкой, с этой работой и всеми теми деньгами, что теперь покоятся в виде стройматериалов на дне. Я готов в сто раз больше отдать, лишь бы вернуть старика.

— Старшего из артели — сюда! — Эмоции переполняли меня через край, злость волнами уступала место печали, чтобы вновь вернуться назад по новой.

Гарич, в сопровождении гвардейцев, вывел из толпы людей, с ужасом вззирающих на некогда гигантский котлован моей стройки, низкорослого мужичка с черной кустистой бородой и кожаной жилеткой поверх голого торса.

— Кельмит из Десса, — представил его капитан, подтолкнув ко мне поближе. — Это он вызвал мага, он и видел, что случилось дальше.

— Говори. — В глазах помутнело, видимо, от того, что перенервничал, организм вновь стал пошаливать, болезнь упорно не покидала меня.

Запинаясь и то и дело с испугом поглядывая по сторонам, как бы ища поддержки у окружающих, он приступил к своему рассказу. Дело тут вышло совершенно непонятное. С его слов — русалки и раньше любили выплывать к дамбе, ну с тех пор как ее возвели, начав выбирать землю под портовую часть, что уже, в свою очередь, вплотную прилегала к речному руслу. А в этом году, с первым теплом, как они вновь появились в реке, совсем охамели. В открытую уже не боясь людей и охрану дамбы, взбираясь на ее пологие и покатые склоны деревянного настила. Вообще они трусливы, и по пальцам можно пересчитать людей, которых бы они подпустили к себе хотя бы на метр, а тут прямо чуть ли не по головам ползают. На зиму они полностью уходят из русла Быстрой, скрываясь в неизвестном направлении. Так что неожиданно раннее их появление в этом году, плюс чуть ли не штурмом взятые и облепленные их телами стены дамбы вызвали вполне обоснованную тревогу со стороны строителей, которые и забили тревогу, посылая весть в Лисий, где их встретил маг,

неожиданно заинтересовавшийся этим вопросом.

— Господин маг, он, стало быть, как прибыл, сразу туда пошел. — Мужик ткнул толстым пальцем в виднеющиеся деревянные бока створки ворот посередине земляного вала. — А энти рыбалюды словно с ума посходили, что-то пищат по-своему, руками машут, некоторые даже кидались камнями в нашу сторону.

Я перевел взгляд на деревянный остов, вокруг которого ковром плавал различный деревянный мусор, в основном блоки от строительных лесов.

— Дальше что? — Виновников бедствия как назло видно не было.

— Ну значит, господин маг подошел к ним и начал о чем-то разговаривать. — Мужик задумчиво почесал затылок. — Я не слышал, что он там говорил, токма через какое-то время вылезла гарпида со своими сестрами да как пискнет пронзительно, мы аж на землю попадали, а у Малкуна, охранника с дамбы, что вон тамоча стоял ближе всех, так вообще из ушей кровь пошла! Силища в том крике была запредельная! Чес слово, никому нельзя было устоять, вот и господин маг упал, а они его схватили и в воду утянули.

— Там у ворот? — Я устало потер ладонями лицо, стало немного дурно.

— Ага. — Кивнул мужик. — Потом, значит, и кинулись всей толпой, ну и раскрыли дамбу, ох и жуть жуткая, скажу я вам! Водища как хлынет, как хлынет! Прямо с ревом и такая вся с пеной, и крутит все, и вертит, ломая все на своем пути! Хорошо наш народ еще с утра на работы не успел выйти, а гномы камень наверху отбирали годный для своих дел, иначе бы всех там погребло, эт точно. Никому бы не спастись.

М-да уж, дела. Я кивнул Гаричу и поджидающим гвардейцам, давая понять, чтобы катили меня назад к повозке, на которой уже вернули назад в замок. Смотреть тут ровным счетом было не на что, ну а информации вряд ли я получу больше, чем уже имею сейчас. Старик сам пошел туда, рядом не было никого, ну да думаю, даже если бы и были, то тоже бы уже оказались на дне этого залива.

— Будут приказания, ваше благородие? — Гарич вскочил на лошадь, направляя ее к моей повозке.

— Да. — Я жестом показал, чтобы накинули еще одно одеяло поверх колен. — Гонца в Речную, пусть высылают всех мужиков, способных стоять на ногах, выдели им повозки и лошадей, пусть грузят неводы и сети.

— Сети? — Гарич непроизвольно оглянулся на водную гладь.

— Да, капитан. В этом году придется пораньше промысел начинать, — невесело усмехнулся я. Совсем невесело. — Плюс к Кемгербальду гонца

шли, у него вроде бы на побережье есть рыболовная артель, впрочем, я письмо напишу, пусть с гонцом передадут, сам все опишу да в ножки поклонюсь.

Мой лимузин о двух пегих коняшках неспешно потрусил по дороге, подпрыгивая на ухабах и неровностях, говорить пока больше не о чем было, да и более детальный план стоит составлять на холодную голову, а не грозя неведомым небесам кулаком и разбрызгивая злобно слюни. Ведь мне даже непонятно, что именно произошло? За что погиб мой учитель? Это спланированная диверсия или экспромт? Они не поняли друг друга или целенаправленно убили, отмахнувшись от старика, как от назойливой мухи? Не знаю, пока не знаю, но черт меня подери, узнаю, и кто-то обязательно за это поплатится. Жаль, я беспомощен как младенец, сейчас хотя бы Мак был, все же полегче. Ту же заводь пробить на момент присутствия нежданных вредителей, или как там сказал старший? Гарпида? Кто это вообще такая? Что это за зверушка, что смогла опытного мага с многолетним стажем уложить лицом в грязь, да причем играючи? Да, старик был не в форме, да, он сильно в последнее время хворал, но меж тем он маг! Причем маг высочайшего уровня, до которого мне еще расти и расти, невзирая на мои махинации с, увы, пока потерянным Маком.

— Улич, родненький, ты как? — Мы въехали через какое-то время в замок, где меня обступили мои домочадцы, выпуская вперед заботливую графиню Красс. — Мы только что узнали, это непередаваемая утрата для всех нас, если тебе что-то...

— Нет, спасибо, пока ничего не надо, — совершенно неподобающим образом прервал я ее словоизлияния, показывая гвардейцам, чтобы тащили меня незамедлительно в мои покои. — Гарич!

— Да, барон! — Он спешил, передавая поводья расторопным конюхам и подходя ко мне.

— Легион тоже поднимай, пусть их капитан с офицерами прибудет ко мне под вечер.

— Будет сделано, барон. — Кивнул он и, не дождавшись других указаний, ушел по делам.

Оставшись наедине с собой, уже у себя в покоях, тупо уставился в стенку, не в силах бороться с мыслями. Голова шла кругом, все так неправильно идет в последнее время, прямо как проклятие какое надо мной. Даже не верилось, что теперь эти стены не будут наполняться такой милой сердцу руганью старого пройдохи. Вроде как вернулся домой, а он неожиданно стал пустым и каким-то не родным, что ли, холодным.

— Что-то нужно? — В комнату совершенно незаметно и бесшумно

проскользнула Тина. — Ты вообще как? Держишься?

— Чай. — Я вздохнул, подбирая расхлябанные чувства в кулак. — Писчие принадлежности и графиню сюда.

— Она-то тебе зачем? — Лицо исказила легкая гримаска недовольства. — Даже сейчас без баб никуда?

— Прекрати. — Я тяжело смерил ее взглядом. — Мне совершенно не до этих склок.

— Прости, все сделаю. — Она, потупившись, кивнула, легкой тенью выходя прочь.

Дрожащими от слабости руками с горем пополам докатил свое кресло и тушку к столу, разгребая кучи документов и отчетности. Не до них сейчас, пусть мои голубки-калькуляторы пока прервут свой медовый месяц, взвалив на себя дела мирские, барон пока в ближайшее время будет немножко занят, разгребая очередную порцию гуано, преподнесенную ему небесами. Покой нам только снится.

В комнату вновь вернулась вампиресса, заботливо внеся поднос с чайными принадлежностями и укутанный в полотенца заварник, пропуская за собой широкой души графинюшку, на некоторую ширину и объем, опять же некоторой части ее тела, даже в трудные минуты жизни можно было положить глаз. Вообще, как я подозреваю, туда много чего можно положить, голову, например, или руку, можно, наверно, и кирпич между... спрятать.

— Ты хотел меня видеть, мой мальчик? — Сердобольная, она тут же принялась ухаживать за мной, болезным, поправляя одеяла на коленях и помогая разлить терпкую горечь заварного разнотравья.

— Да, госпожа Красс. — Я невольно залюбовался ею. — Мне вновь, как и прежде, нужны от вас ваши широчайшие... кхм... познания в области этого мира.

— Да, мой хороший, все, что в моих силах, только спроси. — Она также налила себе кружечку, присаживаясь напротив.

— Расскажите мне, прошу вас, о навках и, в частности, о гарпидах. — Я отпил глоток, ощущая пряную свежесть и некоторый прилив сил.

— Улич, родненький. — Она внимательно смерила меня взглядом. — Это месть? При всем трагизме ситуации я не хотела бы пачкаться в этом.

— Пока не знаю. — Я покачал головой, немного злясь на нее за эти слова. — Слишком мало информации.

— Навки, как здесь на севере их называют, или мермеиды по-научному, абсолютно разумный и полноценный вид жизни. — Она отставила кружечку, начиная свою лекцию. — Многие из-за их пугливости

и замкнутости утверждают обратное, некоторые вообще причисляют им всевозможные мифологические свойства, к примеру, те же пикты, считающие их душами утопленников. Но все это ерунда. Полноценные разумные, из-за своей природы и малочисленности, встречающиеся все реже и реже в наши дни. Сложно, опираясь на какие-либо труды, достоверно о чем-то утверждать, но, суммируя общие знания, могу кое-что прояснить.

Вскрытие тел отловленных для науки экземпляров показало, что они не немые, это просто мы не в состоянии уловить большую часть звуков, воспроизводимых их речевым аппаратом. Ну да, знакомо, вскрытие показало, что чукча умер от вскрытия. Сам речевой аппарат, легкие, вообще вся система насыщения крови кислородом, все это отличается от человека, а не как многие думали, что только «попочка» другая.

Не только, судя по всему, они хладнокровные, не в состоянии самостоятельно вырабатывать тепло, из-за чего собственно их часто и видят греющимися, как тюлени, на прибрежных камнях. Ну да утверждать не возьмусь, пока сам парочку экземпляров, для науки исключительно, не разложу на операционном столе. Слишком все расплывчато. Из наблюдений выходит, что они частенько мигрируют, как правило, с северных широт на юг и с наступлением тепла обратно, возвращаясь в покинутые водоемы.

Собственно, как и мы homo, понимаешь ли, сапиенс, навки так же бьют себя плавниками в грудь, делясь на виды, подвиды и прочие заумные вещи. К примеру, наши, северные, имеют крупную серебристую чешую и разлапистый многоперьевой хвост-плавник вертикального типа. Эдакие здоровенные караси, но как вы понимаете, есть и другие. Морской подвид, обитающий в южных широтах, имеет хвост, схожий с дельфиньим, также на югах в мангровых топях существуют навки с совершенно прямым хвостом, из-за чего их путают с угрями, или же иной раз называют ошибочно — змеелюди.

— И кто же из подвидов будет гарпидой? — Я в общих чертах набрасывал на листки поступающую информацию и ряд возникающих вопросов, чтобы порыться еще в библиотеке Дако. Насколько я помню, там было с десятков хорошеньких томов бестиариев, с подробным описанием различных животных, и прочих тварей, не только земных, но и околоземной орбиты.

— А вот гарпида это не подвид. — Она нравоучительно подняла пальчик, поправляя меня. — Гарпида это королева клана, так сказать, мать всего рода. Наподобие королевы в улье у пчел или у муравьев в их домике.

Кстати, как правило, единственная во всем клане, кто способен воспроизводить человеческую речь, так как у нее очень развиты модуляторы голоса, причем так развиты, что иной раз глиняные кувшины лопаются от ее голоса.

— Серьезная дама, — хмыкнул я, невольно улыбаясь.

— Не то слово, — улыбнулась она в ответ. — Особенно если учесть, что эта дама никогда не передвигается одна, вокруг нее, как правило, еще с пяток молоденьких гарпид крутится, так сказать, обучение проходят, ну и заодно роль телохранителей исполняют.

— Ясненько. — Я жестом попросил долить чаю. — Что-то еще?

— Да. — Она встала, беря заварник. — Помимо смертельного голоса, у этих дам есть и еще одно не менее смертоносное оружие, о природе которого, увы, я вам ничего сказать не могу. Этакое невидимое пламя охватывает человека, он весь сотрясается как от конвульсий и потом падает замертво. Многие утверждают, что это магия.

— Судя по вашему тону, вы в это не верите? — Я благодарно кивнул, вновь принимая наполненную кружку чая.

— Мне образование не позволяет. — Она вновь опустилась в кресло. — Зная некоторые особенности быта разных оконечностей этого света, думаю, что скорей всего у гарпид та же способность, что и у океанических скатов, способных поражать подобным же невидимым ударом добычи жемчуга с южных островов Падажерра. По крайней мере, описания как полученных травм, так и ожогов идентичны.

Ну что ж, похоже, графиня права, загадочный невидимый огонь не что иное, как обычный удар электротоком, честно говоря, не силен в понимании, как твари земные получили подобный подарок небес, но вполне могу себе представить все последствия подобного контакта.

Как врач и человек любознательный, в свое время почитывал от скуки труды великих эскулапов прошлого. Был такой Клавдий Гален, то ли грек, то ли римлянин, не помню уже, в принципе для того времени дядька продвинутый, так вот он описывал лечение волшебным прикладыванием «судорожной рыбы» к телу больного. Особливо, говорят, помогало рабам, если раб внезапно сказывался немощным, болел и не мог более работать, то в целях «исцеления» его помещали в бочку с водой, где само собой плавала чудо какая рыбка. Это, по всей вероятности, давало больному дополнительную мотивацию к выздоровлению и возвращению в рабочий коллектив, ну или как-то так. Хотя тому ученому эскулапу надо отдать должное, судя по трудам, дошедшим до наших дней, лечили всех, кто не мог убежать, не только рабов. Много народу в те времена получили заряд

бодрости и долголетия. Говорят даже, помогало. Но думаю, им всем крупно повезло, насколько мне известно, круче всего штырит не рыба, а угорь где-то в Южной Америке. Там сила тока вроде бы вообще заходит мгновенно за грань, после которой человека еще возможно откачать. Если ничего не путаю. Ну да бог с ними, вернемся к нашим баранам.

— Скажите, графиня. — Я отставил опустевшую кружечку. — Вы наверняка уже в курсе произошедшего, на ваш взгляд, что могло послужить причиной этого конфликта? Почему произошло то, что произошло? Я так и эдак прокручиваю ситуацию и не понимаю, мы ведь, по сути, не влезали в ареал их обитания. И на моей памяти нет случаев, чтобы кто-то из моих подданных в той или иной мере каким-то боком задел их. Мы, даже заводя невод, сначала оплываем берег, крича на все голоса им, чтобы, упаси бог, никто из них не запутался.

— Я думаю, это не наши, не наши постоянные жители Быстрой. — Она нахмурила брови. — То есть пришлые. Почему так решила? Слишком нахальны, наши навки пугливы, а эти с ходу на стены полезли, да и, недолго думая, гарпида вышла. Это необычно, как правило, королева не выходит к людям, подобные случаи по пальцам можно пересчитать, а тут еще и в бой ринулась.

— Значит, это новая семья решила захватить себе в пользование немного угодий? — Я устало растер лицо. — Выходит, что у нас пытаются отобрать реку?

— Ну почему отобрать? — Она наморщила носик. — Не стоит к этому так относиться, просто они совершили ошибку, вы не подумайте, я нисколько не умаляю глубину произошедшей трагедии, просто хочу донести до вас мысль, что, возможно, еще есть, пусть и минимальный, шанс договориться и как-то прояснить ситуацию, избежав ненужной крови. В конце концов, возможно, что даже наше нынешнее предположение тоже ошибочно.

— То, что они совершили ошибку, придя сюда, это точно. — Сердце вновь вздрогнуло от воспоминаний о старике. — Большую ошибку. Это я им покажу наглядным и вполне доходчивым способом. Я это обещаю.

* * *

Понятно, что я ни в тот день, ни на следующий, и даже через неделю, ничего не стал предпринимать. Это только в кино можно вскочить на коня и с шашкой наголо ринуться в атаку на врага. Хотя можно и в жизни, но кто

же вас умным после этого назовет? Куда мне скакать? Уподобиться персидскому царю Ксерксу, что приказал своим палачам высечь море за разрушенный мост? Или выйти к берегу, и подобно былинному богатырю, сложив перста рупором, огласить ширь да гладь водную криком: «Выходи, чудище поганое, биться с тобой будем за Русь-матушку!» Ага, так и сделаю, поскрипывая колесиками инвалидного кресла.

Нет уж, зайду с другого края. Пока нужен план и информация. Мои люди, что днем, что ночью не покидая постов, наблюдали за некогда милой моему сердцу стройкой, а теперь совершенно не идущем к цветку моих панталон заливом. Ну да справедливость еще восторжествует. По крайней мере я так думаю, когда наблюдаю за разлегшимися и повывлазившими на остатки моей дамбы навками, в блаженной неге отогревающими свои чешуйчатые бока под лучами весеннего солнца.

— Барон, их сорок и девять на этом берегу! — Прибежал первый из гонцов ко мне.

— Барон, мы насчитали уже семьдесят рыболодей! — Следующий посланник.

— Барон, уже за сотню!

— Барон, их уже две сотни!

— Триста десять! — Наконец к концу следующей недели подвел я итог, выводя сумму на бумаге. — Гарич, что с Речной народ?

— Все в сборе, сорок человек. — Капитан задумчиво покачал головой. — Это даже не воины!

— Воины будете вы и легионеры, кстати, сколько их? — Я вновь стал выводить закорючки на бумаге.

— Сто пятьдесят легионеров, все с арбалетами, Семьдесят третий уверяет, что все пристреляны, народ зря кашу не ел. — При, казалось бы, явно конфликтном сопоставлении интересов, два капитана относились друг к другу с неподдельным уважением.

— Отлично, думаю, этого должно хватить. — Покивал я своим мыслям. — Что Олаф? Как скоро придут корабли?

— Они еще не поднялись до Когдейра, думаю, недели три еще, а там где-то неделя, может две, на спуск по течению к нам. — Гарич показал несколько точек на карте. — Гонец сказал, выделено три судна по тридцать человек на борту каждого.

— Да-да. — Я покивал, извлекая из кипы бумаг пришедшее письмо от барона Кемгербаляда. — Говорит, всю артель рыболовную согнал, себе в убыток. Ну да, это мы с Энтеми еще обмозгуем.

— Тут это... барон... — Гарич как-то замялся, странно поглядев куда-

то за двери моего кабинета.

— Что там случилось, капитан? — Я хмуро смерил его взглядом, мне только в нагрузку еще неприятностей не хватало.

— Новый защитник, ваше благородие. — Он опустил голову.

— Уже? — Признаться, для себя я уже давно проиграл этот вариант в голове, но чтобы так быстро, что-то я не ожидал подобного. Чуть больше двух недель, и из столицы уже пригнали нового дедка? Как-то не верится, судя по картам, до нее не меньше месяца пути, а уж если учесть, что весна успела изрядно расквасить дороги, то и того больше. — Кто таков? Видел уже?

— М-да уж... — Он вроде как виновато развел руками. — Вы бы сами посмотрели.

— Успеется. — Я отмахнулся. — Дел по горло, думаю, корабли ждать не будем, начнем послезавтра.

— Может, лучше дождаться? — Гарич с опаской посмотрел на меня.

— Может, и лучше, — кивнул я. — Но начнем послезавтра, и так из-за этих водунцов все мои планы по строительству отброшены минимум на год, если не больше.

Спорить он не стал, лишь удрученно покачал головой, выходя прочь и оставляя меня в моем кабинете, где я один на один со своими мыслями сидел безвылазно уже не один день.

— Может, поешь? — Тина беззвучной тенью выскользнула из-за плеча. — Ты так себя сам своими руками в могилу загонишь.

— Тащи. — Я отмахнулся, соглашаясь, так как знал, будет нудеть, невзирая ни на какие уговоры, угрозы, и даже умолять бесполезно, пока не поем.

— И спать, — тут же попыталась она закрепиться на выигранной территории.

— Ну, это уже все границы переходит! — попытался возмутиться я.

— А-то мыться пойдем. — Тут же плотоядно ухмыльнулась она. М-да, так уж вышло, что без посторонней помощи я даже если и заберусь в ванну, то, вполне возможно, там и останусь остывающим трупом утопленника. Чем, естественно, тут же воспользовалась она, заботливо и, по моему мнению, чересчур нежно обмывая мое болезное тельце.

Нет, я не ворчу и меня так уж явно не смутить, просто мамочка-вампир излишне докучает своей заботой. Особенно если брать во внимание ее несколько иной интерес в этой истории, в которой, увы и ах, мой интерес минимален.

В мгновение ока она организовала мне стол, где моему изысканному

вкусу была предоставлена наваристая ушица и богатая краюха свежего хлеба. Милое дело, от аромата даже на секундочку голова закружилась, так пахнула свежей зеленью горячая юшечка в глиняном горшочке. Тэк-с. А на второе что у нас? Грибочки, тушеные с разной травой-муравой, да икорочка щучья. Эх, под такое бы помянуть старика... да нельзя, слаб еще. Мысли вновь стали мрачными и вернулись к реальности. Что же произошло? Неужели все так тупо и обыденно? До сих пор не верилось в то, что произошло с Дако. Он всегда мне внушал своим видом и внутренним стержнем веру в собственную неуязвимость и силу. Что, кстати сказать, он не раз и демонстрировал на деле, а не только на словах. Так что же произошло? Неужели старик и вправду так вымотался, латая меня с Хенгельман на пару, что в критический момент это сыграло такую печальную роль? Как-то не верится. Да, он был истощен, да, были дни, когда даже без посторонней помощи с постели встать не мог, но дело в том, что именно «были». Медленно, но верно он вновь набирал обороты, его характер просто не позволял ему валяться безвольной куклой. День-другой — и он вновь взялся за свои заботы, наводя порядки в пусть и не по документам, но фактически своем замке. Огонь, а не человек, это про меня можно сказать, что я умудрюсь опоздать даже на свои собственные похороны, а этот просто их не утвердит, перенеся на другое, более удобное ему время. Не было и дня, чтобы он, уже поднявшись, не приходил ко мне с наравоучениями, кремень, а не человек, вот кто он был. И вдруг вот так вот закончить свой путь, просто словно обычный, совершенно бессильный старик? Я не могу себе этого представить. Не могу и не хочу.

— Так бывает... — На плечо легла успокаивающе рука Тины, видимо, заметившей опять мое хмурое настроение.

— Так бывает с другими. — Я смахнул немного грубо ее руку. — Но не с ним!

— Кто-то идет. — Поджав губы в легкой обиде, она кивнула на дверь, исполняя теперь роль Мака в отслеживании гостей.

— Барон! Вы позволите? — После стука в комнату вошел долговязый черноволосый мужчина в длинной до пят мантии, видимо служившей ему атрибутом его статуса прошедшего обучения мага. — Позвольте представиться, сэр Арнольд Жеткич, новый защитник земель Рингмар.

На вид ему было под сорок, возможно даже меньше, внешность непритязательная, можно даже сказать, неряшливая. Наспех прилизанные волосы, не совсем аккуратно выбритый подбородок, да и сама мантия, видимо, была парадным его облачением, так как четко были видны невыглаженные складки от долгого пребывания в сложенном виде. Хотя

взглядом не обделен. Глаза умные и внимательно-цепкие, можно даже сказать, с какой-то непонятной толикой то ли пренебрежения, то ли надменности. Двоякое мнение можно было сложить о нем по первому взгляду, можно было ошибиться, приняв его за простачка или не совсем далекого человека, но мое сердце кольнул этот взгляд. Цепкий, острый, с вызовом. Хороший, свежий и проницательный ум прячется где-то там в этой хламиде образа, именно образа растяпы. Как говорил один мой знакомый — с таким под раздевание в шахматы играть не стоит.

— Ну что ж, прошу, присаживайтесь. — Я указал на стоящее напротив меня кресло. — В не самое лучшее время и не по самому хорошему поводу судьба свела нас с вами, но надеюсь, это знакомство будет приятным для нас обоих.

Нормально меня понял, просто кивком отдавая должное моим словам, значит, не станет дурачка играть, принимает и меня как человека разумного.

— Понимаю, что, возможно, не к месту. — Он сел в кресло, пристально меня рассматривая. — Но хотел бы предложить вам посильную помощь в решении возникшего конфликта. Правда, сутью вопроса не владею в полном объеме, так, лишь слухи и немного расспросов.

— Суть не прибавить, не отнять. — Я вновь вернулся к своей трапезе, не особо заботясь о манерах. — Убит защитник.

— Убит? — Он вскинул бровь. — Я думал, что это несчастный случай.

— Нет. — Я задумчиво повертел в руках хлебную горбушку. — Есть свидетель. Его убила гарпида.

— Стоп. — Он вскинул ладони. — Это невозможно, слишком слабый противник, к тому же навки трусливы для подобных действий.

— Никаких стоп. — Я покачал головой. — Слабый или нет, противник сделал то, что сделал, а уж верю не верю, может или нет, меня совершенно не волнуют.

— Вы уверены? — По лицу проскользнула легкая тень улыбки. — Какая-то рыба убила аттестованного мага с многолетней практикой? А позвольте спросить, кто свидетель? Не господин ли кто-нибудь со стройки?

— И что? — Тень раздражения и смущения кольнула сердце.

— Я тут уже второй день. — Он закинул ногу на ногу, вроде как устраиваясь поудобней. — Немного прошелся по окрестности, немного поговорил с людьми, был и у места трагедии...

— Не тяните, сэр Арнольд. — Я отставил опустевшую мисочку, подвигая к себе грибы. — Я не в лучшей форме и не в лучшем присутствии духа, чтобы вести продолжительные беседы на отвлеченные темы.

— Ну что ж, предпочитаете все и сразу? — Опять едва уловимая улыбка коснулась его уст. — Пожалуйста. Я думаю, кто-то из артели устроил открытие ворот, чтобы скрыть следы либо своего воровства, либо же ненадлежащего исполнения заказа, а многоуважаемый сэр Дако просто попал не в то время и не в тот час.

— Щиты Десты. — Я сузил глаза. — Старик на одних стандартах бы вышел сухим из воды.

— Вот в этом проблема. — Он поднял палец, взглядом показывая на мое инвалидное кресло. — Насколько мне известно, он был изрядно ослаблен в последнее время. Причем настолько, что пару дней был не в состоянии даже ходить.

Тонкий намек на толстые обстоятельства? Это получается, я виноват в том, что ослабил энергетический резерв старика настолько, что это привело к его гибели?

— Прошу вас только без самобичевания. — Он подался вперед, наклоняясь ко мне. — Мне описывали вас как человека разумного и проницательного, несмотря на ваши годы. Впрочем, ваши дела вполне говорят за вас, не стоит извращать обстоятельства и превратности судьбы, примеряя груз ответственности на свои плечи. Просто все сложилось так, как сложилось. Некрасиво срослись глупые мгновения жизни, когда ваш учитель был не в лучшей форме, в ненужном месте в роковой час. Чья-то вина в этом определенно есть, но поверьте, далеко не ваша.

—! — Миска с недоеденными грибами полетела в стену. Я устало закрыл ладонями лицо, не желая видеть в этот момент весь белый свет. Черт бы побрал все это! Неужели все банально до такого безобразия, что сюда даже мистики не нагнать с этими неизвестно откуда взявшимися навками, чуть ли не армией собравшихся на месте моей бывшей стройки. Надо же, как может повернуться ситуация! Я сорвал целую кучу людей с места, во все это, естественно, влил пусть и немного, но денег, но самое главное — даже не попытался всесторонне рассмотреть ситуацию. Все на голых словах, даже не пытаясь задействовать тот котелок, что ношу на плечах и на который напяливаю шапку. Как же неудобно теперь будет перед Олафом! Я сорвал ему весь весенний улов, что наверняка немаленький капитал для его земель! Да и перед своими людьми как я буду выглядеть?

— Прошу вас, соберитесь. — В его голосе и вправду послышалось сочувствие. — Все еще можно поправить, опять же, похоже, виноватые должны быть, и нам предстоит их найти.

— Это уж точно. — Я откинулся на спинку, поднимая глаза в потолок. — Кто-то точно поплатится за все это.

— Громкие слова. — Опять улыбка? — Я бы вам советовал немного успокоиться и собраться с мыслями. Вот, к примеру, что уже сделано и что еще необходимо сделать?

— Признаюсь, я шел исключительно по первоначальной гипотезе, основываясь на рассказах со стройки. — Я принялся перебирать свои записи на столе. — Думал выловить гарпиду да хорошенько ее расспросить.

— Рыбу? — Он вскинул бровь. — Вы бы еще деревья походили, порасспрашивали.

Он тут же вскинул примирительно руки, видя нахлынувшую на меня злость.

— Надо будет, у меня и камни заговорят! — Хмыкнул я, кивая его словам. — А за гипотезу о диверсии на стройке благодарю, обязательно проверю.

— И все? — В его голосе прозвучало разочарование. — Я бы на вашем месте забросил все эти глупости с навками и занялся реальными версиями произошедшего.

— Ну, как будете на моем месте, так сразу и начнете. — К концу беседы я немного утомился от его заумности. Мы еще какое-то время посидели, играя в гляделки, после чего он, кивнув на прощание, вышел, вновь оставляя меня одного.

— Как думаешь, он прав? — Из соседней комнаты вышла Тина, скрывавшаяся все это время там. — Признаться, его версия больше похожа на реальность нашего мира.

Я не ответил, вцепившись взглядом в тонкий, едва уловимый силуэт девушки-призрака, истаивающий в противоположном углу комнаты. Это Адель, странно, но ее вижу только я, причем не всегда, иногда лишь ощущаю неким невидимым присутствием, словно кто-то с интересом заглядывает вам через плечо, а вы боковым зрением на границе восприятия выхватываете его контур, и когда поворачиваетесь, не обнаруживаете рядом никого.

— Ты бы все же поспал. — Она убиралась в комнате, собирая чашечки и миски, а также поднимая с пола запущенные в стену недоеденные грибы. — Гарич с Семьдесят Третьим выставляют людей, Энтеми в Касприве проверяет дела и отчеты по артелям. Правильно или нет, но ты уже все подготовил, день на отдых у тебя есть, постарайся отдохнуть хоть немного, совсем ведь себя загонишь.

Я кивнул ее словам, и вправду ощущая неимоверную тяжесть усталости на плечах. Словно котенка, она подняла меня на руки, отнесла в

спальню, где, заботливо укутав одеялами, осталась рядом, пока я не засну. Приятно, черт возьми, невероятно приятно, когда есть кому позаботиться о тебе в трудную минуту жизни.

* * *

Наверно, я самодур и полный болван. Возможно, просто стресс и усталость, а может, юношеский максимализм передался мне вместе с телом. Но я не отменил операции по отлову навок. Возможно, не стану отрицать, где-то внутри мне было стыдно признать ошибку, а может так статься, я так до конца и не поверил вполне разумным словам Арнольда. Хотя Энтеми со своей женой и получили от меня наказ «пролопатить» и поднять всю имеющуюся отчетность по артелям, задействованным на стройке нижнего города.

— Ваш благородие? — Ну и жуткая же физиономия у этого Семьдесят Третьего. Он и раньше не отличался красотой, а теперь же, когда его лицо от и до пересекал жуткий шрам, полученный при военной кампании в Когдейре, так вообще страшно было стоять рядом с этой грудой и дикой мощью бугрящихся мышц. Особенно если вспомнить о том, что это бывший заключенный, приговоренный к смертной казни наверняка за лютые делишки и марьяжи в своем прошлом.

— Давай отмашку, родной. — Я зябко поежился от еще холодного утреннего ветерка, тянувшего с водной глади залива.

Приятно было посмотреть, мой легион действовал единым целым организмом, даже немного стыдно было за разброд в частях личной гвардии под командованием Гарича. Ну да капитан мужик деятельный, он даже, смущаясь и краснея, выпросил парочку сержантов из корпуса, чтобы, так сказать, подтянуть свои ряды по форме.

Взлетели сигнальные флажки, строй слаженно и дружно разворачивался в линию, на вышках семафорили вестовые, передавая поэтапно общие команды, и хоть общей репетиции не было, каждый знал свое место, и каждый сержант был проинструктирован согласно генеральному плану.

Сейчас легионеры были в легком доспехе и большей частью вооружены лишь арбалетами и длинным копьём под багор. Моя же гвардия была чуть в стороне под седлом. Небольшой сплоченный кулак конницы, но главными во всем этом, естественно, были не первые и не вторые, и даже не я, расположившийся на небольшом пригорке, с которого

открывался прекрасный вид на всю заводь. А сорок косматых, косолапых и чумазных мужичков из деревеньки Речная, что под прикрытием солдат сейчас суетились у воды, растаскивая неводы. Вот кто сегодня правит бал.

Денек обещал быть «приятственным», редкие, рваные в клочья облака, высокое, хоть еще и холодное после ночи солнышко и легкое марево ускользающего тумана над водой — все свидетельствовало о скором приходе ласкового тепла дня. Народ суетился, наполняя утреннюю атмосферу скрипом, звоном и топотом ног.

— Обоз подошел, — доложила Тина из-за плеча, давая мне знать о подъехавших телегах из Касприва, что подвезли громадные дубовые сбитые бочки, которые еще предстояло заполнить водой. Вампиресса не захотела покидать меня, хотя наверняка уже начала испытывать боль от ожогов из-за восходящего совершенно уже почти летнего жгучего солнышка.

— Может, все же в замок вернешься? — попытался я вновь отправить ее в подземелья Лисьего, где расквартировалось их разросшееся гнездо под предводительством своего папочки.

— Только вместе с тобой. — Она суетливо достала из кармана мазь на основе воска, намазывая ею незащищенные участки кожи, на которые падали прямые солнечные лучи. — А будешь надоедать, схвачу за шкуру и утащу к себе в берлогу, где покусая за ушко.

— Ваш благородие, вестовые говорят, мужичье готово. — Семьдесят Третий кивнул в сторону берега, где толпились крестьяне с Речной, уже успевшие закончить свои приготовления.

— Давай быков, пусть выводят лодки. — Рядом с капитаном легионеров сразу же начал давать отмашки один из вестовых. — Да, и давай сигнал на штурм дамбы.

Так получалось, что на дамбе с того злополучного дня так никто и не побывал из-за опасения плавающих в том месте в избытке навок, впрочем, и добраться то до нее теперь можно было лишь на лодках, переплыв небольшой, метров в тридцать, поясок открытой воды.

Первые лодки по плану заняли легионеры, лишь за ними неспешно грузились рыбаки-крестьяне, разделившись на две группы. Те рыбаки, что оставались на берегу, готовили троса и канаты, подводя к берегу пяток здоровенных со спиленными рогами пятнистых быков-тягачей, которым и предстоит впоследствии вытягивать невод. Остальные погрузились в лодки, неспешно выводя сеть на открытую воду, сбрасывая усиленную тонкой проволокой нить на больших деревянных буйках-поплавках. Эту сеть я приказал усилить металлической основой проволоки, из-за чего и без того

тяжелый невод огрузил борта своей лодки чуть ли не под перехлест воды через борта, благо ветерок легенький сегодня, волна практически минимальна, даже не волна, а так, рябь большая по воде.

Вообще, завести сеть нелегкое дело, особенно с учетом ее протяженности. Даже отсюда, с отдаления, мне было прекрасно видно, как тяжело народ ворочал петли, спуская все на воду и следя, чтобы не получилось «нахлеста» или буи не ушли под полотно плетения, сворачивая все в большой неблагоприятный и совершенно бессмысленный в данной ситуации канат.

— Ваш благородие, гости! — отрапортовал Семьдесят Третий, который следил за семафором из флажков и первым получивший информацию о приближающихся к дамбе навках.

— С восточного берега идут, — продолжал он переводить взметающиеся и идущие по эстафете флажки. — Два десятка примерно засекли из тех, кого видно над водой. На дамбе, передают, пока пусто.

— Работаем, работаем, ребята. — Покивал я, показывая, что принял информацию. — На дамбе главное — закрепиться.

Закрепились. Лодки стукнули о деревянные настилы-щиты торчащих створок из воды, и первые легионеры по двое стали взбираться на ее крутые бока, занимая места на верхушке гребня. Всего порядка пятидесяти человек с арбалетами и пиками-баграми высадилось на остатках дамбы.

— Сеть растянули, — опередил я доклад капитана легионеров. — Так, что еще? Ничего не забыли?

— Да вроде по плану, ваш благородие, все гладко идет. — Пожал плечами бывший смертник.

— Да уж что-то слишком все гладко. — Я поправил сползшее с колен одеяло, опережая нахмурившуюся вампиршу. — Ну что ж, значит, пока ждем.

Действительно, осталось только ждать, сеть примерно под двести метров длиной, полукольцом перечеркивала вдоль берега по-над дамбой своими поплавками почти треть всей заводи, теперь же под нее должна приплыть рыбка, да не простая и, увы, не золотая, а незваная, с которой придется спрос вести, что, почему и откель везете.

— Вошли, — констатировал Семьдесят Третий, прочитав команды, подаваемые флажками. — Плывут к дамбе, барон.

— Ждем. — Отрицательно покачал головой я ожидающему команды капитану. — Все равно уже не успеют уйти, так, может, еще кто в гости пожалует.

— Твою мать! — выругался легионер, опередив меня на доли секунд.

По мокрым и влажным деревянным щитам дамбы, скользя покатыми чешуйчатыми боками, заблестели серебром тела людей-рыб. Это было невозможно, такого раньше никто не видел, но навки кинулись на штурм легиона, испуганно и оторопело замерших вояк на верхотуре, остатков того, что не смогла поглотить водная стихия. Их было много, реально много, так, с ходу, возможно за сотню, единым порывом обрез воды вскипел пенной волной, выпуская эту немую мощь поблескивающих тел.

— Пли-и! — гаркнул Семьдесят Третий, рассекая рукой воздух. Впрочем, команды не понадобилось, легионеры сработали на ура, дружно среагировав, пусть и с небольшой задержкой. Даже здесь в отдалении было слышно, как пятьдесят арбалетов мощно и басовито расправили свои дуги, с глухим стуком ударяясь тетивой по ограничителям. — Молодцом!

Первая волна самых шустрых русалок падала навзничь, окрашивая дерево настила в пунцово-алый цвет своей крови.

— Невод! Пусть заводят невод! — вскричал я, чуть не выпав из кресла от избытка эмоций, поддерживаемый и придерживаемый Тиной.

Флажки замигали цветными полотнами, унося команду к берегу, где тут же суетливо ударили весла на лодках оторопевших от кровавого зрелища рыбаков и страхующих их легионеров. Их пока не коснулось, и слава богу! Такого натиска, признаться, никто не ожидал, да и мудрено ли? Пугливые и кроткие жители водных глубин, словно с ума посходили, кидаясь на солдат, с испугом отбивающихся баграми на пиках от этой голой чешуйчатой толпы непонятных и пугающих созданий.

Вообще, конечно, это было жутковато и страшно, причем даже не столько пугал дикий напор атакующих, сколько их нелепая и мучительная смерть. Они в немом крике открывали рты, страшно сотрясаясь голыми телами, в конвульсиях и вправду извиваясь, словно рыбы, выброшенные на берег. Я оторопело глядел на это избиение младенцев, Впрочем, не давая команды прекратить все это бесчинство, так как прекрасно понимал, что если даже мы остановимся, то кто остановит навок?

Мы закрыли сетью большую часть пролива, успев замкнуть смертельную ловушку. Опасно заскрипели гигантские канаты в руку толщиной, взревели быки-тягачи от натуги и кнутов погонщиков, что подгоняли их по мощным, бугрящимся мышцами спинам. Копыта проскальзывали по земле, взрывая верхний дерн, но петля пошла на затяг, медленно, но уверенно собирая добычу из толщи водных глубин. На помощь быкам на дополнительных канатах повис мой народ, дружным и звонким «Хе!» оглашая окрестности.

— И раз!

— И два!

— И три!

Невод приходилось выкачивать, так как шел он на берег неимоверно тяжело. Бедные быки, в отличие от людей, ревели в голос из-за исполосованных кнутами шкур немилосердных погонщиков. А куда деваться? Без этой скотинки все можно бросать и уходить домой, так как дел больше не будет. А меж тем на дамбе сошлись врукопашную! Толпа навок тупо продавила своими телами пики легиона, протягивая к людям свои руки, яростно цепляясь за одежду и доспех солдат.

— Давай усиление! — Легион бодро орудовал «кутласами», отсекая руки противникам, но то одного, то другого, то третьего из моих людей стягивали в воду, откуда те уже не возвращались, их тупо топили, как слепых котят. — А это еще что за хрень?

— Мамой клянусь — раки! — Семьдесят Третий принялся очерчивать себя всевозможными охранными знаками. — Да огромные-то какие!

Это и вправду было что-то новенькое, на помощь голой толпе навок по окровавленным доскам дамбы прямо из воды, на штурм легионеров тяжело выбирались три здоровенные, немного заторможенные бронированные машины по полному образу и подобию речных раков. Темная зелень корпуса, громадные антенны-усы и жуть что за клешни! Каждая из этих тварей размером не уступала моим быкам!

— Деру-у-у! — заорал я, выводя из ступора капитана. Хотя такой команды в нашей армии и не предусмотрено, поняли мы друг друга замечательно.

Все свободные лодки ринулись к дамбе, чтобы успеть с этого насеста снять еще оставшихся пока в живых людей. Вот только легиону придется несладко от нашей помощи, чтобы спуститься к причаливающим лодчонкам, им придется опрокинуть толпу рыболовцев и проскочить мимо хотя бы одного из этих жутких монстров.

Не обошлось. Никак. Пусть подплывающие дружным залпом и покосили ряды навок, пусть легионеры и слаженно спускались к лодкам, но могучие клешни просто гигантской косой за один удар располовинили двух солдат за раз! Клац! Мы с капитаном даже с отдаления услышали этот жуткий звук и крики умирающих.

У кого-то на дамбе стали сдавать нервы, от чего они сделали наиглупейший и последний ход в своей жизни, а именно попрыгали в воду, в надежде самостоятельно доплыть до своих. Глупо и бессмысленно, входя в воду, они больше не появлялись на поверхности, уносимые навками ко дну. Русалки носились вокруг лодок, то и дело пытаясь ухватиться за борта

руками, впрочем, дорого за это платя, так как народ рубился остервенело и зло, просто одичав от обилия пролитой сегодня крови. Хотя, к нашей беде, две лодки им все же удалось опрокинуть, а на одну даже взобраться. Ну а меж тем на берегу показалось полотно сети и на земную твердь потянулись, как мухи в паутине, опутанные тела первых пленников.

— Ваше благородие, первые рыбки! — Семьдесят Третий поправил любовно свой «кутлас» на боку. — Разрешите к обозу?

— Давай пакуй тварей. — Кивнул я ему, наблюдая, как он припустил к берегу, жестом увлекая за собой команду обоза, где были уже приготовлены бочонки под наш улов. Будем брать живьем. Не знаю, какими правдами и неправдами, но видит бог, я разговарю этих немых, пусть знают, что это моя земля, это моя река и это мои друзья, которых никому не позволено обижать!

Ну а меж тем нас окончательно вышвырнули с дамбы, грубо, мощно, хоть и умывшись при этом собственной кровью, но навскидку получалось, что из пяти десятков солдат назад на лодках успели эвакуировать чуть больше двух десятков, остальные же все пошли на дно залива и об их дальнейшей судьбе думать не приходилось. Жуткие ракообразные монстры замерли на настиле, торчащем из воды, провожая уплывающих своими глазками-антенками и шевеля на ветру длинными усами.

Все, вот теперь мы на берегу, теперь мы люди в своей стихии, где страшной человека природа еще не видела хищника. Народ остервенело, со злостью избивал палками запутавшихся в сети навок, зачастую, как я понял, приводя их в совершенно неспортивную форму, возможно, кого-то даже сгоряча и отправляя на тот свет. Ну да мне на это было откровенно плевать, злость нахлынула на меня, затуманивая разум.

— Жуть какая! — Вампириша передернула плечами. — Такой нелепой и страшной смерти я еще не видела в своей жизни!

Первые телеги с пойманными тронулись в путь, увозя оглушенных и избитых узников прочь от родной и любимой ими стихии. Народ разошелся не на шутку, особенно после того, как толпа русалок попыталась выбраться на берег, чтобы отбить своих собратьев. Неуклюжие на берегу, они становились легкими жертвами людей, рубящих их десятками и устилающих прибой серебристыми телами этих созданий. Но должное им все же стоит отдать, чуть в стороне и выше они смогли организовать небольшой отряд, также тупо ставший теснить моих вояк прочь от воды, правда не надолго. Тут сыграл свою роль отряд гвардейцев Гарича, что вбил их отряд нападения копытами лошадей в землю, опрокинув весь их натиск в считанные секунды.

Бултых!

Оп-па! А вот и с запозданием, но тронулись танки со стороны русалок, покатые бугристые панцири этих царь-раков скрылись в водной пучине, взметнув волну с дамбы.

— Отступление! — заорал я стоящему неподалеку вестовому. — Сигналь полное отступление, пусть бросают все и уходят!

Первыми дали деру мужички из Речной, они попрыгали в телеги обоза, удаляясь прочь от воды вместе с ними, тупо бросив сеть, часть из которой мы так и не успели окончательно вывести на берег. Легионеры же прикрывали их, выстроившись фалангой и шаг за шагом удаляясь от береговой линии, жадно следя острыми болтами арбалетов за покачивающейся волной.

Раз, встали, два, встали. Легион успел отойти примерно метров на сорок от воды, когда появились неспешным образом из воды речные гиганты. Причем не одни, я сразу понял, кто наконец-то пожаловал к нам в гости.

Действительно по-королевски, царственно и неспешно из воды выходила гарпида в окружении около десятка еще молодых, ну допустим, принцесс. Красивые, статные, на многих поблескивали, видимо, недешевые браслеты и ожерелья, кое-кто сжимал в руках нечто отдаленно напоминающее гарпуны, ну а сама виновница торжества неспешно выползала на берег, сверкая камнями в диадеме, что венчала ее прелестную женскую головку.

Стоп.

А это еще что за зверь?

По левую руку от королевы шествовал не пойми кто. Человек по образу однозначно, две ноги, две руки, только вот не пойму, он что, весь в чешуе? У него что, вместо человеческой голова рыбы на плечах?

— Что за демон? — озвучила мою мысль вампирша.

Раз, встали, два, встали. Легион пятился, отступая, в то время как гарпида со своей компанией неспешно ползла им навстречу, в сопровождении своих речных танков по бокам.

Вжих!

Молодцы, не забывая отступать, легион выпустил под сотню арбалетных болтов, слаженно спустив натянутые дуги, а следом, недолго думая, добавив из задних рядов рой жалящих пилумов, взлетевших в небо. И это могло бы стать красивым, последним аккордом отступающей армии, если бы хоть одно из выпущенных жал достигло своей цели. Но, увы, этого не произошло. Вся эта оперенная и летящая к цели стальная смерть

осыпалась мусором и шелухой соломенной в каких-то метрах от ползущих по берегу навок!

— Щит Десты! — оторопело прошептал я, успев засечь взглядом сотворенное в классическом исполнении, которое мне не раз показывал Дако, магическое заклинание. — У них маг!

Дальнейшие события развивались стремительно и, увы, весьма плачевно для моих людей. Кто бы мог ожидать подобной прыти от речных людей? Принцессы сорвались с места, передвигаясь зигзагообразно по земле на хвостах, и вправду в этот момент похожие на змей, за какие-то мгновения преодолевая расстояние, разделяющее их с моими легионерами. Никто даже удивиться не успел, как утреннюю прохладу наполнил тонкий звук, своей вибрацией и децибелами сотрясший все мое нутро, и это меня пробрало, заметьте, на отдалении! Навки запели! Ох, что это была за песнь! Люди хватались за головы, пытаясь закрыть уши, люди валились ничком, кто-то мотал головой, оглушенный и стоящий на четвереньках, а в это время гарпуны речных прелестниц окрасились кровью первых мои павших солдат. Кто-то здесь думал, что русалок избивали, как беззащитных младенцев? Нет, именно сейчас началась настоящая бойня, которую устроили хозяева речных глубин. У меня сдавило дыхание, а глаза заволокло брызнувшими слезами, ощущение было, словно мне в уши с каждой из сторон вколотили разом по здоровенному раскаленному гвоздю. Безвольной куклой, словно выброшенная на берег рыба, я хватал ртом воздух, обвиснув в своем кресле и не в силах пошевелить даже пальцем. Где-то в стороне тихонько подвывала вампирша, похоже, ее тонкому слуху досталось побольше моего. Скошенной набок головой с трудом смог разглядеть часть поля, где шло убийство моих людей, к принцессам гарпидам наконец-то доползли громадные тела бронированных машин смерти, чьи клешни защелкали, добавляя криков боли в и без того жуткий ор и вой умирающих людей, стоящий над заливом.

Я был оглушен, я был раздавлен и сломлен, мое тело стали сотрясать мучительные судороги, беспомощный и беззащитный, в конце концов, и я дождался своего часа.

— Тварь-с-с-с! — Тонкий голосок к оскорблению добавил удар тупым концом гарпуна. — Пади ниц пред королевой-с-с-с!

Меня как пушинку вынесло из кресла от такой подачи, от чего мое бессильное тело покатилося по земле, безвольно мотыля во все стороны руками. Кто-то в конце полета ухватил меня за волосы, заставляя стонать от боли и отрывая мою голову от травы, направив взгляд на стоящую в каком-то шаге от меня навку.

Хороша, она и вправду была хороша. Идеальное лицо, просто дышащее красотой и каким-то внутренним превосходством. Величие снежной королевы, острые грани скул, четкий обвод бровей с хищно раздувающимися крыльями носа, а взгляд! Что за взгляд, прямо в сердце ножом! Сколько силы, какого-то спокойствия и уверенности в своем полном праве быть выше всех.

— Ты был бы мертв, червь. — Она отвела от меня свои глаза, с прищуром глядя куда-то мне за спину. — И ты умрешь. Но не сейчас, ты совершил ошибку, напав на моих подданных! Ты увез куда-то моих слуг!

Я закашлялся, ощущая, как вместе со слюной рот наполняет медный привкус крови, все, что хотелось, это умереть, чтобы прекратить ту боль, что сковала мое тело.

— Ты должен вернуть всех, кого забрал на берег и увез к себе в земли! — Она подползла еще ближе, так что я услышал звон ее многочисленных украшений. — Срок тебе неделя! В противном случае ни один человек больше не подойдет к реке или к более или менее большому ручейку, впадающему в нее! Запомни это, человечиска! Я убью всех и каждого, отныне здесь новая королева! Не смей противиться моей воле, не тебе, червь, со мной тягаться.

— Т-ы-ы... — Это было словно камень с кулак проглотить, так тяжело мне давались слова. — Т-ы-ы уби-ла мага?

— Это того, что ли, глупого старика? — Она звонко рассмеялась. — Так вы все тут сдохли из-за старого дурака, посмеявшегося не преклонить голову передо мной? Да вы еще глупее, чем он! Никто не смеет противиться воли Матери Камхельт Вер'Раско, я выше всех вас, я избрана родами восьми вод верховной королевой! И не твой маг, не ты сам и не весь твой жалкий людской род не в силах мне противостоять!

— Ты-ы уби-ла? — Взгляд расплывался от слез.

— Я! — Она вновь рассмеялась. — И лучше тебе поторапливаться, червяк, если не хочешь так же, как и он, кормить раков в темных глубинах!

Замечательно. Просто замечательно было упасть лицом в землю, после того как злая рука отпустила мои волосы. Вот и все, на душе даже как-то спокойней стало. Ну что, старина? Нашел я эту курву, что тебя навернула! Все, не нужно больше глупых размышлений, вот она милая головка, что поплатится за наше с тобой расставание, старый ты пройдоха.

— А это тебе, червяк, чтобы слова не забывались! — услышал я спокойный мужской голос рядом. Похоже, это подошло то самое непонятное существо, чьи ступни я теперь разглядывал. Ха, вовсе это не чешуя его покрывает, это искусно выполненная татуировка! Одна мысль

испуганной птицей забились в сознании, вот он, вот маг навок! Вот кто позволил тварям приблизиться к моим людям! — Смотри, червячок, смотри и помни слова Матери Камхельт!

Его рука перевернула меня на спину, и я успел выхватить взглядом искусно вырезанную маску на лице мужчины в форме рыбьей головы, с крупными линзами-имитаторами подводной маски ныряльщика, за которыми прятался взгляд человека.

А потом...

Потом я больше не в силах был ни на что смотреть, меня оставили в покое, неспешно и незаметно удаляясь прочь. Оставили один на один с каким-то испуганным и удивленным взглядом, навечно застывшим на отрубленной голове моей милой телохранительницы, моей милой насадке и не состоявшейся любви...

Тина.

Прости.

Прощай.

* * *

— Честно говоря, я удивлен и обескуражен. — Сэр Арнольд составлял мне компанию, исполняя также роль лекаря, вечерами ухаживая за моим измученным телом. — Все так жутко, дико и так похоже на сказку.

Уже почти первый месяц лета на исходе, и все баронство Рингмар находится чуть ли не на осадном положении, ведя боевые действия против речного народа. Мало того что я не отпустил пленных навок по требованию их королевы, так я еще часть из них велел изрубить в гневе на куски, раскидав тела вдоль берега реки.

— И тут даже дело не в той истории, что произошла между вами и навками. — Он сменил влажный компресс у меня на голове.

Королева словами не бросалась, народ и вправду ближе чем на сто метров не мог подойти к реке, причем доставалось не только жителям баронства, непонятно пока как, но навки умудрились потопить четыре судна на подходе Быстрой к Касприву с юга, чем перекрыли мне торговлю по воде с соседями.

— Это старинная легенда, хочу я вам сказать, господин барон. — Повозившись с настоями, он подал мне ряд рюмочек с лекарственными настоями.

Гибли виновные и невинные. Навки хватали и утягивали под воду не

только взрослых мужиков, беда в том, что пропадали дети, которым милое дело летом сбегать искупаться на реку. Женщины под конвоем в спешке спускались к воде, чтобы набрать хотя бы ведро простирнуть вещи, солдаты были поделены на отряды по пятьдесят человек, круглосуточно патрулируя наиболее людные участки от деревни Дальняя до самого Касприва, часть кварталов которого, из тех, что примыкали к воде, полностью обезлюдели.

— Признаюсь, никогда в нее не верил, но как человек, родившийся у моря в более мягких и южных широтах, не раз слышал о ней. — Закончив суету, он, тяжело вздохнув, как всегда присаживался рядом.

Но я знал, что я побеждаю. Да, банально два плюс два будет четыре, пусть навки неуловимы в своей стихии, пусть они умны, способны, как показала практика, хорошенечко наподдать роду человеческому под зад. Но все это лишь отсрочит их конец. Почему? Потому что их мало, а нас больше, чем муравьев в муравейнике. Без магии и больших хитростей конный отряд на большой скорости проходит близ любого широкого плеса, обстреливая из арбалетов нежившихся на солнышке тварей и совершенно не дожидаясь подхода тяжелой гвардии противника, уходит вновь в глубь земли.

— Даже не знаю, что в ней верно, а что нет. За свою жизнь я больше десятка интерпретаций слышал про эту парочку. — Закинув ногу на ногу, он, задумчиво запрокинув голову, рассматривал потолок.

Кончилась весна, а за ней непременно кончится лето, ну а с теплом и эти твари отойдут либо южнее, либо ринутся в болота, что краем выхватывают богатый кусок от моих земель. Почему в болота? Не замерзают они, то ли большое скопление сероводорода в воде, то ли где-то в глубине есть горячие источники. Старожилы охотники с тех мест все как заведенные твердят, что раньше местные навки туда уходили зимовать. Впрочем, мне пока до этого нет дела, по зиме откачаю воду с залива да сделаю земляной укрепленный вал, чтобы этим тварям весной мало не показалось. Да, кстати, рак-гиганта одного легионеры смогли убить, ну да на то мы и люди — венец творения природы. Вырыли ночью большую волчью яму, все по уму, с заостренными кольями на дне, а поутру пошли навок пострелять, дождавшись появления речного колосса, которого и заманили на его погибель. Говорят, тварь упорно не желала издыхать, продолжая злобно щелкать клешнями, даже когда его облили маслом и подожгли.

— Вот скажите, барон, вы верите в любовь? — Он постучал пальцами по спинке кресла. — А меж тем все именно на ней в этой истории и

завязано.

Любовь, едрена кочерыжка! Вон Тина, та тоже любила... Любила... Господи, до чего же паршиво на душе и тоскливо. Как же так вышло-то, эх... Теряю день за днем своих друзей, теряю себя, истончаясь на глазах, даже не знаю почему до сих пор жив, я сейчас не то что в кресле передвигаться, самостоятельно нос почесать не могу. А вокруг лишь тоска смертная, как? Как прикажете, мне было объяснить уезжающей графине с баронессой, что это не я чудовище, которое истребляет из тупой жажды мести все живое вокруг себя? Да Шель де Красс и красавица Лесса покинули меня в трудную минуту. Им, видите ли, противно и мерзко смотреть на то чудовищное действие, что я затеял вокруг своей жажды мести. Кровь и смерть, вот что, с их слов, после зимней истории наполняет мою душу через край, выплескиваясь своей чернотой на окружающих.

— А меж тем, что забавно, — продолжал Арнольд, — в каждой рыбацкой деревеньке на морском побережье есть свидетели, с охотой могущие показать именно ту скалу, где повстречались два любящих сердца.

Не знаю, как насчет черноты, но уныние охватило замок, это точно. С отбытием преподавателей, естественно, отправилась домой рыжая банда девочек Кемгербальда, здесь им больше нечего было делать. Моя маленькая Ви осталась на попечении Деметры и Германа, и то, думаю, лишь потому, что тем возвращаться было некуда. Нет больше старика, нет Шель, уехала горячая южанка Лесса, рыжульки, промокнув слезы, поехали обратно в объятия любящего отца. Даже Гарич перевез своих женщин из замка в город. Мой дом буквально пустел на глазах, я вновь оставался наедине с собой в этой жизни, что не надолго, казалось бы, преподнесла мне такой сладкий подарок, как любовь близких.

Цените.

Нет, правда, цените сладкие и такие короткие минуты счастья, когда вы хоть кому-то нужны под этим сраным небом. Пардон, занесло. Видать, и вправду озлобливаюсь, вон докатился, что чуть ли не единственным моим непременным посетителем является призрак давно умершей девушки, что с завидным постоянством маячит посредине моей опустевшей опочивальни.

— Да, история банальна. На далеком, омываемом морским прибоем побережье жил себе не тужил один юноша. — Он задумчиво окинул меня взглядом.

Вообще наверно, красивая история получается, почти по Гансу, понимаешь ли, нашему Христиану Андерсену. Только наоборот. Как наоборот? Да вот так, в этой истории не русалочка влюбилась в принца, а бедный сын рыбака влюбился в русалочку, да не в простую, а тогда еще

молодую и не оперившуюся принцессу Камхельт. Впрочем, молодую да раннюю, так уж вышло, что не в пример нашим северным просторам, на юге два народа, люди и навки, живут куда дружнее, и общение между ними происходит куда более тесное.

Камхельт была старшей дочерью властвующей королевы, красива, перспективна для своего народа, ну и возможно, куда более сумасбродна по причине своего еще юного возраста. Ну и естественно, большой плюс был в том, что из-за особенностей своего организма она могла вполне свободно изъясняться на человеческом языке, что способствовало тесному общению двух молодых людей.

Да, молодость такая штука, когда не думаешь о границах, условностях и даже о таких вещах, как рыбий хвост у твоей подруги. Но на радость молодым, об этом думали их родители, причем если над пареньком просто подшучивали и крутили пальцем у виска, то мадам королева, маман нашей Камхельт, пошла куда дальше, в силу не только возраста, но, насколько я понимаю, и положения, которое, как правило, обязывает.

Вот и юную принцессу обязали прекратить безобразия, ну или что там надо? Строго так, обязали, прямо гарпуном в брюхо, чтобы, так сказать, четко наметить будущую линию поведения для подрастающей молодежи. Дикие люди, то есть рыбы, ну или кто они там по гороскопу? В общем, не померла наша принцесса, выжила благодаря заботам влюбленного юноши. Самостоятельно вытянул свою возлюбленную, с того света вытянул. Выходил, выкормил, плечи расправил, становясь грудями на защиту любимой, рыбки своей золотой. Как там, что там, история умалчивает, можно лишь строить предположения о мыканьях по свету двух этих сердец, наверняка пришлось хлебнуть горя. Ну да через тернии, как говорится, к звездам. Паренек прошел инициализацию в маги, вполне добропорядочно пройдя с успехом весь путь обучения, о чем свидетельствуют со слов Жеткича документы тех лет, а далее и положенный срок службы короне, причем, как вы поняли, рука об руку со своей русалкой, из-за чего они и стали легендой во плоти, которая пролетела красивой сказкой, от края и до края всей известной конечности этого мира.

Все изменилось, теперь он уже не просто сын рыбака, теперь он сила, причем та сила, что привела в конечном итоге Камхельт к ее престолу. Долго ли, коротко, но вернулись они кривыми дорожками к морю, где начинали свой путь, и вернули гарпун в пузо маме, естественно, проконтролировав, чтобы мамочка королева не оклемалась, заняв, как и положено, ее место на троне.

Правда, Камхельт уже к тому времени этого показалось мало, суть да

дело, благодаря своему возлюбленному, уже не принцесса, а новая королева покорила все кланы своего народа, становясь Матерью подводного мира.

— И жили они долго и счастливо и умерли в один день, — подвел я итог под рассказом Жеткича.

— Ну. — Он улыбнулся. — По крайней мере так считалось раньше, до тех пор пока один юный барон не встретил Мать Вер'Раско, утверждая, что к нему в гости постучалась старинная легенда.

— Вы по-прежнему не верите мне? — Я попробовал гневно пошевелить бровями.

— Ну отчего же? Верю, что какая-то навка могла выдать себя за кого-то большего, чем является на самом деле. — Он поправил компресс, который сполз мне на глаза от моих шевелений. — Но вот в том, что это действительно Вер'Раско, сомневаюсь, ну хоть режьте меня на куски.

— А человек? — Бровями больше решил не шалить. — Причем маг! Если бы вы там были, вы бы тоже это видели, классическое построение щита леди Десты!

— Увы. — Он печально развел руками. — К моему стыду, я не присутствовал, посчитав вашу затею блажью, за что корю себя. И опять же немного странно, не находите, что кроме вас никто там не видел человека?

— Я что, по-вашему, выдумываю? — Мог бы — запустил чем-нибудь в этого улыбаку.

— Но, барон, факты! — примирительным тоном продолжил он. — Помимо вас целая куча народа избежала гибели, и все как один говорят, что кроме рыболодей, никого там больше не было!

— Был! — В глазах помутнело от накатываемой ярости. — Еще как был! Я его как вас сейчас видел, никакой он не навка, самый что ни на есть человек! Это других можно было обмануть татуированной вязью по телу в виде чешуи и глупой маской на лице, но не меня!

— Успокойтесь, барон, вам нельзя нервничать. — Он покачал головой. — Пусть даже был, вам-то что?

— Он убил Тину! — прошипел я, стиснув зубы.

— Кстати, о вашей телохранительнице. — Голос наполнился холодом. — Вы, надеюсь, отдаете себе отчет в том, что пособничество вампирам карается по закону смертной казнью? Или будете утверждать, что все это время были не в курсе этой странной особенности вашей приближенной?

— Знать не знал и слыхом не слыхивал, — отмахнулся я от него. — Это вот как раз у меня сотня свидетелей, что она была человеком, против вашего слова, что она была вампиром.

— Я осмотрел тело и в своем решении уверен. — Поджал он губы.

— А я осмотрел ту жабу и в своем решении тоже уверен. — Невесело вернул я ему улыбку. — И с навками уверен, и с магом, что сопровождал их.

— Вы бы не игрались с законом, барон. — Он устало потер лицо ладонями. — Это к добру не приведет, мой вам совет, если этот телохранитель не единичный экземпляр, срочно избавляйтесь от подобных друзей.

— Друзей много не бывает, — хмыкнул я.

— Ладно, это, я смотрю, дело темное и не моего ума. Вы мне лучше другое скажите, что дальше делать будете? Неужто так и пойдете дальше, в этой вялотекущей войне можно увязнуть не на одно десятилетие?

— Думаю, надо искать гада, — выплюнул я слова.

— Этого вашего таинственного ряженого мага? — как-то подобрался он.

— Его родимого, — согласился я. — Не думаю, что он физически может постоянно находиться рядом со своей возлюбленной рыбкой, или кто она там ему приходится. Здесь он родимый, где-то здесь среди нас простых смертных отирается, тихий, незаметный, но внимательный и предупредительный. Иначе и быть не может, уж слишком явно происходят провалы некоторых наших карательных операций, тут к гадалке ходить не нужно, где-то рядом паскудник.

— Сомнительно это все как-то. — Покачал он головой. — Опять же, даже если все вдруг срастется, вы мне предлагаете с ним вступить в схватку? Даже в своем лучшем состоянии вы навряд ли сможете что-то ему противопоставить. Понимаете ли, я хоть и уважительно отношусь к вам, но эта месть не относится ко мне.

— Это не месть. — Нахмурился я. — Это полноценный захват моих территорий!

— Ну не знаю, отпустили бы вы тех навков, не махали бы неводом в мутной воде, глядишь, и жили бы душа в душу дальше. — Он пожал плечами. — Даже сейчас думаю, прекрати вы свое кровавое преследование — и уже через пару месяцев все вновь наладится и обойдется миром.

— Ничего уже не обойдется! — Я сам вздрогнул от неожиданно громкого крика, который смог исторгнуть из себя.

— Ох-х-х, — он тяжело вздохнул, поднимаясь с кресла. — Какой же вы упрямый, сударь. Не к добру это, ох не к добру.

Дверь за ним затворилась, оставляя меня в гордом одиночестве. М-да уж, дела. Ну да чего еще я ожидал? Это не боевитый Дако, этот просчитал

меня, сразу увильнув от драки в кусты, а меж тем здоровое зерно в его словах есть, а именно что делать, когда найдем на свою голову вражеского мага? Вполне может случиться так, что горько заплачем от своей находки, и так хорошо, что не лезет явно в разборки между простыми смертными. Что же мне делать? Сам я практически ноль без палочки, без своего Мака все, что могу, это немного подправлять свои жизненные потоки, спасибо бабулечке-некроманту, подлатывая потихонечку истощенный организм, да видеть и читать чужие узоры и плетения. Даже достопамятной монетки мне не поднять без того, чтобы я не потерял сознание от перенапряжения. Здесь я вынужден расписаться в своем бессилии, мне нужна помощь и конкретного специалиста, причем, насколько я могу судить, бабуля здесь не пройдет, ведь что такое ее искусство? Заставлять двигаться уже не живые предметы, а это, по сути, остановит классика защиты от Десты. Впрочем, могу и ошибиться, помимо умертвий есть еще и тонкие некротические материи, наподобие тех же призраков, но опять же сама бабуля вне закона, хоть и находится формально под тенью крыла сильных мира сего. Стоит ли выводить старушечку на боевую арену? Не уверен, хоть думаю, она не просто не откажет, но и с удовольствием надерет зад виновным в смерти старика, который был ей, пожалуй, даже ближе, чем мне.

А что же остается? Даже не знаю. Хотя — стоп. Есть же у меня, пусть и не в приятелях, но в знакомцах наемник-стихийник, господин Герхард Доу. Мужчинка колоритный и наверняка по довольно существенной, скорей всего, цене. Но думаю, на денежку я не поскоплюсь, вся загвоздка в его согласии, одно дело быть телохранителем при разборках местечковых князьков и совсем другое, когда тебе будет противостоять равный по силам оппонент. Так что же делать? Писать письма это ясно, одно Доу, а второе бабуле, чтобы не обиделась часом, да и подсказать всегда смогла, куда бежать, если уж совсем откровенно жареным запахнет. Решено — завтра же с утра отправлю двух гонцов.

— Рассказывай! — Дверь чуть ли не с петель слетела, когда в этот поздний час в комнату ворвалась маленькая старушенция с пылающим гневом взглядом.

Ну, что же тут сказать? Одним гонцом меньше.

— Здравствуй, бабушка Милана. — Все, что я смог, это склонить немного голову набок. — А я вот как раз о вас думал.

— Плохо думал, раз я спустя полтора месяца узнаю о Дако! — Гнев гневом, а опытные руки медика и дипломированного целителя уже запорхали над моей поверженной недугом тушкой, ловко и филигранно накрывая меня диагностической сетью заклинания, выявляющего общие

повреждения организма. — Боги и демоны, мальчик, ты вообще еще почему живой?

— Из вредности и душевной пакостности. — Улыбнулся я, действительно обрадованный приездом бабули. — Иначе и объяснить невозможно.

— Ага-ага. Тэк-с. Понятненько. — Она свернула заклинание, запуская в ход другие контуры, тут же вошедшие в контакт с моим организмом, призванные стабилизировать основные жизненные процессы. — Ну, ничего так, вижу, мои уроки на пользу пошли, ковыряешься в себе потихонечку, кое-что даже подлатать успел. А кто тут накрутил тебе эту здоровенную дулю?

Она низко склонилась к моей груди, чуть ли не принюхиваясь, я прикрыл веки, погружаясь в иное зрение, тут же получая цветную картину энергетических потоков и направляя свой взор в указанном Хенгельман направлении. М-да уж. Сэр Арнольд постарался на славу, делясь со мной своей энергией, которую он малыми толиками вкачивал в меня. Такими малыми, что в моей груди скопился пульсирующий кокон, что-то вроде назревающего гнойника, только наполненного пунцово-красной энергией.

— Мальчик мой, если в эту бяку ткнуть пальцем, она прожжет у тебя в груди здоровенную такую дырочку! — Хенгельман плетение за плетением опутывала энергетический сгусток. — Думаю, не меньше будет, чем у тебя в потолке, когда ты баловался линзами.

— Не пойму, я вроде бы постоянно разгонял энергопотоки по ауре, все было нормально! — Испугался я капитально.

— А сегодня? — Она с прищуром смерила меня взглядом. — Сегодня в тебя вливали энергию?

— Хм. Наверно. — Я неуверенно поковырялся в памяти, возможно, Арнольд вливал, пока я слушал его вполуха да ковырялся в себе?

— Балбес, — констатировала она, добавив хороший щелбан по лбу, от которого у меня зеленые круги поплыли перед глазами. — Ладно, я пока в тебе кое-что подправлю, а ты рассказывай, что произошло и что дальше делать думаешь.

* * *

Пришлось умолять чуть ли не со слезами на глазах, чтобы бабуля позволила мне посмотреть на настоящее искусство дъесальфов, или темных эльфов, а именно на магию некроманта.

— Трупы есть? — как-то под вечер пришла она меня проводить.

— Если нужно — будут. — Хмыкнул я тогда.

— Я серьезно. — Она уселась рядышком, не глядя на меня. — Это запрещено, и меня сожгут на костре за это, если узнают, но за смерть Валентина я не могу не отплатить.

— Валентина?! — Я аж поперхнулся словами. — Дако звали Валентин?

— Да. — Она улыбнулась, погружаясь куда-то в свои мысли и воспоминания, открывая тихим голосом мне свою душу, свою жизнь и маленькую историю для двоих, случайным прохожим коснувшуюся моих ушей.

Он всегда был серьезным человеком. Многие примеряют к себе это слово по жизни, одевая костюмы-«тройки» и классический галстук в два пальца, а не как сейчас модно в форме собачьего уха, пытаюсь с умным видом носить очки и органайзеры с дорогими ручками в комплекте, но есть единицы, для которых это мишура и тлен, не более. Люди, действительно знающие цену своему слову и тем более делу. Да, увы, зачастую, да что там говорить, как правило, человечество не следит за тем, что говорит и делает, лишь после хватаясь за голову, виновато поводя плечами, мол, извините, уж так вышло.

Валентин Дако всегда был серьезным человеком, на чье слово и чье плечо было честью опереться в трудную минуту. Как я и предполагал, он не имел от рождения титула, родился неподалеку от столицы в семье дворецкого и кухарки, хотя и получил в свое время неплохое образование. Тут вообще и смех, и грех с этим его образованием, видите ли, у некоторых знатных родов было в практике правило, запрещающее наказание для нерадивых детишек, а для наглядности использовали детей слуг. Ну, то есть молодой графчик сидит на уроке математики и козюльки из носа достает, а ремня по заднице за это получает сынишка слуги. Вот так и Валентин Дако в свое время учился грамоте, присутствуя на уроках своих господ, ну и подставляя свои нижние полушария за их шкоды и проделки. В общем, я даже вздрогнул, представив себе эту картину. Но что самое главное и поразительное, мальчик ведь выучился! Вы представьте себе, он просто стоял в уголке, не имея ни листочка бумаги, ни права даже рот открыть, чтобы переспросить о чем-то учителя, он просто получал по заднице, стоя незаметной тенью и год за годом постигая азы наук.

Нет слов, одни эмоции. Юный Валентин, мало того что получил образование научное, так и еще неплохо поднаторел в светском деле, наблюдая из-за спины отца дворецкого за тем, что и какой вилочкой должно

есть, кого и в каком порядке нужно представить и многие другие нюансы из жизни аристократии. Со слов Хенгельман, он еще и танцевал как бог, явно не чета мне, топтуну бальных залов и дамских ног.

Да уж, из таких людей гвозди бы делать, дома веками бы стояли. В тринадцать, слышите? Тринадцать лет, без единого гроша за душой, в штанах с дырками на коленях он прибыл в столицу, ища лучшей доли, ну а формально сбежав из дома, чем, насколько я понял, нарушил запрет на свободное перемещение дворовых или, кто они там по-правильному, слуг. Насколько я помню, это ему могло вылиться в травлю псами на заднем дворе, если бы поймали, ну или забили бы конюхи вожжами до смерти, это уже на усмотрение хозяина.

Правда, миновало, как я понял, его даже не спохватились, слугой меньше, слугой больше, в конце концов, кто их считает? В общем, прибыл он в столицу, где после долгих мыканий и различных подработок попал подмастерьем к целителю державшему небольшую лавку в городе. Так уж получилось, что при всем своем капитале за пареньком в наличии был большой багаж порядочности. Он не стал очередным попрошайкой или мелким воришкой, что сотнями кружили по запутанным улочкам города, не имел привычки брать чужого, предпочитая иметь за душой что-то свое, посему, а также благодаря хорошему воспитанию и образованию, его смело приютил в своем доме Отто Хенгельман, папа сами понимаете кого.

Господин Хенгельман, хоть и имел диплом мага короны, был человеком небогатым. Один дом в два этажа, первый из которых и занимала его лавка знахаря, где он продавал ряд снадобий и иногда практиковал как врач, принимая не очень сложных пациентов. Один маленький коник с повозкой, кухарка и старый слуга, который занимался маленьким садом, разбитым на заднем дворе. В принципе все. Уже в годах, вдовец, единственным сокровищем которого были две маленькие дочки Мила и Апри, ну и теперь любознательный и сообразительный парнишка, которому он потихоньку стал передавать свое нехитрое ремесло.

Нет, не подумайте, не было там ТОЙ любви. Валентин стал для девочек, которые были младше его на пару лет, старшим братом, которого у них никогда не было. Умный, статный, воспитанный и такой заботливый и добрый. Тут надо сказать, наверно, что не в пример своим нареченным сестричкам. Бабуля с сестрицей в молодости, что называется, «отжигали» по полной, доводя отца до седых волос и сердечных приступов, и хорошо, нет, даже не так, просто замечательно, что в моменты запойной юности рядом с этими бесовками был такой брат. Сколько он их вытаскивал в пьяном угаре из различных «бардаков» домой, сколько выручал в темных

подворотнях, куда непослушные совали нос, этого уже, наверно, не сосчитать и не припомнить. С малых лет он встал надежным каменным плечом, скалой от всех ветров и ненастий, защитой взбалмошным девчонкам от тех бед, виновницами которых они сами и были по большей части.

Но время шло, после инициаций, которые провел для всех троих Отто Хенгельман, и после веселой студенческой жизни в магической академии, жизнь раскидала их по разным сторонам, кого куда. И так уж вышло, что сэр Дако по-прежнему оставался единственной палочкой-выручалочкой для двух сестричек, о характере которых даже догадываться не приходится. Видимо, так уж на роду им было написано, но окольными путями и Мила и Апри подпали под влияние и таинственность запретного искусства темных эльфов, что в конце концов и развело их окончательно, так как сколько Дако ни воевал с девочками, но пути назад уже не было. И если Миле еще как-то повезло войти под негласную защиту короны, берегающую ее, так сказать, на черный день, закрывая глаза на некоторые шалости, то Апри суда не удалось избежать. Ее сожгли на костре, долго травили, долго охотились и гоняли по свету, но, как понимаете, сделали свое дело. Орден бестиаров не зря ел свой хлеб, да и Дако тоже. Да, это было, возможно, несправедливо, да, это было, наверно, чудовищно больно, но именно Дако стал тем палачом, во главе отряда бестиаров, которые и подписали смертный приговор беглянке. Так решила корона. Ты, Валентин, лучше всех знаешь темную, тебе и ловить ее.

— М-да уж. — Бабуля сидела рядышком, обхватив плечи руками. — Ему было жутко больно и стыдно после этого смотреть мне в глаза, ну да и я хороша, дура душой, наговорила тогда ему глупостей. Он столько раз предупреждал нас, столько раз выручал и прикрывал, но, увы... мы доигрались, мы подставились сами и подвели его по полной.

Повисшую паузу я не решился нарушить своими словами, да и сказать мне было нечего по сути.

— Уже потом, с опытом, с возрастом, с запоздалым приходом хоть каких-то мозгов в голову, я пришла к нему, чтобы попросить прощения. — Она улыбнулась, проведя рукой мне по волосам. — Я даже рта не успела открыть, чтобы придумать хоть какие-то слова, как он просто заключил меня в объятия, прижимая крепко-крепко к себе, как когда-то, как раньше, когда мы еще были детьми и прибегали ночью к нему в спальню, боясь темноты.

— Может, не надо, ба? — Я сглотнул ком, подступивший к горлу. — Не будешь братья за ремесло, старик бы наверняка не разрешил тебе.

— Ну да, ну да, — рассмеялась она. — Уж он бы дал жару мне за такие дела, но только вот нет его уже, а я уже свое, считай, отжила, и так всю жизнь впустую промотала, ни детей, ни богатств, нет у меня ничего, да и терять теперь больше нечего. Так что говори, родной, где тут у тебя трупами разжиться можно?

Ну, это совсем просто оказалось. У меня уже скоро год как два орка лежат на леднике, ждут вскрытия, все никак руки не доходят, да с зимы покойничек рядышком лежит, отравитель Армус, тоже все никак земле не предам, то дела, то банально из памяти вылетит.

— Ты бы это, сынок... — Хенгельман замялась. — Ты бы мне еще Тину отдал, там материал хороший.

Отдать? Отдам. Мертвым уже все равно, Тиночку я спрятал от любопытного носа сэра Арнольда, незачем ему лазить, где не просят. Хотел сам попрощаться, прежде чем захоронят, видать, раньше придется.

А бабуля уперлась, мол, незачем тебе смотреть на меня за работой, но я так развылся, что самому себя жалко стало, разжалобил старое сердце некроманта. Даже слезу в конце пустил, все по Станиславскому.

— Демон, а не ребенок! — хмыкнула старушка, махнув на меня рукой. — Главное, не мешай.

А я что? Я ничего, я тут с краешку под одеялком полежу, посмотрю и ничего даже пальчиком не потрогаю. Потому что, блин, даже при всем своем желании не смогу!

Общие приготовления бабули заняли практически неделю. Что понадобилось? Двенадцать вампиров для подготовки рабочей площадки, так как другим подобное действие не стоило показывать. Тут нам еще подфартило, что многоуважаемый сэр Жеткич откланялся, решив произвести объезд своих новых владений, ну да флаг ему в руки и барабан на шею.

В одном из подземных залов очистили помещение, примерно квадратов на десять, может даже больше. Далее госпожа некромант, периодически отвешивая помощникам кровососам подзатыльники за нерадивость, изобразила сложноконструктивный чертеж на полу, по форме напоминающий многолучевую звезду с различными векторами длины и замкнутыми линиями вспомогательных контуров. Ну, в этом действии мне общий смысл понятен. Все эти начертания на полу не что иное, как схема разового гигантского амулета, не зря бабуля использовала для линий мелко растертые порошки-композиты из золота, серебра, других материалов и минералов, уверяя при этом, что также присутствует кость, прах и прочие вкусоности отмерших организмов. Мотивируя тем, что те или иные органы и

та или иная смерть способствуют накоплению своих уникальных пропорций веществ, подобрать по весу которые не представляется возможным. Но зато как факт, что элементов свинца и кальция ровно столько необходимо, сколько может скопить сорокатрехлетний мужчина в коленной чашечке. Посему вот этот мешочек и есть перетертая в пыль вышеупомянутая коленная чашечка, а вот цифры, сколько точно нужно граммов взвешивать, неизвестны, если уж припекло, легче мужику коленку выкрутить, чем все это высчитывать.

Да уж, дела. Учитесь, ребята, в школе, а то будете потом на некромантии копчики свежееупокоенным вырывать по ночам. Ну да я не стал вдаваться в нюансы, каждый раз выпрашивать, что это за смесь и что это за порошок у тебя, бабушка, в этой коробочке. Ингредиентов было много. Амулет многоуровневым получался, даже навскидку не скажу, сколько управляющих структур, что здесь ответственно за что, кто будет рассеивать энергетику, а кто собирать и строить тело заклинания. Сложно, реально и действительно сложно. Это как в детский калейдоскоп смотреть, под таким углом глянул — одно действие и одна картина, чуть сместил ракурс обзора — и уже совершенно другое панно. Весь пол был заключен в помещении в одну потрясающе сложную как по построению, так и по смыслу фигуру сверкающих линий таинственной звезды. Да, звезда тускло и завораживающе тлела во мраке мертвенно-голубовато-белым огнем, что, по словам бабули, является индикатором правильного построения схемы. Теперь же необходимы были замеры прочности и сопряжения, а также расчетная мощность звезды. Я, как и вы, наверное, решил, что понадобятся какие-то приборы, ну и в принципе не ошибался, приборы появились. Три черепа, чей-то позвоночник, заспиртованная в кувшинчике человеческая кисть, ну и еще бабушка любезно попросила предоставить ей литр свежей крови и восемь бычьих сердец.

— Эм-м-м. — Я выслушал ее просьбу, немного оторопев. — Кровь-то чья нужна?

— Ну давай хотя бы свиную. — Сморщила она смешно носик. — В идеале бы, конечно, лучше какую девку девственную порезать, ну да ладно уж, давай хрюшку замордуем невинную.

— Давай хрюшку, — поспешно согласился я, видя расстройство старушки.

Дальше было новое построение, правда уже на готовой платформе привезенной бабушкой жаровни, прошитой разными металлическими полосами и инкрустированной местами драгоценными камнями. Интересное, должен я заметить, решение! Определенный температурный

режим нагрева, тесные композиты металлов и прочие тонкости в сумме дали чуть ли не смесь астролябии с телескопом Хаббл в одном флаконе. Вот тебе показатель общей энергетической нагрузки показан, вот разрыв сопряжений и линий структуры. Вот семьдесят и два луча фокуса с векторами направленного воздействия, тонкий и, главное, невообразимо точный инструмент высшей математики, тут даже учет углов и азимутов принимался во внимание, широта и долгота дня, фокус планет, ну и еще слабонервным все же не стоит на это смотреть.

Огонь горит, кровь бурлит, в ней скалятся черепа и по краям мерзко пульсируют, словно живые, кровавые куски сердечных мышц. Да, не всем стоит на это смотреть, лучше это воспринимать, как я, чисто с научной точки зрения, подгоняя все это безобразие под циферки. Хорошо хоть бабуля спец в этом деле, и повторных измерений не понадобилось, да и основная структура вышла по ее словам: «Славненько».

— Так, балбесы, ставьте столы и несите покойничков, — скомандовала она подручным вампирам. — Пошевеливайтесь, мне сегодня надо пораньше спать лечь, а то завтра день тяжелый будет.

Я молчал, наблюдая со своего лежака, как вносят покойников и мою милую Тиночку, вампира, чье сердце было отдано по странному повелению высших сил мне. Странное это чувство, видеть бездыханным того, с кем совсем еще недавно делил горести и радости, о чем-то говорил, что-то планировал совершить в будущем. И что теперь? Где это будущее? Все так зыбко и ненадежно в этой жизни, сегодня ты в королях «банкуешь» — и вдруг по щелчку пальца опускаешься ниже некуда. Тяжко, неожиданно тяжело стало проститься с этим другом, уж если терять, то как Дако, без следа, без этой пустой оболочки с восковым цветом кожи и бессмысленным укором, может упреком, стеклянных мертвых глаз.

Прости, прощай, не думал, что мы разойдемся вот так нелепо по жизни, господи, как жаль!

— Ты как? — Бабуля сурова. Серьезный такой взгляд, неужто проверяет меня на прогиб?

— Действуй. — Смерть есть смерть, и к этому ни прибавить, ни отнять. Цепляйся и будь благодарен за жизнь до последнего вдоха, ну а уж дальше что будет, того никому не дано знать, ну а тела... Будем их считать коконами, которые посбрасывали с себя, как оковы, прекрасные бабочки, возносясь после перерождения в небеса. Будем считать так, иначе лучше сразу застрелиться.

Старушка удивила. Наблюдая за ее работой, вспомнилась старинная шутка юмора, мол, дайте маньяку в руки скальпель — и он будет хирургом,

а дайте хирургу в руки тесак — и он станет маньяком. Рука у Хенгельман, сразу было видно, твердая и, невзирая на года, полна профессионализма. Точные, аккуратные резы, рассечения, здесь отделила, тут отжала — и вот плоть словно сама соскакивает, оголяя белоснежно-белый во тьме каркас кости. Ух, старушка! Вся в кровище с головы до ног, груды мяса, уже частично перебрала кости по составляющим, жуть, тоже мне конструктор «лего» нашла. А между тем ведь и вправду конструктор. С ее слов, материала у нее должно с четырех трупов внатяжку хватить на двух Гончих Смерти. Что за зверь? Сильно не вникал, лишь бегло на досуге пролистал одну поучительную книжку, выданную Хенгельман, в целях ознакомления, так сказать, с техническими характеристиками эксплуатируемого в дальнейшем агрегата.

По виду должно получиться нечто отдаленно напоминающее крысу, рысь и афганскую борзую в одном лице. Серо-зеленого цвета, с гладкой кожей на обтянутых буграх туго свитых мышц на каркасе изогнутого профиля готовой к броску смертельной пружины. Все это в клыках, когтях и белых сопельках эктоплазмы, как я ее назвал, некротической слизи, до жути ядовитой, что собственно немудрено, трупный яд это вам, ребята, не фунт изюму.

Само же не божье создание исторически применялось дьесальфами всего-навсего для патрулирования военных объектов с небольшим радиусом охвата территории в определенное время. А связано это исключительно с небольшим ресурсом данной конструкции. Неимоверная скорость, маневренность, прыть, стремительность и смертельность атаки, все это, увы, требует огромных энергетических затрат и способно привести чуть ли не к мгновенному износу рабочей конструкции этого некротического организма. Общее время безопасной работы Гончей от силы четыре часа, далее необходимо тварей загонять в стазис, то есть полностью обездвиживать, вводя в сон в специальном резервуаре, заполненном, даже не скажу чем, таким рассолом со смесью питательных веществ, где происходит восстановление стертых сухожилий, вновь набирается прочность тканей, идет заживление полученных травм. С одной стороны, вроде как суетная и неперспективная затея, но с другой — хочется прыгать до потолка и хлопать в ладошки, гадливо так хихикая.

Прежде всего, из-за узлов инициации мага, благодаря которым Гончая на автомате ломает классику защиты госпожи Десты. Да, вот такая в ней программка, контроллер, идет взлом магических структур, идет энергетический мониторинг, поиск живых существ, твари связаны друг с другом ментальной мыслесвязью, то есть что видит одна, видят все в стае.

Ну и как дополнение небольшой такой фокус-покус, вокруг Гончей идет облако иллюзорной дымки тумана, в которой разглядеть серые молнии тела практически невозможно.

Грызть этих тварей крайне не рекомендуется в трезвом уме и твердой памяти, подстрелить захочешь, не увидишь, куда стрелять, ну а коли подпустил тварь к себе на расстояние броска, то даже пикнуть не успеешь, как отправишься в мир иной. Вот такие охраннички, вот такой сюрпризик ждет моих водоплавающих друзей. Да уж, песики-барбосики должны выйти статные, и это только я первые пару страничек проглядел из мануала, идущего в комплекте от бабули. Честно говоря, страшная кака, такой песик бы раскусил меня в одно касание, так как я до сих пор пользовался классикой защитных заклинаний, так и не успев заморочиться своей эксклюзивной защитой.

— Готово. — Бабуля с любовью оглядела свой труд мясника. — Завтра начнем.

Начали. За ночь все мышцы, сухожилия, органы, шкура и прочий суповой набор, подготовленный бабулей, промариновался в специальных растворах, от едкого кислотно-гнилостного запаха которых мухи на лету замертво падали. Теперь же старушка все это раскладывала по лучам звезды, опутывая каждую часть мелким плетением непонятных мне узоров заклинаний. Естественно, я не выдержал, спросил. Каждое из плетений было маячком для общей структуры, порядковым номером соединения в общей композиции, а также имело определенный резервуар толики энергии, необходимой для сращивания всего этого в конце в единое целое.

Ну и в конце пуск всей системы. Мощная энергетика заклинания буквально физически ощущалась, содрагая землю под ногами и проскакивая замысловатыми зигзагами молний в воздухе, словно при пуске трансформатора Теслы. Тьма, свет, гул, рокот, оглушающая ватная тишина — все это бешено закрутилось в водовороте творимого волшебства, задевая такие глубины и тайны мироздания, от малой унции знания которых можно навсегда лишиться разума.

— И? — Я силился подняться со своего лежака, чтобы в полумраке факелов разглядеть наконец полученный результат.

— Не шибурши, лежи смирно. — Прихрамывая и ссутулившись от усталости, ко мне неспешно подошла старушка. — Еще свалишься, мне тебя потом не поднять. Здесь они, здесь, сейчас покажу родименьких.

Прямо на грудь мне легли два маленьких сморщенных комочка, завернутых в плотную шкуру. Малюсенькие такие, слепые котята, или кутята, или крыски, совсем беззащитные, слепые еще, с нераскрывшимися

глазками, они покачивались, с трудом поводя из стороны в сторону головами.

— Смотри, не трогай, маленькие, но уже ядовитые, — видя мой порыв, предупредила Хенгельман.

— И это все? — Я как-то недоверчиво оглядел помещение. — Это и есть Гончая Смерти?

— А то! Самая что ни на есть гончая самой что ни на есть смерти, — хохотнула бабуля, потыкав пальчиком в перчатке двух беспомощных, слепых малышей.

* * *

Напрасно, я отнесся скептически к мадам некроманту. Помещенные в резервуары с питательным раствором, песики за неделю превратились в здоровенных тварей, в холке не уступающих лошади. Тела напивались, разбухали, росли и вытягивались. Пока песиков еще не выпускали из сна, под этих красотуль еще строилась тележка. Двухосная, удлиненная, с тентом, прикрывающим две большие бочки. Да, песиков придется возить, ну или по крайней мере подбирать где-то на полпути, так как действовать им предстояло в отдалении от Лисьего, из-за посторонних глаз и ушей, что могли бы донести куда не следует.

— Нет, Альва девочка умная, какое-то время, если что, прикроет, — вещала старушка, повествуя мне о, так сказать, надзирающем органе. — Мы с ней давно уже работаем.

— С бестиаром? — Вскинул я бровь. — Я думал, что зимой это был вынужденный союз по просьбе госпожи Кервье.

— Дорогой, конечно же нет. — Бабушка сменила на посту сиделки куда-то запропастившегося сэра Жеткича. — Чтобы находиться под крылышком короны, мне приходится периодически помогать этим рыцарям, отлавливать те или иные образчики темного искусства, нет-нет да и появляющиеся на этом свете.

— И часто? — Я с трудом, но вновь мог с горем пополам самостоятельно садиться в постели.

— Не очень. — Она взялась за спицы, клятвенно пообещав мне через пару недель повязать на шею шарфик. — В основном это мелочь всякая, кое-что из академии может сбежать, кое-что молодежь бесконтрольная на первых ступенях практики умудряется сотворить. Серьезное редко в последнее время выходит в мир, разве что из Дьесса, из их зверинца

сбежит.

— Ба, а какой он этот Дьесс? Вы ведь туда с сестрой когда-то подались, чтобы постичь свое искусство? — Я баюкал в ладонях горячую глиняную пиалу с куриным бульоном.

— М-да уж. — Она прекратила стук спиц, задумчиво окидывая меня взглядом.

Они тогда только-только с сестрой закончили академию, обе по направлению целительства, обе с успехом получив первую степень. Времечко тогда на юге было смутным, какой-то из южных халифатов напал на соседа, тот договорился о помощи с кем-то, а потом привлекли еще кого-то, в общем, жарко было. Хотя на границе джунглей всегда беспокойно, там и без войн своих чудес хватало, рядом со скрытым городом дьесальфов. И хоть земли нашей короны не то что не граничили с ними, но и отделялись как минимум тремя государствами, в магических орденах существовала практика совать молодежь, так сказать, в горячие точки, чтобы пообтесать ее, да чтобы опыта боевого набрались.

Практику они получили замечательную, война дело такое, иной раз медикам не то что выспаться, присесть за день некогда. Но молодость прекрасна и полна сил, а также авантюризма. Две бедовые красотки, молодые горячие солдатики, южные принцы коих по традиции в халифатах хоть попой ешь — не убавится. Все это смешалось под жарким солнцем бирюзовыми волнами теплых морей, перевилося терпкой сладостью лиан и невообразимо прекрасных бутонов растений, которым и названий нет. Давая гремучую смесь коктейлю из страстей и эмоций. Дьесс, в отличие от севера, не так холоден к младшим расам, выпуская в свет своих сыновей и дочерей куда как чаще из-под опеки, посему ничего удивительного, что сестричкам вскружил голову красавец брюнет, сладкоголосый томноглазый эльф Вельдрак Прау Моргер, младший из сыновей клана Моргер, в переводе что-то вроде Желтый Птах. Они даже ссорились и тягали друг дружку за волосы, чем несказанно повеселили дьесальфа.

Но не в этом суть, суть в том, что от эльфов можно нахвататься, не подумайте, не блох, а дурных мыслей и идей в неокрепшие умы. Поганец-то и приоткрыл перед сестричками маленькую дверцу в свой мир и свое искусство магии, навсегда лишая их пути назад в свет. Хотя стоит отдать должное его таланту, учителем он был превосходным, пусть и не хватал сам верхов, но уж как говорится, месье знает толк в извращениях, коих было предостаточно. Эльф оформил, так сказать, визу для двух симпатичных дикарок, ввезя под своим патронажем девушек домой.

Что представлял собой последний город темных эльфов? Смесь

восхищения и преклонения, судя по рассказу Хенгельман. Гигантский подземный лабиринт, причем, если кто-то подумал пещер, то напрасно. Ни о какой дикости речи не идет. Мрамор, золото и мириады огней. Утонченная грация ажурных мостов и переходов, подвесные хрустальные лифты, бисер кристально-чистых водопадов, витрины, арки, архитектура, достойная восхищения, и заоблачная технология. Ну да кое-что вроде эскалаторов и метро я, естественно, узнал, стала понятна прыть бабули в обращении с сануздами, введенными мною в Лисьем. Комфорта им хватало, для гостей в городе был предусмотрен свой кварталчик, в котором они прожили ни много ни мало чуть больше четырех лет, прежде чем господин Птах не переключил свое внимание на другие забавные игрушки, поменяв поднадоевших и повзрослевших сестричек на какую-то гномку, которой вскружил голову в одной из своих командировок по планете.

Нравы там и вправду более чем свободные, причем не всегда эта свобода была полноценной. Господа некроманты практиковали жертвы разумных, это у них была дань то ли жречеству, ведь эльфы были не лишены религии, то ли научным экспериментам.

— Жуткое и в то же время прекрасное место, Ульрих. — Бабуля пригладила рукой шерстяное безобразие незаконченного шарфа на коленях. — Жаль, что для этого места мы навсегда останемся чужаками.

— А потом что? — Я сам себе напомнил шкодного ребенка, превратившегося в «почемучку».

— А потом беда. — Она невесело улыбнулась. — Нельзя пропасть на четыре года, не отплатив короне долг, а потом объявиться, в надежде, что мир примет тебя с распростертыми объятиями.

Они не решились вернуться домой, справедливо опасаясь бывших собратьев гильдейцев магического цеха. И как показала практика, не напрасно. Хоть в халифатах юга народ более привычен к специфике темного искусства, там даже нет запрета на практику, но слухи быстро поползли о двух талантливых смутьянках, а уже вслед за слухами вереницей потянулись маршалы бестиаров из наказующего звена.

— Ладно, это все дела минувших дней. — Она вздрогнула, собираясь с мыслями. — Гончие уже готовы к выходу, что еще планируешь?

— Гончих с вампирами отправлю на участок между Дальней и Речной, пусть там на севере меж лесов и полей гоняют водоплавающих. — Я тоже переключился на дела насущные, не желая через силу вытягивать прошлое бабули. — Мы же должны остаться здесь и всеми правдами и неправдами найти и обезглавить эту водяную гидру, лишив их единственного, но такого существенного плюса, как собственный маг.

— Легко сказать, Улич, но сложно сделать. — Хенгельман была серьезна. — Мои тварюшки могут потягаться с магом, но, увы, не я сама, мое искусство — это работа чужими руками. Думаю, гончие не помеха аттестованному магу. Естественно, я могу еще наклепать слуг, куда более действенных, но как бы земли твои на сто верст окрест не превратились в один большой могильник.

— Думаю, больше не нужно. — Я покачал головой. — Мы и так своими наскоками порядочно задаем им жару, ну а когда им перекроют доступ выше Речной, так вообще несладко станет. Скорей всего, уже после первых опустошительных атак маг, если он не полный дурак, выйдет на арену помахать кулаками, иначе мы уничтожим, в конце концов, их полностью, либо же отбросим назад на юг.

— Ты все-таки рассчитываешь на Доу? — Бабуля видела письмо, отправляемое мной в столицу.

— Больше не на кого. — Я пожал плечами. — Разве что ты еще подбросишь пару идейек.

— Есть идеяка. — Она задумчиво уставилась куда-то в сторону. — Есть такая штука, черный металл некроманта, гадость несусветная. Даже для меня. Из него делают жертвенные серпы для темных жрецов культистов у дьесальфов.

— Плюсы, минусы? — попросил я подробностей.

— Из плюсов, подобный металл рассеивает все известные энергоконтуры любых заклинаний, ну а минус — убивает все живое, чего только ни коснется, невзирая на чины и звания, и, как ты говоришь, заслуги перед отечеством. — Улыбка пробежалась по ее лицу. — Не в перчатке, не через тряпочку, никак и ничем нельзя прикоснуться к нему.

— Как же жрецы тогда держат эти серпы? — Тут уже я улыбнулся. — Или они их делают, а потом только вокруг ходят?

— Да нет, золото блокирует металл. Рукоятка из золота вполне безопасна, правда весома, можно и другие металлы или даже древесину использовать, только тут нужно знать и высчитывать точное отдаление от этой бяки. — Интересненький получается материалчик.

— Без жертв? — Я с прищуром посмотрел на бабушку. — Изготовление, надеюсь, не требует чего-то запредельного?

— Без жертв, но с разрушениями. — Бабуля развела руками. — Мне придется вытянуть из земли кладбища, всю некротическую энергию, заключив ее в железо. Должно хорошенечко так потряхуть, наверняка плиты, надгробия пополам пойдут, может, кого из гроба земля выплюнет, всякое бывает.

— Ого. — Я задумался, прикидывая перспективы. — Такое незаметно не пройдет.

— Ну, может, ты что-нибудь придумаешь? — Она похлопала меня по коленке. — Ты же мастер в подобных делах, сынок.

— Придумаю, ба, постараюсь, — хмыкнул я.

И придумал.

Не знаю, хорошо или плохо, но народ точно повеселил, по крайней мере уж прекрасную половину жителей моих земель точно. Где самое большое кладбище у меня? В Касприве, вернее рядышком с ним, все же в городской черте нежилые кварталы здесь не додумались городить. Посему через три дня приготовлений бабуля дала команду начинать представление. А я что? Я и начал, как умел.

Говорить, думаю, не стоит, что народ в принципе за последнее время свyksя с причудами молодого хозяина, правда в этот раз, похоже, я переплюнул сам себя.

Утро в Касприве, помимо теплого солнышка, внезапно порадовало жителей грандиозным парадом. Под предводительством бессменного Гарича в город вошло три сотни солдат, рассасываясь малыми группами по пятьдесят человек на квартал, созывая весь честной народ на главную площадь перед магистратом, где горластый вестовой соизволил накричать на всю эту толпу, доводя всем и каждому мою, пусть и не царскую, но вполне весомую волю.

— Слушайте! Слушайте! И не говорите потом, что не слышали! — Да, текст писал я. — В тяжелое время для нашей родины, когда погань водяная стучится к нам в дома, забираясь на кухни!

— Что случилось?!

— Что происходит?!

— Да что же это такое-то?!

— Мы должны объединиться, встав плечом к плечу! — Хороший вестовой, с жаром так вещает, даже ножку отставил, мне из окошка магистратуры хорошо было его видно.

— Зачем нас собрали?

— Что затеял барон?

— Долго нам еще тут торчать?

— Враг не дремлет! — Ну, может, посапывает, но для хорошей речи, по-моему, прекрасный лозунг. — Все вы, честные граждане Касприва, верноподданные люди фон Рингмара, призваны в этот час, чтобы оказать посильную помощь своему господину в этом нелегком ратном деле с басурманами!

— С кем-кем?

— В каком деле?

— Опять, что ли, долг будут увеличивать?

— Улич, что бы ты ни затеял, знай, я уже против. — Бабуля испуганно выглядывала у меня из-за плеча. — Чувствует мое старое сердце, скрутишь ты сейчас непомерно опупительную дулю.

— Так-с! Сохраняем спокойствие! — Я поерзал в своем кресле на колесиках. — Тебе нужно было освободить кладбище, и чтобы никто не путался под ногами? Так вперед, за дело, народ неделю еще не оклемается после меня.

— Ну, как знаешь, сынок. — Бабуля покачала головой, поднимая заплечный рюкзак с вязанкой золотых арбалетных болтов, лишь наконечник каждого из которых разительно отличался тусклостью и серостью добротной кованой стали. — Я тогда пошла?

— Давай-давай, ба, дел у тебя неспор, у заднего двора будет стоять тележка, там две фигурки в плащах до пяток, это помощники тебе, думаю, с ними сама разберешься. — Я вновь вернулся к действию на улице. — Постарайся там не наследить, думаю, наш сэр Арнольд чуток опосля обязательно всунет туда нос.

— Не учи курицу, яйцо! — цыкнула бабуля, покидая меня.

Да уж, сэр Арнольд стал невыносим. А это что? А это куда? А вы знаете, что согласно пункту положения, памятуя об указе и постановлении, это низ-зя, а это противозаконно? Ай-яй-яй, господин барон, как вам не стыдно, а ну-ка прекратите мучить бедных рыболодей, они ни в чем не виноваты. Угу, прямо сейчас все брошу и положу свои зубы на полочку, прощая всех и вся, вот, кстати, и он стоит, легок на помине, чуть в сторонке от вестового рядом с главой города. Надо же, уже успел и с ним связи наладить? Быстро работает, да не под того копает!

— Слушайте, жители Рингмара! — Вестовой широко раскинул руки. — Проклятым рыбунам помогает предатель и полубовник рыбьей королевы!

— Чей-чей?

— Кто-кто?

— Кто там с кем?

— Да, честные жители славного Касприва, вы не ослышались! На услужении рыбьей королевы, а также у нее в мужьях ходит такой же человек, как и вы! — Надо поощрить парня — красиво горланит.

— Ух ты!

— Это же надо!

— А как это у них получается?

— Это он отворил створки ворот в наши земли! — Вестовой изгалялся, пытаясь напустить страху. — Это он, поганец, продал нас рыболодям! Это из-за него гибнут наши честные жители и пропадают дети на реке! Из-за него вы не можете спуститься к реке без сопровождения солдат!

— У-у-у, тварь!

— Казнить его!

— Так я не понял, как они стыкуются?

— Должны ли мы простить подобное? Можно ли оправдать виновного? Должен ли подлец понести наказание? — Вестовой обводил каждого взглядом.

— Казнить!

— Повесить мерзавца!

— Да как же он русалку-то, того-этого?

— Сегодня же гвардейцы барона оцепили весь город, чтобы выловить негодяя! — стал переходить к сути вестник. — Нам доподлинно известно, что это мужик, покрытый татуировкой в виде чешуи!

— Ура!

— Ловите гада!

— А на каком месте татуировка?

— И вы, честные граждане, станете помощниками в этом нелегком деле! — Мой глашатай изобразил позу «Мать Родина зовет». — Все ли готовы прийти на помощь поимки супостата и доказать это не словом, а делом?!

— Да!

— Вперед!

— На каком месте татуировка?

— Тогда наш милостивец барон из своих запасов выделяет для всех горожан бесплатное вино! — По взмаху руки к площади стали подкатывать телеги, а также на всех крупных перекрестках и улочках одновременно стали открываться винные бочки. — Но это не все!

— Что еще?

— Работать нужно?

— За вино платить?

— Сегодня объявляется всеобщий розыск любовника водяной королевы! — Он немного выдержал паузу, накаляя атмосферу. — Всем мужикам в городе до самого захода солнца ходить голышом, чтобы солдаты сразу видели, есть ли на нем татуировка! А коли не будет выполнен наказ,

то разрешается вязать и бить супостата, раздевать его или тащить к страже для соответствующего наказания!

— ..! ..! — Да, народ мог ожидать что угодно от барона, ну не знаю, увеличение поборов, травлю псами детей, отрубание ног встречным путникам, в конце концов кого-нибудь бы на кол посадил бы, велика новость, но не такого же! Это же немыслимо!

— Что он сказал?

— Вы это слышали?

— Ну, хоть бухнем на халяву, мужики.

— Вы с ума сошли?! — Дверь в комнату, из окошка которой я разглядывал площадь, чуть ли не с петель слетела, пропуская внутрь многоуважаемого защитника с городским главой на пару. — Вы совсем, что ли, потеряли связь с реальностью?! Вы хоть что-то еще в состоянии осмыслить, кроме своей глупой мести?

Глупой? Я задумчиво барабанил пальцами по креслу, пока сэр Арнольд метался по комнате, осыпая меня обвинениями в слабоумии. И месть ли это? Да, не стоит кривить морду лица, говоря о возмездии, справедливости, что всенепременно когда-нибудь восторжествует. Это месть, бяка, кака, глупое чувство, сжигающее тебя изнутри, но это месть, как ни крути и ни играй словами, пытаюсь обелить свои действия. Как там было — око за око в Ветхом Завете, предтечи заповедей о всеобщей любви? Да, так и было, так есть и так будет, все из-за любви, кого-то к кому-то, пусть даже не как в моем конкретном случае, а допустим, в любви к деньгам или тучному стаду баранов. Не забирайте у людей любимое, не нужно, уж слишком тонка эта грань между человечностью и тем, когда уже не прощают. Очень тонка и размыта.

— Успокойтесь, сэр Жеткич. — Я наблюдал метания этого юноши со взором горящим. — К чему столько слов, когда уже поздно что-то менять? Решение принято, вы спокойно отошли в сторону, не желая оказывать мне помощь, так что же теперь-то воздух впустую сотрясать?

— Да тебя же высмеет все королевство, да что там королевство, весь известный мир! — Он остановился, переводя дух. — В конечном счете, даже если ты его найдешь, он же маг! Ты понимаешь, что он один может разметать все твоё баронство со всем твоим воинством в придачу?

— Думаете? — Не удержавшись, я тихо рассмеялся, неожиданно поставив свой тихий смех аккурат точно под легкое сотрясение земли, дрожью пробежавшее по основе здания магистрата, от чего с потолка посыпалась мелкая пыль и вывалилось пару кусков штукатурки. Молодец ба. Похоже, дело сделано, я сидел, продолжая улыбаться под взглядами

побледневшего главы и насторожившегося мага.

— Что это? — Он словно хитрый лис, почуявший угрозу, втянул воздух и заозирался по сторонам. — Что ты скрываешь от меня, мальчик?

— А я что-то должен скрывать? — Вроде как с ленцой, неспешно вновь вернулся к созерцанию площади. — Наверно, сэр, это женщины в городе попадали в обморок, все разом, после того как доблестные мужья оголили свое достояние для сверки на улицах города.

— Не шути со мной, барон. — Не громко. Можно даже сказать, почти шепотом, но сколько чувств в этих словах! Аж мурашки по спине пробежались. Умеет подать себя. — Не стоит этого делать.

— Послушайте меня внимательно, дорогой друг. — Скрипнули колесики коляски, которую я развернул, подкатывая вплотную к замершему магу. — Шутки кончились, когда кто-то посмел открыть створки ворот на моей дамбе. Кто-то посмел пошутить подобным образом, и вот именно этого не стоило делать! Погиб мой наставник и кое-кто еще, можете не морщить нос, сударь, этот кое-кто мне был дороже, чем вы и полсвета в придачу, вместе взятые, любезный. Ну а главное, никто не смеет мне указывать на моей земле, что мне делать, будь то маг, не маг или беленький зайчик в розовую полосочку.

— Здесь!

— Я!

— Хозяин!

Скрипнула многострадальная дверь, это, пятясь задом, выскочил перепуганный глава Касприва, оставляя нас двоих буравить друг дружку тяжелыми взглядами, от которых, казалось, даже воздух нагрелся.

— Что, мальчик, думаешь, вытянешь? — Он не улыбался больше, лишь сверлил меня своим пристальным взглядом.

— Вытяну. — Я вздернул бровь. — И очень скоро.

* * *

— Ну что там? — Мы сидели с Хенгельман в моем кабинете, принимая доклад одного из вампиров-разведчиков, что был прикомандирован к городскому кладбищу.

— Он чуть ли не на коленях уже третий час ползает по могилкам, что-то едва уловимо бурча себе под нос. — Немного грузный с виду светловолосый парень из бродяг, что присоединились к крылу графа, стоял вытянувшись, как учили в легионе. — Ближе не подходим, опасаемся, что

заметит.

— И не подходите. — Кивнула бабуля. — Все на удалении, незачем нашему уважаемому защитничку о вас знать.

Я жестом отпустил вампира, возвращаясь к разглядыванию выложенных арбалетных коротких стрел из золота у меня на столе.

— Все, как надо? — Я мотнул головой в их сторону.

— А то! — Бабушка горделиво оглядела свой труд. — Кладбище старое, не копанное, как у нас у некромантов говорят, энергии валом было, так что получи, сынок, и распишись, самое смертоносное оружие во всей оконечности мира, боевые стрелы темных эльфов! Ни один маг не устоит, разве что будет в гномьей кирасе, тут уж такое дело, магию пройдут, а вот если бронька какая литая будет, стрела тупо не пробьет хорошего доспеха.

— Ну, думаю, в доспехе под водой за любимой особо не побегаешь, так что об этом нам не стоит беспокоиться, лишь бы по самонадеянности подпустил поближе. — Я аккуратненько взял за золотое оперение стрелу, разглядывая почерневшее до угольной непроглядности железо наконечника.

— Так ты все же склонен воспринимать ту легенду за правду? — Бабуля отобрала смертоносное оружие из моих рук, не забыв шлепнуть по руке.

— А почему нет? — Я пожал плечами. — Насколько мне известно из литературы, навки долгожители, они даже не старятся, как доходят видом слегка за двадцать, так и помирают потом такими же. Ну а маг так вообще, насколько я понимаю, ограничен лишь ленью и общей усталостью моральной, более ничем не лимитируемый перед смертью.

— Как же они столько лет оставались в тени? — Бабуля завернула смертельные подарочки в плотную шкуру, после чего поместила все в окованный металлической полосой сундучок.

— Да кому они нужны, чтобы их искать? — хмыкнул я. — Перед короной маг чист, отдав ей положенное, ну а то, что под водой творится, на поверхность не выходит.

— Так, а что они здесь, на севере забыли? — Хенгельман сгоряча пристукнула кулачком по столу. — Зачем нужно было все это затевать, зачем им понадобилось твое баронство?

— Вопрос выживания. — Тяжело вздохнул я. — До отъезда я успел хорошенько пообщаться с графиней. Все банально до безобразия, если изначально навки неплохо чувствовали себя на морском побережье, то год от года им все дальше и дальше приходилось уходить в морскую пучину, из-за разрастающихся человеческих городов и конкуренции с

рыболовными артелями.

— Мир меняется. — Покивала старушка.

Выбор у них был: либо уходить в неизвестные морские просторы либо же заходить в реки, уходя вглубь континента. Вроде бы наипростейший вариант с открытым морем отпадал все же из-за прямой зависимости навок от берега, как бы это ни печально звучало. Не могут они без прогреваемого берега находиться постоянно в воде. Да, можно было попробовать искать острова, но просторы не маленькие, а то, что известно, уже занято людьми, да и открытая большая вода не в пример речным руслам куда как полней опасных обитателей, не всегда доброжелательно расположенных вроде как к своим повелителям.

Это был путь не в пару лет и даже не вопрос пары десятилетий, длинная дорога, что называется, в один конец, только, казалось бы, наладилось, только вроде бы живи и радуйся, но по пятам словно опухоль неимоверно быстро разрастается человечество, тесня, подвигая и понемножку, вроде даже незаметно, но вытесняя с обжитых мест этот народ.

— Я не пойму, почему нужно было приходить и начинать свой путь с убийства? — Старушка тяжело вздохнула. — Неужто нельзя было поговорить с тобой? Ты, конечно, не семи пядей во лбу, но мальчик разумный.

— Спасибо, — улыбнулся я.

— Почему все так вышло, Ульрих, хоть убей, не пойму. — Старушка, похоже, и вправду расстроена.

— Это потому, что ты темная, страшная некромантша на службе тьмы, — подбодрил я ее. — Настоящие добрые люди удавятся, но не снизойдут до унижения просить кого-то о помощи. Ты бы слышала, ба, как она со мной разговаривала, сколько в ее голосе гордости, сколько спеси и веры в собственную правоту. Она даже не понимает, наверно, почему в этот раз какой-то мальчишка брыкается на ее пути. Ни она, ни ее друг не понимают и не видят этого.

— Ну, наверняка они как-то объясняют эти твои выкрутасы. — Она повела рукой в воздухе, пытаясь материализовать, видимо, те самые мои выкрутасы. — Возможно, они думают, что ты жади́на-говя́дина, сидящий, как собака на сене: и самому не надо и другим не даешь. Оп-па, амулетики.

— Не понял, что за амулетики? — Я встрепенулся от ее концовки.

— Бежит твой защитник прямо к тебе. — Она словно прислушивалась к чему-то. — Я в соседнюю комнату, пока незачем нам с ним встречаться.

Жеткич не заставил себя ждать, вновь наплевав на хороший тон, войдя

ко мне без стука.

— Барон! — Лицо каменное, взгляд злой. — У нас на землях объявилась нечисть!

— Я в курсе, сэр. — Для полноты картины не хватало аккуратной кружечки чая, чтобы так, знаете, с оттопыренным мизинчиком сделать глоток. Ну или пенсне, на худой конец.

— Как?! И вы молчали?! — У него аж кулаки сжались.

— Не пойму вас, вы ведь тоже должны быть в курсе оккупации моих водоемов водяной нечистью, увы, из-за них мы с вами и встретились в этот недобрый час! — Определенно, мне бы пенсне, ну или надо опять попросить тросточку у графа, красивая вещица.

— Прекратите валять дурака! — Он подлетел ко мне, впиваясь взглядом. — Навки не нечисть! Они разумны, прекрасны и на целую голову выше всех нас в своем величии! Если тут кого и называть нечистью, так это нас, людей!

— Ого. — Именно так, без восклицательного знака на конце, с небольшой даже усталостью и полуулыбкой, адресованной юной прелестнице, которую вижу только я, с осуждением качающей головой. — Так ведь и подумать можно чего лишнего после таких слов, сэр Жеткич.

— Вы на что намекаете, сударь? — Его губы превратились в поджатую белую нить. — Вы в чем-то меня изволите подозревать?

— Пока только в непонятной любви к водоплавающим, но был бы не против, если бы вы изволили, достопочтимый сэр, задрать рубашку. — Нет, конечно, это не он, но позлить законопослушного гражданина, это мы завсегда.

— Ну что ж, пожалуйста! — Он с легкостью скинул свою мантию и рубашку, показывая свой довольно-таки приличный торс с неплохо развитой мускулатурой. Естественно, ни о какой чешуе речи ни шло, впрочем, это было бы слишком просто, увы, судьба не так милостива ко мне. Хоть некие потусторонние силы и пытаются намекнуть об обратном.

— Довольны, барон? — Он, похоже, вновь взял свои эмоции под контроль, так как голос стал спокойным и с расстановочкой. — Теперь вы готовы без дурачеств и глупых амбиций выслушать меня, вашего волей судьбы защитника?

— Всегда, пожалуйста, я весь внимание! — Жестом указываю на соседнее кресло.

— Не нужно только смеяться, барон, но ваше кладбище в Касприве ограбили. — Он накинул рубашку, присаживаясь по моему приглашению.

— Что украли? — Естественно, вскидываю бровь. — Оградку?

Памятник? Чьего-то дедушку?

— Скажите откровенно, сударь, вас предыдущий защитник порол ремнем? — Он устало потер лицо ладонями. — Вы просто невыносимы подчас.

— Ну что значит порол? — Расплываюсь в улыбке. — В воспитательных целях, исключительно ума ради, проводился пару раз процесс установки контакта с моим сознанием через нижние седалищные полушария моего организма. Как же меня пороть-то? Я же тут вроде хозяин.

— Седалищные полушария... — Он помотал головой из стороны в сторону, видимо пытаясь осмыслить витиеватость моих слов. — Значит, так. Буду пороть без всяких там процессов и прочей хренотени, если и дальше будешь мне мозги пудрить! Имею, между прочим, полное право, согласно вердикту короны!

— Лишь бы на пользу, — кивнул я ему.

— Так вот, кладбище ограблено, с него скачали всю некротику, весь энергетический заряд распада материи. — Он нравоучительно воздел палец. — Это не шутки! Как я понимаю, вы не касались этого аспекта силы со своим учителем, так как подобные грани расставляют уже на последних курсах академии, но могу вас заверить, подобное действие может выполнить лишь маг тонкой специфики, причем не последний в своем деле, а название подобным специалистам некромант!

— Жуть какая. — Черт, не получилось поставить восклицательный знак, хорошо хоть не зевнул.

— Вы понимаете, что такое некромант? — Он даже подался от удивления назад, не находя, видимо, должной его представлению эмоциональности с моей стороны. — Это квинтэссенция зла! Это тьма и разрушение!

— Угу. — Я представил себе тьму и разрушение, что, наверно, сейчас в соседней комнате вяжет мне шарфик. — Прямо жуть жуткая.

— Юноша, вы или не понимаете всей глубины, или не владеете вопросом. — Он покачал головой. — По сравнению с тем, что может выпустить в этот мир некромант, все навки, вместе взятые, могут показаться вам детским лепетом! Земля утонет в крови и погани, что пройдет чумой, не оставляя ничего и никого в живых!

— И навок тоже? — попробовать намекнуть я.

— Сударь. — Он испуганно заозирался. — Если это очередной финт вашей мести, советую вам одуматься! Я еще могу закрыть глаза скрепя сердце на наличие в вашем обществе вампирши, но за некроманта я лично

вас сопровожу на костер, причем не только благодаря указу короны, но и из личных принципов!

— Понимаю. — Нет, намекать не стоит.

— Остановитесь, барон. — Он поднялся, собираясь уходить. — Месть еще никого до добра не доводила.

— Ну что, тьма, трепещешь? — Встретил я бабулю, вновь вошедшую ко мне после ухода Жеткича. — Чувствуешь уже, как праведная длань света сомкнулась вокруг тебя?

— Ой, иди ты знаешь куда? — Фыркнула Хенгельман, берясь за чайные принадлежности. — Тебе бы все шутки шутить, ты лучше скажи, как в твоем больном сознании смогла зародиться идея оголить зад половине населения города?

— Хех, классный праздник вышел, правда? — Я искренне рассмеялся.

Да уж, на удивление народ вошел в раж! Понравилось им представление, хоть и опять обо мне всякие слушки пошли, ну да бог с ними. Вон, какой размах набрал! Хоть и значилось в моем указе до захода солнца искать полубовника водяной королевны, но пьяные мужики в чем мать родила, считай еще половину следующего дня, под дружный хохот ходили по улицам, демонстрируя и предоставляя для сверки свои стручки и горошинки. Чем иной раз доводили местных дам до красноты или хохота, в зависимости от постановки и серьезности вопроса, ну вы сами понимаете, копье у пьяного воителя не того, затуплено, скажем так. Ну да конечно, не все так радужно, кто-то пил-гулял, кто-то веселился, ну а у кого-то по-прежнему был траур. Река по-прежнему несла угрозу и по-прежнему представляла нешуточную опасность для мирных жителей.

— Как там наши песики? Добрались? — Я благодарно кивнул старушке, протянувшей мне кружку чая. — Когда представление начнется?

— Да поди уже. — Она по-прежнему звенела блюдами у подноса. — Десмос разговаривал со своими, они уже прибыли на место, под вечер выпустят гончих.

— Хорошо, с Семьдесят Третьим я уже переговорил, завтра пришлет толковых стрелков для инструктажа по стрелам, обещал лучших из лучших, мол, белку в глаз бьют на бегу. — Я сделал пару глотков терпкой заварной горечи. — Что бы теперь предпринять для поимки нашего господина неуловимого мага?

— Ну для начала, наверно, давай включим голову и попробуем его просчитать. — Она с кружечкой присела рядом. — Что мы знаем о нем? Мужчина, весь в татуировке, где-то должна быть еще маска, плюс маг должен, даже не так, обязан иметь с собой какой-то багаж, пусть и в

минимале, рабочих инструментов. Прибыл недавно, скорей всего нелюдим, но при всем при этом должен крутиться рядом с тобой, чтобы хоть как-то предугадывать твои действия, возможно даже подталкивать тебя к тем или иным поступкам.

— Кроме тебя и Жеткича, никто ко мне так близко в окружение не входит из новых людей, — покачал я головой. — Вряд ли искать стоит в такой тесной близости, попробую людей по стройкам прошерстить, если где и есть текучка, где и набирают новеньких, то только там, опять же как вариант, господин диверсант мог получить этим доступ к устройству дамбы и свободный подход к ней.

— Возможно, ты прав, — кивнула она. — Что нам еще о нем известно? Имя есть?

— Нет. — Отставляю опустевшую кружечку. — Признаться, даже легенду эту с трудом отыскал в библиотеке старика, не такая уж она и знаменитая, эта история жива лишь в определенных рыбацких деревеньках на юге, не более.

— Есть название местности? — Она тоже отставила свою кружечку. — Может, нам удастся отследить их путь? Может, были какие-то прецеденты, столь же неприятные, на их пути?

— Наверняка и не один, — кивнул я. — Ба, ты вон тот тубус не раскатаешь по столу? Это карта, думаю, можно попробовать отследить их примерный путь по водным артериям.

Мы какое-то время молча изучали оставленное пособие по географии госпожи Шель. Не шедевр, конечно, картографии, местами даже белые пятна есть с надписями «тут живут монстры», но вполне рабочий инструмент для общего понимания.

— Что скажешь? — Она постучала пальцем по листу бумаги.

— Вот она отправная точка. — Я показал пальцем. — Граница Финора и Карпенты, графство Рангоу, вот на этом мысе, согласно книге, случилась любовь. Дальше отмечаем королевство Карпенты и идем по западному побережью вот досюда. Если верить художнику, взявшемуся за этот труд, вот это разветвление и эта река пошире, тут даже какие-то островки на реке показаны.

— Да, вижу и даже знаю, — хмыкнула она. — Немна широкая река, идет, вот смотри, до самой столицы, беря начало где-то в горах Нуга, по молодости мы с Апри любили, пока учились в академии, кататься на прогулочных корабликах по ней, там даже неплохие плавучие рестораны были когда-то. Знаешь, молодые матросики такая вещь, пальчики оближешь.

— Так, спокойно, бабуля, — прервал я поток ее воспоминаний. — Матросиков потом будем готовить, под кисло-сладким соусом, сейчас давай рыбные блюда в меню посмотрим.

— Посмотрю я на тебя, когда твой хвостик, наконец, завиляет, и оживет юноша, — хмыкнула она, возвращаясь к карте. — По уму, наверно, стоит предположить, что раз наш маг проходил обучение в академии, то и его красотуля должна была где-то рядышком чешуей сверкать. Вот тут смотри, какое чудесное озеро, и совсем недалеко от столицы. Тут какие-то елки-палки торчат, видать, не сильно обжитое место, а вот с этой стороны аж три города, и бьюсь об заклад, не с одной рыболовной артелью в своем ведении.

— Согласен. Что дальше думаешь? — покивал я.

— Дальше, раз мы в конечной точке имеем север и тебя вместе с ним в придачу, думаю, было бы ошибкой проходить горные пороги на хвостах. — Она вновь повела палец по карте. — Значит, либо вот здесь свернули на восток по речке Пас, либо же дошли сюда и по западной стороне пустились в путь по притоку Нардели.

— Наверно, все же не Пас. — С сомнением покачал я головой. — Тут по всему руслу под пять десятков городов натыкано, даже если убрать половину из них, отмотав время назад, считаю слишком много для русалок. А вот Нардели, да, похоже. Русло немаленькое, города, если и есть, то с неплохим промежутком, плюс, смотри вот тут и тут, нечто похожее на солидные заводы, может, озера.

— Да, вижу. К тому же вот с этой воды можно уже попасть в твою Быструю, — хмыкнула она.

— Да-да, все верно. — Я посмотрел на нее. — Есть возможность по каким-то знакомым поспрашивать, что да как? Может быть, кто-то что-то вспомнит?

— Ну, здесь у столицы есть с кем пообщаться, а вот дальше никого. — Она грустно улыбнулась. — Нам бы сеть защитников активировать, они густо по землям сидят, да и реагируют на вопросы куда как ответственной.

— Ну да, с этим беда. — Я обернулся на закрытую дверь, за которой скрылся Жеткич. — Хотя и попробую спросить, он хоть по виду и имеет в одном месте осиновый кол на два локтя длиной, но думаю, уж в такой мелочи, как сбор информации, не откажет.

— Хорошо бы. — Кивнула она. — Пока, значит, ждем и молчим в тряпочку?

— Думаю, большего мы пока не сделаем. — Я потер переносицу. — Разве что еще материала тебе подбросить. Ты скажи, ба, из водоплавающей

нечисти у тебя есть что в запасе? Тела навок собирать? Можно из них сострять какое-нибудь блюдо?

— Ой. — Она сморщила нос. — С водяными бьяками у меня плохо, они, конечно, есть и в не меньшем количестве, чем сухопутных, только вот я только кракена, пожалуй, смогла бы изобразить, и то небольшого.

— Серьезная зверушка? — с интересом повернулся я к ней.

— Слизь, сопли, щупальца и мертвая вода. — Она покачала головой. — Я как-то в бассейне наблюдала подобную гадость. Практически не транспортабелен, студенистая тушка со щупальцами, лежит на дне и либо спит, либо жрет, чем особенно неприятен, это тем, что отравляет вокруг себя воду. Нижние слои водоема вокруг него становятся вязкими, насколько я помню, он это специально делает, так как в чистой воде начинает разлагаться, так что в проточных частях нежелательно выпускать, вода будет постоянно меняться, и он сам помрет в скором времени.

— Ну а пруд загадит так, что уже никто в нем жить не сможет и тем более по доброй воле не сунется, — подвел я итог своим умозаключением.

— Ну да, черная вонючая вода и берег, усыпанный костями. — Она устало потерла глаза. — Думаю, такой радости тебе не нужно.

— А крылатых гадов, ба, можешь? — Ну а что? Раз с флотом не вышло, так может с авиацией подфартит?

— Могу. — Она расплылась в улыбке. — Только вот, милоч, откуда такие амбиции? Ты вообще представляешь, что и кого просишь?

— Я тебя умоляю. — Я замахал на нее руками. — Давай хоть ты избавишь меня от этих глупостей и закатывания глаз под лоб.

— Ну, как знаешь. — Она погладила меня по голове. — Чего бы ты хотел? Гарпию, мантикору, стаю гигантских нетопырей?

— Книгу, — улыбнулся я. — Дай посмотреть, что есть.

— Ишь ты, хитрец. — Она хлопнула меня по шее. — Я тебе, значит, книгу дам, а ты мне взамен целую кучу неприятностей?

— Ба! — Я попытался изобразить обиженную гордость. — Никаких экспериментов, ты же меня знаешь!

— Вот именно, сынок, я тебя знаю! — Поджала она губы. — И ничего ты от меня не получишь!

* * *

Ну, было бы сказано, а там я получше некоторых некромантов и мертвого, что называется, уговорю. Конечно, Хенгельман сдалась и

выделила литературу из своих запасников, в частности парочку томов бестиариев и хорошую вводную по тонким плетениям некротических потоков. Не хотела, упиралась, но дала. А для меня это стало как свет в конце тоннеля. Оперировать чистой энергией, как прежде, я не мог, а вот тонкие паутинки, маленькие бисеринки темной энергии — это мы пожалуйста. Обратная сторона медали, так сказать, если магия льесальфов строилась на упорядочении движения бытия, можно даже сказать, упорядочении хаоса, то господа дьесальфы брали в основу силу энтропии. То есть разрушения материи, ее распад, осадок, некое эфемерное послесловие уходящих в небытие.

Все гораздо сложнее, вроде бы трудоемкость возрастает, и между тем проще. Почему? Ну как вам сказать, здесь больше думаешь, больше готовишься, собираешь материал, но в конечном итоге меньше отдаешься физико-энергетически. Ты не тратишь свой магический потенциал, ты собираешь то, что разлито вокруг тебя, то, что уже никто не может подобрать и никому не нужно.

Понятное дело, что беда тут возникает с накопителями. Если простой маг вполне без последствий может держать на себе определенный энергетический заряд, то некроманту используемый им вид энергии крайне не рекомендовалось приближать близко к телу. Чревато и весьма, можно в считанные мгновения превратиться из цветущего зайца-попрыгайца в увядшую черепашку, вернее в прокисший черепаший суп. Так как материя в лице плоти будет студенистой слизью опадать с твоих костей. Вот такая она, энтропия, бессердечная сука, не прощает своим приверженцам халатности и разгильдяйства.

Вводный томик я читал уже по четвертому кругу, причем первые два раза читал от корки до корки, не смыкая глаз и днем и ночью, за что получил пару раз нагоняй от бабули, за неоправданный подрыв своего здоровья.

Ну да в пользу дела. Мой личный ювелир привык к неожиданным и весьма специфическим заказам, потому исполнил мой каприз в виде маленького серебряного перстенька на мизинчик с вкраплением топаза буквально за день. Морока стала с зарядкой этого невзрачного амулетика, так как кладбище в городе опустело, а соваться к простому деревенскому человеку не хотелось из-за непосредственной близости погостов у крестьян к деревням. Потому послесмертие пришлось изображать буквально на коленке, а именно перстенок отправился на скотобойню, что, конечно, пусть и в небольших объемах, но все равно потихоньку наполняло резервуар моей будущей мощи. Тут надо сказать, через пару дней пришлось

идти на хитрость, так как крутиться постоянно на скотобойне было мне как барону не комильфо. Тот же ювелир изготовил мне уже совместно с кузнецом комплект из двух десятков ножей. Исполненных в лучших традициях черного жречества, темных эльфов с привязкой на мое колечко, разве что металл был не черным, на него тупо во всем баронстве уже некротики не хватало, зато с неимоверным радиусом действия. Я мог со своим колечком хоть в космос лететь, пока жертвенные ножи режут живую плоть, лишая жизни земных тварей, я никогда не останусь без своей капельки темной энергии. Удобно, действительно удобно, даже Хенгельман похвалила мою изворотливость, правда заявив, что ничто не ново под луной, и подобные схемы уже сто раз опробованы и используются дъесальфами не одно столетие.

Ну да она не знает моего размаха, а уж руки у меня загребушие, это точно. Что по сути из себя представляют жертвенные ножи? Правильно, один из векторов амулета, где схематично выстроена привязка, построен канал передачи и маленький накопитель-сборник. Ну а по виду все это выглядело как вязь, небольшой узорчик из композитно свитых проволочек разных металлов, которые очень даже удобно и легко можно было помещать в рукоятки тех или иных режуще-убивающих инструментов. Конечно, подобная простота вела к потерям энергии, увы, не все можно было собрать до капельки, ну да мне и не нужно. Главное начать хоть что-то собирать, кое-что со скотобоев, а вот кое-что и помощней можно хапнуть. К примеру, поместить подобные привязки в мечи моих гвардейцев и легионеров. Ну в самом деле, почему бы и нет? Все равно никому больше не нужно.

Тут, наверно, стоит все же сказать, что это не значит, что я собираюсь, так сказать, окончательно перевернуться на другую сторону силы. Нет, не собираюсь, ибо как уже говорилось — чревато, причем не только страшно за свою тушку, но еще и специфика оборотной стороны темной магии такова, что тот регулятор потоков, которым меня наградила Дако в ходе инициализации в маги, впоследствии мог переключиться только в одну плоскость, закрыв мне навсегда путь к большой энергии.

Да вот так оно обычно и происходит с некромантами, обычные маги начинают работать с некротикой, а потом хлоп и все, ты так и продолжаешь с ней работать, навсегда отрезанный уже от силы движения материи.

Не хотелось бы, нет, не хотелось. Был бы вариант и в дальнейшем использовать и тот поток и этот, то да, я бы влез в эти дебри, а так мне все же ближе движение материи, хотя кто его знает, как жизнь в дальнейшем сложится. Пока лишь буду ходить по грани, пусть это и опасно, но наука

есть наука. Впрочем, все равно боязно, не суй нос, куда не следует, может быть, его и не прищемит. Это было интересно, особенно рассматривая и читая бестиарии по некромантии. Тут было на что посмотреть, военный автопром темных эльфов впечатлял, чего тут только не было! Смертоносность и неуязвимость некоторых тварей реально пугала. Даже страшно представить, что творилось в этом мире, когда эльфы разворачивали в стародавние времена друг против друга свои армии. Я даже не берусь прогнозировать, что бы случилось, столкнись, допустим, мощь дьесальфов с мощью современной человеческой армии моего мира. Тут все, прямо скажем, было бы под вопросом. У нас бронированные танки, у них бронированные шипохвосты, чей панцирь не пробивали тараны и огненные шары магов. У нас крейсера, у них морские кракены, что способны переламывать своими щупальцами суда пополам. У нас истребители, у них твари небесные, не уступающие подчас как в скорости, так и в маневренности в небе.

Да и по поводу твари в небе, кое-что пролистав, я определился быстро, чем несказанно озадачил старушку, так как, по ее словам, за подобную тварь на меня будут охотиться не только рыцари из ордена бестиаров, но и скорей всего льесальфы с дьесальфами, которые несказанно расстроятся из-за нарушения патента и их прав на исключительное пользование подобного летного агрегата.

Драконида, именно так в самом конце толстого томика по возрастанию и сложности производства значился заказываемый мною объект. Ух, что за тварь! Иссиня черная чешуя, маленькая такая гладь угольных ромбиков, просто глыбы, а не мышцы, жгутов свиваемой плоти, костяной гребень белой кости, плоская морда варана, с рядной установкой, как у акул, челюстей, с чередой бритвенно-острых клыков. Мощь и сила, мощь безразмерная, быстрота и маневренность. Причем, как и гончие, не лишена своего магического обаяния. Тварюшки создавались когда-то давно в противовес союзникам льесальфов драконам, а так как практически для любой темной твари огонь смертелен, то драконида получили в подарок, ни много ни мало, способность генерировать силовые разряды электротока, такие своего рода молнии, что весьма существенно могут поумерить прыть любого противника. Для маскировки же, как и гончие, использовали морок не то тумана не то облака, но все это, увы, создавало другую проблему.

— Ну и где мне прикажешь еще один узел мага брать? — Бабуля разглядывала картинку животного, в которую я тыкнул пальцем. — У тебя что, еще маги мертвые где-то валяются?

— Не-а. — Уныло покачал я головой. — Думал, может, что-то еще от

старых осталось.

— Ничегошеньки от старых не осталось! — Старушка нахмурила брови. — Я даже свои личные запасы наполовину опустошила! Извини, сынок, но на подобную вещицу у нас материала никак уже не наберется.

— Тут написано, можно трансмут произвести еще живого мага. — Опять я потыкал в картинку пальчиком.

— И где ты мне предлагаешь живого мага поймать, с проблемами в голове, благодаря которым он в трезвом уме и твердой памяти согласится на подобную метоморфозу? — Она даже рассмеялась. — Редкостным кретином надо быть, чтобы на подобное согласиться, милоч.

Повисла неловкая пауза.

Очень неловкая.

А потом прилетела тяжелая оплеуха.

— Даже думать об этом не смей! — Бух, следом еще одна оплеуха. — Ты совсем, что ли, из ума выжил?! Никогда и не при каких обстоятельствах!

— Ну, ба! — Я закрывался руками от ее тумачков. — Там же все ясно и четко написано, никаких последствий для мага! Просто приобретает возможность принимать форму дракоши!

— Я тебя сейчас прибую и скажу, что так и было! — Она с широко раскрытыми глазами развела руки в стороны. — Нет, ну как я сразу не догадалась, что есть на свете король идиотов, и он у меня под боком?!

— Ну, бабуль, — принялся я заискиваться тихим голоском перед ней. — Ничего же страшного, тут написано, что многие дъесальфы имеют по две, а то и три различных ипостаси, в конце концов, ты сама видела у меня оборотней, милые девчата, вполне трезвые в уме.

— Да иди ты знаешь куда? — От возмущения она притопнула ногой. — Я с живыми не работаю! Ты вообще представляешь себе, как это сложно? Да милипусичка в расхождении векторов убьет тебя, меня и пол-округи, разнеся тут все к такой-то матери на кусочки!

— Ну мы посчитаем все...

— Я тебе сейчас кочергой из камина все ребра посчитаю, если не успокоишься! — Для наглядности она даже пару шажков в направлении озаглавленного предмета сделала. — Чтобы даже думать мне об этом не смел!

— Но...

— Нет!

— Я...

— Нет!

— Вот если бы...

— Нет!

— А...

— Нет! Нет! Нет! Нет! Нет! — Замотала она из стороны в сторону головой. — И еще тысячу раз нет!

Мы замолчали, буравя друг дружку взглядами. Ну, в самом деле, что ей жалко, что ли? Ну, подумаешь, риск, так ведь и она не только вчера мир увидела, сама же профессионал экстра-класса, я когда смотрел за ее действиями в работе, просто восхищался ее знаниями и мастерством. И вообще, не надо преувеличивать, я уже примерно представлял общую структуру действия, не зря азы некромантии зубрил, да и кое-что из общей магии тут участвует. Вообще дикая смесь энергетики и структур, так как меняется не то чтобы биология, а свивается каркас, образ новой структуры, материальной основы для невиданной мощи этого стремительного тела.

С простыми оборотнями оно как? Условная форма А использует уже имеющийся материал, перетекая и уже исходя из первых габаритов и возможностей в форму Б. Здесь же первоначальная форма ну никак не набирает указанной в ипостаси массы, разве что я перед этим лихо умудрюсь проглотить минимум двух коров разом, вместе с рогами, копытами и частью забора, которую прихвачу для верности с соседского огорода. Так уж устроен наш мир, что из большего всегда можно сделать меньшее, а вот уже из меньшего приумножить объем практически непосильная задача.

Практически.

— Я ведь могу и сам попробовать, — с прищуром и угрозой произнес я.

— А я могу и голову отвернуть тебе, сопляк, за такие слова, буквально щелчком пальцев, так что ты даже и не заметишь, — с прищуром и такой же маленькой угрозой ответила она. — Еще есть варианты?

— Ну пожалуй-у-у-уйста! — завыл я, пытаюсь выдавить хоть миллиграмм слезинки.

— Нет! И поймаю за приготовлениями, месяц будешь лежать на спине, так задницу выдеру розгами, даже дуть на нее больно будет! — Она гневно бросилась к дверям. — Стоп!

Быстро вернувшись назад, она сграбастала свои книги, после чего опять пошла к дверям.

— Это явно не для твоего больного ума книги! — Хлопнув дверью, она оставила меня наедине с собой и девушкой-видением.

— А ты что скажешь, подруга? — Я подмигнул призраку. — Рискнем?

Ну да рискнем, не рискнем, все равно без Хенгельман мне с этим делом не справиться. Так что я, недолго думая, в ожидании вестей и действий со стороны противника, стал вновь загружать себя повседневной работой, чтобы не маяться бездельем. Я чуть ли не за месяц впервые увидел свою жену. Нона была в ударе, власть явно была ее стезей и призванием, здесь она была вне конкуренции. Моя дорогая баронесса не сидела, опустив руки, еще подготовленный зимой совместно проект по реорганизации городской стражи в полицию претворялся ею в жизнь семимильными шагами. Она сама себе пощады не давала, да и другим спуску не было. Еще бы, ведь масштабы у нее солидные, как и запросы, так как родной Когдейр ею не забывался, и как здесь, так и там, шел прогресс обустройства, реформы налоговой базы, военной машины, экономики и необычайно оживленного в этом году товарооборота между двумя землями. Естественно, она не сама все тащила на своих плечах, тут огромная заслуга также ее управляющей Нимноу и моего Энтеми. Впервые в этом году Когдейр отменил оброк, переходя по уже отработанной мною тут схеме на денежный налог. Раздутая мощь военной базы Ноны сокращалась, причем экономия денег в этой статье все равно шла на военку, так как господа пикты по-прежнему были под боком, и никакие бы договоры ими не воспринимались, если бы не реальная возможность отхватить за это по первое число. Но это далеко не все, тут такое дело, приходилось восстанавливать все золотые прииски, что кто-то порушил, пройдясь войной в тех местах.

Кто-то.

Этому кому-то пришлось даже немножко денежки из своего кармана отдать за эту разруху, чтобы ускорить процесс заживления после военной кампании данного региона. А куда деваться? Жадничать не стоит, так как чем быстрее вновь наладится золотоносный прииск, тем быстрее и масштабней пойдет общее экономическое оздоровление обоих баронств. Тут ведь какое дело, при всей своей прогрессивности хитропопости и непередаваемого обаяния, я в лице Рингмара и рядом не стоял с богатством госпожи Когдейр, хоть формально это как бы узаконено и мое.

Ну да и без этой большой политики дел по горло. Уже полтора месяца шло строительство проекта Большой Брат, хотя мертвого чуть ли не целиком, по причине моей немогущности. По-прежнему строился форпост на месте Дальней, где в этом году наконец-то начнется обучение рейнджеров под тем же знаменем легиона. В самом Касприве все еще стучали молотки, ввозился камень, шла стройка, без учета даже моей головной резиденции, где я замахнулся на невиданное. Да, проект под кодовым названием Новый

Нойшвантайн, или, как он будет здесь называться, Лебединый, вытягивал у меня монету со скоростью пылесоса, хоть я и планировал подобные растраты, хоть и создавал резервы, влезал в долги, а все равно масштабность стройки, сами материалы, доставка и работа в итоге стали подстегивать рост общей конечной затрачиваемой суммы. Ну что тут скажешь, плохой из меня экономист, не умею строить долгосрочные прогнозы с учетом возрастания цен в зависимости от предполагаемого спроса. А что вы хотели? Когда я считал материалы, была одна цена, а как поставщики прознали о таком долгосрочном строительстве, так решили повысить ее, деваться-то мне теперь некуда, не бросать же из-за этого все, позабыв про свои мечты, а торгаши, естественно, знают, что у других мне покупать еще накладней, потому и спекулируют на этом. Хоть садись и плачь. М-да уж. Тут ведь и радость скорая получалась немного смазанной. Следующей весной я уже буду выпускать в мир первую партию своего виски, на котором красивой вязью стояло название: «Сэр Дако. Рингмарский виски». Да, этой этикеткой я хотел отвесить благодарственный поклон старику, а получилось, что отдаю последнюю почесть. Ну да, как говорили в моей прошлой жизни: «Вздروгнем».

Моя тележка с креслом на колесиках моталась от объекта к объекту, неся мою вроде бы даже поправляющуюся тушку от одного объекта к другому, где я проводил какое-то время с объездом и осмотром того или иного производства. А еще я наконец смог дать отмашку на запуск банковской сети. Возможно, немного с запозданием, так как три небольших каменных здания, в Касприве, в Речной и Дальней, уже явно не успеют построить к зиме. Да, это будут здания банка, в каждом из которых под заказными камерами и толстыми дверями будут храниться приличные деньги для оборота. В Когдейре, кстати сказать, пришлось заказать не три, а семь подобных зданий из-за большей протяженности и большего числа крупных поселений. Вроде бы сиди, жди, ан нет, тут ведь нужно отработать курьерскую охрану караванов, патрули на дорогах за столько лет, наконец, организовать, а не как до этого было в стихийном порядке облав. Мол, пришла весть — разбойнички шалят, причем весть как минимум от трех или пяти караванщиков, тогда и едет в то место стража, и не факт, что кто-то находит, а постоянная круглосуточная патрульная служба, разъезды, охранные стоянки, где бы купцы могли стать на ночлег. Тут ведь какое дело, вроде бы всем известны эти поляночки удобные для ночевки, а толку ноль. Никто даже не почешется, кроме меня, я-то знаю, что придорожный трактир это не только денежка в мой карман, но и поток информации в мои уши, если там поставить верного человека. Ну до этого еще далеко, пока

лишь охрана, денег еще и на эти стройки пока нет. Хотя просто иметь в виду, как дальнейший шаг в развитии, вполне резонно, ну или выдать кому-то ссуду на постройку, это было бы вообще идеально. Ну да мечты, мечты... Мечтать, как говорится, не вредно. Даже полезно. Причем весьма, я наконец-то смог построить первый в этом мире паровой котел. Заметьте, исключительно в мирных целях! Раньше замок хоть и имел водяное отопление, но на растопку чана уходила чуть ли не целая роща, которую приходилось за зиму вырубать на дрова, теперь же все стало гораздо проще, я даже горячую воду в краны провел! А все благодаря чему? Правильно, моей дур-машине из куска трубы и бабушкиных линз, она по-прежнему кочегарила напропалую, не останавливаясь ни на секундочку, и было бы настоящим преступлением не использовать ее по полной. Что я и сделал, заключив раскаленную трубу в водяную полость котла, который теперь круглосуточно гнал горячую воду по трубам. Но сами понимаете, нам всегда хочется большего, вот я и засел на досуге над проектом паровой машины, правда пока не смог определиться, то ли это будет колесный тарантас, то ли организовать все это дело на рельсах. А может, пароход? Может, на всякий случай рисую, черчу, описываю и проектирую все подряд, занося мысли на бумагу, мало ли что стрельнет, куда меня кривая выведет на пути моего прогрессорства.

Короче, поживем — увидим, натура я увлекающаяся, если что, дам, как говорится, джазу. Вот даже и темной магией балуюсь, по ночам. Хоть бабулечка и забрала талмуды, голову-то она мне пока не отвинтила, а в ней кое-что сохранилось, плюс мой амулет-накопитель от жертвенных ножей, что день ото дня набирал в себя крупницы мощи.

Думаете, я не попробовал эти крупницы? Еще как попробовал! Первым же делом вынес перегородку между моей спальней и кабинетом, в точности без единого изъяна воссоздав Копье Смерти Аль'Фарамута, какого-то восточного темного мага, имеющего на своем счету солидный капитал из смертельных заклинаний. Я его сразу заметил, практически мой любимый мастер Эббуз, только с темной стороны силы. Хорошо пишет, с расчетами, с выкладками, не человек, а счетная машина, все обсчитал, даже то, что в принципе и нафиг не нужно, зато ему приятно, ученый ведь, маг, не хухры-мухры, вот и копьё его не подарочек. А казус вышел исключительно из-за незнания того, сколько же успело скопиться энергии в кольце, а так я тоже такой, ну в смысле холодный, расчетливый и все-все прямо учитываю, не забывая о мелочах. Кольцо виновато, не я. Правда-правда.

— Ты что тут вообще охренел, что ли, у себя от безделья?! — Бабуля

испуганно заглядывала в образовавшуюся дыру между комнатами и старалась не запачкать обувь в оседавшей медленно на пол то ли пыли, то ли прахе, который образовался после моего удара.

В общем, я и сам немного испугался, ну думал, копьё да копьё, чего там удивительного, а оказалось много чего. Во-первых, в первые секунды прямо в твоих руках формируется из бесновато закрученных вихрей тьмы все в сполохах тусклых голубых молний, реальный такой макет здоровенной зазубренной пики, с острым таким наконечником. Уже в этот момент хочется пищать: «Ой, мамочки!», ну а когда копьё сформировывается, ложась вполне ощутимой тяжестью и лютым замогильным холодом в ладонь, ты уже с сединой на висках. Потому как когда наступает во-вторых, и тьма в твоих руках начинает шипеть, словно рассерженная змея, и истекать тьмой, словно ядом клык гадюки, уже вообще не до шуток, я его сразу же запулил от себя куда подальше, испуганно постукивая челюстью и баюкая занемевшую от холода руку.

— Ты что тут устроил, тудить тебя растудить?! — Бабуля принялась прощупывать у меня пульс и ладонью мерить температуру тела. — Ну, вроде живой... Ты как вообще?

— Вот это жуть! — Я повертел по сторонам головой и, поскрипывая колесиками своего кресла, подъехал к образовавшемуся проему. — Ничего себе! Вот это мощь! Я чуть в штаны не наделал от такой постановки вопроса! Это у вас, у темных, все, что ли, заклинания такие? Если да, то ничего удивительного, что вас так мало, это же смертный страх, а не заклинание, ты только глянь на эффект! Тут ведь даже не физика, похоже! Тут... Тут... Я вообще не пойму, что произошло, такое ощущение, что камень с центральной точки стал распадаться в прах по кругу, буквально опадая пылью!

— Аль'Фарамут? — Бабуля поковыряла ногтем край дыры. — У него все такое, показушник, обязательно визуальные эффекты, наверняка даже звук был?

— Угу. — Я тоже потрогал пальчиком край ровной дырищи.

— Чистое разрушение, полный распад материи. — Бабуля хмыкнула и рассмеялась. — Говорят, он это специально, так как до обморока боялся крови, потому все всегда превращает в тлен и пыль, чтоб без единого намека на кровь.

— Здорово. — По прикидкам, примерно общий диаметр под три метра.

Тут же скользнув в тонкие материи астрала, прикинул общий расход энергии, получалось, практически в ноль ушел весь запас, лишь немного

оставалось, на второй заряд уже явно не наберется.

— Ба, а щиты у вас какие? Можешь научить? — Вопрос и вправду был животрепещущим.

— Щиты у нас обычно состоят из армии неупокоенных и прочих монстров. — Бабуля погрозила мне пальцем. — Темный маг никогда не лезет вперед, не его это место, а вот тебе наука впрок не идет явно.

— Ну хоть маленький щиток! — взмолился я.

— Ну разве что маленький, — рассмеялась она. — Смотри, называется Плащ Теней Аркан Дагора.

У бабули и вправду в мгновение ока сформировался, словно трепещущий плащ, развевающийся на незримом ветру, живой язык непроглядного перекатывающегося мрака.

— Аркан Дагор был полуэльфом. Папа был из дьесальфов, ну а маман из людей. — Бабуля повертелась в разных проекциях, демонстрируя мне этот отрезок из ткани ночи. — Универсальная штука, правда, затратная и требует исключительно на это плетение изготовленный амулет, ну или сразу парочку поддерживающих плетений. Вот гляди на эту пуговку, тут вязь заклинания.

Все-таки, что ни говори, а искусство дьесальфов куда как филигранней и утонченней, все минимизировано, сокрыто и практически совершенно не заметно, если специально не задаваться искать.

— А еще есть что? — Я захлопал ресничками, стараясь этим пронять старушку до глубины души.

— Есть и много, Костяной Щит, Защита Скарабея, Серая Пелена, всего и не упомнить, только тебе-то оно надо? Я вроде бы ясно тебе сказала, что, начав движение по темному пути, назад уже дороги не будет. — Она покачала головой. — Увы, назад уже дороги не будет.

Мы вообще с бабулей много общались на эту тему. Тут ведь уже не за горами академия, что называется, корячится, скоро придется выбирать свою стезю, так сказать, будущую специальность. Хоть они вроде бы и условны, все эти направления, так как общая программа практически для всех одна, лишь с некоторыми общепрофилирующими предметами. Ну понятно, что тем же стихийникам совершенно без разницы, сколько костей в убиваемом ими организме, а господам целителям совершенно без надобности метать, так сказать, гром и молнии. Опять же выслуга лет, долг короне, одно дело потом в каком-нибудь полку у границы сидеть и совершенно другой коленкор, допустим, в столичной клинике прыщи на мордах у аристократов выводить. Мне, пожалуй, как истинному герою в седьмом поколении, естественно, милее будет столичный кабинет, но при

условии, что не удастся откупиться от службы, в чем я не сомневался, так как, еще со времен вступления в права на престол госпожи Кервье, все это накрылось медным тазом. Бабулька королевка сама никого не жалела и деткам своим, видать, наказ дала, чтобы держали всех в ежовых рукавицах. Ну да ладно, живы будем, не помрем.

— У нас проблема, Улич. — В один из вечеров в комнату ко мне вошла Хенгельман. — Пропали гончие вместе с вампирами при них.

— Как пропали? — Я аж подпрыгнул на своем кресле. — Это что за номер? Как может пропасть целая телега, набитая под завязку нежитью?

— Это еще не все. — Бабуля тяжело вздохнула. — Десмос связался с теми, кто был там, они говорят, что теперь действуют согласно указу нового господина. Их перехватил какой-то некромант.

— Вот еще его к нам нелегкая принесла! — Я стукнул кулаком по подлокотнику. — Я не пойму, что за баронство у меня? Не земля, а какой-то прямо проходной двор!

* * *

Двор не двор, а выходило все неприятно. Казалось бы, сколько тех некромантов осталось на душу населения? Два-три, и вот на тебе, какой-то залетный стал ошиваться на моей земле, перехватывая контроль над моими вампирами и моими песиками. Да это вообще уму непостижимо! Да и бабуля хороша, стоит, пожимает плечами, мол, я откуда знала, что так выйдет, мол, своих коллег уже почитай полвека не видела, оттого и контроль над зверушками не ставила замороженный, из-за чего собственно нашу телегу и угнали. Вот что теперь прикажете делать? Звонить в милицию? Але, у меня угнали телегу с кучей вампиров и двумя Гончими Смерти, выезжайте срочно, пока следы не остыли.

Смешно до слез.

— Ладно, впустую не будем воздух сотрясать, давай думу думать, как дальше быть. — Я стал загибать пальцы. — Во-первых, похититель не пойдет со своей находкой к властям, так как сам скорей всего вне закона, верно?

— Ну да, — согласилась она.

— Во-вторых, раз Десмос смог связаться со своими, значит, поганец где-то рядом, а не пустился с награбленным в бега, верно? — Еще один пальчик к кулачку.

— Да. — Вновь кивает она.

— Значит, либо хочет денежку с меня впоследствии поиметь, либо же трудоустроиться. — Я сжимаю всю пятерню разом, подводя итог: — Давай к графу, пусть выделяет проводника, мы с тобой отправляемся в путь-дорожку, поглядеть, что там за специалист угонщик свалился на нашу с тобой голову.

— Прибыю. — Скрипнула Хенгельман зубами, выходя из комнаты.

Ну да, вроде как старалась, душу вкладывала в свое детище, а тут на тебе, кто-то молодой да ранний забирает все плоды трудов твоих, ничего удивительного, что старушка разозлилась.

Уже через пару часов, мы тряслись по дороге на моем «лимузине», запряженном двумя рабочими лошадками. Я с Хенгельман и пятерка бойцов, выделенных Семьдесят Третьим, его удалые робин гуды, с взведенными арбалетами и волшебными стрелами пока в чехлах.

Едем на разборки, залетных на место поставить. Прямо шайка-лейка какая-то, а не светоч культуры и прогрессорства в моем лице. Десмос через своих уже договорился о месте встречи, так что проводник не понадобился. Надо отдать должное наглости супостата, нас он, похоже, не боялся, вполне целенаправленно идя на контакт, что скорей всего приведет к тому, что онный супостат будет отчаянно торговаться, чем, несомненно, меня еще больше разозлит, так как на переговоры с террористами моя душа категорически отказывается идти. Ну да я думаю, бабуля и без меня негодника проучит, так как задета ее профессиональная гордость, коей у нее вагон и маленькая тележка.

— Что там твой наемник? — Бабуля даже в дороге не оставляла идеи связать шарф, мерно постукивая спицами. — Отказался?

— Угу. — Печально кивнул я, так как еще два дня назад получил весточку от Герхарда Доу, вполне любезно отказавшегося от найма.

— Что теперь? — Клац-клац, петелька за петелькой.

— Да ничего. — Пожимаю плечами. — Есть ты, есть стрелы темных эльфов, да и я, если что, на пару выстрелов сгожусь, будем искать, будем воевать, будем душить и душить, пока сами не повылазят.

Да, война идет, причем по донесениям вампиров, по вечерам уже с недельку мои песики выкашивали целые плесы с этими водоплавающими, внося в их ряды колоссальную смуту и потери. Ну да, и в копилочку про запас, кое-что для бабули складывали из покойничков из племени навок, думаю, все же сделать кракена, правда пока в бочке его держать, ну да мало ли как там дальше все сложится. В конце концов, салат из него сделаю, чем не осьминог?

Вот только на большой воде мы по-прежнему ограничивались малой

кровью, причем и с нашей стороны тоже, уж очень тяжело было в местных реалиях бороться с морскими танками о двух клешнях каждый, что выступали в команде противника. Я даже не поленился, выискал их по талмудам бестиариам, животинки назывались раканы, причислялись к полуразумным созданиям, ну и, как положено с моим везением, водились только у меня на севере. Были еще крабы поменьше немного, где-то на югах, дальняя родня этого подвида, ну да их вроде бы осталось еще меньше, чем моих рачков, которых, кстати сказать, уже некоторые книги называли вымершими. Впрочем, думаю, я им помогу добиться справедливости и в конечном счете окончательно распрощаться с этим светом. Правда, пока только это все слова, на деле панцирная бригада разгоняет всю мою армию одним лишь только шевелением усов над водой. Ничего поганцев не берет! Ни арбалет, ни лук, ни копье, можно, конечно, с катапульта попробовать пострелять, только для этого надо соблюсти условие, чтобы эти ползуны-тихоходы стояли по меньшей мере неподвижно, хотя бы минут десять-пятнадцать, дожидаясь, пока мы подкатим агрегат, снарядим его, прицелимся и, возможно даже, с первого раза попадем. Только кто же нам подобное позволит? Сами навки — тьфу и растереть, вся закавыка в раканах, нам даже по сути гарпиды не страшны, если с небольшого отдаления, то всех положим из арбалетов, лишь бы близко не подпустить. Хотя даже сейчас мы уже можем смело говорить о том, что скоро выбьем их всех до единого. Это только на заводи моей бывшей стройки и возле деревни Речной они по-прежнему были в своем праве, а вот где русло сужается, там извините, ребята, вам жизни не будет.

— О чем задумался? — Хенгельман прервалась, окидывая меня взглядом.

— Скоро. — Я поднял взгляд на небо, в котором потихоньку стали появляться приглушенные тона приближающегося вечера. — Скоро мы вновь повстречаемся с нашим магом.

— Думаешь? — Она недобро прищурилась.

— Да, — киваю. — Это сейчас у навок вынужденный перекур, из-за похищения моих песиков. А как вновь дело наладится, тут уже дальше ему не отсидеться, ох, даже не представляю, ба, чем все это обернется, как бы не раскатал он нас с тобой по земле.

— Давай тогда этого субчика к себе возьмем? — Она кивнула куда-то вперед в сторону предполагаемого места randevу с неожиданно свалившимся на наши головы некромантом. — Может, будет толк, все же мозгов хватило перехватить управление гончих, значит, уже не самоучка, кое-что знает в ремесле.

— Посмотрим. — Да, загадывать лучше не стоит.

Мы потихонечку убирали километры дороги, отмеряя пройденный путь по мерно убывающему светилу. Уже больше чем полдня тележка мерно нас подбрасывает на ухабах, поскрипывая ободами колес.

Хорошее это дело — вот так мерно под хоровод мыслей тащить свой зад куда-нибудь, пусть и не вдаль, а хотя бы вон за тот поворот. Располагает, и весьма, к успокоению души и осмыслению общего и целого. Успокоился. Расстроился. Вновь успокоился. Простился и отпустил. Видимо, так надо, так решено свыше и так упал жребий судьбы. Да, близких терять нелегко, но что я и кто я, по сути? Перекати-поле, человек без истории и прошлого, мне старый мир опостылел до зеленых чертиков, а в новом стал ли я кем-то, чем-то, как-то, чтобы характеризовало именно меня и никакой из моих образов? Не барона, не изобретателя, не горе-воителя и даже ученика мага. Не знаю, знаю лишь, что путь мой идет от потери к потере, а в сумме же получается плюс.

Кто сейчас знает и помнит, кто такой был дед Охта? Часто ли я сам вспоминаю заботливые и ласковые, натруженные руки Иши, что не спала по ночам, склоняясь надо мной, видя во мне своего единственного ребенка? Любили ли эти люди меня? Любили. Любил ли этих людей я? Любил. Да именно так и было, невзирая на ложь с моей стороны. Так и со стариком Дако мы уважали друг друга. Я думаю даже, что он больше мне делал снисхождения, чем я того заслуживал, ведь я больше чем уверен, он знал, что я се'ньер. Знал и не спрашивал, знал и молчал, не требуя слов, имея деликатность, возможно даже переступая через здравый смысл и осторожность.

А вот с Тиной мысли ровно не ложатся, тут сумбур. С женщинами всегда у меня сумбур, тяжело понимаемый это субъект мироздания женщина. Вот как с ней было? Стояла, молчала, а потом на тебе ушат холодной воды из мешанины своих чувств. Как она вообще дошла до этого? О чем молчала, о чем думала? Кто теперь скажет? И что теперь я могу сказать? Ничего, как была тайной, так и ушла неразгаданной, легким абрисом, мимолетным видением прочертив короткую полосу в моей судьбе из легкого бархата непонятных сомнений, что мягко лег на мое сердце. Чем я стал для тебя? Не знаю. Кем ты была для меня? Наверно, меньшим чем-то, на что ты рассчитывала.

Телега, натужно заскрипев, обогнула пригорочек, взбираясь вверх и останавливаясь у небольшой неприметной полянки, на границе густо растущего кустарника и невысоких деревьев. А вот и мы приехали, и, похоже, нас ждут. Меня ждет моя «уграбленная» тележка и повесившие

головы вампирчики, которые должны были все это хозяйство сберечь.

— Ну, здрав будь, Уна. — Из-за их спин, покряхтывая, выбралась в первые ряды хитроглазая бабулька. — И тебе не хворать, сестрица!

Мать-перемать! Весь заготовленный накал страстей, все мои громы и молнии ухнули куда-то вниз штанов, прямо здесь и сейчас прошлое вышло ко мне лицом к лицу, с размаху и с оттягом залепив звонкую сухую пощечину по моему лицу, стирая с него всю уверенность, спесь и все эти годы другой жизни. Мне навстречу, мирно шкандыбая, вышла сухонькая старушка-знахарка из деревни Дальняя, что когда-то, кажется, тысячу лет назад, так любезно врачевала мне стертые от лопаты руки.

— Априя? — Я часто-часто заморгал, пытаюсь прогнать это наваждение. — Сестрица?

Туго, со скрипом у меня в голове закрутились шестеренки, сопоставляя общую картину бытия, звено за звеном растягивая цепочку событий.

— Апри... — Я повернулся к обомлевшей Хенгельман. — Ее же сожгли?

— Апри, ты?! — Хенгельман залилась слезами, схватившись за сердце. — Это правда ты?

— Я, Мила, я... — По лицу знахарки также побежали слезы. — Я, моя хорошая, это я...

Какой же я балбесойд! Они же как две капли воды! Такие... сморщенные, маленькие, седоволосые. Ну... одинаковые, как изюмки в булочке. Сухофруктики мои ненаглядные.

Пока я подбирал отпавшую челюсть, бабульки кинулись друг дружке в объятия, рыдая в унисон и причитая в голос.

— Апри!

— Мила!

— Как же ты?

— Как ты, моя хорошая?

— Столько лет...

— Я надеялась и верила...

Уже потом, уже по темноте, под звездами и прохладный воздух ночи я слушал и молчал, не решаясь прервать скрип колес, возвращавших нас обратно, и скрип старческого голоса, тихо так и мерно ведущего свой рассказ о днях минувшей молодости.

Сколько лет? Наверно, лет пятьдесят, а может, и больше назад, разбежались в разные стороны две сестрички Хенгельман. Моя Хенгельман, та, что Мила, в это время отбывала срок в одной из тайных

тюрем ордена бестиаров, постепенно проникаясь идеей сотрудничать с короной, а вот вторая сестричка, та, что Апри, вела бесконечную игру в кошки-мышки. Раз за разом меняя имена и личины, переезжая с места на место и спасаясь от идущих по пятам рыцарей и магов, не в силах найти свое место под этим небом. Ну да куда ей? Это моя бабуля была кроткого нрава, а Апри была заводилой в их компании, их гонором и их совместной спесью. Вновь и вновь она отступала, снова сбегая из-под носа властей, больно при этом огрызаясь и с завидным упорством выскальзывая из их цепких рук. Но как мы знаем, в конце концов, судьба распорядилась остановить ее. На поимку черного некроманта был отправлен сэр Дако, боевой маг и нареченный или приемный брат этой преступницы, который и положил конец ее бесчинствам.

— Что же произошло, Апри? — Мила Хенгельман держала свою сестренку за руку, боясь отпустить хоть на секундочку, чтобы не потерять ее вновь.

— Под Колдерсплеем, — заскрипела Априя, — они настигли меня на старом погосте, где я пыталась подзарядиться некротикой, чтобы хоть немного пополнить резервуары амулетов. Это не так уж далеко отсюда, ох...

Был бой, сильно взялись за нее, без шуточек и разгильдяйства, уж очень она достала власти своим поведением. Три звена бестиаров, маг в усилении, нашли быстро, блокировали, ну да бабулька так просто не далась. Помимо подчиненного гнезда вампиров, на стороне Априи был еще небольшой паноптикум собранных ею собственноручно в ходе непрекращающейся травли существ, машин смерти, слуг, рабов, рук и инструмента некромантов, что дали бой на старом кладбище. Ложась на землю, уже не поднимаясь, защищая своего хозяина и забирая вместе с собой одного за другим охотников за головами.

— Убили всех. — Бабулька поджала губы, погружаясь в свои воспоминания. — Резали, рубили, жгли. Знаешь, Мила, мне никогда, как в ту ночь, не было страшно. Я привыкла ко многому, но когда клинок бестиара прижался к моему горлу, я рыдала и молила о пощаде, готовая вылизывать их сапоги, лишь бы сделать еще один глоток воздуха, лишь бы увидеть хотя бы еще один рассвет.

— Валентин? — Мила Хенгельман успокаивающе погладила свою сестру по голове.

— Да. — Та печально улыбнулась. — Кто еще, кроме него, о нас бы позаботился?

Он убил своих. Тех рыцарей, которых сам и привел на поимку этого

исчадия тьмы. Перевертыш, предатель, сволочь, называйте, как хотите, но старик Дако не сжег той ночью на костре свою сестричку, он сжег в пламени своего дара и своей мощи тех, кто посмел обидеть ее. Тех, кто посмел поднять на нее руку, тех, кто посмел измыслить недоброе в ее сторону.

Замолчали сестрички, обнявшись, молчал и я. Молчало небо, укутанное непроглядностью ночи, и лишь сверчки и колеса телеги нарушали покой. Так как и те и другие спешили, одни крутятся, везли нас домой, а другим вообще было не до чего в этом мире, им бы «оттрещать» свои положенные девяносто дней жизни да отправиться на покой. Вечный покой.

А ты будешь жить. Именно так он сказал тогда своей сестричке. Уедешь на север, заберешься в самую глухомань и никогда оттуда не выйдешь, никогда больше не видеть тебе ни сестру, ни меня, иначе быть беде. Иначе погибнешь не только сама, но и с собой заберешь на тот свет тех, кого любишь, и кто любит тебя. Вот такая история, вот такая, она жизнь. Долгая и счастливая. Вдали от любимых, ради любимых, вопреки всем, кто сказал быть тебе покойницей.

Да уж, дает пищу для размышлений, наше житие. Вот оно, какое лицо было у старика, вот так узнаешь о нем, о них об этих людях большее, чем даже измыслить мог. И каково же мое мнение? Фух, ребята, не возьмусь судить, не по моим плечам подобная задачка. Кто прав? Кто виноват? Все и всюду, в кого ни плюнь, носители своей правды, мерятели своей морали и своих принципов. Флюгер, скажете? Возможно, я успел приобрести по жизни такое качество души, как цинизм, и прекрасно понимаю, что мера весов у каждого своя, как говорил наш главврач кому-то: для счастья достаточно лампочку себе в зад ввернуть, а кто-то вновь и вновь выпрыгивает из самолета, забыв проверить, как сложен его парашют. Каждому свое, единственное, что могу сказать, что свой крест надо нести с высоко поднятой головой, ибо иначе какая же это правда? Так, баловство одно, как лампочка в одном месте.

* * *

Нет, ну это реально тяжело. Просто невыносимо. Две бабушки вокруг одного внука — это как если вас привязать между двух машин за руки и за ноги и разъехаться в разные стороны. А у меня, я вам скажу, не бабушки, а огонь! Обе дипломированные целители и каждая со своей отравой. Ой, то

есть отварой, отваром в общем. Настоечки, выжимки, сеансы терапии и правка энергопотоков, все это, конечно, несказанно радовало мое бренное тело, заставляя возвращаться к жизни, но вот угнетало мой разум до невозможности.

Вы только представьте, что вас заставляют спать по ночам, кушать три раза в день, обязательно с супчиком. Постоянно моют, причесывают, дают лекарства, дергают за щечку, в общем, всячески отравляют вам жизнь до полного опупения. И это кого? Меня!

Это как в американских церквях антихристы седьмого дня, или кто они там, с песнями и плясками лупят ладошками по лбу немощным, с криком: «Встань и иди!», и те в конце концов встают и бегут, так как иначе забьют демоны до смерти.

В общем, выбора у меня особого не было, как просить помощи у сэра Жеткича, чтобы он вроде как взял шефство надо мной и хотя бы пару часов в день занимался теоретической магией, так сказать, давая азы искусства и науки, а на деле спасая меня от такой объемной и всепожирающей любви.

— Ну что, юноша? — Он помог мне, подкатив мое кресло к небольшому столику в своих апартаментах. — Чем сегодня займемся, пока ваши персональные сиделки готовят вам очередную порцию лекарств?

Друзьями мы, конечно, навряд ли с ним когда-нибудь станем, но уж по крайней мере уважение друг к дружке стоит проявлять. К тому же он небезынтересен и, как и я, имеет весьма похвальное хобби, а именно рыбалка. Причем если я использую свое увлечение как некую медитативную практику, помогающую мне, как в песне звучало: строить и жить, то господин Жеткич свою жизнь посвящает хобби, а не наоборот. Человек не просто предан подводному миру, он его изучает, понимает и весьма осведомлен в этом вопросе. Этаким ихтиолог окружающей действительности. Кстати, весьма полезные знания удалось почерпнуть от него, в частности ряд сетей и форм неводов для моей артели из крестьян Речной. Я то по простоте душевной все это авоськой считал, не заходя своими знаниями дальше ряжи усиления и карманов, в то время как Арнольд повидал немало и, что главное, поделился этим.

Вообще, несмотря на свой юный вид, человек он был начитанный, грамотный и владел многими аспектами знаний. Его апартаменты были заполнены различными трудами, привезенными им, множеством экспонатов различных тварей, небольшой химической лабораторией, вполне, хочу вам сказать, на уровне, не говоря уже о приборах, амулетах и прочей атрибутике от искусства магии.

Я, правда, не стал заострять внимание, но наш правозащитник не смог

скрыть кое-что и запретное, что имел у себя в коллекции. Впрочем, не заострил я внимание лишь потому, что и сам недавно разжился подобным экспонатом, а именно кракеном. Да-да, самым что ни на есть исчадием черной некромантии, этакий студенистый спрут, состоящий из зубастой пасти, ядовитой слизи, сотни копошащихся щупалец. Хочу вам сказать, совсем не безобидная тварюшка. Своего я поместил в стеклянную амфору-резервуар, специально отлитую под эти нужды, вода в которой уже через пару часов была темней и непроглядней чернил. Звал я своего питомца Хомяк, так как новый жилец и мой питомец обладал скверной привычкой что-нибудь хватать и прятать у себя в аквариуме. То еще зрелище, вытянет свои «хваталы», пошарит по комнате и к себе в норку тащит, причем ведь нет в нем голода как такового, чистое любопытство ну и может, какое-то природное чувство жадности, что ли. И да, что самое удивительное, Хомячок совершенно не агрессивный получился, нет, мяско он трескал будь здоров, даже, со слов Милы Хенгельман, пару кошек отловил и схрумкал, не говоря уже о том, что мышей в подвале с крысами излавливал от скуки. Зато детей любит. Ой, вы не подумайте чего дурного, я ему детей не скармливал, это просто «бабульки-тарахтульки» оплошали, чисто по инерции трепались языками, совершенно позабыв про то, что за Априей хвостиком приклеилась моя Пестик — Ви. Девочка справедливо расценила, что от нее что-то скрывают, потому тенью и ходила помалкивая за Априей, в которой с ходу признала свою учительницу по травничеству, ну и забрела вместе со старушками в подвал покормить Хомячка.

Радости было — не передать. Девчонка просто влюбилась в Хомачку, как она теперь его ласково называла, и теперь каждый день бегала поухаживать за другом, то водички ему долить, то покормить, то разный мусор из аквариума, натащенный «хомячком», поубирать.

— Тварь сия необычайно злобна, коварна и опасна. — Жеткич держал свой экспонат в глиняном кувшине, куда я как-то сунул свой нос, по которому чуть и не схлопотал увесистым щупальцем. — Я ее лет десять назад отловил в болотах халифата Альбинбей, вернее даже не его персонально.

Сэр Жеткич специальной палкой стал колотить выползшие руки осьминога, загоняя его обратно в свою обитель. За что получил тут же черную струю чернил кракена, обдавшего своего хозяина черной водой с ног до головы.

— Заказ был, халиф награду выдавал тому, кто болотное чудище истребит, что перекрыло ему путь в джунгли, где он вырубку железного дерева вел. — Маг умело загонял разошедшегося кракена обратно в

кувшин. — Проклятые черные маги создали эту гадину, ну или дьесальфы из своего питомника упустили, теперь уж не узнать, а вот местные племена эту дрянь выпустили в судоходное русло, там такая история вообще дурная вышла с этими местными жителями.

— Что же там такого произошло? Вы, кстати, весь в чернилах перепачкались, — поддержал я его рассказ вопросом, постаравшись откатиться как можно дальше от разбушевавшегося создания, нечаянно разбуженного мной.

— Не страшно, эта чернота только при намокании видна, как подсохнет, обесцветится, — улыбнулся он.

— Ну а история... ерунда по сути. Видите ли, местным племенам не нравилось, что халиф объявил их своими подданными и вел вырубку их лесов, в которых они вроде как себя считали полноценными хозяевами. Ну чистые дикари и варвары, халиф он ведь кто? Правильно, королек местный, а они кто? Да никто и звать их никак, бегают по куширям голозадые даже срамоту свою не прикрывают. Ни тебе денег, ни тебе городов, одни деревушки, сплошное безобразие, даже скотину никакую не держат, все охотой и собирательством себе добывают. Бунтуют только, в солдат из кустов разной гадостью кидаются, подчиниться не хотят, даже этой кракозябре поклонялись, как речному богу, который призван был великим шаманом, чтобы защитить их от злых людей, закованных в металл. Ну да на радость этим племенам мудрый халиф не поскупился мощной, звонко оплатив работу мага, который изведет нечисть.

— Ты только представь себе, — вещал Арнольд, загнав наконец буяна на место. — Плыву я на лодочке, жарница, а вода все темней и темней вокруг становится, и запах этот странный.

Да тут надо сказать, кракен пах и весьма, ну я бы не сказал, что как-то отвратно, нет, скорей надоедающе и резко. Знаете, такая смесь вроде как подгорелых кофейных зерен с такой кислинкой, что дают сушеные грибы в аромате. В общем, не каждому по вкусу придется.

— Кругом тишина, и даже птиц не слышать, а такого в тех южных плавнях просто быть не может. — Он отставил в сторонку свой шест-колотушку, устало облокотившись на стенку и рассматривая вместилище со своим заключенным. — Сам, естественно, плыву, местных хоть батогамии лупи, не в жизнь не согласятся туда соваться, мол, речной бог покарает, а мне ведь интересно, мало ли что это такое, может, вид какой неизвестный. И тут в самой черни в непроглядном омуте все как забурлит, вспенится и десятки во-о-от такенных (он развел руки), не то что сейчас, щупалец на меня поперло!

В общем, как оказалось, для мага ничего страшного, лишь повозиться пришлось, уж больно большим и злобным вырос кракен. Стандарт Десты не подпускал и вполне на уровне держал монстра в отдалении, а вот летящие лезвия Эббуза секли монстра, разрезая его плоть словно нож масло. Тварь быстро смекнула, что в этот раз из охотника превратилась в жертву и постаралась тупо залечь на дно, скрываясь под многометровой водной толщей. Ну да наивная простота, кто же ей это позволит? Уж точно не Жеткич, который тупо спроецировал кольцо Прая на дне реки, вздымая сонм всклубившегося пара от кипящей и пылающей жаром стихии. В общем, долго ли, коротко, но измордовал он кракена, не шибко расположенного, даже в своей водной стихии, к передвижению. Ну а когда стал отрубленные щупальца сжигать, разбросанные по берегу реки, одну извивающуюся лапку решил себе оставить, так сказать на память, из которой впоследствии и развился новый кракен, правда уже в уменьшенном объеме и ограниченном пространстве.

— Вижу, не с пустыми руками вы ко мне пожаловали. — Жеткич присел напротив меня, с интересом рассматривая мой презент.

Эх, давненько я не брал в руки шашку, шутка. Дело в том, что я уже давно хотел ввести в обиход этого мира такую, пусть вроде бы и мелочь, но приятственную моему сердцу игру, как шахматы. Нет, я, конечно, не гроссмейстер, и даже постеснялся в детстве на разряд сдать, но вот с дедом в свое время рубился, что называется, не на жизнь, а на смерть. В наши дни шахматы как-то незаслуженно отошли на второй план, уступая куда более интеллектуальным играм вроде «зумы» или швыряния пингвина на длинные дистанции, но мне как-то удалось через года и десятилетия, даже на свеженький смартфон, всегда заносить этот древний батл для ума. Почему с компьютером играл последние дни своей жизни? Ну... Тут, наверно, все же моя вина, прямо как в том старинном анекдоте, когда жена спрашивает у мужа: Ты чего это перестал с соседом играть? — Тот, который муж, задумчиво глядя в окошко, говорит: А ты бы стала играть с человеком, который все время мухлюет, подзуживает партнера, а проиграв, устраивает истерику? — Та, взмахнув руками: Нет, конечно, не стала бы! — Тот, который муж, потирая переносицу: Вот и он перестал.

Да, не люблю проигрывать, прямо расстраиваюсь от этого, причем в карты там или компьютерные игры совершенно, что называется, «монописуально» воспринимаю победы и поражения, а здесь прямо вскипаю. Могу даже внезапно доску захлопнуть, прихватив любопытный нос противника, за что быстро и растерял своих оппонентов. Благо здесь, я надеюсь, у меня серьезных противников пока не предвидится, ну да и с

совсем не разумными играть ведь не интересно.

— Занятно. — Сэр Жеткич еще раз оглядел доску после моих объяснений правил игры. — Давайте попробуем, никогда ни о чем подобном еще не слышал. Откуда, вы говорите, знаете эту игру?

— Из книг. — Ишь ты, какой хитрован, ненавязчиво так вопросыки вбрасывает. — Говорят, старинная игра, придуманная где-то в халифатах.

— Похоже на правду. — Он кивнул. — Иначе бы фигурку слона заменили, на какого-нибудь быка или медведя. Так можно? Я правильно двигаюсь?

— Конечно, можно! — Ну, ребята, не надо снисходительно хмыкать, так называемый детский «мат», я сам от деда в свое время не раз получал.

— Все, что ли? — После минутной паузы и разглядывания доски спросил он.

— Ну да, вы — покойник. — И вот так красиво домиком бровь и снисходительную улыбочку.

— Занятно. — А лицо-то каменное, чуть ли не желваки на скулах бегают. — Еще?

— Конечно, сэр! — Помогаю вновь расставлять фигурки.

Мы вновь и вновь расставляли фигурки, а я с неприязнью стал замечать, что с каждым разом партия все продолжительней и опасней. Мой оппонент рос прямо на глазах, огрызаясь не на шутку.

Хорошие денечки наступили, если не считать кровопролития, что повсеместно наполнило мои земли. Прямо сказочные деньки. Я в шахматы играю, бабки меня на пару откачивают, возвращая к жизни, народ гибнет, навки получают по полной. Даже не знаю, как все это описать. Впервые себя почувствовал на вершине пирамиды. Я вроде как знамя, вроде как решаю и при всем этом могу прекратить все это, либо же ухудшить ситуацию во сто крат. Чья это война? Из-за чего гибнут мои люди? Остыл, наверно, остыл. Простил? Нет. Не могу, правда не могу, пробовал, осмысливал, но не в силах простить гибель близких и разорвать этот порочный круг. А хочется, порой реально хочется быть выше своих страстей, отстраниться и вроде как наблюдать за собой со стороны, поступая всегда верно и правильно. Но — увы.

— Пей это, это, это и это. — Бабушка Априя вечером принесла мне ряд пузырьков с травяными настоями. — Ну и пока морщишься, кривляешься и проклинаешь меня в душе, рассказывай-ка, родненький, правду сестричкам.

В комнату вошла Мила Хенгельман со своим уже арсеналом полезностей, дожидаясь очереди, чтобы влить и свою толику заботы в

меня.

— Ульрих-Уно. — Мила покачала головой. — Ты полон сюрпризов, очень интересно послушать будет.

Интересно? Ну что ж, так, значит, так. Слушайте историю мальчика, который однажды открыл глаза в дремучем лесу в забытой богом деревеньке. Слушайте, бабульки, скрывать не стану. Врать не буду, по крайней мере, вам и сейчас, здесь и сейчас я лишь познакомлю двух бабушек с двумя мальчиками. Не больше, пока не больше, кое с кем другим вам знакомиться, пожалуй, еще рановато. Да, наверно, еще рановато.

— Значит, ты не ты. — Мила сидела, слушая и постукивая спицами.

— Мало того что он не он, так он и сейчас, скорей всего, не тот, за кого себя выдает. — Хмыкнула Априя, заканчивая свои оздоровительные процедуры надо мной. — Ты только глянь на него и то, что вокруг него творится.

— Се'ньер. — Покивала Мила. — Как пить дать, душа чужая. Что молчишь, глазищами посверкиваешь своими? Ничего больше не хочешь рассказать?

— Глупости болтаете, сами не понимаете, что говорите. — Ну а что им прикажете, правду рассказать? Кто его знает, может, и стоило бы довериться, правда, страшновато. Они, конечно, и сами не ангелы, и самим есть что скрывать и чего опасаться, только вот мой секрет это мой секрет, пусть уж лучше сидят, гадают. — Заладили — се'ньер, се'ньер. Нет никакого се'ньера, нет больше мальчика Уна. Запомните, есть только барон Рингмар, и на этом закончим.

— С такими делами и заботами, как бы и барона в скором времени не стало. — Поджала губы Мила, принимая от сестрицы эстафету по оздоровлению меня любимого. — Не могу понять, что я, что покойный Валентин, теперь еще Жеткич и Апри, мы влили в тебя столько сил и стараний, что можно было бы целый полк умертвий с того света поднять на ноги, а ты словно губка все впитываешь и впитываешь, но оставаясь по-прежнему чуть ли не при смерти.

— Вот и я заметила, — всполошилась Априя. — Я ему вчера почти половину себя слила, а он к утру уже пустой был и сидел, кашлял, да в миске кашу баламутил, жрать ничего не хотел.

— Да вы меня закармлили уже, — буркнул я.

— Было бы что кормить. — Покачали они на пару головами. — Ты посмотри на себя, кожа да кости. Ты словно таешь на глазах.

— Тебя словно вампир пьет, — подала голос Мила.

— Или призрак, — подняла вверх палец Априя.

— Не может быть... — Мила Хенгельман чуть ли не подлетела ко мне, хватая за грудки. — Она же ушла, она точно должна была уйти! Ульрих, ты ничего мне не хочешь рассказать?!

— Эм-м-м... — Признаться, я опешил от такого напора. — По идее, вы же некроманты, должны были почувствовать, если бы было что неладно, или я не прав?

— Ты издеваешься? — Мила округлила глаза. — Это же призрак, его так просто не почувствуешь, а этот вообще природный, его создал не мастер темной силы, его создала сама смерть!

— Стоп, о чем вы? — Априя недоуменно переводила взгляд с меня на сестрицу, так как не была еще в курсе моих зимних приключений.

Все еще недобро косясь на меня, Мила принялась повествовать о причинах, приведших к тому жалкому состоянию, в котором я сейчас пребывал. Послушать было небезынтересно, скажу я вам, стороннего рассказчика, не самым лучшим образом характеризующего твои действия. Так сказать, мотай на ус и уж в следующий раз не оплошай.

— Мила, ты меня поражаешь! — Априя вскинула руки. — Как можно было не проверить все перед отъездом? Ты же профессионал!

— А я проверила! — Топнула ногой от досады ее сестренка. — Не надо считать меня дурой! Я еще кое-что соображаю в своем деле!

— Призыв Ахнабелла? — Прищурилась Априя.

— Да! — С вызовом поглядела на нее Мила.

— Иней Аруба?

— Да!

— Сеть Анкарского Паука?

— Естественно!

— Прах Дофанара?

— Обижаешь, сестричка!

— И что, ничего не показало? — Теперь была очередь Априи удивленно глядеть на сестру.

— Ничегошеньки! — Победно вскинула бровь Мила. — Весь замок обошла, ничего нет, ни единой квинтэссенции некротической материи.

— Что же его тогда жрет? — Бабульки вперились в меня взглядом, словно удавы на кролика.

— Ты ничего не хочешь бабушкам рассказать, милок? — подала голос Мила Хенгельман. — Ты случайно ничего не прикарманил, маленький поганец, из вещей покойной?

— Ну почему сразу поганец? — Мне даже неловко стало, и я почувствовал, что заливаюсь краской. — И вообще вы некроманты, это

ваша работа.

— Родной мой. — От холода тона Априи температура словно и вправду на пару градусов понизилась в комнате. — Больной должен говорить лекарю, где и что у него болит, если он ходит, корчится и молчит, лекарь не может знать, от чего он там кривляется.

— Ну, тогда, наверно, на нее мне стоит жаловаться. — Я кивнул в сторону пустого, по их мнению, угла, где испуганно глядела на меня Адель.

— Она здесь?! — хором заорали бабки, хватаясь за головы.

— Ну, она всегда здесь. — Виновато пожал я плечами.

— Да что бы тебя... и... на... в ..!

— Ты что?.. Совсем ..? или... на всю голову?!

Хор бабушек разразился несказанной бранью, сумбурным взмахом рук под сопровождением испуганного хлопанья моих глаз. Нет, ну а я откуда мог знать? Я вообще думал, что у меня галлюцинации из-за ослабленного здоровья и полученной ментальной травмы.

— В жизни не встречала подобного!

— Век проживи, а второго такого... ни за что больше не встретишь!

Что тут началось, словами не передать, бабки, костеря меня на чем свет стоит, носились по комнате, каждая выбегала ненадолго прочь, возвращалась назад, неся на плечах мешок за мешком какого-то хлама, не забывая вновь и вновь упомянуть мою безалаберность и еще кое-какие мои качества, которые честно-честно мне совершенно не присущи.

— Раковина слизня Патрабельда есть? — всполошилась Априя. — У меня только черные перлицы ручейника, боюсь, не хватит.

— Есть-есть, ты лучше скажи, мертвой травы запас имеется? — Мила копошилась в своих мешочках. — Хорошо бы Тропу Падших отсыпать, а то кто его знает, как естественный призрак себя поведет.

— Никто не знает. — Согласно закивала ее сестричка, также распаковывая свои вещи. — Надо бы, наверно, Большую Печать Костяного Дракона поставить.

— Надо-то надо, только где же нам столько крови найти? — Покивала вторая бабулька. — Улич, трупы навок нужны, сколько осталось? Как думаешь, Апри, подойдут их печень и аорта?

— Да кто бы знал? Что тут нет больше, что ли, нормальных человеческих покойников? — Насупилась она. — Что за замок? Что за барон? Эй, малец, покойников надо организовать, прикажи солдатом слуг рубить и сюда стаскивать.

— Вы что там совсем, что ли, опупели? — Я аж подскочил на своей кровати от подобного поворота событий.

— Хе-хе! Ты смотри, как всполошился! — закаркали старые разбойницы. — Да шутит бабушка, не бойсь, и так справимся.

Что ни говори, а есть что-то завораживающее в некромантии. Кое-как скособочившись на постели, с широко раскрытыми глазами наблюдал за действиями двух черных магов. В принципе действие уже не было для меня печатью за семью замками, кое-что я уже если и не понимал полностью, то по крайней мере угадывал общий функционал и предназначение некоторых малых узлов и соединений. Все повторялось, принцип некромантии: делай все не своими руками, иначе руки отвалятся. Весь энергопоток предстояло, как и с Гончими, пропускать через амулет пентаграмму, вернее в данном конкретном случае эскиз, или чертеж, первоначального начертания больше походил на концентрически расходящиеся круги с вкраплением узоров и вязи.

Сестрички взялись лихо и споро за дело, практически не переговариваясь, лишь в некоторых местах вступали в дискуссию, освежая друг у друга в памяти отдельные моменты. Это внушало уважение и пробуждало неподдельный интерес. Ну и само собой некоторое беспокойство.

— Эй, сестренки! — Я окликнул бабуль, прерывая их. — Не знаю важно это или нет, но Адель весьма недовольна!

Призрак девушки метался по комнате с непонятной смесью страха, паники и наполнял пространство перед моим взором какой-то суетой. Временами мне даже казалось, что легкий ветерок касался моего лица, когда она проплывала вблизи меня.

— Что? — Априя с прищуром осматривала комнату.

— Что она делает? — Мила Хенгельман подошла ко мне, касаясь рукой лба.

— Она что-то пытается сделать с амулетом. — Я указал рукой на рисунок, что высыпали и вычерчивали на полу старушки.

— Что именно?! — в один голос выкрикнули они, тут же кинувшись к своим кругам.

— Вон тот узел. — Я с трудом попытался повернуться, чтобы удобнее было показывать. — Нет, не здесь, вон тот малый замкнутый контур в правом верхнем углу.

— Вот шельма! — выругалась Априя. — Замкнула наш переход на Цепь Рафата!

— Здесь тоже, Апри, — подала голос Мила. — Стерт переход с Луча Смерти на Око Тьмы.

— Да кто она такая?! — всплеснула руками Априя. — Где вы

раздобыли такую жуть?

— Это ты не у меня спрашивай. — Мила, упав на колени, вновь отсыпала какой-то невидимый мне с моего ложа узел. — Это он ее откуда-то припер!

— Не виноватая я, он сам ко мне пришел! — на автомате выдал я.

— Что еще? Говори, Улич, — повернулась ко мне Априя.

— Вон там от стены, где угол на привязку планет, — услужливо тыкнул я пальцем, похваставшись кое-какими своими знаниями. — И вот здесь у ног, где соединяете потоки на вон ту петлю сбора.

— Да что же это такое-то? — Мила упала в кресло, безвольно опустив руки. — Я о таком даже не слышала!

— Пожалуй, и никто во всем белом свете о таком не слышал. — Рядышком присоседилась ее сестра. — Даже дъесальфы относились к естественным призракам как к вымыслу, легенде. Я просто не знаю, что и сказать.

— А я знаю! — Серdito топнула ногой Мила, подскакивая со своего места. — Она должна была уйти, так как привязка ее на того юношу исчезла! Значит, мы должны найти ее новый якорь в этом мире! Пусть не думает, что сможет нам спутать все! Ульрих, немедленно сознавайся, что у тебя от той девки осталось! Ведь знала же, старая, что за тобой нужен глаз да глаз!

— Там. — Я, устало прикрыв веки, откинулся на подушки, не желая видеть молящий взгляд девушки. — В нижнем ящике стола, за папками лежит шкатулка. Там.

Ох и взгляд у нее. Не могу, прямо душу чертовка рвет на куски. Ладно бы сторонней была, ладно бы не знал, не видел, но я там был, был в тот день и тот час, когда эту молодую, по сути еще не знавшую жизни девчушку заживо замуровали в камень. Ни за что. Просто потому что судьба и непокорность сыграли свою глупую роль.

Лишь бы не кричала.

Бабушки извлекли из стола обитую серебром шкатулку, доставая из нее тонкой замысловатой вязи красивый дамский браслет.

— Ага! — Априя даже хлопнула в ладоши.

— Ну-да, ну-да, — хмыкнула Мила. — Вот же она точка невозврата, вот она жемчужинка смертельной тьмы.

— А ну-ка если вот так сделать. — Априя сплела незримую паутинку заклинания, набрасывая на браслет. — Что скажешь, Улич?

Ей больно. Проклятие, ей больно! Я широко открытыми глазами смотрел на помутневший контур девушки, отчаянно заламывающей руки и

раскрывающей рот в беззвучном крике.

Лишь бы не кричала.

Как тогда, когда ее тащили с мешком на голове к той проклятой стене. Господи, что же так херово-то на душе?! Что я вообще такое говорю? Лишь бы не кричала? Именно так про себя в тот день просил ее эту девочку ее горе-возлюбленный, наблюдая за ее последними минутами?

— Прекратите, — не столько сказал, сколько простонал я. — Немедленно перестаньте!

— Что? — Заморгала Априя. — Она тебя мучает?

— Вот зараза! — Мила тут же сплела свое заклинание, набрасывая его на браслет, от чего контур Адель стал едва-едва проглядывать.

— Перестали немедленно! — Превозмогая чудовищную слабость и боль, еле-еле поднявшись на локтях, одной рукой подхватил со стола миску с каким-то настоем, запуская ей в старушек. — Немедленно сняли свои заклинания!

— Ты с ума сошел? — Миска не долетела, но вот содержимое пошло хорошо, обдавая старушек с ног до головы.

— Ты что не понимаешь, что она убивает тебя? — Априя вытирала лицо подолом юбки.

— Да она рано или поздно высосет тебя до дна, мальчишка! — Мила Хенгельман сурово свела брови. — Это не игрушки, Ульрих, это сама смерть, не вздумай обмануться ее смазливый видом, это убийца!

— Перестали обе. — Я устало рухнул в постель. — Не трогайте ее, хватит ей уже, наумиралась на тысячу лет вперед.

— Ты точно сумасшедший! — оторопело пролепетала Априя.

— Это же всего лишь призрак, Ульрих, не дури! — Мила подошла ко мне, поглаживая по голове и пытаясь успокоить. — Она уже давно мертва, у нее нет ни эмоций, ни чувств, она это сгусток энергии для поддержания недожизни, которой требуется постоянная подпитка. Причем, дорогой, этот сгусток некротической энергии выбрал тебя, твою жизнь, для своей подпитки, она словно клещ, словно вампир, высасывает твою энергию, в конце концов, оставив от тебя лишь жалкую оболочку, холодный труп.

— Я понимаю, — с трудом вытолкнул из себя я слова. — Но все равно не трогайте ее.

— Не пойму. — Априя упрямо замотала головой. — Может быть, она как-то влияет на его сознание? Вроде болотных мороков?

— Да нет, похоже, он вполне в сознании и отдает себе отчет. — Мила проверяла пульс и сердцебиение, а также тонизировала меня малой толикой своей силы и рядом заклинаний.

— Но мы же не можем оставить на тебе этого паразита?! — рассердилась Априя. — Ты уж, малец, извини, но эту гадину опасно просто для людей оставлять в живых. Сегодня она тебя втихомолку прикончит, а завтра другого, а послезавтра может и масштаб вырасти, тут сложно что-то прогнозировать, здесь можно лишь с полной уверенностью заявлять о том, что она смертельно опасна для всех живых на этом свете.

— Понимаю. — От действий Милы мне и вправду стало легче. — Вот. Стянув с мизинца маленькое серебряное колечко с черной бусинкой топаза посередине, протягиваю его сестричкам.

— Я читал, что жрецы дьесальфов могли привязывать некротических слуг, в том числе и призраков на подобные амулеты для охраны своей силы. — В одном из томов бабули даже напрямую рекомендовалось ставить стража на свое хранилище, чтобы защитить его от чужих посягательств. — Я знаю, что вы сможете, имея на руках привязку к нашему миру призрака, заключить его в этот амулет, где он будет получать свой необходимый заряд, выполняя волю хозяина и не причиняя ему вред.

— Ульрих, это актуально для призванных тобою лично слуг, для тех, кого ты сам создавал, в которых сам своими руками вкладывал команды, и барьеры, через которые слуга не сможет навредить хозяину. — Мила задумчиво крутила в пальцах мой амулетик. — Тут другой случай.

— Вот именно. — Покивала ее словам Априя. — Здесь и сейчас с этой субстанцией вообще невозможно предсказать, что получится. Поверь нашему опыту, это не тот зверь, которого можно приручить, этот зверь опасен для того, кто его хочет погладить.

— Попробуйте. — Я склонил голову набок, встречаясь со взглядом той, кого нет. — Попробуйте, мои хорошие, иначе хоть самому в петлю лезь.

* * *

«Спасибо».

Стояла глубокая ночь, бабушки, намучившись со мной и своей магией, давно удалились по своим комнатам и оставили меня вроде как спящего, с маленьким, но заметно потяжелевшим колечком на пальце.

Теперь она со мной. Адель, милая черноволосая девочка, порхающая, словно птичка, из стороны в сторону по комнате.

«Не за что».

Я слышу ее, я говорю с ней, я знаю теперь, что она не выдумка и не

бред больного воображения, она здесь и сейчас, она здесь, она говорит мне «спасибо» и улыбается. Она жива, кто бы что ни говорил, но она жива, я чувствую это, я верю.

«Почему ты вновь спас меня?»

Шебутная птичка замерла надо мной, развевающимися крыльями, на незримом и неосязаемом ветру из мешанины белого платья и черноты длинных волн ее пышных волос. А глаза-то какие! Словно омуты, если долго смотреть, можно утонуть в них.

«Вновь?»

Черт меня подери, да ради такой улыбки не жалко и умереть! Нет, не правы бабушки, это не программа, это не сумбурный сгусток какой-то энергии, ни в жизнь не поверю, что что-то или кто-то сможет симитировать подобное.

«Я помню тебя, после страшного холода и всепожирающей жажды ты единственный, кто не бежал от меня. Ты слушал меня, ты слышал меня. Не как остальные, нет, те лишь бежали прочь!»

Ну, милая, немудрено было при прежнем твоём виде и в штаны надеть, если что. Да уж сейчас она куда милее прежнего образа с ликом смерти, что уничтожала и преследовала своих жертв.

«Я была словно скована этой жаждой, мне хотелось лишь одного — насытиться жизнью тех, кто сделал это со мной, и узнать, наконец, у НЕГО, за что он так поступил со мной».

Да уж. Узнала. Узнали мы с тобой правду, девочка, на свою голову. Ни дать ни взять, не прибавить, не отнять. Все узнали, все до самой сокровенной минуты встало перед нами, мы прожили тот день по памяти твоего возлюбленного. Я был там. Я был в тот день с тобой.

«Теперь ты свободна».

Ой ли? Как там сказали бабушки? Бери свой амулет и своего клеща и предупреди паразитку, что если еще раз начнет пить тебя, рассыплется в прах в мгновение ока. Да уж бабули поработали, постарались на славу, максимально связывая эту дикую мощь самопроизвольной силы на моем амулете. Хотя, судя по их кислым физиономиям, они и вправду не уверены в том, что смогли сделать все на совесть.

«Спасибо».

«Пожалуйста».

Всегда пожалуйста, девочка, попробуй эту жизнь на вкус вновь, попробуй радоваться солнцу и звездам, а главное улыбайся, несмотря ни на что, несмотря на то, что с тобой произошло. Попробуй. Может быть, получится.

«Прости, что пила твою жизнь».

«Прощаю».

Нет, ну а что? Закричать: возвращай мне взад? Понятно, что «пила», понятно, что меня, а кого еще? Даже не знаю, как бы все повернулось, убей она еще кого-то из моих домашних.

«Я старалась сдерживать себя. Ты хороший, я знаю, ты простишь».

«Забудь, лучше скажи, как ты себя чувствуешь сейчас?»

Да, я знатный лекарь призрачных структур, в конце концов вы же помните, что мы в ответе за тех...

«Холод ушел. Я сыта и чувствую, что переполнена энергией. Я на многое способна, благодаря твоему кольцу. Ты только попроси, а уж я попробую не остаться у тебя в долгу».

«Мой друг и подруга погибли из-за одного человека...»

«Твоя война с навками?»

Веер из юбок и волос всколыхнулся, нависая надо мной. Это было так волнительно, пугающе и завораживающе прекрасно, что ею хотелось наслаждаться, снова и снова следя взглядом, не отрывая глаз ни на секундочку.

«Да, именно моя война».

Да, девочка, ты права, это моя вина и это моя война, где я уже потерял больше, чем когда-либо в прошлом.

«Я знаю, кого ты ищешь».

«Ты мне покажешь его?»

Сердце забарабанило в груди, наполняя тело адреналином и заставляя сжиматься кулаки. Вот и все, вот она развязка, *finita la comedia*.

«А ты разве сам еще не понял?»

О господи, я реально ощутил прикосновение ее легкой ладони к моей щеке! Нежно, легко, словно перышко, а не ладонь проскользнула по моей щеке.

«Боюсь, что нет».

Я повернул голову в желании еще раз коснуться ее руки, но она отдернула ее, ласково улыбнувшись мне.

«Кракен, Ульрих, кракен».

При чем здесь он? Ну сидит у меня в подвале, мышей жует да иногда полголовы высовывает, чтобы милашка Ви погладила ему верхние веки, а он от удовольствия пузыри бы пускал...

«Нет, не о том думаешь».

Едрена кочерыжка, подруга, ты что, можешь мои мысли читать?

Словно перезвоном легких китайских ветряных колокольчиков

наполнилась комната при звуке ее смеха. Чистого, нежного и такого волшебного.

«Не важно, Ульрих, это не важно, главное, что ты уже сам знаешь ответ на свой вопрос. Ты ведь уже знаешь, кто этот человек?»

«Думаю, да».

Кракен. А ведь действительно хорошая подсказка. Я знаю. Вот только что мне делать со своим знанием? Да уж, это уже другой вопрос.

«Ты уверен, что поступаешь правильно?»

«Нет, я уверен, что поступаю неправильно, но я обязан поступить так в память о своих друзьях».

Да именно так проще всего оправдать месть, прикрыться памятью, и я это знаю, а также прекрасно понимаю и теперь принимаю этот грех на душу. При всем своем налете цивилизованности, пусть и не всеобъемлющем, но человеколюбии и веры в светлое, я осознанно беру этот камень за пазуху, чтобы пронести его в будущем через всю свою жизнь, зная, что не простил, зная, что не смог стать выше глупых эмоций и не менее глупой ситуации.

«Не грусти, я буду рядом».

«Спасибо».

Я блаженно прикрыл веки, ощущая еле уловимые прикосновения, когда ее руки стали успокаивающе гладить меня по голове, и вправду успокаиваясь внутренне и где-то, может даже, примиряясь с самим собой в душе. И пусть я не святой, но по крайней мере переживать по этому поводу не стану.

А наутро закрутилась карусель забот и дел. Рано, еще при первых лучах солнца я, пошатываясь, самостоятельно смог слезть с осточертевшей до ужаса кровати, водружая себя на свой трон на колесиках. Вот оно сладкое чувство победы и ощущение прилива сил после долгой и затяжной болезни. Ну до полного выздоровления еще, конечно, далеко, два гвардейца спустили меня в главный зал, где я уже, казалось, тысячу лет не бывал, чтобы поприсутствовать на завтраке, на который собрались все домочадцы.

— Улич?! — Мила Хенгельман удивленно вскинула брови. — Тебе и вправду, смотрю, лучше!

— Пивет! — Малышка Ви с разгону залетела на меня, чуть не завалив на пол вместе с коляской. — Покатай мя на колесиках!

— Привет, моя хорошая. — Я чмокнул девочку, поглаживая ее по головке. Вот непоседа!

— Пестик, ну-ка сядь на место и доешь кашу! — Взвились тут же бабушки, перехватывая малявку.

— Не качу-у-у кашу-у-у! — Тут же насупилась Пестик-Ви. — Ее Прапра ест!

Прапра это Прапор, один из парочки лесных братьев енотов, что на правах, если и не полноправных, но уж точно хозяев жили в Лисьем, привезенные мною из леса во время военной кампании против Когдейра.

— Здравствуй, муж, — холодно, но с поцелуем в щечку поприветствовала меня моя жена, что уже стало целой победой в наших с ней отношениях. Да, о любви тут речи не идет, но по крайней мере уважение друг к другу мы проявляем искреннее.

— Улич, ну наконец-то тебе лучше! — Герман облапил меня, похлопывая по спине. — Рад видеть, что тебе уже лучше, того и гляди, скоро на рыбалку махнем!

— А как же, конечно, махнем! — Я тоже с удовольствием пообнимался с ним.

— Долго ты что-то! — Ко мне подошла Деметра. Ух, а девочка-то растет! Какие-то пару лет прибавили ей солидности в разных местах, ну а взглядом эта томноокая барышня никогда не была обделена. — В принципе я знала, что ты не тот человек, которого легко сломать, но даже для тебя что-то долговато ты кис да помирал.

— Иди сюда, всезнайка! — Я улыбнулся и тоже обнял ее, чем, похоже, вогнал ее немного в краску.

Ну что, Ульрих? Жизнь-то не закончилась? Есть, есть еще на свете люди, которые любят тебя и переживают о твоей судьбе. Не один ты на белом свете!

«Как мы себя, оказывается, любим!» — рассмеялась Адель, легким ветерком проносясь по комнате.

«Цыц», — улыбнулся я.

Хорошо, действительно хорошо вот так вот с утра просто позавтракать со своими домашними, болтая о всяких несуразицах и, казалось бы, никчемных мелочах. Как же много на самом деле в этом скрыто, я даже никогда раньше не задумывался об этом. Взять хотя бы простое ребячество с енотами, когда мы, зля бабушек, тайком скармливали вкусности двум мохнатым зверушкам, смешно клянчившим что-то со стола.

— Всем доброе утро! — В зал вошел Жеткич, присаживаясь за стол. — Рад видеть, что вам гораздо лучше, барон!

— И вам не кашлять, — поприветствовал я его колбаской, насаженной на вилочку. — Сегодня просто особенный день.

Я с умным видом погрузился в созерцание и жевание вкусностей на своей тарелке, вроде как подвешивая фразу в воздухе, так как сюрпризом

мое дальнейшее решение станет для всех присутствующих.

— Кхм. Особенный? — Первой не выдержала, к моему удивлению, Мила Хенгельман. — И чем, по твоему мнению, этот день будет отличаться от предыдущих и последующих?

— Как, а я разве вам еще ничего не сказал?! — И так вот удивленно брови вверх, поглядите на меня, саму невинность.

Взгляд окружающих сказал мне о многом, впрочем, больше всех взглядов мне сказал сжатый кулак одной из бабушек, которым она тонко намекнула мне, чтобы я прекратил паясничать.

— Сегодня вы все собираетесь и едете в столицу! — весело и задорно попытался я донести до них радостную весть.

Вот не люблю, не люблю я такие вот немые паузы и искаженные в мыслительном процессе лица окружающих после моих слов. Неловко себя начинаешь как-то чувствовать.

— Ну, одно понятно сразу. — Мила Хенгельман потерла задумчиво переносицу. — Ты стал, как и прежде, нести всякий непонятный бред. Значит, и вправду выздоравливаешь.

— Но почему в столицу? — Деметра оглядела всех присутствующих. — Кто конкретно едет и почему?

— Едешь ты. — Я стал загибать пальцы. — Герман и бабули вместе с Ви. В общем-то, пока все. Госпожа Нона пока отправится с визитом домой в Когдейр.

— А он точно выздоравливает? — Нона уронила вилку, поворачиваясь к Миле. — Госпожа Кервье четко дала понять, что я невыезжая.

— Госпожа Кервье дала понять, что ты невыезжая без согласия на то мужа. — Поднял я вверх палец. — Ну а если муж не против, то почему бы и нет? Ладно-ладно, вижу, вы все удивлены, потому объясню по порядку.

— Так и так на следующий год королевский бал, куда достопочтимая де Кервье строго-настрого велела мне явиться. — Я подлил себе чаю и с любовью принялся намазывать варенье на хлеб свежей выпечки. — Месяц туда, месяц обратно, там еще неизвестно, сколько придется пробыть, смысла уезжать нет, ведь еще через год меня ждет академия.

— И это верно. — Тут же закивал Жеткич. — В принципе ты можешь пропустить первый год набора, твой юный возраст тебе позволяет, только я думаю, не стоит терять время. Кто знает, куда в дальнейшем тебя отправит корона?

— Вот и я про то. — Кивнул я ему с благодарностью. — Пришло время прощаться с этим домом, и возможно надолго. Поэтому я и решил, что вы, мои дорогие, переберетесь в столицу, где будете рядом со мной.

Здесь и сейчас в Рингмаре, что ни говори, небезопасно, какая-никакая, а война, впрочем, надеюсь не надолго. Ну, а что касается госпожи Когдейр-Рингмарской, то вы, Нона, давно рвались к себе домой. Здесь вам особого смысла находиться нет. Здесь и Энтеми прекрасно справится, а вот в ваших землях реформы и порядок стоит начинать проводить побыстрее и более жестко, к тому же, не в пример начала наших отношений, я сейчас куда больше вижу в вас своего помощника и союзника, нежели ранее. Хочу выразить вам свое почтение и уважение, за время, что мы провели здесь с вами вместе, я узнал вас как прекрасного, умного и проницательного человека, на которого могу положиться в своих делах.

Конечно, я говорил не все, заставляя ее смущаться. Управленец из нее и вправду неплохой, особенно теперь, когда я показал ей немного другие правила игры, что, конечно, пусть и помогают, но меж тем и обязывают несущего власть. Нона и вправду неплоха, а главное, не в пример мне, все же не без амбиций, которых во мне явно на порядок меньше. Она любит власть, она живет ею и ей это нравится, в то время как для меня это всего лишь способ облегчить свое существование и выйти за рамки простого смертного в своих желаниях творить что-то новое. Одно только то, как она взялась за полицию, может рассказать о многом.

Госпожа баронесса не просто следила персонально за тем, как набираются люди, как их одевают, как их расставляют по своим местам и обучают новым правилам. Она самолично умудрилась обойти каждого, даже как мне доложили, не поленилась пройтись пару раз с ночным патрулем по улицам. А уж о законодательной базе даже говорить не приходится. Тут уже даже я не в силах с ней тягаться, так как у нее просто какой-то сверхъестественный дар к юриспруденции. За все это время она столько выискала нестыковок, столько перелопатила бумаги и внесла новых поправок и законов, что уже даже я терялся во всем этом документообороте. Честно скажу, умная девочка и пошла по верному курсу, а главное — своевременно. Это просто благо для всего мира, что она не осталась в своем замкнутом мирке из обмана, ненависти и страха, в котором прозябала считай всю свою жизнь. Нона обретала себя рядом со мной, из злобного Нуггета превращаясь постепенно в красивую, а главное умную и при деле женщину. Ну да и нюансы, конечно, есть кое-какие, власть властью, а весь денежный поток она, конечно, в свои руки не получит. По крайней мере, не сейчас и не весь. Энтеми получал от меня финансовый оборот двух земель, так как более детально видел, а также участвовал в создании моего бизнеса. Все суммы, превышающие определенный мною лимит трат, должны согласовываться со мной, ежели

вдруг появятся сверх запланированного бюджета на год. В принципе у меня тут расписана стратегия по старой, так сказать «гасконской», на пятилетку вперед. Ну и плюс очередность новых проектов и софинансирование старой базы.

Хотя у Ноны и своего капитала, думаю, на нововведения будет предостаточно. Я же не варвар какой-то, чтобы все у нее отобрать. Будут у нее свои деньги, а как иначе? Все же честь по чести, это ее золотые рудники и ее земля Когдейр, причем, не в пример моей, богаче. Пусть оттуда и берет, а у меня свой НЗ, так сказать, будет на черный день, опять же с учетом, если я с горем пополам, но запущу наконец-то банковскую линию, что должна обогатить меня, по моим самым скромным прикидкам, просто до заоблачных высот.

— Вы мне льстите. — Улыбнулась она.

— Нисколько. — Вернул я улыбку. — Я со спокойной душой покину стены своего дома, зная, что оставляю его в надежных руках.

— Благодарю. — Кивнула она. — Надеюсь, когда мы вновь увидимся, у меня будет чем порадовать вас, мой муж.

— Нисколько не сомневаюсь, — согласился я.

— А скажи-ка бабушке, милоч, кто и когда выезжает, — с прищуром вклинилась Априя.

— Вот-вот, — поддержала ее сестричка. — Что-то подсказывает мне мое сердечко, не все ты бабушкам рассказываешь.

— Ну... — протянул я. — Вы все сегодня собираетесь, а завтра, думаю, уже и в путь-дорожку двинетесь. Чего ждать-то?

— А ты, родненький, когда поедешь? — Поджала губы Мила.

— Через пару деньков. — Вот противная бабка, ну никак ее не обойти ни с какой стороны. — Напишу пару писем, кое-что подтяну в делах, объясню некоторые вещи сквайру, в общем, передам бразды правления да вас ринусь догонять.

«Адель!»

Я поманил взглядом девушку-призрака, что частично скрылась под столом и наглаживала там млеющих енотов.

«Останови бабушку! Пусть прекратит расспросы!»

«Как?» — Она с любопытством вспорхнула вверх, рассматривая то меня, то Милу Хенгельман.

«Не знаю! За нос ее ущипни там или стул из-под зада убери, но пусть она прекратит!»

В общем, объяснять дальше не понадобилось, как только бабуля вновь открыла рот, ей словно по мановению волшебной палочки туда залетел

пирожок, застопорив ее поток словоизлияний.

Смешно. А главное так быстро, ловко и назидательно, что никто кроме покрасневшей как рак Хенгельман и не заметил. Ан нет, вон сестричка давится от смеха, пряча улыбочку в кулак.

— А как же ваша месть, барон? — Самым конкретным оказался Жеткич, с вниманием рассматривавший меня, слушая каждое мое слово. — Смею ли я надеяться, что она окончена? Вы, наконец, вняли голосу разума и решили прекратить эту кровавую бойню?

— Да. — Я так же внимательно и не без интереса стал разглядывать его. — В этом вы правы, пора заканчивать весь этот балаган. Уж слишком это дело затянулось, пора уже и прекратить.

— Похвально и весьма. — Кивнул он мне.

На том и закончились утренние дебаты. Народ разбежался по комнатам вещи паковать, а я до полудня просидел в кабинете с Энтеми и его женой, которые все это время строчили новые указы и постановления, а также ряд моих пожеланий. Так сказать, передача власти с горем пополам состоялась. Да уж, нелегко теперь придется голубкам, наверняка Нона потянет леди Нимноу обратно, домой в Когдейр, даже не знаю, как они теперь все это улаживать станут, ну да то теперь их дела, мне туда лезть не стоит.

Лишь уже за полдень я в своей телеге смог добраться до Касприва, постучавшись в двери личного дома госпожи Пиксквар и ее возлюбленного мужа, моего капитана Гарича.

— Барон! — У порога меня лично встречала баронесса, добродушно расцеловав мои порозовевшие щеки. — Какая неожиданность! А Гарич в Лисьем, он только вечером будет, я думала, вы вместе, или вы персонально ко мне прибыли?

— Персонально, баронесса, персонально. — Меня сгрузили сопровождающие легионеры стрелки, с которыми я теперь при выходе в свет не расставался. — У меня к вам разговор, или даже не так, просьба.

— Тогда прошу в дом. — Она принялась суетиться, собирая мне стол и подгоняя слуг. Да уж быстро она освоилась, ну или вернее сказать, вспомнила начальственный тон. Надо же, а совсем недавно буквально из лесу в прямом смысле слова вышла.

— Итак, барон, — начала она, когда мы наконец остались одни. — О чем вы хотели меня попросить?

— Мне нужна ваша помощь, баронесса, вернее Пенки и Молочка. — Я смутился, так как, хоть убей, не мог вспомнить настоящих имен ее дочерей. — Но обращаюсь не к ним, а непосредственно к вам, как к матери, ибо дело это щекотливое, а посему ваше одобрение для меня крайне важно.

Вопрос хоть и пустяковый, но не без малой толики опасности. А конкретно мне нужно было, чтобы девчонки на границе моих владений навели, что называется, «шороху», всполошив народ, который по моей задумке должен был пустить слух о страшных оборотнях, что завелись в моих землях.

Зачем? Просто нужно убрать из замка и Касприва защитника, моего многоуважаемого господина Жеткича, для проведения одной щепетильной и опасной операции. Ну в самом деле, не мне же, без пяти минут труп, бегать по лесам выяснять, кто там чудит на границе? Попрошу сэра Арнольда быстренько съездить на место и все разузнать.

— Я не знаю, зачем вам это понадобилось, барон, — задумчиво проговорила она. — Но на помощь нашей семье можете смело рассчитывать. Когда и как долго сестричкам нужно поозорничать на месте?

— Как доберутся, к ним подойдет мой человек. — Я задумчиво побарабанил пальцами по столешнице, еще раз прокручивая вариант связи через вампиров в голове. — Весь смысл, и это вам нужно очень хорошо донести до дочек, чтобы их след простыл к моменту приезда на место мага. Иначе, сами понимаете, их безопасность и их жизни будет угрожать серьезный противник.

— Ну, барон, они, конечно, молоды и сумасбродны. — Улыбнулась она. — Но думаю, не настолько, чтобы затевать игры с магом, к тому же я последую вашему совету и хорошенечко, что называется, накручу хвосты бесовкам, чтобы не смели нарушать наказа.

— Спасибо, баронесса. — Я склонил учтиво голову. — Буду должен.

— Не говорите глупостей, барон, — улыбнулась она. — Это мы перед вами в неоплатном долгу.

На обратном пути, уже при подъезде к Лисьему, я был остановлен бандой пенсионерок с недобрым взглядом, оккупировавших мою телегу.

— Ну что, давай рассказывай. — Милана Хенгельман пристроилась рядышком, успев поправить одеяло на коленях мне и, лизнув ладонь, пригладить пару непослушных кудрей на моей голове. — Почто бабушек усылаешь?

— Или опять пирожками отделаешься? — рассмеялась Априя, чем вогнала в краску сестру.

Разговор вышел непростой, во-первых, потому что и вправду рискованное дело затевалось, ну а во-вторых, из-за нежелания бабушек расставаться. Здесь и сейчас мне нужна будет только Априя, для негласной поддержки, ну и для блокировки гарпид, в то время как Милана должна будет ехать в столицу, чтобы прикрыть, если что, от возможной мести тех

немногих, кто мне дорог. Все могло рухнуть в одно мгновение, все могло пойти не по плану, и тогда ситуация развернется самым печальным образом, из-за чего могут пострадать все мои окружающие, а я и так уже в этом деле потерял многое, больше на кон кроме своей жизни мне ставить нечего.

— Пусть будет так. — Априя обняла сестру за плечи. — За меня не беспокойся, я и так уже, почитай, сколько лет покойница, а вот дети и вправду могут пострадать, потому езжай.

— Пусть с ними Гарич поедет! — не унималась Милана.

— Если мы не одолеем его, — тяжело вздохнул я, — боюсь, Гарич не сможет защитить детей. С ними должна быть ты, просто больше некому, только ты еще худо-бедно сможешь стать щитом, прикрыть их от его гнева.

Следующие три дня я изображал из себя умирающего лебедя, подкатывал глаза, всячески кашлял на близких, стараясь как можно правдоподобней сыграть свою немощь и недуг, что в связи с продолжительной болезнью у меня получалось на ура.

— Сэр Арнольд. — Я лежал в постели, сипло дыша и прикрыв веки. — Мне нужна ваша помощь.

— Что-то серьезное, барон? — Жеткич хмурился, слушая меня и витая где-то в своих мыслях.

— Там на столе, — я дрожащей рукой указал направление, — с севера пришло донесение, на моих людей нападают оборотни.

— Оборотни? — Он не поленился дойти до стола и бегло просмотреть грамоту. — Так-с. Да, вижу, скот режут, народ с наступлением вечера из домов не выпускают.

— Прошу вас, сэр. — Я закашлялся. — Помогите хотя бы от этой напасти отбиться.

— Это далеко? — Он поднял голову вверх, что-то прикидывая для себя.

— Если неспешным ходом, то дня три, не больше. — Я жестом показал ему на кружку с чаем у изголовья. — Не думаю, что у вас это отнимет много времени. Максимум, что вас может задержать, это дорога, а уж обратной разогнать для вас вообще не составит труда.

— Мерзкие твари. — Скривился он. — Подленькие и трусливые, скорей всего убегут еще до моего приезда, если мозгов не лишены. Впрочем, я не вправе вам отказать, мой юный друг, в этом вопросе заключается весь смысл моего статуса и моего долга перед короной. Я всенепременно буду там, причем уже завтра с утра смогу тронуться в путь, так что поправляйтесь и всецело положитесь на меня.

Задерживаться он не стал, уже через пару минут покидая меня, а мне же осталось лишь дожидаться тихой тени, проскользнувшей в комнату бесшумно.

— Выдвигайтесь. — Кивнул я на немой вопрос одного из вампиров. — Глаз с него не спускать, за девочек-волчиц отвечаете головой, и давай ко мне Семьдесят Третьего.

— Завтра, родной, — тихо произнес я при появлении капитана легионеров, — рассылай гонцов, поднимай артель Кемгербальда, завтра спускаем корабли на воду.

— Можем не успеть, барон. — Семьдесят Третий задумчиво нахмурил брови.

— Надо успеть. — Хмыкнул я. — Делай, что хочешь, бей их, угрожай им, на колени становись и моли, но чтобы завтра поутру все три судна были на воде, раз. Мужики из Речной тряслись в телеге в сторону Лисьего, два. Ну и твои бойцы заняли оговоренные позиции, три.

— Разрешите выполнять? — Он вытянулся, озорно блеснув глазами.

— Разрешаю. — Я улыбнулся, смотря за тем, как его мощная спина скрывается за дверью.

* * *

Да уж, задачка не из легких. Если гонцы уже сейчас все полетели по дорогам, то боюсь, все равно минимум день будет потерян. С деревни Речной народ пригоним, думаю, к вечеру, телег и лошадей там на этот случай достаточно, а вот с артелью можем застрять капитально по времени. Дело в том, что они уже без малого три недели, что называется, сушат весла чуть выше заводи перед Речной. Прибыть-то они прибыли, да вот только уже считай прямоком в жерло кипящего вулкана, где смешались в битве мои люди и народ навок.

Люди в артели не мои, но я за них в ответе, ниже по течению их гнать смысла не было, там наши водоплавающие оппоненты крепко держали оборону на большой воде, под прикрытием своих бронированных союзников. Как мне удалось доподлинно узнать, именно раканы потопили в низовьях реки ряд купеческих кораблей, тем самым перекрыв доставку товаров и торговлю на моих землях с рядом партнеров из соседних провинций. Вот я и приказал вытаскивать на отмели суда, во избежание очередной диверсии, которая бы мне перекрыла и северный поток, особенно сейчас, когда это направление в сторону Когдейра является чуть

ли не самым прибыльным и приоритетным для меня. В общем, в этом-то вся и загвоздка, корабли по земле плохо плавают, говорят, грести тяжело, особенно против волны грунта, вздымаемого носовой частью судна. Сам, конечно, грести не пробовал, но здравый смысл в этом вижу.

Вроде как небольшие, по пятнадцать весел на сторону, они меж тем были морскими судами, то есть с более высоким дутым бортом и хорошей посадкой в воду по килю, из-за чего обратное их возвращение в водную пучину может стать еще той головной болью. Тут ведь и быков подгони, и канаты растяни по берегам, да еще какие-никакие столбы повбивай по кромкам воды для лебедок, все это время и немалый физический труд. Правда, есть одна мысль, а именно своих гончих запрячь под это дело, только вот лишь бы морячки-рыбачки не разбежались по полям и весям от вида таких помощничков, лови их потом.

Но как ни тяжелы думы, это всего лишь мысли, претворять в жизнь весь набор телодвижений предстояло моим подчиненным. Мне же оставалось лишь перебраться в военный лагерь поутру и отъезду Жеткича, на середине пути от Речной до Касприва, чтобы уже оттуда получать свежие вести, да в случае чего держать руку на пульсе и координировать общий план, о котором практически никто ничего не знал. Да что говорить, я еще сам смутно представлял общую картину, больше прогнозируя да полагаясь на извечный «авось». Который, тьфу-тьфу-тьфу, меня не подведет в этот раз.

Телеги с народом, согнанным из Речной, появились еще засветло, ну а три красавца корабля из Кемгербальда мы увидели уже за полночь, принимая уставших и вымотавшихся людей в лагерь. Благо нигде не завязли и по времени успевали с хорошим запасом, давая уставшим выспаться, ну а всех остальных уматывая в мыло, так как кое-какие сюрпризы мы должны были подготовить с восходом солнца, ведь, как известно, даже самую унылую и провальную вечеринку может спасти обычный взрыв, ну или на худой конец хоть какой-нибудь пожар.

Помните нашего славного Корнея Ивановича?

А лисички
Взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли.

Там вообще потом настоящий «треш», угар и содомия пошли. Море

блинами тушили. Все, так сказать, по фэн-шую. А я чем хуже? Думаю, ничем. К тому же в этот раз денечек обещал быть сумрачным, и возможно, с логическим завершением в мелкий, а может, и с обильной дробью крупных капель дождь.

Тихо. Без спешки и суеты народ поднимался, оживая и с опаской оглядываясь на молодого барона, что еще с первыми лучами солнца уселся на носу одного из кораблей, ожидая грядущую битву.

Пора. Я киваю, и вестовые отмахками своих флажков несут куда-то вдаль мои приказы. Заскрипели весла в уключинах, загомонили люди, по берегам выстраиваясь шеренгами. Все вздрогнуло, единым целым организмом приходя в движение, тут же нарушая девственность утренней тишины сотней тысяч всевозможных звуков.

— Ох, что-то мне боязно, мальчик. — Рядышком стояла Априя Хенгельман, с прищуром всматриваясь вдаль и кутаясь в шерстяной платок на плечах. — Здесь всего так много, а впереди что ждет, лишь богам известно.

— Ты главное помни. — Я взял ее за руку. — Ты сейчас единственная во всем этом море людей, кто обладает даром магии. Гарпиды, ба. Делай, что хочешь и что посчитаешь нужным, но мы не должны услышать их пения.

— Знаю-знаю, — проворчала она. — Всех однозначно не уберегу, но, по крайней мере, на кораблях люди точно не пострадают.

Примерно два с половиной часа у нас ушло, чтобы на кораблях сплавиться до Касприва, где еще на полтора часа встать на якоря, чтобы подождать идущий по берегам народ. Меж тем город уже действовал, вернее Гарич со своими гвардейцами. Через городские кварталы ночью провезли семь катапульти, а вместе с ними целый эшелон телег с зажигательными снарядами, представляющими собой здоровенные глиняные кувшины, где примерно в соотношении восемьдесят на двадцать были залиты масло и спирт. Эдакий коктейль Молотова, только долгоиграющий, что называется. Принцип простой, масло в разы тяжелей, поэтому опускается на дно сосуда, сам сосуд каплевидной формы, из-за чего минимизируется болтанка и перемешивание веществ в нем во время полета. Фитиль, он же затычка из материи, венчает горлышко. Теперь поджигаем, запускаем и смотрим на результат. Лепота. Дальность полета моих снарядов триста метров, ну может быть с небольшим плюсом. От удара об воду такая капелька разлеталась на глиняные черепки, выбрасывая на поверхность воды литры и литры масла, которое в свою очередь ложилось пленкой на водную гладь и тут же воспламенялось от

легковозгораемого спирта. Жуткое зрелище. Темно-красное пламя и смоляно-черный дым взмывали над моей бывшей стройкой до небес, уже практически полностью накрыв собой рукотворный залив, где, как мне доподлинно было известно, обосновались мои супостаты и откуда все началось.

— Говори, — крикнул я вестовому, взобравшемуся на мачту. — Что передают?

— Полчаса «обкидывают»! — прокричал он сверху. — Дважды навки шли на штурм города, чтобы отбить катапульты. Гарпид нет. Одна катапульта сгорела, снаряд лопнул при взлете!

— Давай подходящим по каспривскому берегу, — вновь закричал я вестовому. — Пусть обходят город и блокируют притоки выше!

— Есть! — гаркнул он, тут же начиная семафорить мой приказ.

— Как песики, ба? — Я повернулся к Априи.

— Там. — Она махнула рукой ниже по течению. — Уже на месте, там же и гнездо собралось вампиров, хорошо, что сегодня солнышко неколючее, нелучистое. Ты мне лучше обрисуй все это безобразие, что здесь и сейчас устроил, а то бабушка старая, все никак в толк не возьмет, что ты, внучек, чудишь здесь.

А что я чую? Все просто. Река здесь прямая как стрела, один конец смотрит на север, другой на юг, а ровно посередине получается карман из затопленного котлована моих надежд. Сам по себе котлован в данный момент подпитывается небольшими каналами, притоками, их в свое время прокопали для подвода воды на стройку, чтобы не возить то, что и так само может прибежать на место. Гарич во главе своей гвардии душил котлован, просто и тупо покрывая его поверхность пылающей пленкой масла, а подходящие силы блокируют подводные каналы, чтобы враг не смог уйти в них, когда совсем им житья не будет в заводи. Что остается? Правильно, навки должны будут через какое-то время вновь всем своим дружным кагалом двинуться в Быструю, где им на выбор будет дано два пути. Северный, где их встретит Касприв и сети, что сейчас растягивают рыбаки из Речной под прикрытием городской стражи с небольшим согнанным ополчением, ну и южный путь. Да, именно на южное направление был мой расчет, ну и естественно, на здравость мышления русалов, которые, по моим прогнозам, даже под прикрытием раканов не должны сунуться вверх.

— Так ты, получается, просто выгоняешь их из своих владений? — Априя удивленно вскинула бровь.

— Просто, да не просто. — Тяжело вздохнул я. — Там, южней, эти водомерки поставили затор из потопленных кораблей торговцев.

Место там хоть и широкое по водной глади, да отмели большие. Мало места остается для расхода впритык двух небольших корабликов. Там-то и остановится мой противник. А что? Для них самое благоприятное место, чтобы подождать, пока глупые люди, что умудрились поджечь воду, перебесятся, чтобы вновь вернуться в удобную и глубокую гавань, утерев нос этим земляным червям. Единственное, что оно выйдет не совсем по их разумению.

— Что же ты еще задумал? — Априя хмыкнула, слушая мои рассуждения.

— А ты не видишь? — Улыбнулся я, как бы в жесте рукой охватывая рыболовную артель Олафа Кемгербальда.

— Корабли, — кивнула Хенгельман, задумавшись. — Ты пойдешь за ними на затор?

— Ха. — Я победно потер руки. — Еще как пойду! Эй, вестовой! Докладывай!

— Катапульты закрыли всю водную гладь! — Ну, это было уже и без него понятно, огромных размеров черный столб дыма уже закрывал половину неба и скрывал часть горизонта. — Гвардия докладывает: все спокойно, продолжают обстрел! Обходной маневр завершен, все каналы под контролем, навок нет!

— Пора? — Посмотрела на меня Хенгельман.

— Да, начинаем потихонечку. — Тайком я даже скрестил пальцы под одеялом на счастье. — Судно! Внимание! Начинаем! Давай малый ход!

Ход на наших судах в любом случае будет «малым», а куда деваться? Веслами работаем ведь. Заскрипели лебедки, поднимая носовые и кормовые якоря, на палубе суетливо забегали рыбаки, занимая места гребцов, хотя будут не столько грести, сколько подправлять нос корабля, чтобы не вертело по течению, скорость нам не нужна, так как не в самих кораблях суть.

Вся суть на корме свернута на барабанах. Трал. Здоровенная, огромная морская сеть, не чета моим речным неводам. Что ни говори, а у Кемгербальда масштабы посolidней будут. Каждое судно несло в среднем от четырехсот до пятисот метров глубинного крепкого трала, способного продрать мою речку-невеличку, не то что от берега до берега, но и еще сверху донизу, выбирая даже ракушки с некрупными валунами со дна.

— Крепи!

— Табань!

— Выбирай-выбирай!

Морская артель не нуждалась в советах, здесь народ непростой, мужик

тут сбитый, команды абы из кого не набирались, в кого ни плюнь, каждый сызмальства в море ходил, да, поди, не в первом поколении рыбу обучен промышлять. Тут лучше сидеть да помалкивать, сказал, что нужно в результате получить, и сиди, не мешай.

Судно одно за другим разворачивались в устье, подставляя корму течению. Узко, черт! С трудом выстраиваемся в неверную линию, с небольшим опозданием идя друг за дружкой.

— Восемь узлов! — кричит лоцман, пробивающий глубину канатом. А как же без этого? На мель никак нельзя встать, иначе потом без сторонней помощи не сойти. Промер тут банальный, человек с носа кидает канат с грузом, на котором через равный промежуток идет узел, по ним примерно и высчитывают, сколько расстояние до дна.

— Шесть узлов! — донеслось до меня с соседнего, правого корабля.

— Четыре узла! — А вот с левого края помельче, как бы беды не случилось.

— Ровнее! Ровнее! — перекрикивались капитаны с середины и левого края. — Подымай с этого борта весла! Подымай, а то поломаем!

— И-и-и-и! Раз! — скомандовал темп с правого края смотрящий, под чей крик пятнадцать пар весел дружно ударили об воду, тормозя разбег судна на течении. — И-и-и два!

— Не спим, ребята, не спим! — тут же поддержал его смотрящий с середины, где находились мы с Хенгельман, также задавая ритм своим гребцам.

— Три узла! Идем по краю! — А вот слева из-за малой воды явно отставали. — Два узла!

— Ульрих. — Априя нервно передернула плечами. — Что-то бабушке не нравится, что узелки там слева заканчиваются!

— Скажите бабушке. — Я нервно сглотнул ком, подступивший к горлу. — Нам тут всем не нравится это.

— Ждем, пропускаем! — послышался крик справа.

— Ждем, пропускаем! — также подтвердил смотрящий на нашем корабле.

— Четыре узла! — доложил левый край. — Равняемся на середину!

— Понял! Подбираемся! — по эстафете подхватили остальные, чуть смещаясь, чтобы не посадить на мель левый борт.

— Ба! — Я потормошил оцепеневшую старушку за рукав. — Ну что там вампиры?

— Пока тихо. — Она отрицательно помотала головой. — Никого у твоего затора не наблюдают.

— Значит, ждем. — Я жестом показываю капитану, чтобы не давал разбег судам на течении.

Потянулось время, самое муторное, на мой взгляд, занятие. Вот вроде все ясно, все понятно, а сиди, жди, не время еще, не сейчас. Да и напряжение нарастает, от волнения у меня даже стали мелко трястись руки. Мысли в голове бешеной чехардой заскакали, выдвигая одно предположение за другим. А ну как просчитался? А ну как что-то пропустил и не учел?

— Ну что там? — вновь я обратился к Хенгельман.

— Тишина. — Пожала она плечами.

Проклятие! Этого же просто не может быть, куда они могли подеваться?! И что теперь прикажешь делать? Их же там сотни, даже для подводных жителей такая орава не может не замеченной проскочить мимо моих дозорных! Или может?

— Ну что, барон? — Ко мне подошел старший артели, невысокого роста крепенький мужичок с темным от загара лицом. — Или начинаем или идем обратно к городу, иначе просто не успеем развернуть трал до подхода к затопленным кораблям.

Ну и как тут быть? Не могли же они сквозь землю провалиться? Не получится ли все впустую?

— Давайте. — Я махнул старшему рукой. — Возвращаться не будем, рискуем половить рыбку в мутной воде.

— Спускай направляющие! — Тут же взревел главный, передавая команду от судна к судну.

Звякнули цепи, стукнули молотки по клиньям-фиксаторам барабана. Забарабанила дробь малых поплавков по верхотуре палубы стравливаемой сетки. Процесс пошел! Не знаю, правда, с пользой или нет, но отступить мне некуда. Время, увы, его чертовски мало, до того момента как на арене появится тяжеловес от команды противника, а именно господин маг, разнеся тут все к чертовой матери на кусочки.

Чуть ли не пол команды с судна ушли на трал, помогая спустить в воду этого морского монстра, тяжело хлюпавшего петлями об воду. Время побежало за делом веселее, мы уже прошли пылающий черной смолью залив и дамбу, перечеркивая горизонт водной глади своими снастями.

— Вон они, твои красавицы! — одернула меня Априя, отвлекая от рыбаков и показывая куда-то за борт. Ниже по течению, примерно в двухстах метрах за чертой поплавков сети, вода чуть ли не вскипела под дружным всплеском нескольких сотен хвостов.

— Ага! — Я радостно хлопнул в ладоши. — Значит, стояли в верхах,

не уходя от залива! Ну дорогуши, теперь-то вам хочешь не хочешь уходить ниже по течению!

— Улич. — Бабуля явно волновалась. — А если раканы нас потопить бросятся?

— А как же не бросятся? — Я даже удивился. — Обязательно бросятся, это их единственный шанс будет на нападение!

— И ты об этом так спокойно говоришь?! — Она округлила глаза.

— Рано паниковать, ба. Пока сеть в воде, ни одна тварь к нам не осмелится подойти. — Я успокаивающе взял ее за руку. — В воде эти петельки еще опасней, чем на суше. Они пристают, льнут, опутывая с ног до головы, тяня тебя и увлекая за собой, несмотря на твои размеры и богатырскую силу, так как не мы движем ее, а сама река несет непомерной мощью, от края и до края, эту смертельную западню.

— А дальше? — Она задумчиво разглядывала удирающие хвосты навок за бортом.

— А потом мы остановимся. — Я также провожал русалок взглядом. — И надеюсь, сегодняшней пощечины госпожа Камхельт нам не сможет простить.

Примерно еще два часа мы правили спускающиеся корабли вниз по течению, ведя преследование, а также с трудом правя спуск гигантской сети по течению. Ох и намаялся народ, словами не передать. Тут подтянуть, там подобрать, здесь, наоборот, все ослабить и пропустить концы. Мужикам из рыболовной артели Кемгербальда стоило аплодировать стоя за их мастерство и филигранность, а также за их нелегкое ремесло. Мои бы точно не справились, запутав все, к чертям собачьим, или загоняя на мель половину полотна, свернув всю операцию и провалив ее на ухнарь.

— Вижу мачты! — первым отозвался правый борт, идущий несколько ниже остальных судов.

— Подходим? — оживилась заскучавшая старушка.

— Да, почти на месте. — И уже громче вестовому: — Готовность?!

— Гвардия на месте! — Стал докладывать он, читая сигналы флажков с берега. — Легион на месте! Полная готовность, господин барон!

— Отлично. — Я жестом подозвал капитана корабля. — А теперь, дорогой, смотри сюда, во-о-о-н, по левому борту, видишь отмель и людей?

— Да, господин барон. — Согласно кивнул он.

— Наша задача — все три судна вогнать меж плесами вон к тому малому притоку, — стал я объяснять его дальнейшие маневры.

— А как же трал, господин барон?! — забеспокоился он.

— Жить хочешь? — Я встретился с ним взглядом, специально

дожидаясь его немомго кивка. — Тогда забудь пока о сети, себя и народ сейчас будем спасать.

Теперь от них понадобится еще и талант буквально впихнуть «невпихуемое», а именно расположить на узком плесе, где в реку впадает мини-речушка или суперручей, кому как угодно, три огромных корабля. С чем их стоило поздравить, подгоняемые страхом и мною, с горем пополам суда легким тычком в песчаный берег ознакомили конец нашего плаванья.

— Давай трапы! — скомандовал я, окидывая взглядом уже приготовившихся к замене на берегу легионеров.

Длинные настилы дорожки выстроили рядами по бортам судов, причем так, чтобы не мешать друг дружке. Менялась команда на поле, артель покидала свои суда, а на их замену становились вооруженные легионеры, занимая возвышенное положение, в случае если на корабли совершат нападение. До самих судов и трапов приходилось еще метров по двадцать бежать по пояс в воде, впрочем, меня, любимого, это не коснулось, меня, коляску и бабулю перетащили на сушу на руках, причем, судя по бабуле, ей понравилось. Видимо, не одной сестричке нравились в свое время морячки под кисло-сладким соусом.

— Барон, мы готовы. — Семьдесят Третий подскочил ко мне, становясь за спину в качестве моего консультанта, ну и заодно моторчика для моей коляски. — Ждем?

— Ждем. — Кивнул я, по пути осматривая скопившийся народ в подготовленном лагере. — Вестовым и смотрящим хвосты накрутите, чтобы не пропустили гостей.

— Все под контролем, ваше благородие, — успокоил он меня. — Начало атаки никак не прозеваем.

Теперь только ждать и уповать на гордость и презрение ко всему человеческому роду от госпожи нашей королевы подводной. Решится ли? Сколько в ней спеси, а сколько благоразумия? Посмотрим, пани королевна, на что ты способна без своего мага. Вот тебе от меня толстый кукиш с размаху под нос, вот он я посреди холма сижу за столиком и изволю откусать обед. Есть в тебе гордость? Есть. Я знаю — есть, не стерпишь, ведьма водяная, не простишь, уж слишком высоко такие, как ты, задирают нос, ставя свою репутацию и вес в обществе выше любого здравого смысла.

— Мой мальчик. — Старушка, покряхтывая, присела рядышком за установленный на возвышении сервированный специально для меня столик. — Откуда в тебе столько спокойствия? Как тебе вообще кусок в

горло лезет? Мы же буквально в самом центре назревающей битвы!

— Что теперь прикажешь, голодным, что ли, помирать? — усмехнулся я, уплетая еще горячий грибной супчик с красивенькой такой косточкой с отварным мяском.

— Может лучше куда-нибудь за спины твоей армии отойти? — Боязливо повела она плечами. — Что же мы с тобой как на ладони перед речкой-то?

— Вот ты, ба, не рыбак, сразу видно. — Я со смаком вцепился в сахарную косточку. — Вот попривыкли вы, некроманты, всегда за спинами прятаться, а ведь тут что сейчас происходит?

— Форменное безобразие, — фыркнула Априя.

— Не. — Я нравоучительно помахал костомажой.

— Здесь и сейчас мы с тобой уже начали битву. — Повозившись с ложкой, выловил аппетитный грибочек из тарелки. — Битву невидимую, но меж тем главную на сегодняшний день, да и пожалуй во всей этой истории. Чем больше я сейчас выкажу презрения, пренебрежения, а также полного свинского отношения к своему противнику, тем более велика вероятность, что онный супостат изволит с пеной у рта кинуться на меня с кулаками!

— А нам этого и надо? — усмехнулась она.

— Естественно! — Я запустил обглоданную косточку с холма в реку. — Ты только представь себе на минуточку, если Камхельт струсит, что тогда будет?

— Этого мы уже не узнаем, милок. — Бабуля показала пальцем мне за спину. — Ты выразил максимальное количество презрения и пренебрежения, встречай свой мордобой!

А что? И встречу! Давно пора.

Первыми, естественно, на появление навок отреагировали легионеры с кораблей, дружным залпом арбалетов нарушив нашу идиллию пикника на природе. Давайте, рыбы морды, подходи по одному, уж в этот раз мы подготовились к вашей встрече, не в пример предыдущего нашего свидания.

— Деру, внучек! — подскочила Хенгельман.

— Стоять! — тут же остановил я ее, схватив за руку. — Какой деру, ба? Сидим, кушаем, ждем гарпид, или ты забыла, что эти девочки твоя забота?

— Жуть-то какая! — Обомлела она, пряча дрожащие руки под стол.

Да уж, нелицеприятное зрелище. Толпа дикарей в молчаливой агонии боли. Они, как и прежде, перли совершенно неорганизованно, бессмысленно, выкашиваемые моими стрелками, устилая дорогу на берег трупами своих товарищей. Ну а следом, медленно ворочая массивные

бронированные тела из воды, величественно стали выползать раканы, поводя из стороны в сторону своими страшными клешнями. Неспешно, тяжело, еще бы, это не под водой вам свои килограммы поворачивать, здесь вам, ребята, ваши тела тяжело будет таскать.

Раканы, общим числом чуть более десяти единиц, тупо обступили борта кораблей, вроде как понимая, что там где-то враг, и в то же время тяжело ворочая своими извилинами, не в состоянии осознать, как до них добраться. Самим-то им с их броней никакие стрелы были не страшны.

— Внимание, ба! — Я пощелкал пальцами, отрывая старушку от кровавой бани, устроенной солдатами на берегу. — Уже скоро!

— Боги, помилуйте, — прошептала она.

Бух! Клац! Один, видимо из самых смышленных, панцирный стал выбивать и выкусывать своей громадной клешней доски из борта стоящего ближе всех на отмели судна. Сами ли, либо же по чьей-то подсказке, но раканы один за другим последовали поведению своего смышленного собрата, пытаясь добраться до засевших на верхотуре людей, которые вынужденно пока прекратили обстрел атакующих берег русалов.

— Почему прекратили стрелять?! — Бабуля от возмущения стукнула кулаком по столу.

— Чтобы не спугнуть крупную рыбку поимкой всякой мелочи, — улыбнулся я. — Народ на кораблях сейчас готовится скорым темпом рвать оттуда когти.

И вправду стали видны перекидываемые между бортами трапы, по которым солдаты от дальнего судна перебирались к кораблю, ближе всего стоящему к берегу. Вскоре же народ преспокойно начал спуск, пока бронированные страшили остервенело рвали бока самого крайнего корабля.

Впрочем, для людей это было далеко еще не спасение, спускаться приходилось по пояс в воду, кишмя-кишевшую обозленными от крови погибших собратьев навками. Ну да на то они и солдаты, чтобы рисковать жизнью, они сами подписали себе свое будущее, их учили, и, похоже, они не зря ели свой хлеб.

Толпу нахлынувших русалок встретил дружный залп прикрытия еще стоящих наверху легионеров. Те же, кто спешно покидал судно, формировали строй из щитов и копий, замыкая контур, в который не вооруженным, но меж тем не менее опасным навкам ходу уже не было. Четко, слаженно, молодцы, только и наши водоплавающие не трусливо себя повели в данной ситуации. Просто потрясающая самоотверженность и лютая ярость по отношению к противнику. Дело в том, что даже на такой

минимальной глубине эти создания развивали поистине потрясающую скорость, вылетая со щелчком хвоста из-под воды чуть ли не на два человеческих роста, тупо и банально перелетая заградительную шеренгу и обрушиваясь всей массой тела на не подозревающих о подобной прыти солдат внутри строя.

Началась «куча мала», в ход пошли кутласы тускло блестящей стали, но промедление в данной ситуации смерти подобно. Нужно уходить как можно быстрее, пока на помощь чешуйчатым не подошли их бронированные машины смерти, что пока тупо, но уже с меньшим остервенением продолжали уничтожать корабль. Вот один, вот уже второй ракан останавливается, грузно перебирая лапками и с трудом поворачивая свое покатое тело в сторону моих солдат.

— Давайте же, ребята! — с дрожью в голосе приговаривал я. — Давайте выбирайтесь оттуда!

Видно было, что бой был диким, даже отсюда видно, как вода чернильной кляксой расплзалась, насыщаясь темным цветом крови. Каждый шаг горстке легионеров давался через стон и боль, а также потерю стоящего рядом товарища, но все же пошли.

Медленно. Слишком медленно, навки, не жалея живота, совершенно не оглядываясь на потери, тормозили ход людей, что в конце концов и привело к ожидаемому результату.

Клац!

Ох, что за жуткий звук! Как страшно умирали крайние, прикрывающие отход остальным, в безжалостных клешнях речного монстра. Тварь перекусывала пополам полный доспех вместе со щитом. Благо не дрогнули, благо не побежали, открывая спины, иначе бы все легли как один, сбитые и утаскиваемые в речные глубины.

Легион вышел на берег, жалкие крохи от того, что было, но все же ушли из смертельных объятий, вливаясь в ряды уже поджидающих их товарищей, что дружно приняли на свои жала нападавших и преследующих рыболодей.

Отход боем. Стандартный маневр, где на счет под гул свистящей стали сержант в строю дает команду на шаг назад. Человеческая масса под натиском диких навок стала уходить вглубь земли, постепенно увлекая все дальше и дальше от родной стихии все больше и больше противников.

— Молодцы, — шептал я себе под нос, искренне переживая за своих людей. — Уводим их, уводим, покажите этим гадам хвостатым, что они выигрывают!

Молодцы, все сделали красиво и по уму. Уже практически под сто

метров прибрежной зоны заплотнили все прибывающие и прибывающие жители реки, все так же глупой толпой бросающиеся на щиты моих солдат. Правда, и в этой толпе был плюс, она не давала и без того неповоротливым ракам-великанам доползти до моих людей, продолжающих свое неспешное отступление.

— А вот и девочки, — прокаркала Априя, поднимаясь со стульчика и извлекая из своих одежд целую перевязь различных амулетов. — Теперь и бабушка повоюет.

Неспешно, царственно, бирюзовая зелень летних речных вод выпускала из себя стройную процессию из королев подводного рода. Прекрасные создания из надменного холода и пренебрежительной массы сияющего отчуждения. Красивы, юны и прекрасны своим ликом, они неспешно выходили из воды, кривя презрительно губы при виде десятков мертвых тел своих подчиненных, раскачиваемых легкой волной реки.

— Ну, ба. — Я скрестил пальцы на удачу. — Теперь вся надежда на тебя.

— Не бойсь, не подкачаю, — хмыкнула она, разглядывая водяных королев. — Вон та нам нужна?

По центру шла Камхельт, увешанная гирляндой золотых украшений, а также в диадеме легкой золотой нити, замысловатым узором сходящих с висков на скулы, корона, не иначе, видно сразу — заказная вещь, не с барского, так сказать, плеча.

— Она, родимая. — У меня невольно сжались кулаки при взгляде на нее. — Ну, здравствуй, дорогая!

История повторялась, гарпиды вышли добивать отступающих, только вот в этот раз ситуация немного другая. В этот раз нет с ними перебежчика, нет с ними их мага, некому их прикрыть, а вот у меня есть, и все теперь, все будет по-другому.

Корабли, да, корабли и этот узкий плес, все это не зря и не прихоть. Слева и справа, буквально на сотню метров глубина по колено, и единственным относительно приятным выходом как раз и является то место, где сейчас, уткнувшись носом в песок, стоят суда и где меж деревянных бортов сейчас неспешно шествуют хозяева водных глубин, даже не подозревая о приготовленном для них подарке.

Хитрые, а может, трусливые. Осторожные, как я и предполагал, они не выходили из воды, пока не удостоверились в своем превосходстве. Не было их, пока шел штурм судов, не было никого и пока их подчиненные гибли, отбивая береговую черту у нас. Ну а сейчас почему бы и нет? Сейчас можно, когда люди спешно уходят, теснимые от воды прочь, теперь вышли

и они, чтобы триумфаторами вырвать свой кусок славы.

— Вестовому, давай отмашку, время! — крикнул я, краем взгляда улавливая взметнувшиеся флажки, ознаменовавшие заключительную стадию операции, и вставляя в уши искусно вырезанные «беруши» из пористой, но плотной пробковой древесины, сразу же погружаясь в мир безмолвия.

Я не великий стратег, и я не храбрый полководец, я просто человек с толикой здравого смысла, а также небольшим багажом жизненного цинизма и осторожности, которые я приобрел за годы своей жизни. Прав, всецело и всеобъемлюще прав мудрец Востока, чьи слова летят и по сей день через века. Что сущность войны? Обман. Искусный должен изображать неумелость. При готовности атаковать демонстрируй подчинение. Когда ты близок — кажись далеким, но когда ты очень далеко — притворись, будто ты рядом. Да, мои дорогие, все, что было здесь на берегу, это обман. Мои люди спешно покидали корабли, неся потери, лишь для этого мига, так как не все ушли отсюда. Почти пять десятков человек сейчас пластом лежали на палубе, ожидая команды с берега от меня, и наконец она пришла. Взметнулись флаги, народ по команде подскакивал на ноги, единым дружным броском накрывая сетями проходящих между судов королев речного народа. Все теперь в моих руках все мои золотые рыбки в одном сачке, ну и главная виновница торжества, как довершение картины, так сказать, сладкая вишенка на вершине торта.

Затычки в ушах частично погасили песнь отчаяния, обиды и боли, которой огласили окрестности правители навок. Правда, даже они не помогли людям на палубах кораблей, народ там как подкошенный валился с ног, мощь и высота звуковых частот наших совсем не немых рыбок была такой ошеломляющей силы, что, похоже, даже для представителей их племени была опасна, так как близстоящие навки безвольными мешками попадали наземь.

«Адель!» — позвал я мысленно призрака.

«Я готова», — легким ветерком прилетели ко мне ее слова.

«Раканы, девочка, попробуй их на вкус».

Адель, моя умничка, теперь мощь и трепет, и мое невидимое оружие массового уничтожения. Невидимая смерть, энергетический вампир, благодаря некротике моего кольца, теперь способная за считанные мгновения превратить цветущего семнадцатилетнего юношу в семидесятилетнего старца или вообще в бездыханный труп, ринулась к тем, кто наиболее опасен в данной ситуации и еще может перевернуть чашу весов не в мою пользу. Первый ее боевой вылет, мне пока только с ее

слов были известны способности моего персонального призрака и помощника.

Раканы не умирали, они замирали один за другим от прикосновения призрачной субстанции. Адель пила их жизнь, она лишала их сил, от чего речные колоссы поломанными машинами останавливались на полпути к солдатам, безвольно опуская на землю свои чудовищные оружия убийств, клешни, так и не сомкнувшиеся на телах людей.

А меж тем show must go on! Летели по порядку флажки команд, а также в работу включилась госпожа Хенгельман, пуская в ход свое искусство темных эльфов. Ажурный кокон, переливающийся всеми цветами радуги, словно мыльный пузырь окутал сети с уловом, блокируя звуковой фон, исходящий от верещающих гарпид. По команде пришли в действие упряжки коней, что стояли в отдалении, скрытые за прибрежными зарослями кустарника, натягивая присыпанный песком и скрытый до поры до времени канат-удавку, стягивающий ловчую сеть, наброшенную на королев, и, тянущий мой улов вглубь земли. Вот так, прямо по земле их потащили, опутанных в тугие путы, прочь от их дома, прочь от той стихии, что еще могла бы им дать спасение бегством. А по левому флангу, сотрясая твердь, неслась гвардия. Конным строем, сметая и опрокидывая всех успевших выбраться из воды набок, паровозом и неудержимой мощью лошадиных копыт вбивая их в грунт и окончательно ставя точку в моем плане, моей войне с этими созданиями, посмевавшимися замахнуться на меня, на моих друзей и на тех людей, за кого я был в ответе.

Все, пока все, это победа сегодняшнего дня и победа над одним из задолжавших мне по счетам, кои я намереваюсь все еще взыскать со всех участников этой истории. Теперь ты моя собственность, королева Камхельт! Теперь я буду говорить, и я буду решать твою судьбу, впрочем, я уже все решил давно за тебя...

* * *

Касприв бурлил, кипел и полнился слухами. Барон изловил водяную королеву! Барон разгромил русалок, усыпав их трупами весь берег реки! Война закончена! Наконец-то война закончена...

Возможно, что так. Возможно, для простых жителей этих земель она и закончилась, но, увы, пока не для меня, пока нет. А что самое главное, что, возможно, уже сегодня к вечеру не станет больше под этим небом славного Ульриха фон Рингмара.

Он идет, вернее даже не так, он летит, обуреваемый праведным гневом, маг, что по своей воле предал род человеческий, переметнувшись на сторону возлюбленной. Да, он уже в курсе, и, судя по докладу следящих за ним вампиров, это будет та еще встреча.

Скрипнув колесиками своей инвалидной коляски, я развернулся лицом к главной городской площади, на которой в спешном порядке сейчас возводилась деревянная трибуна на возвышающемся помосте. Сегодня вечером все решится.

Стучали молотки, народ шумной толпой, невзирая на запрет гвардейцев, нет-нет да и любопытно вытягивал шеи, чтобы из-за спин солдат разглядеть, что же за таинство очередное готовит им их сумасбродный барон.

А что я готовлю? Даже трудно так с ходу сказать. То ли суд, то ли возмездие, а может быть, обставляю свою собственную смерть со вкусом и помпой. Старинная французская народная забава — Echafaud. На потеху толпе, для придания огласке деяний своих... праведных ли? Ох, не знаю, что-то во мне сверлит и ворочается внутри груди, не давая насладиться пусть пока и половинчатым, но триумфом. Гаденько как-то на душе, посему и хочу, чтобы видели меня. Да, я хочу, чтобы все знали, что я собираюсь сделать, и посмотреть в глаза окружающих, чтобы понять, кто я после всего этого буду? Есть ли правда во мне? Прямо по классику, по Федор Михалычу нашему Достоевскому, сакраментальное, так сказать: «А тварь ли я дрожащая, или право имею?»

Гостя будем встречать здесь, прямо на площади посреди города. Опасно? Да, это идиотизм чистой воды, но мне нужны судьи. Игра подходит к завершению, ходы сделаны, маски сорваны, и надеюсь, что последний козырь в этой партии у меня.

— Ты уверен, внучек, что я не нужна? — Априя тоже следила за ходом возведения подмостков.

— Уверен. — Киваю. — Будешь с ней рядом, чтобы бестия даже пикнуть не смогла, подавая весточку своему красавцу.

— Он сотрет тебя в порошок, мальчик. — Печально качает она головой. — Мне кажется, что это самоубийство.

— Возможно. — Я тяжело вздохнул, переведя взгляд на легкую дрожь своих ладоней. — Все в этой ситуации будет зависеть от искренности.

— Искренности? — Априя повернулась ко мне. — О какой искренности может идти речь между ними? Что ты ждешь от них? Чувств? Не смей меня, они друг друга стоят, сметают на своем пути все и вся, не ценя никого и ничего на этом свете!

— Не знаю, ба. — Вновь поднимаю взгляд на площадь. — Правда, не знаю, но и поступить по-другому, не посмотрев им в глаза, не могу. Просто не могу, не знать и лишь догадываться о причинах их поступков.

— Ты сумасшедший, — фыркнула она. — Но желаю тебе удачи, мальчик.

Она мне понадобится, это уж точно, хотя если взвесить здраво, моему оппоненту тоже явно не позавидуешь. Априя неспешно удалялась, оставляя меня в одиночестве. Почему в одиночестве? Да потому, что нет никого больше рядом, кого смог — спрятал, а кого не смог — потерял. Много потерял я что-то в этой жизни, хотя кривить душой не стоит, немало и приобрел, и уж если небесам угодно будет забрать сегодня меня к себе, что ж, значит, так надо. Значит, пора мне на покой. Фух, страшновато что-то.

Жестом показал гвардейцам, чтобы доставили меня на все еще строящийся помост с кривой балкой, вставшей, словно аист на одной ноге, которую как раз возводят. Именно там будет живописно, на легком вечернем ветерке колыхаться петля, красиво добавляя нотки грядущего небытия ночи и знаменуя неотступность моего рока и моего решения. Пожил, да могу так сказать, я видел жизнь и не верю в правосудие и возмездие каждому по делам его! Нет справедливости, нет и не будет, пока ты сам не возьмешься за утверждение того, где она, правда, а где ложь, и кто же в конце концов виноват. Так уж получается. Да вот так оно как-то все и получается.

— Прикажете накрывать, барон? — Словно черт из табакерки из-за плеча выскочил один из прислужников магистрата города.

— Давай, любезный. — Киваю ему. — Время поджигает.

Ну, я неоригинален, просто захотелось, если что, порадовать себя мелочью напоследок. Так сказать, приговоренному сигарета перед казнью. Да, от сигары бы не отказался, хоть и не курю, хорошей, если что, только вот еще не добрался сюда господин наш Христофор Колумб, не знают тут табака, заплутал великий путешественник, все никак не найдет свою Индию, бедолага. Так что приходится довольствоваться тем, что есть, а именно столиком на одну персону. Обязательно с белоснежным полотном скатерти и полным набором несуразной посуды, в самом-то деле — не из котелка же хлебать?

За полдень закончили эшафот, ко сроку затащили стол и мягкое кресло, водрузив на этот трон остатки бывшего величия фон Рингмара. Скатерть, салфетки, красота. Отсюда еще неплохой вид на город, явно преобразившийся за последние годы. Отмыл я его, чумастика, немного, посветлели маленечко личиком улочки и дороги.

— Барон! Что происходит? — У эшафота стала собираться толпа все не унимающихся городских зевак. Видать, кто-то посмелей крикнул в нетерпении.

— Честные граждане славного Касприва! — По моему кивку вперед вышел глашатай, хорошим поставленным голосом начав зачитывать мое послание людям. — Здесь и сегодня волею нашего господина Ульриха фон Рингмарского будет совершено правосудие над преступной парой: человеческого мага и водяной королевы, дабы наконец воздать по заслугам им за дела их черные!

Хорошо вещает, с расстановкой, даже не нужно было что-то от себя писать, шпарит так, что сам заслушался. Все сказал, все обрисовал, ничего и никого не забыл. И про мои потери вспомнил, и людям больно пальцем в ране поковырялся, напомнив про утрату родных и близких, о тех детях, что стали разменной монетой в этой войне глупого барона и злобных русалок. Нет, конечно, не так сказал, но вот я так почувствовал и чувствую дальше. Здесь в Касприве практически каждый дом понес потери среди близких и родных, вон она река, рядом, вон она, сияющая водная гладь артерии этих земель, вокруг которой все строилось и возводилось. Народ молчал, площадь все заполнялась и заполнялась людьми, слушавшими этого крикуна, что говорил сейчас о правде, что наконец-то восторжествовала. Ну а мне что? Мне на выбор предоставили три супа. Грибной. С какой-то отварной птицей и нечто отдаленно напоминающее свекольник.

— Так, а сейчас-то что?

— Что происходит?

— Что сейчас будет?

— Он что, кушает?

Кушает-кушает, уплетает за обе щеки. Выбрал свекольник, тут же оформив в тарелочку белый росчерк снежной чистоты в виде хорошей ложки густой сметаны.

— Слушайте, жители Касприва! — дождавшись моего кивка, вновь заголосил мой глас для народа. — Королева у нас в руках, но маг еще не схвачен и на свободе!

— Что это значит?

— Демоны преисподней!

— Так мы что, тут все его ждем?

— Спасайся!

Последний голос паники был и голосом, на мой взгляд, разума, ибо у самого поджилки трясутся при мысли о том, что может произойти, выйди из себя дипломированный маг. Толпа загудела, переговариваясь и явно

редее на глазах, что в принципе было неудивительно, удивляло то, что еще достаточно много людей оставалось на местах, с интересом озираясь по сторонам и то и дело поглядывая на меня.

Все же здравомыслящих оказалось на порядок больше, так как постепенно перед трибуной остались лишь считанные единицы, а вся основная масса отхлынула в стороны, опасливо выглядывая из улочек и проулков, все же еще удерживаемые жгучим интересом.

— Давай накапай, дорогой. — Повернулся я к ожидающему учтиво слуге, что бережно кутал в полотенце последнюю память о старике, без малого трехгодичный виски в пыльной непрозрачной бутылочке.

Пару капель можно, уже можно, в конце концов, почему бы и нет, не нажираться ведь, а исключительно для дегустации. В этом мире я еще не позволял своему организму притрагиваться пока к спиртному, так что полрюмочки будет в самый раз для вкуса. Особенно если учесть, что ко вторым блюдам я уже не успею притронуться. Он здесь, он пришел непохоже, уже какое-то время стоял в толпе, буравя меня своим пристальным взглядом и выслушивая все эти обвинения в свой адрес, что зачитывали с трибуны.

— А-а-а-а! Вот и вы наконец, сэр Арнольд! — Я поднял рюмочку, как бы приветствуя его и опрокидывая в себя огненные капли моих трудов. — Хух!

М-да уж. Ядреная вещь вышла, хотя может, это с непривычки молодое тело так среагировало? В спешном порядке я стал тушить пожар во рту мочеными грибочками.

— Ну что же вы, сэр Жеткич, там стоите? — Я вновь поднял взгляд на замершего внизу мага. — Мы уже, признаться, заждались вас.

Станный, какой-то приглушенный гул и дрожь земли стали мне ответом в дополнение к недобро сузившимся глазам защитника. В магическом плане я тут же отметил целую серию заклинаний, снопом искрящихся нитей опутавших его фигуру. Он продолжал стоять как ни в чем не бывало, а прямо у его ног, вздымая камни мостовой, бурлящим потоком стали выбиваться водяные струи открывшихся родников, быстро разраставшимся пятном влаги отмечая разливающуюся по площади воду.

Ох ничего себе! Надеюсь, он не собирается затопить весь город? Впрочем, это вряд ли у него получится. Все же Касприв гораздо выше стоит уровня реки, так что вода просто будет уходить отсюда. Но решение его было другим, тугие жгуты кристально прозрачной воды опутали его контур, словно стекло, поднимая его фигурку ввысь на водяном столбе и словно гигантской рукой устанавливая его рядом со мной на постамент

эшафота. М-да уж, завораживающее зрелище чужой мощи и чужого таланта.

— Где она? — без крика, без эмоций, словно неживая кукла с холодным взглядом, обратился он ко мне.

— Рядом. — Я с восхищением разглядывал его активную водяную защиту, его мокрую, движущуюся по телу живую броню, понимая, что моим черным стрелам некроманта здесь делать нечего. Увы, но вода, стремительными струями летящая практически вдоль всего его тела, скорей всего даже на скорости распрямившихся арбалетных дуг, развернет стрелы, отбрасывая их прочь от этого мага воды. — Позвольте выразить восхищение вашему искусству.

— Мальчик. — Он склонил голову набок, вцепившись своим злым взглядом в мои глаза. — Мне нужна она!

— Нам всем что-то нужно. — Я протянул руку, поднимая со стола опрокинутую убегающим слугой бутылку своего виски и наливая остатки терпкого напитка в одну из стоящих рюмочек, чтобы протянуть ее Жеткичу. — Пейте.

От его фигуры отделилась рука, словно лапа осьминога или лиана чудного растения, стремительно и безжалостно врезаясь в меня и отправляя в краткосрочный полет. Перед глазами замелькали картины, выхватываемые краем взгляда, мое кресло буквально разлетелось на куски, а я больно впечатался в основание виселицы, с трудом ловя ртом вышибленный из груди воздух.

— Не играй со мной, сопляк! — А вот и эмоции! Настоящая, ничем не прикрытая ярость и злость ушатом холодной воды резанули мне слух. — Я сотру и тебя и все твое баронство в порошок, выродок, если с ее головы хоть волосок упадет!

— Не с ее головы. — Я тяжело закашлялся, так как грудь пронзила тупая боль. — С твоей.

Повисла пауза, Жеткич стоял, видимо собираясь с мыслями, а я же тупо пытался отдышаться и хоть как-то сесть, оперевшись спиной на виселицу.

— Ты думаешь, мне нужна Камхельт? — Я рассмеялся. — Не будь дураком, она всего лишь способ добраться до тебя, Арнольд. Что и кто она без тебя? Трусливая рыба, удирающая при виде людей у воды, но вот с тобой она стала королевой! Именно ты сделал ее своими руками, и именно ты виновен в гибели Дако и Тины. Ты вел ее все эти годы, шаг за шагом, год за годом, выручая вновь и вновь от гибели ее и весь ее немногочисленный народ.

— Я убью тебя! — Его взгляд был подобен взгляду безумца.

— Нет. — Я отмахнулся от него рукой. — Сегодня не я умру. Умрешь ты. Все очень просто, Арнольд, сегодня ты заплатишь мне за мою боль и мои потери своей жизнью, чтобы спасти свою королеву.

Литры воды с характерным всплеском безвольно рухнули на деревянный помост, обдав и меня и его снопом брызг. Он безвольно опустил голову, а потом дрожащей рукой пододвинул к себе стул, бессильно падая на него.

— Это подло, барон. — Он больше не смотрел на меня. — Это мерзко, бесчестно и подло, юноша, так поступать нельзя.

— Значит, убить старика и отрезать голову моей подруге вы считаете, сударь, вполне приемлемым способом познакомиться со мной? — Я, печально склонив голову, следил за ним. — Или, может быть, я что-то неправильно понял, сэр? Может быть, тогда попытаетесь объяснить?

— Боги. — Он обхватил голову руками, взлохмачивая волосы на голове. — Все это какая-то чудовищная ошибка, все должно было пойти не так.

— Выпейте. — Я кивнул в сторону стоящей одиноко на столе рюмочки.

Он невесело хмыкнул, опрокидывая залпом стопку, после чего звонко хлопнул доньшком по столу. Молодец. Не поморщился.

— Я назвал этот напиток в честь старика. — Я перевел взгляд на площадь, где с удивлением обнаружил прибывающую толпу людей. Похоже, горожане решили, что самое опасное уже позади. — Ядреная смесь, не находите?

— Давай прекратим этот балаган, барон. — Он тоже перевел взгляд на собирающуюся толпу. — Мы ведь можем все решить еще миром, ты вернешь мне Камхельт, и мы уйдем навсегда из твоих владений. Это хорошее предложение, мальчик.

— Меня это не устраивает. — Качаю головой. — Из вас двоих в моих силах покарать за дела ваши тяжкие только одного.

— Не городи ерунды, мальчик. — Он перевел на меня взгляд, поджав губы в белую черту. — Тебе нужна плата? Так назови сумму! Я даже могу вместе с Камхельт себе позволить отлить из золота в полный рост твоего учителя и твою подружку.

— А алмазами, рубинами и изумрудами можешь инкрустировать статуи? — От злости у меня сжались кулаки.

— Конечно! — Он поднялся на ноги, радостно вскидывая руки в победе, и лишь потом, видимо, осознал иронию момента. — Демоны,

мальчик, ну почему ты так?!

— *Suum cuique*, — прошептал я. — Каждому должно воздасться по делам его. Вы перешли черту, Жеткич, я не могу простить вам своей боли. Это не просто кто-то где-то, это не просто наставник и подруга, ты ударил меня в самое сердце, и теперь там нет места прощению и пониманию. Осталась лишь боль и жгучая ярость, которая сжигает меня изнутри.

— Ты даже не представляешь, через что мы прошли! — он стал кричать, расхаживая из стороны в сторону. — Даже не годами и не десятилетиями мы, словно звери, бежим и бежим прочь, в глупой надежде просто жить под этим проклятым небом! Что ты можешь понимать, мальчишка?! Что ты можешь знать о любви, о жизни или смерти? Твоими устами тут с этой глупой сцены кричали о десятках погибших родственников, вы кричали, обвиняя нас в гибели своих детей, даже на секундочку не задумавшись о сотнях тысячах погубленных вами жизней подводного народа. Вы тысячами убиваете из года в год их, лишая пищи и жилья! Об их детях хоть кто-то подумал? Вот ты, да ты, барон! Сколько ты убил своей глупой мстью за эти месяцы? А мы так живем, уже демоны знает сколько времени. Что, ты думаешь, мы тут делаем? Мы спасаем свои жизни, уходя с каждым годом все выше и выше на север от разрастающейся, словно проказа на теле больного, цивилизации!

— При чем здесь это? — перебил я его.

— При чем?! — вновь разразился он криком. — Да при том, что триста лет ты мне не снился со своим баронством! Все, что нам нужно было, это пережить пару лет в этой проклятой реке, чтобы вновь бежать прочь к морю! Что мы попросили у вас невыполнимого? Что мы у вас отняли невозможного, что вы умыли кровью целый народ?

— Ты ничего не забыл? — Я уцепился за его пылающий взгляд своим холодом ненависти. — Вы ничего не просили! Вы пришли на правах хозяев в чужой дом! Ты и твоя королева со своей гордыней, именно вы оба виновны в том, что произошло!

— А что ты нам предлагаешь? — Он вновь устало рухнул на стул. — На коленях ползать перед тобой, сопляком, вымаливая милости? Ты знаешь, сколько таких как ты, напыщенных родовитых ублюдков, мы повидали на своем веку? Мы не рабы, мальчишка, мы не прислуга вам, людям, мы не хотим жить дружно и носить друг другу пироги на праздники. Мы хотим, чтобы нас наконец-то оставили в покое и не лезли к нам! Не учили нас, не забирали то, что наше по праву!

Прекрасно. Просто великолепно. Гордыня! Не зря в христианстве это один из самых тяжких грехов. Да уж, именно это чувство привело по

преданиям возлюбленного ангела Господня к падению в недра земные. Именно так Светоносный lucifer стал тем, кем он стал.

— Что, хочешь сказать, что ты лучше? — Он презрительно скривил губы. — Честней, умней, благородней? Ты бы наверняка сжалился над бедными сиротками, милостиво взмахом руки разрешив им постоять у тебя на пороге. Тихонечко, чтобы не шумели и не натоптали мусора, ведь так, малец? Ты думаешь, что ты другой и чем-то лучше сотни таких же, как и ты?

— Знаешь. — Я задумчиво смерил его взглядом. — Пожалуй, ты прав.

— Прав? — Он как-то оторопел от моих слов.

— Да-да. — Невесело улыбаюсь я ему. — Нет безгрешных. Не бывает таких. Но мой грех, увы, не тот, в котором ты меня обвиняешь.

— Не понял? — Он напрягся, напоминая сжатую пружину.

— Я не умею прощать. — На его немой вопрос просто пожимаю плечами. — Я понял тебя, Арнольд, нет, в самом деле, понял и даже принял твою правду. Это действительно страшно то, что мы все здесь к этому дню натворили. Но, увы, гнев во мне превышает всего.

— Что это значит? — Он медленно встал, расправляя складки на своей запыленной и промокшей мантии мага.

— Это значит, что ты сейчас полезешь в петлю, либо же к заходу солнца солдаты порубят твою красавицу на куски и скормят потом собакам. — Я похлопал ладонью по брусу виселицы, у которой сидел и опирался спиной.

— Ты что, идиот? — Он вскинул брови. — Да я же один могу убить всех, кто проживает на твоих землях! Я один могу стереть с лица земли все твои замки и города, всю твою армию и даже птиц в небе, пролетающих над этой проклятой землей!

— Вот именно поэтому я и говорил, что, к сожалению, могу лишь одного из вас покарать. — Я устало вздохнул. — На тебе я не могу даже волосок на голове поправить, а потому твоя королева у меня, и весь мой грех ляжет на кого-то одного из вас. Здесь и сейчас я даю тебе шанс спасти свою любимую и самому отправиться на виселицу. Хотя у тебя есть, что тут скажешь, прекрасная возможность остаться живым, но утратить навсегда свою половинку. Даже не знаю, Арнольд, что тебе выбрать, может быть, ты потом сможешь залить боль утраты моей кровью? Может быть, месть поможет тебе в будущем снова жить как ни в чем не бывало.

— Это жестоко. — Он стоял, с каким-то внутренним ужасом глядя на меня. — Так не должно быть. Так не бывает.

— Знаешь. — Я посмотрел ему в глаза. — Мне самому страшно от

того, что я делаю, но я не могу себя остановить.

— Ты безумен! — вскричал он. — Как ты вообще дошел до этого?!

— Не знаю. — Я покачал из стороны в сторону головой. — Мне просто было очень больно, когда ты отнял у меня близких, а потом... потом пришло это решение.

Мы замолчали, каждый думая о своем, Арнольд пару раз порывался что-то сказать, но вновь замолкал, встречаясь со мной взглядом. Мне действительно в какой-то момент стало все равно, убьет он меня или нет, я словно оцепенел внутри, лишь холодным умом сквозь бойницы глаз понимая, что творю нечто невообразимо ужасное, что-то, без чего и из-за чего мне теперь никогда не будет покоя.

Из-за мокрой одежды на руках и скулах Жеткича стала проступать его вязь татуировки в виде крупной чешуи. Это чернила кракена. Именно ими он ее делал, потому и не видна была, пока на кожу не попадала вода. Фанатик. Или просто влюбленный, что в данном конкретном случае считай одно и то же, метался между, не в силах принять решения. Он то печально опускал руки и голову, то порывался подскочить ко мне, чтобы, по всей видимости, разорвать на куски. Мне же больше нечего было ему сказать, в полной тишине я наблюдал, как удлинялись тени и постепенно солнечный бег завершался, уступая место грядущей и такой неизбежной ночи.

— Арнольд, — через какое-то время все же произнес я. — Пора.

— Не надо, прошу. — У него покатались слезы по лицу.

— Пора. — Я махнул рукой в сторону горизонта. — Солнце почти скрылось.

— Будь ты проклят! — Стул опрокинулся, он заходил нервно из стороны в сторону. — Ты не человек, так нельзя поступать!

— Не тебе говорить о человечности. — Я устало прикрыл глаза. — Пора делать выбор!

— Как я могу быть уверенным, что ты ее отпустишь?! — Он упал на колени рядом со мной. — Поклянись, что не обманешь!

— Клянусь, Арнольд Жеткич, что я и пальцем не трону твою королеву. — Я отвернулся, мне было неприятно смотреть на его умоляющий взгляд. — Только один возьмет на себя грехи за двоих.

— Зови своего капитана, барон, он человек чести, пусть станет поручителем за твои слова. — Жеткич с трудом поднялся, подступаясь к тумбе-возвышению, подставке, последней ступенью к виселице. Я взмахом руки подозвал одного из гвардейцев, отдавая ему приказ позвать Гарича.

— Барон? — Гарич, с вызовом глядя на мага, взошел к нам на эшафот. — Я в вашем распоряжении.

— Гарич. — Я кивнул капитану. — Засвидетельствуй мои слова о том, что после смерти господина Жеткича я обязуюсь и клянусь отпустить королеву Камхельт, не причинив ей никакого вреда.

— Я — Гарич Ол'Рок, принимаю ваши слова и с готовностью становлюсь порукой им! — Он прижал свой громадный кулак к груди.

— Ну что ж... — Доски заскрипели под весом Арнольда Жеткича. — Так тому и быть, прощайте, и будь ты проклят, маленький ублюдок.

Он сплюнул мне под ноги, видимо даже хотел напоследок окинуть презрительным взглядом, только вот я не смотрел на него, мне это было уже неинтересно. Куда интересней было наблюдать за алыми облаками, ярко окрашенными уже практически скрывшимся солнцем.

Неужели это я? Неужели это все происходит по-настоящему? Как так получилось, что мне приходится убивать?

Скрип затих.

Арнольд часто-часто задышал, было слышно, как он то ли судорожно сглатывает, то ли пытается задавить рвущееся из груди рыдание. Еще вздох, мощный, отчаянный, знаете, словно пловец перед броском в холодную воду... толчок и хрип. Страшный, жуткий, от которого сердце замерло, я даже на мгновение забыл, как дышать. Агония, я не смотрел на него, но поскольку сидел прямо под петлей, видел, как судорожно мельтешат его ноги.

— Все, барон, — констатировал Гарич, подходя ближе к телу мага. — Его больше нет.

Я закрыл глаза, отрешаясь от бренного мира и погружаясь в астральную проекцию. Да, ошибки быть не должно, тело мага больше не являлось носителем искрящейся и бурлящей жизни. Все застыло, все замерло, нити энергетических потоков организма завершили свой бег, и более не видно пунцово-алой точки пульсирующего сердца. Нет. Его больше нет, мага, защитника, влюбленного в какую-то свою мечту. Он сделал выбор и собственноручно претворил его в жизнь. Грешный святой. Так, наверно, его стоило бы назвать? Ради своих целей, каких-то внутренних принципов и амбиций он готов был и пошел до конца, жертвуя самым ценным ради... любви? Тяжело, очень тяжело ворочались мысли в моей голове, наполняя душу и руки сумбурной дрожью из смеси страха и презрения к самому себе. Я чудовище. Боже, какое же я чудовище!

— Гарич, помоги. — Капитан поднял меня на руки, поднимая с настила и усаживая на одинокий стул посреди этой жуткой картины.

Как же тихо вокруг. Открыв глаза, я даже не поверил, что может быть такая тишина при скоплении такого количества народа на площади. Люди

смотрели на меня, люди слушали нас. Вот они, те глаза, в которые я хотел посмотреть, вот они настоящие судьи сегодняшнего дня и моих дел неправедных. Что же вы молчите? Кричите, ликуйте или же осуждайте, но не молчите, молю! Скажите мне, кто я после всего этого? Кто? Но лишь гробовая тишина была мне ответом. Люди молчали, не было слышно даже шепотка или же шороха одежд, народ стоял, словно соляные фигуры, замерев в неподвижном... ужасе? Прав? Не прав?

— Слушайте, граждане Рингмара! — Не в силах более терпеть этот холод тишины, закричал я, срывая голос. — Свершилось правосудие! Здесь и сейчас преступник понес заслуженное наказание за смерти наших родных и близких!

— Замолчи, — тихим шепотом произнесла Априя, подходя из своего укрытия и кладя мне руку на плечо. — Просто замолчи, мальчик, сейчас не время для громких слов.

Трибуна оживала, наполняясь людьми, помимо Гарича и Априи, к нам подошел глава магистрата, Семьдесят Третий со своими людьми, что буквально на руках тащили связанную по рукам и ногам Камхельт. Королева, словно гигантская змея, извивалась, заламывая руки и отчаянно стуча своим разлапистым хвостом по доскам. Она рвалась к висящему телу близкого ей человека, в беззвучном крике открывая рот, так как заклинания Априи полностью блокировали звуковые децибелы, ее способность гарпиды модулировать звуковые частоты, а также способность ударить своих охранников электротоком.

— А она здесь зачем? — Гарич угрожающе качнулся в сторону легионеров. — Есть клятва, барон, теперь ее судьба не принадлежит вам!

— Он прав, мальчик, — произнесла Априя, сжимая руку у меня на плече. — Зачем ее мучить, заставляя смотреть на тело возлюбленного? Отпусти ее оплакивать свое горе.

— Семьдесят Третий! — Я повернулся к капитану легионеров, стоящему с каменным лицом, которое пересекал страшный шрам, и невозмутимо буравившего меня взглядом. — Давай, ты знаешь, что делать.

— Барон! — взревел капитан гвардии, бросаясь разъяренной машиной на солдат легиона с кулаками.

Сверкнула сталь кутласа, быстро, четко и с молниеносной грацией рассекая воздух и горло водяной королевы. Всего один удар, один взмах могучей руки с оттягом и излетом, капитана легиона отделил голову королевы от шеи, запуская ее в полет, тут же окончившийся гулким ударом об деревянный настил...

— Свершилось правосудие... — еще успел выкрикнуть я, прежде чем

кулак Гарича впечатался в мое лицо, выбивая из меня сознание, зубы, дух и остатки совести...

* * *

«Возвращайся, тебя ждут!» — Легкий перезвон колокольчиков сформировался в моем замутненном сознании в мелодичный голосок Адель.

«Что произошло?» — Я, словно утопающий, то поднимался откуда-то из глубин небытия, то снова проваливался в темноту и омут беспамятства.

«Площадь. Казнь. Твой капитан...» — Адель сыпала картинками событий, становясь для меня якорем между ничем, чем и где-то тут.

Солнечный лучик рассветного мягкого солнышка шкодным рыжим котенком проскочил в мою комнату, воровато оглядываясь по сторонам, пробежал по ковру, перелез через спинку кресла и лишь после этого взобрался ко мне в постель, теплой лапкой поглаживая мне лицо.

Больно. Нос не дышит. Похоже, перелом, все ноет и как-то дергает. Провожу языком во рту, с печалью недосчитываясь передних двух зубов на верхней челюсти. М-да уж, спасибо, капитан, на всю жизнь теперь красавцем беззубым оставил!

— На меня смотри, — подал голос Гарич, который, оказывается, сидел в кресле, вытянув свои ноги и сложив руки на груди. — Очухался?

— Пока не знаю. — Тело слушалось с трудом, кое-как склонив голову набок, встретился с его колючим и злым взглядом.

— Скоро три года, как я встретил тебя, кем бы ты ни был. — Поднявшись с кресла, начал он. — Не сразу, нет, не сразу мы с Энтеми поняли, что ты не тот, за кого себя выдаешь. И это было нашей ошибкой, то, что мы пошли на поводу своих мыслей, наших надежд и глупого желания быть хорошими для людей на этой земле, которой мы оба в свое время поклялись служить верой и правдой.

Он стал прогуливаться по комнате, заложив свои здоровенные руки за спину, а мне лишь оставалось внимать его словам, даже в мыслях не допуская перебить этого великана.

— Знаешь. — Он на секунду замер, поднимая голову к потолку. — Вначале я даже радовался, наблюдая за тем, что теперь здесь появился новый, умный, рачительный хозяин, пусть даже и самозванный. Что греха таить, настоящий Ульрих был хоть и молодым, но уже законченным подонком, в те дни мы со сквайром даже обрадовались вашему приходу.

Он подошел к окну, поворачиваясь ко мне своей широкой и мощной спиной, замолкая на какое-то время, видимо собираясь с мыслями.

— Твой поступок это предательство по отношению ко мне. — Он все так же стоял, не поворачиваясь. — Это неуважение всего рода Рингмар, это неуважение всего рода Ол'Рок.

— Мое бесчестие это ничто по сравнению со смертью Дако! — Я также отвернулся от него. — Мне жаль, капитан, что я вовлек вас в это дело, не подумав наперед, но хочу вам сказать, что мне совершенно наплевать на клятвы и обещания, данные преступникам! В память о старике, в память обо всех погибших я совершил то, что совершил, и поверьте, сделал бы это еще не раз и не два!

— Ты поклялся! — он перешел на крик, стремительно подходя ко мне. — Ты дал слово и нарушил его!

— Да, демоны тебя подери! — взорвался в ответ я, тоже начиная орать на него. — И горжусь этим!

— Ты предал меня и всю мою семью! — Его кулаки сжались в громадные кувалды. — Ты, жалкий идиот, обесчестил всех нас из-за своей глупой жажды мести!

М-да уж, все как всегда. Каждый стоит на своей стороне и смотрит под своим углом. Сколько раз я сам так же кричал, говоря: «Ты идиот, и вся твоя жажда глупой мести ничтожна перед здравым смыслом»? А в итоге?

— Ни дня! Слышишь? Ни дня я более не проведу у тебя на службе! — Сверкнув злостью во взгляде, он достал из-за пояса одну из своих перчаток, бросив ее мне на постель. — Я более не капитан вашей гвардии и бросаю вам вызов на дуэль! Сохрани эту перчатку, и если в тебе останется хотя бы капелька уважения к тому, что ты есть, то в день твоего совершеннолетия мы встретимся и скрестим мечи, чтобы рассудить, на чьей же стороне была правда!

Бах!

Как только дверь не слетела с петель? Я вновь остался в одиночестве, пытаюсь успокоиться и прийти в себя. Как же некрасиво получилось, опять все сыпется из рук. Это же Гарич, моя правая рука, вся моя сила, мой кулак, как же теперь без него?

— Ну что, живой? — Дверь тихонечко скрипнула, пропуская внутрь старушку Априю. — Получил уже от капитана?

— Получил. — Я кивнул в сторону лежащей на кровати перчатки. — Вон лежит, ждет своего часа.

— Дела. — Она подняла перчатку, покрутила перед носом, после чего отнесла и положила на стол. — Боги милостивы к тем, кто умеет ждать,

возможно, к тому времени, когда придет время ее вновь доставать, все изменится и позабудется.

— Возможно. — Я жестом позвал ее, чтобы помогла слезть с кровати и влезть в новое кресло. — Не знаю, и не буду загадывать, еще слишком много дел, а времени мало. Нам до наступления дождей следует еще много чего здесь сделать.

Да, дел было невпроворот. Один только уход Гарича был серьезным ударом мне под дых, капитана здесь знали, уважали и любили, посему найти подходящую кандидатуру на его место было делом чрезвычайной важности. Ну и нелегкой задачей, в конце концов решенной банальным переводом Семьдесят Третьего на эту должность.

Не буду утверждать, что это был наилучший выбор, но на тот момент он был чуть ли не единственно верным. При всей его темности и диковатости, этим душегубом нельзя было не восхищаться. Всего пару лет назад его вытащили грязного и вшивого из загона для рабов, буквально из петли вынули, а уже сегодня эта груда мышц прыгнула на заоблачные высоты карьерной лестницы. Признаться, даже не знаю, что именно меня в нем цепляло. Что-то в нем есть монументальное. Молчалив, исполнитель, немного язвителен, конечно, но при всем при этом потрясающая работоспособность и полное пренебрежение к человеческой жизни, причем не только к своей. Я четко помню полное отсутствие страха в его глазах во время военной кампании в Когдейре. Когда, чего уж там говорить, временами я не был уверен в собственной безопасности, не говоря уже о моих людях.

Плюс в этом назначении был. Армия в лице моей гвардии также требовала реконструкции, уж слишком большое послабление им давалось, не в пример легиону, который на данный момент, на мой взгляд, являлся самой профессиональной и наиболее подготовленной частью военной силы всего королевства. Это был плюс, что весь контингент гвардии, по большей части состоящий из кавалерийской группировки, подпадал под новые правила и новый устав несения службы. Это серьезная мощь, которая не подпадала в случае чего под юрисдикцию короны, и ее требовалось подтянуть до более высокого уровня, причем не только в плане дисциплины, но и банально влив энную сумму в звонкой монете.

В общем, приходилось вертеться как белка в колесе. При всем этом держа тупо пальцы крестиком, в надежде, что хоть Энтеми промолчит в данной ситуации и останется на своем месте. Разговора с ним я боялся чуть ли не больше смерти, встречаясь с ним каждый день и поэтапно шаг за шагом передавая свои дела и бразды правления. Но он молчал, хоть я и

видел его немое неодобрение. Спасибо ему за это.

Да. Дела. Почти весь остаток лета ушел на возведение новой дамбы в месте прорыва старой навками. В этот раз делали земляной вал без всяких створок, уж слишком были все еще напуганы минувшими событиями. В спешном порядке со всего баронства собрали все помповые ручные и тягловые насосы, чтобы откачать эти неимоверные кубометры воды из котлована моего бывшего величия. Воду качали и днем и ночью, организуя по три смены в сутки, чтобы хоть как-то ускорить этот процесс, в конце концов, принеся свои результаты. Постепенно уровень воды стал спадать, глубина становилась все меньше и меньше, а из воды стали появляться верхние остатки строительных лесов и частично выложенных стен с огрызками фундаментных плит. Печальное зрелище, это был крах, чуть ли не начало всего с нулевого цикла.

— Бегут, — подслеповато щурясь, молвила Априя, вглядываясь, как и я, в поисковые группы, по пояс в воде среди руин рыскавшие по моему наказу вдоль всего периметра дамбы.

— Ваше благородие, ваше благородие! — Ко мне подбежал чумазый мужичок в промоченных водой портках. — Нашли, ваше благородие, сейчас принесем!

Принесли.

Это был он. Вернее то, что от него осталось. Обглоданный скелет с жалкими ошметками плоти в изодранной мантии. Мой Дако. Мой учитель и наставник. Одежда, пару украшений и амулетов, вот и все, что осталось от него.

— Здравствуй и прощай, Валентин. — По щекам старушки побежали слезы.

Мы похоронили его в последний день лета. Хороший день. Солнечный, с высоким и ясным небом. Не много было народа на прощании, саму могилку сделали в саду Лисьего рядом с пышными шапками роз, неподалеку от той лавочки, где он любил коротать деньки, поучая нерадивую молодежь и наставляя ее на путь истинный.

Спасибо тебе, старик, за твою науку, ты открыл для меня новый мир, ты один для меня сделал больше, чем бы я этого заслуживал. Спасибо тебе. Я буду, пока жив, помнить тебя и ценить все те слова, что ты успел вложить мне в голову, ты был достойным человеком, и я лишь жалею об одном, что не успел тебе сказать этих слов при жизни.

Спасибо.

Прощай.

— Ульрих, подожди. — После похорон ко мне подошла Нона, беря под

руку. Невзирая на километры, она не поленилась прибыть ко мне. — Я хотела бы поговорить с тобой перед твоим отъездом.

— Что-то важное? — Я с трудом, но шел уже на своих двоих, тяжело опираясь на презент со стороны Десмоса в виде красивой черной трости.

— Не знаю. — Она потупила взор, явно смущаясь. — Реши сам.

— Говори, Нона. — Я кивком показал на одну из лавочек в саду, где мы присели рядышком.

— Я хотела бы, прежде всего, сказать тебе спасибо, — начала она, не поднимая головы. — Я много думала о том, что произошло со мной за последнее время, и должна попросить у тебя прощения за свое не слишком-то хорошее поведение.

— Не надо, Нона. — Я положил свою руку на ее. — Не надо просить прощения, я ведь понимаю, что мы оба в данной ситуации были заложниками. Увы, не все и не всегда получается в жизни так, как нам бы хотелось.

— И все же! — Она блеснула глубиной своих карих глаз. — Я вела себя недостойно по отношению к тебе! Если бы не ты, кем бы я была до сих пор? Мелким уродом, жалким огрызком человека, достойным только жалости или презрения! Я не жила по-настоящему все эти годы, я выживала, постепенно скатываясь в темную бездну своей души! Прошу, не перебивай! Я хочу, чтобы ты понял меня и принял. Лишь здесь, рядом с тобой я по-настоящему стала свободной и за долгие годы впервые и вновь стала учиться жить счастливо и с удовольствием.

— Спасибо, Нона. — Я сдержал улыбку, чтобы не блеснуть зияющей дырой во рту в том месте, где когда-то у меня были зубы. — Мне приятно слышать эти слова, и еще больше удовольствия я испытываю оттого, что мы стали с тобой друзьями. Я думаю, нам обоим это нужно будет в будущем.

— Будущем? — Она вновь опустила взгляд. — Ты ведь уезжаешь.

— Это ведь не значит, что я не вернусь. — Я тяжело вздохнул, сам понимая, что возможен и подобный исход дела. — Впрочем, и мне, наверно, в этом случае стоит сказать тебе, что я горд быть твоим, пусть и случайным, мужем. Что бы тебе ни говорили, что бы ты сама ни думала о себе, тебе стоит знать, я считаю тебя очень умной и красивой девочкой. Ты действительно молодец, ты не простой человечек, ты сильная и волевая, а еще я верю в тебя. Я верю тебе, и потому совершенно спокойно оставляю все это, всю свою землю в твоих руках.

— Спасибо, Ульрих. — Она обняла меня, приложившись мягкостью нежных губ к моей щеке. — Для меня важно было услышать твои слова.

Ну а через день все наполнилось хлопотами сборов и суеты. Барон Ульрих фон Рингмар покидал свои земли, собирая длинную вереницу телег со всевозможным своим скарбом, коего, надо сказать, было предостаточно. Еду-то ведь в столицу, да и сам по себе путь неблизкий. По самым оптимистическим прогнозам, месяц чистого пути, если успеем до осенних проливных дождей, ну а если нет, то еще путь растянется недели на три, если не больше.

Суета, правда, пока не касающаяся меня. Сижу себе тихо в саду вспоминаю, думаю, что-то даже по привычке чиркаю и записываю на будущее. Грустно, в эти последние дни мне стало как-то грустно и одиноко, я опять вынужден был покидать то место, где, казалось бы, пусть и не надолго, обрел какие-то призрачные крупницы счастья, возможно даже надуманное тепло домашнего очага, где бы меня кто-то ждал и любил. Многого хочу? Наверно.

— Смотрю, барон, вы тоже наконец-то разжились новыми ногами? — Красивый бес, что ни говори, а есть в Десмосе грация и возвышенность, что обычно люди приписывают аристократии. Он, как и я, вновь возвращался к жизни после полученных травм. Заботливый уход бабуль за этим вампиром принес долгожданные плоды, папа вампирского гнезда вновь обрел свои конечности, свою учтивость, манеры и способность подкрадываться ко мне в самый неожиданный момент, благодаря моей утрате незаменимого помощника Мака.

— На вечернюю прогулку вышли, граф? — Я ответил ему улыбкой. — Прошу, присаживайтесь, всегда рад вашему обществу.

— Благодарю, мой юный друг. — Он элегантно присел рядышком, закинув ногу на ногу. — Вы позволите, барон, затронуть некоторые аспекты последних дней и последней истории, случившейся в этих землях?

Вот чертяка языкатый, умеет же, шельма, словами играть красиво! Может, и вправду граф какой-нибудь в далеком прошлом?

— Давайте попробуем, — киваю я ему. — Потрогать эти самые ваши аспекты.

— Прежде всего, я хотел бы сказать вам, что вы правы. — Он перекинул ногу, задумчиво изучая состояние своих ногтей на правой руке. — Не должно быть преступления без наказания, и не должно быть прощения без раскаяния. Я немало пожил на этом свете, юноша, я не являюсь носителем истины или же кристально-чистой совести. Я убийца. Но!

Он многозначительно вскинул указательный палец, сознательно затягивая театрально наигранную паузу.

— Но при всем при этом, я понимаю и отдаю себе отчет в том, что нельзя, а что можно! — Он опустил руку, переведя свой взгляд куда-то вглубь сада. — Не всем и не каждому дано понимание этого. Вы были правы во всей этой ситуации, барон, когда не пошли на попятную и не побоялись огласки чужого мнения. Причем, насколько мне дано понимание вашей сущности, наперекор своей душе, своей совести и принципам.

— Это было нелегко тогда и, даже больше, мне нелегко и сейчас, — ответил я, откладывая в сторонку свои записи и так же задумчиво обозревая предосеннюю пышность сада. — Впрочем, граф, я стараюсь не беречь эту рану, пусть заживает, хватит, я и так довольно настрадался в последнее время. И да, вы правы, прощение без раскаяния будет пустым и никчемным, оно ничему не научит и ни о чем не скажет тем, кто будет жить потом после нас.

— Тем, кто будет жить потом, после нас, — повторил задумчиво он, пробуя мои слова на вкус. — Да, сударь, вы правы.

— Надеюсь мой друг, надеюсь. — Я невесело усмехнулся. — Иначе даже не знаю, как жить дальше.

Мы замолчали, более не нарушая покоя тихой поступи меркнувшего дня. Завтра я уезжаю, уезжаю, возможно навсегда, из этого места, которое стало мне домом. Хотелось бы остаться? Не знаю, возможно, при других обстоятельствах, при другом раскладе и с меньшими потерями на этом отрезке жизненного пути. Но теперь... Теперь я уезжаю, и меня ничего более не ждет за спиной, я вновь иду куда-то, чтобы начать свою жизнь сначала. Так уже было, и дай мне небо сил повторить все вновь.

Повторить... все и вновь...

30.06.2013 г.